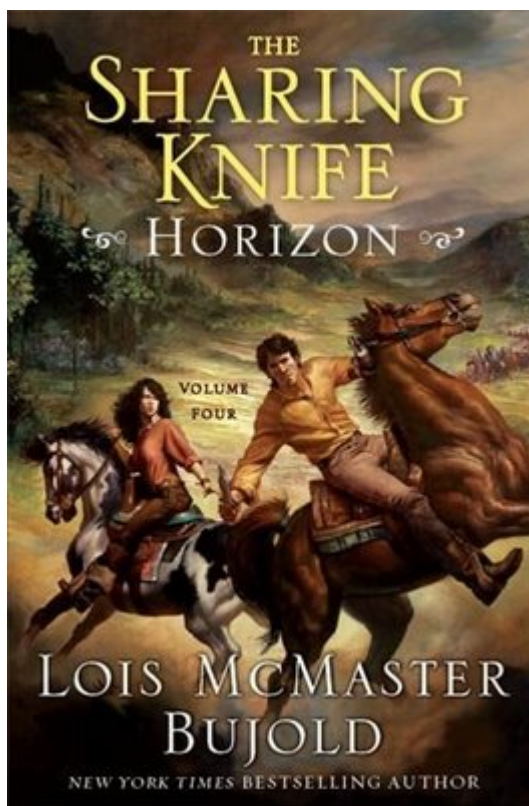

Лоис Макмастер Буджолд Горизонт

Разделяющий нож – 4

<http://redkaya-kniga.ru/all/horizon/>

Лоис Макмастер Буджолд Горизонт

Глава 1

Рыночный день в Подводном городе был в полном разгаре. Нос Фаун распирало от сильных запахов: рыба, моллюски, всякая живность с извивающимися лапками, похожая на гигантских раков, обмотанных водорослями; жареный «хворост», вареные крабы, сушеные фрукты, сыры; стопки не слишком хорошо стиранной поношенной одежды; цыплята, козы, овцы, лошади. Со всем этим смешивались речные ароматы Серой, растянувшейся так далеко, что ее дальний берег выглядел размытым пятном в зимнем утреннем свете.

Свинцовая вода мерцала в тишине вдали от яркого пятна занятой толпы, собравшейся под утесами, которые отделяли Верхний город Греймаута от более шумного — и, Фаун должна была признать, более вонючего — берега. Глиняные мели были исчерчены пристающими к берегу баржами, лодки готовились к отплытию, а рыбацкие и прибрежные судна приходили и отплывали уже несколько более в ритме все-еще-в-десяти-милях-отсюда моря, чем в речном. Улочки криво петляли вокруг складов, рыбацких таверн и времянок, построенных из разобранных барж или, иногда, не разобранных, а приведенных к берегу целыми на колесах скотом и уложенными на землю. Владельцы последних клялись быть готовыми к следующему наводнению, безуспешно пытающемуся смыть запахи и суету Подводного города в море, пока Верхний город смотрел свысока, не замочив подола. Такая жизнь казалась очень странной. Должна ли она продолжать думать о скалистом ручье,

текущем у подножия ее семейной фермы, как о реке?

Фаун подхватила корзину повыше, ткнула локтем своего провожатого Ремо и сказала, указывая:

— Смотри! Еще несколько новых Стражей Озера появилось здесь этим утром!

На другой стороне площади, где все более крупные животные были выставлены их оптимистичными владельцами, двое женщин и мужчина хлопотали вокруг полудюжины длинноногих лошадей. Все трое были одеты как Стражи Озера: штаны для верховой езды, крепкие ботинки, рубашки и кожаные куртки и жакеты, чем-то неуловимым отличающиеся от одежды крестьян вокруг. Самым отличительным были их волосы, уложенные в украшенные прически, высокий рост и заметное неудовольствие от окружения большим количеством людей, никто из которых не был Стражем Озера. Фаун гадала, глядя в отражение, понимает ли кто-нибудь еще здесь, что чопорность неприятна, или все вокруг думают лишь о презрении с задранном носом. Когда-то и она бы увидела это таким же образом.

— М-м, — сказал Ремо без энтузиазма, — полагаю, ты захочешь подойти поговорить с ними?

— Конечно, — Фаун поволокла его к дальнему концу рынка.

Мужчина вывел лошадь и придерживал ее для крестьянина, который, нагнувшись, щупал ей ноги. Две молодые женщины наблюдали за Фаун и Ремо, пока те приближались; их глаза несколько расширились от вида Ремо, чей рост, одежда и длинные черные волосы, уложенные в прическу, выдавали в нем дозорного Стража Озера. Уловили ли они Даром родственника-чужака, или их Дар был заперт от мучительного шума Дара окружающих крестьян?

Южные Стражи Озера, которых встречала Фаун, обладали более светлой кожей и волосами, чем их северные кузены, и эти двое не были исключением. Женщина повыше... девушка — она казалась не слишком-то старше Фаун, каким-то образом — носила волосы заплетенными в одну толстую светлую косу, напоминающую рысий мех. Ее серебряно-голубые глаза ярко блестели на прекрасном лице цвета кости.

У женщины пониже были красно-рыжие волосы, уложенные венком вокруг головы, и медного цвета глаза. Ее круглое лицо было усыпано веснушками. Фаун подумала, что они могут быть напарниками в дозоре, как Ремо и Барр; едва ли это были сестры.

— Доброе утро! — радостно поздоровалась Фаун, глядя на них. Верхушка ее собственных темных кудрей приходилась примерно посредине груди Ремо, и не сильно выше у женщин. В почти девятнадцать Фаун оставила надежду подрасти еще на несколько дюймов кроме как в ширину и смирилась с постоянным растяжением связок шеи.

Рыжеволосая женщина кивнула в ответ; блондинка, казалось, пребывала в неуверенности как воспринять странную пару, поэтому ответила куда-то посредине между ними:

— Доброе утро. Вам нужны лошади? У нас есть несколько действительно хороших рысаков. Сильные копыта. Из тех, что легко пронесет всадника весь путь до Трипойнтского тракта и в жизни не захромает. — Она показала рукой на лошадей, хорошо вычищенных несмотря на зимнюю шкуру. Те смотрели назад и прядали мохнатыми ушами. Позади них Страж Озера водил лошадь взад и вперед перед крестьянином, который стоял, уперев руки в бока и придиричиво хмурясь.

— А я думала, Стражи Озера продают крестьянам только тех, что похуже, — сказала Фаун невинно. Рыжая слегка поморщилась — слегка виновато, нежели оскорбленно, подумала Фаун. Те еще торговцы лошадьми... Подавив усмешку, она продолжила: — Конечно, не сегодня. Я вот думаю, из какого лагеря вы родом? И есть ли у вас там хорошие целители?

Блондинка ответила немедленно, заученным тоном:

— Стражи Озера не лечат крестьян.

— О, я все об этом знаю, — Фаун откинула голову. — Я спрашиваю не для себя.

Две причесанные головы повернулись к покрасневшему Ремо. Он ненавидел краснеть, по его словам, потому что неловкость этого заставляла его краснеть еще более, чем настоящая причина. Фаун с восторгом наблюдала за все более темнеющим цветом его лица. Она не могла почувствовать вспышку вопрошающего Дара, но у нее не было сомнений, что пара прибегла к нему сейчас.

— Нет, я также не болен, — сказал Ремо. — Это не для нас.

— Вы двое вместе? — спросила блондинка, сузив серебряные глаза менее дружелюбным образом. Вместе как любовники, предположила Фаун, имелось в виду — чего Стражи Озера категорически не принимали по отношению к крестьянам.

— Да. Нет! Не в этом смысле. Фаун — друг, — сказал Ремо. — Жена друга, — добавил он торопливо со значением.

— В любом случае мы не можем вам помочь. Целители не возьмется с крестьянами, — поддержала рыжая подругу.

— Даг — Страж Озера, — Фаун повела плечом, удерживаясь от того, чтоб схватиться за свадебную тесьму, охватывающую ее левое запястье под рукавом. Или выставить ее напоказ, что привело бы к вечным объяснениям и доказательствам ее неподдельности. — И он не болен. — «Вот именно». — Раньше он был дозорным, но сейчас думает стать мастером. Он уже много знает, и кое-что может делать сам, некоторые удивительные штуки. Вот почему ему нужен учитель — помочь ему со следующим шагом. — «Каким бы он ни был».

На придиричивый взгляд Фаун, Даг и сам этого не знает.

Блондинка повернула сконфуженное лицо к Ремо:

— Вы ведь не отсюда, да? Вы дозорный по обмену?

— Нита, — сказала рыжая, горделивым жестом указывая на блондинку, — всего лишь два года как по обмену дозором из Лутлии.

Блондинка скромно пожала плечами.

— Ты не должна говорить об этом каждому, кого мы встречаем, Тавия.

— Нет, я вовсе не по обмену, — сказал Ремо. — Мы спустились из Олеаны на барже примерно неделю назад. Я, гм, я...

Фаун с мрачным интересом ждала как он себя опишет. Сбежал из дома? Дезертировал? Присоединился к командиру Дагу Без Лагеря в ослоголовой кампании по спасению мира от него самого?

Он сглотнул и отступился:

— Меня зовут Ремо.

Наклон украшенной венком головы и живой жест пригласил его продолжить названиями его шатра и лагеря, но он лишь едва сжал губы в неубедительной улыбке. Тавия пожала плечами и продолжила:

— Мы спустились вниз из лагеря Русло Новолуния вчера, чтобы распродать нескольких лошадей и подобрать курьера с недельной почтой, — явно идентифицируя себя и свою напарницу и ту высокую, темную, северную чужачку как дозорную, перевозящую почту между лагерями, что являлось задачей дозорных.

Фаун гадала, узнает ли она флирт дозорных, если столкнется с ним, и будет ли он так же страшен, как юмор дозорных.

— Лучший целитель в этих местах живет в Новолунии, — продолжила Тавия, — но не думаю, чтобы он брал подмастерьев.

— Это, должно быть, Аркадий Уотербич? — рискнула спросить Фаун. — Его еще называют «наладчиком Дара»? — Последнее было для Фаун новым словом, но у местных Стражей Озера был, казалось, их большой запас. Когда рыжая подняла брови, Фаун объяснила: — Последние несколько дней я поспрашивала вокруг всякий раз, как видела Стража Озера на рынке. Они всегда начинали рассказывать о целителях в своих лагерях, а сводилось все к этому парню, Аркадию.

Тавия кивнула:

— Звучит разумно.

— А почему он не берет подмастерьев? — упрямо спросила Фаун. Все целители, которых она встречала до этого, были очень охочи до новых талантов в их деле. Ну, пока эти таланты не обнаруживались в крестьянской невесте. — Может, у него полный набор? — добавила она сочувливо. — Не то чтобы Даг обязательно хотел стать подмастерьем. Он мог бы просто... хм... побеседовать.

Две женщины обменялись сдержанными взглядами. Нита сказала:

— Не думаешь ли ты, что Аркадий может искать нового подмастерья как раз сейчас?

— Не уверена. Он был очень расстроен из-за Суто. У него была куча неприятностей из-за него.

— Его ведь даже там не было!

— Полагаю, это и есть самое обидное.

Не будучи уверенной, что девушки станут объяснять слухи лагеря какой-то крестьянке, Фаун толкнула Ремо. Тот бросил на нее измученный взгляд, но добросовестно спросил:

— А что случилось?

Тавия потеряла свой круглый подбородок и нахмурилась:

— Пару месяцев назад одного мальчика в Новолунии как следует покусал аллигатор. Когда его друзья прибежали в шатер к целителям, Аркадий отлучился проведать другого пациента, поэтому к мальчику пошел его подмастерье Суто. Он объединил с ним свой Дар и умер от шока, когда умер мальчик.

Ремо моргнул; Фаун подавила холодок внутри. Ремо сказал:

— Неужели никого не было, чтобы вытащить его?

— Мать мальчика, но она слишком долго ждала. Другие мальчики... Но они, конечно, не поняли. Было много осложнений, после, между родителями мальчика и родственниками Суто, но сейчас все это, в основном, улеглось. Аркадий берег себя.

— Не то чтобы была заметна разница, — сказала Нита. — Он всегда был угрюмым как мастер по ножам. Может быть, новый подмастерье придется ему по душе. — Она улыбнулась Ремо. — Думаю, твой друг может спросить. Но ты его лучше предупреди, что старик Аркадий хм... иногда трудный.

— Да? — Ремо отвесил Фаун иронический взгляд. — Это очень интересно.

Две девушки из Русла Новолуния представили себе Дага как юного дозорного, такого, как Ремо, поняла Фаун. Она решила не пытаться объяснять еще более сложные аспекты ее мужа Стража Озера. Он ведь не изгнан, не в самом деле...

Мужчина из Новолуния закончил подсчитывать монеты от крестьянина в бумажнике, шлепнул лошадь по крупу в дружественном прощании, когда ее повели прочь, и повернулся к своим компаньонам. Фаун вспомнила, что ее рыночная корзина должна будет солидно наполниться и стряхнула ее Ремо, чтобы с этого времени он нес покупки.

— Ну что ж, спасибо, — Фаун сделала книксен. — Я передам.

К ней вернулось два кивка, приятный от девушки поменьше ростом, несколько неохотный от высокой блондинки, однако обе наблюдали за Ремо заинтересованными взглядами, когда Фаун вела его прочь через всю площадь — еще раз. Их внимание вскорости отвлек другой потенциальный покупатель, глазеющий на лошадей.

Ремо глянул назад за плечо и вздохнул с сожалением:

— А Барр бы быстро их очаровал до снятия носков.

Ямочки Фаун стали заметнее.

— Только лишь носков? Я думала, Барр был бы более целеустремлен. По меньшей мере, он сам сказал бы именно так.

Ремо покраснел вновь, но запротестовал:

— Эти девушки — дозорные. Они бы держали его в строгости, — и после долгого, печального молчания добавил: — если бы захотели.

Фаун потрясла головой, улыбаясь.

— Ну же, Ремо, улыбнись. Нам свадьбу готовить нужно.

Яркое пятно привлекло ее взгляд, и она пошла вдоль тележки с фруктами, чтобы сторговать коробку сушеной хурмы и ярких круглых апельсинов, упакованных в солому. Оба этих впечатляющих южных фрукта она попробовала впервые всего лишь несколько дней назад. Еще одна женщина из Греймаута продала Фаун банку мелассы, сладкой как кленовый сироп, который готовили на ферме Блуфилд каждую весну — только с более сильным, странным запахом. Она прекрасно пойдет с бисквитами, подумала Фаун, или, может быть, с чем-то более привычным, чем последняя бочка сморщенных яблок, которая проехала с ними весь путь от Олеаны.

— Так, — задумчиво сказал Ремо, когда они прокладывали дорогу к следующему продавцу из мысленного списка Фаун, — если Даг столь сильно хочет найти себя как целитель, почему он сам не поспрашивает вокруг?

Фаун задумчиво покусала губу.

— А ты слышал, чтобы он говорил об этом?

— О, конечно, пару раз.

— Мне он говорил об этом еще больше. Но Даг — тот, кто делает дело, а не говорит о нем. Так что если он продолжает болтать, но не делает... то мне кажется, что-то где-то не то.

— Что?

Ее шаги замедлились.

— Он напуган, я полагаю.

— Даг? Ты шутишь?

— Не физически напуган. Какой-то другой вид страха. У меня для него нет слов, но я могу его почувствовать. Напуган потому, что он не может получить нужные ему ответы, может быть. — «Или потому, что получит ответы, которых ему не нужно».

— Хм, — сказал Ремо с сомнением.

Когда они направлялись обратно к берегу реки и вверх мимо ряда барж, где была привязана «Надежда», мысли Фаун вернулись к ужасной истории подмастерья с пойманным в ловушку Даром. Все верно, это мог быть Даг. Мальчик в опасности, отчаянная битва за выживание — не важно, что это не напарник, он бы нырнул и не вышел. У него это даже не было подвигом. Это была бы проклятая привычка.

Когда Даг впервые заговорил о том, чтобы оставить дозор и заняться медициной для крестьян, Фаун это показалось чудесным планом: это было бы безопасной работой, не отрывало бы его от нее, и он мог бы заниматься этим сам, без других Стражей Озера.

Без других Стражей Озера, которым бы потребовалось принимать ее, скажем прямо. И все эти обещанные плюсы при более близком рассмотрении оказались неверными.

У меня мысли как запутанный клубок, жаловался ей Даг. Что, если это были не только его мысли? Что, если это был его Дар в том числе? В том не было бы ничего удивительного после всех тех случайных манипуляций Даром, которые предпринимал Даг в последнее время. Чудеса и ужасы. Может быть, ему действительно нужен другой целитель, чтобы помочь выпрямить это все?

«Наладчик Дара». Фаун покатила эти слова у себя в сознании. Они звучали загадочно и многообещающе. Ее подбородок нырнул вниз в твердом кивке, пока ноги несли ее по сходням «Надежды».

* * *

Мощеная дорога из нижней в верхнюю половину Греймаута обвивалась вокруг дальних концов длинного утеса, но несколько цепочек ступеней зигзагами взбирались на крутой склон весьма захватывающим дух образом. Они были построены, несомненно, из обломков старых барж, и были достаточно широкими, чтобы пройти по ним вчетвером. Даг повернул голову, чтобы бросить быстрый взгляд на занятый берег, лежащий внизу, с блестящей рекой, уходящей в туман в обе стороны. Он вдохнул послеобеденный холодный воздух этого зимнего дня, обозревая толпу людей вокруг, явившихся затем, чтобы официально стать

частью его, ну... семьи, предположил он. Шатра Блуфилд. Рост его был кардинальным за недели их бедственных приключений. Даг был почти шокирован, когда оглянулся и увидел, как далеко они зашли, и вовсе не в речных милях. Даже в этом были они все.

Участники вечеринки на «Надежде» забирались наверх по двое. Впереди хрипел дядя Берри Бо, корявый речник, единственный член семьи молодой хозяйки «Надежды», вернувшийся в Клиркрик, который вызвался помочь ей в долгом путешествии. Около него шумел Хог, готовый подхватить Бо — но Даг заметил, что хрипы его обманули: Бо был таким же крепким, как старый кожаный ботинок, который он напоминал, и ножевая рана, полученная им в живот, была уже почти полностью вылечена. Хог после их совместных приключений стал куда более чем просто матросом, и был практически принят в семью «Надежды».

Одиннадцатилетний брат Берри, Готорн, шел следующим. На его плече сидел его ручной енот, и оба, мальчик и зверек, с осмысленным любопытством нюхали воздух вокруг. До этого было некоторое количество споров, подходит ли енот для украшения свадьбы, но зверек проехал с ними весь путь от Олеаны и за эти недели стал чем-то вроде корабельного талисмана. Даг лишь порадовался, что никто не расширил спор на козу Дейзи, такую же верную и куда более полезную. Запястья Готорна торчали из рукавов его рубашки более, чем помнил Даг с момента их первой встречи, и вряд ли это села его одежда, особенно с учетом редкости ее стирки. Когда его соломенная голова в конце концов перерастет его сестру Берри, он станет впечатляющим молодым человеком. Еще три года, сказал бы Даг; вечность, взвыл бы Готорн, а Даг попытался бы вспомнить время, когда три года казались вечностью.

Следом поднималась сама невеста; ее поддерживала Фаун. Несколько раньше этим утром Фаун провела долгое время, укладывая своими ловкими пальчиками прямые волосы Берри, обычно завязанные узлом на затылке, в прическу, похожую на свадебные прически Стражей Озера. Где-то на рынке Подводного города Фаун нашла свежие зимние цветы, причем Даг не мог точно сказать, росли ли они в этом южном климате или были выращены в теплицах. Она уложила все крупные белые соцветия вокруг соломенно-золотистого узла Берри и вплела побеги плющом в шелковистый водопад волос позади. Свои собственные волосы она собрала в задорный хвост в короне из веточек красных цветов, которые, казалось, светились в темных кудрях. Взбираясь позади обеих девушек, Даг наслаждался эффектом. У них не было времени для свадебного платья в этих торопливых приготовлениях к свадьбе так далеко от дома, но вчера на «Надежде» было много стирки после того, как Фаун вернулась с рынка вместе с Ремо. Вся их одежда, может быть, была потрепанной и поизносившейся в путешествии, но зато чистой и починенной.

Когда они достигли поворота лестницы и сменили направление, маленькая ручка Фаун стиснула руку Берри в жесте ободрения. Закаленные работой пальцы Берри казались неожиданно холодными и слабыми. Даг видел, как Берри с мужеством встречала беснующиеся рыбные косяки, мели с топляками, грубых моряков, прониыр-торговцев, убийц-бандитов, поножовщину, несчастье, виселицу, паводок и отлив, устроенный речниками. Так что любой, кто посмел бы хихикать над ее предсвадебным волнением... никогда не женился сам, решил Даг.

Брат Фаун, Вит, поднимающийся рядом с Дагом, весело хихикал над сестрой и Дагом шесть месяцев назад, когда они связали свои узлы в Вест-Блу. Сейчас он не смеялся, и уголки рта Дага приподнимались уже только из чистой справедливости момента. Никто, глядя на Фаун и Вита вместе, не воспринял бы их иначе, как брата и сестру даже когда они молчали. У обоих были одинаковые темные кудри и чистая кожа, и пусть даже Вит был выше Фаун на голову, он все равно был коротышкой Блуфилдом. Более высоким он едва ли станет, но его плечи были достаточно широкими, как свидетельствовала об этом его туго натянутая рубашка.

И, хоть он не потерял своего все-еще-иногда-раздражающего юмора, его глаза стали более серьезными, более задумчивыми; более чем единожды в последнее время Даг видел его готового выпалить остроумную — или полоумную — шпильку, но останавливающегося

и проглатывающего ее вместо того. Он также прошел длинный путь от Вест-Блу.

Но достаточно ли, чтобы быть готовым к собственной свадьбе? Нет, возможно нет; да и мало кто был бы. Достаточно ли, чтобы быть готовым ко всем последующим дням? Это также был вопрос обучения в процессе, по опыту Дага. «Но я думаю, он ее не предаст». Он ободряюще улыбнулся своему... зятю, словами крестьян, брату по шатру, если говорить названиями Стражей Озера, и подумал, что Вит прошел испытания обоих этих ролей. Вит расправил плечи и оскалился в ответ.

Позади Дага, длинные ноги Ремо и Барра вместе перепрыгивали некоторые из коротких неровных ступенек по две за раз. Про них также вряд ли было бы большим удивлением для Дага думать сейчас как о части их забавного семейного шатра, наполовину крестьянского, наполовину состоящего из Стражей Озера, по крайней мере Даг вполне мог представить обоих напарников как своих дозорных. С таким же трудом, как и обстоятельства их нынешнего пребывания здесь, но Даг был рад, что они оказались связаны с его маленьким отрядом, как бы его ни называть. Один Страж Озера в среде крестьян был странностью.

Три были... может быть, началом.

Все они отправились пешим путем в Верхний город. Даг смотрел вокруг с интересом, это была его первая прогулка на утес по ступенькам. Сегодня было почти безветренно в жидком свете, но Даг представлял, что в разгар лета Верхнему городу доставались бы все mosquito-сдувающие бризы. Улицы, более сухие, чем те, внизу, были менее грязными; они были выложены из аккуратных блоков с полосами дощатых настилов — укороченными бывшими баржами, без сомнения. Дома и строения выглядели солидными, менее хаотичными собранными вместе и без пятен, оставшихся от потоков.

Люди казались не столь разными: владельцы кораблей и торговцы, рулевые и гуртовщики, корчмари и конюхи; некоторые женщины казались одетыми лучше, по крайней мере, более благоразумно, чем яркие наряды девушек с плавучих борделей, стоящих на якоре вдоль Подводного берега.

Офис клерка здесь был не первой комнатой в каком-то деревенском доме, как Даг помнил по крошечному Вест-Блу, но отдельным зданием в два этажа высотой, построенного из крепкого кирпича, возможно, приплывшего вниз по реке из Глассфорджа в далекой Олеане. Фаун указала на кирпич Хог; тот широко улыбнулся, узнав его, и кивнул. Команда «Надежды» неуклюже поднялась на крыльцо и зашла внутрь.

Берри и Вит осмелились прийти сюда три дня назад, чтобы зарегистрировать свои семейные намерения и выполнить предписания клерка — город нанимал нескольких, как понял Даг. Большая, загруженная комната справа от холла занималась кораблями и флотовым бизнесом; слева — земельными записями. Берри и Вит оба сглотнули, схватились за руки и пошли по лестнице вверх в маленькую, более тихую комнатку.

В несколько пустой комнате наверху стоял письменный стол; там было окно и полдюжины деревянных стульев, придвинутых к стене, что было совершенно недостаточно для экипажа «Надежды». Хог видел, как Бо занял сиденье вместе с Фаун и Берри. Даг оперся плечом о стену и скрестил руки, и Барр и Ремо, поглядев на него, сделали так же.

Ожидание не было ни длинным, ни дискомфортным. По крайней мере, не для Дага. Но он не поручился бы за Вита, который все поправлял воротник своей рубашки.

Через несколько минут в комнату вбежал мужчина, несший большую книгу записей и лист бумаги. Даг сказал бы, что он всего на десяток лет старше Вита и Берри; он мог бы быть опрятным торговым клерком, работающим с владельцами товаров. Увидев Дага, он резко остановился и с тихим «ух» отступил назад. Его глаза пробежались по крюку, заменяющему Дагу левую руку, по длинному ножу на его поясе, поднялись обратно к его коротко обрезанным непослушным волосам, осмотрели Барра и Ремо с их более явными прическами и облачением Стражей Озера. Обе — длинные темные волосы Ремо и короткие каштановые косички Барра были декорированы по случаю украшениями из акульих зубов и жемчужных раковин.

— А, — сказал клерк Дагу, — помочь вашим друзьям найти нужную комнату? Здесь

назначена регистрация брака вскорости для команды Блуфилдов.

— Да, мы часть именно этого дозора, — дружелюбно ответил Даг. Он кивнул в сторону Берри и Вита, которые вскочили на ноги, нервно улыбаясь.

Собеседник Дага, оказавшийся все же клерком, оторвал взгляд от Стражей Озера, взглянул в свою бумагу и спросил:

— Вайтсмит Блуфилд и Берри Клиркрик?

Оба наклонили головы; Вит выпрямился и сказал:

— Меня больше называют Вит.

— Я клерк Бейкербан, — сказал клерк. Он пожал руку Виту и, после краткого взгляда на Фаун, кивнул Берри. — Как поживаете, мисс Клиркрик? — Он выложил свою большую книгу на стол. — Ну что ж, мы можем приступить. У каждого из вас есть главные свидетели?

— Да, — сказала Берри. — Это мой дядя Бо, и это мой маленький брат Готорн. — Оба поднялись и кивнули, Готорн крепко придерживая енота, издающего звуки ленивого протеста.

Вит добавил:

— Да, а это моя сестра Фаун и ее муж, Даг Блуфилд, — его жест, указывающий на Дага, заставил клерка заморгать.

— Извините, я думал вы Страж Озера, — сказал клерк Дагу. Он посмотрел в золотые глаза Дага: — Постойте, так вы и есть Страж Озера!

Вит повысил голос, чтобы перебить неминуемый поток вопросов:

— А это Хог, Ремо и Барр, друзья и матросы с «Надежды», баржи Берри из Клиркрика, Олеана. Они тоже подпишутся как свидетели. Она плавала под управлением хозяйки Берри вниз по реке, между прочим. — Он гордо улыбнулся своей нареченной. Обычно у Берри была широкая усмешка, делавшая ее лицо похожим на добродушного хорька; сейчас ее улыбка была несколько натянутой из-за нервов.

Клерк посмотрел на Готорна, который улыбнулся ему в обычном стиле Клиркриков.

— Э-э... молодой человек выглядит так, что ему еще нет двадцати лет. Он не может быть свидетелем, не в Греймауте.

— Но Берри сказала, я могу подписать. Я учился! — запротестовал Готорн. Он высвободил одну руку из-под толстого спящего енота и помахал заляпанными чернилами пальцами в доказательство. — Сейчас, когда Бакторн и папа были убиты, я ее единственный брат!

— Я пообещала, что он сможет, — сказала Берри. — Я не знала. Извини, Готорн.

Бо добавил грубовато:

— Ой, да ладно, пусть малец подпишет. Вреда от того не будет, а для него это много значит. Для них обоих.

— Ну... — клерк выглядел удивленным. — Не думаю, что так можно. Это может скомпрометировать юридическую силу документа в случае, если он будет поставлен под сомнение.

Даг нахмурил брови. Обычаи крестьян иногда ужасно сбивали с толку. Все эти бумаги, чернила, суета вокруг имущества и свидетелей... Он подумал о своем свадебном браслете, обвившемся вокруг его предплечья, скрытом под рукавом куртки, спряденном собственными руками Фаун и содержащем внутри частицу ее живого Дара, доказательство их союза для любого, владеющего Даром. Она же носила его близнеца, выглядящего как волосяной браслет, выглядывающего из-под рукава рубашки, на своем левом запястье. Браслет жужжал от кусочка Дара Дага в ответ. Не что любой лагерь Стражей Озера не ухватился бы за свадьбу как за повод для вечеринки, и не то чтобы родственники по шатру с обеих сторон не вмешивались до тех пор, пока вы уже были готовы обернуть пару запасных шнурков вокруг их шей и завязать потуже, но в конце концов, брак заключался единственно между двух людей, наблюдающих изменения внутри себя. Даже если пара оказывалась среди чужаков, браслеты безмолвно свидетельствовали за них.

— Не обращай внимания, Готорн, — сказал Вит расстроенному мальчику. — Я куплю

Берри и себе новую семейную книгу, для начала, и ты сможешь там расписаться. Потому что это будет наше, а не принадлежащее этим с Греймаута. — Он добавил, обращаясь к Берри. — Это будет мой первый свадебный подарок тебе, дорогая.

Ее бледное лицо осветила настоящая улыбка.

Вит полез в сумку с одеждой, которую нес, и вытащил большой том, обитый новой кожей того сорта, в которой хранят свои записи торговцы товарами. Он положил ее на стол и открыл на первой чистой белой странице. Даг вспомнил семейную книгу, которую видел в Вест-Блу, на три четверти заполненную записями о свадьбах, рождениях и смертях Блуфилдов, продажах, обменах и покупках земель и животных, в которую он и Фаун и по этому случаю Вит внесли свои имена как участники и свидетели. Этот том был последним в серии, уводящей назад на более чем двести лет. Остальные аккуратно хранились в сундуке в комнате. Драгоценные семейные книги передавались в наследство вместе с самой фермой старшему брату Вита и Фаун и его невесте.

Как четвертый сын, Вит был сам по себе. И, предположил Даг, сейчас он об этом не сожалел.

Фаун измерила толщину книги в добрых два пальца и улыбнулась:

— Амбициозно, Вит!

Готорн осмотрел ее с одобрением, явно успокоенный. Будут ли тогда старые семейные книги Клиркриков переданы Готорну, а не Берри? Все это было полностью отлично от образа жизни Стражей Озера, где старшая дочь унаследовала семейный шатер у своей матери.

— Хм, — сказал клерк тоном сомнения, но не стал препираться.

Он положил свою собственную большую книгу с клеймом Греймаута на кожаной обложке на стол возле Вита и открыл ее на новой странице.

— Раз я должен сделать две копии, нам лучше начать. — Он сел за стол, поставил перед собой чернильницу, закатал рукава, выбрал перо из банки и вновь посмотрел на Берри и Вита. — Назовите ваши полные имена, имена ваших родителей и место проживания — или, если они умерли, места их захоронения, даты вашего рождения, места рождения и профессии.

У них ушло несколько минут на то, чтоб дважды записать все это. У парня красивый почерк, решил Даг, наклонившись взглянуть. Правда, с момента как Бейкербан прекратил писать и в тревоге уставился за плечо, Даг вернулся к своей позе у стены. Берри назвала своей профессией «капитан» и, после некоторой паузы, «скрипач»; Вит, поколебавшись, сказал «матрос», а не «фермер». Даг порадовался тому, что почти слышит «цванг!», с которым разорвалась последняя связь Вита и Вест-Блу.

— Дальше, клянетесь ли вы в том, что у вас нет препятствий? Других помолвок, брака или соглашений?

Оба пробормотали об отсутствии препятствий, несмотря на то, что Берри слегка моргнула при упоминании других помолвок.

— Хорошо, дальше проще, — пробормотал клерк. — Вы пришли из Подводного города, так что я не думаю, что у вас есть недвижимое имущество, о котором стоило бы беспокоиться. Должен сказать, народ из Подводного обычно сюда не приходит за этим, но это Подводный.

— У меня есть «Надежда», — сказала Берри.

Клерк заволновался.

— Баржа, вы говорите? Не лодка?

— Верно.

— Мы не должны учитывать баржи. Что у вас, Вайтсмит Блуфилд?

— У меня есть мой заработок за поездку.

Клерк махнул рукой.

— Настоящее имущество. Земля, дом, здание для ведения дела? Ожидание наследства?

— Нет. Пока нет, — поправился Вит со сдержанным выражением лица. — У меня есть

семейный надел от фермы в Вест-Блу, но я в действительности не знаю, когда вернусь за ним. В любом случае, он невелик.

Клерк рассудительно нахмурился.

— У тебя должен быть дом твоего отца и холм в Клиркрике, Берри, — встрял Бо. — Твой и Готорна.

Клерк встрепенулся:

— Знаете ли вы, как он был оставлен? На каких условиях?

— Не могу точно сказать. Не думаю, что кто-то в Клиркрике даже знает, что папа Берри умер. Он исчез на реке осенью, понимаете ли, вместе с ее старшим братом, так что мы поплыли следом чтоб узнать, что с ними стало. Ну, мы это сделали.

Внезапный поток вопросов от клерка извлек информацию о том, что дом был солидным, или по меньшей мере большим и беспорядочным, а холм, слишком крутой для земледелия, приносил семье Берри строевой лес для постройки ежегодной баржи и был с добрую квадратную милю.

И никто не был уверен, оставил ли папа Берри опеку над Готорном Берри или кому-то еще из родственников в случае своей смерти. Такая идея очень сильно встревожила Готорна. Все записи были в Клиркрике в пятнадцати милях отсюда.

— Очень неловко, — сказал клерк наконец, потирая нос и оставляя слабый след чернил на верхней губе. — Не думаю, что я смогу зарегистрировать этот брак.

— Что? — закричал Вит в тревоге вместе с испуганным возгласом Берри «Почему нет?»

— Таковы правила, мисс. Чтобы избежать воровство посредством бегства или мошеннического брака. Были случаи, потому и правила.

— Я не сбегу, — сказала Берри упрямо. — Я хозяйка баржи! И у меня брат моей мамы рядом!

— Да, но ваш брак даст Вайтсмицу, здесь, некоторые права на ваше имущество, тогда как ваши другие родственники могут этого не захотеть. Или если этот дом и холм это все, что осталось мальчику как единственному выжившему сыну вашего отца, он возможно должен как-то разделить это имущество с вами, но он слишком молод, чтобы им управлять. Я уже видел такие запутанные дела. Приводящие ко всем видам столкновений, споров и даже убийствам, и все это было ради меньшего имущества чем ваш холм в Олеане!

— В Греймауте может быть! — закричала Берри, но Бо почесал подбородок в тревоге.

— Лучше вам подождать и пожениться в Клиркрике, мисс, — сказал клерк.

— Но мы вернемся туда только через четыре или шесть месяцев! — сказал Вит неожиданно смущенным тоном. — Мы хотим пожениться сейчас!

— Да, Фаун испекла торт и наготовила еды и все остальное! — встрял Готорн. — И заставила меня искупаться!

— Кто-нибудь с этой же проблемой наверняка приходил сюда раньше.

Даг повысил свой голос настолько, чтобы отрезать поднимающийся шум протеста.

— В городе с таким количеством путешественников, проезжающих мимо по торговым делам, как в Греймауте... Разве не могли бы вы, скажем, не упоминать об имуществе? Пусть бы об этом написал клерк из Клиркрике позже.

— Мне надо было держать рот на замке, — пробормотал Бо. — Прости, Берри.

Неудовольствие людей, собравшихся в комнате, поднималось вокруг Дага как миазмы, и он закрылся плотнее от него.

— Регистрация брака для того и существует, чтобы предотвратить все эти критические моменты! — сказал клерк. — Не то чтобы я ожидал, что Страж Озера это поймет, — добавил он вполголоса. — Разве вы, парни, не продаете ваших женщин вокруг? Как девчонок с плавучих борделей, только с большими ножами и не таких дружелюбных.

Даг окаменел, но решил притвориться, что он этого не слышал — несмотря на то, что Ремо задергался от раздражения, а песчаные брови Барра высоко поднялись.

Клерк выпрямился, прочистил горло и оперся о край стола:

— Иногда случаются разные варианты время от времени, — сказал он. Вит издал живой звук. — Парень оставил обязательство у городского клерка на размер обсуждаемого имущества или решаемый процент. Когда он доставил необходимый документ или свидетелей чтобы доказать свои права, он получил его обратно за минусом пошлины. Или, если его права не подтверждались, родственники женщины получали его за ущерб.

— Какой еще ущерб? — сказал Готорн с любопытством, но Бо оборвал его, сжав плечо. Нос Вита сморщился:

— Но о какой сумме денег мы сейчас говорим?

— Ну, о стоимости холма и дома, полагаю.

— Но у меня столько нет!

Клерк безнадежно пожал плечами.

— Мы все еще можем продать «Надежду», — сказала Берри нерешительно, — но там близко не получится стоимости нашей земли в Клиркрике. И кроме того, нам нужны эти деньги дома, чтобы жить на них в следующем году.

Ремо взглянул на Барра и прочистил горло.

— Барр и я... ну... в любом случае, у меня все еще есть моя доля вознаграждения из пещеры, — предложил он. — Я мог бы, хм, внести свою долю.

Барр сглотнул и с усилием сказал:

— Мы.

Вит, Бо и Берри начали решительно объяснять клерку Бейкербану все причины, почему его правовое решение не имеет смысла; плечи клерка и его лицо окаменели.

Фаун скользнула назад под руку Дага и прошептала ему:

— Даг, это безумие! Эти из Греймаута не имеют прав на деньги Вита, и ни на какую часть их. Они не работали, ран не получали, жизнями не рисковали чтобы их заработать. Свадебное свидетельство не должно стоить так много! Тебе не кажется, что это обман? Что парень держит нас за сухопутных жителей, стоит заблещать так шкуру снимут?

— Откуда же я могу знать?

Она посмотрела на него со значением. Даг вздохнул и слегка ослабил Дар несмотря на дискомфорт, давящий на него от всех неожиданно расстроенных людей, заполняющих комнату. Меньше енота, который сейчас дремал на стуле.

— Его Дар более напряженный, чем коварный, — прошептал он в ответ. — Но если он взял курс на взятку, будь я проклят, если позволю моему брату по шатру уплатить ее. Не за это.

Со взяточничеством было бы справиться достаточно легко. Просто ввалиться толпой в главное здание и громко требовать объяснений от настолько большого количества людей, насколько получится. Правда вылезет наружу, и тогда клерку придется несладко. Даг не думал о парне, как о глупце этого сорта. Нет...

Даг предположил, что это ослиное упрямство под видом раздутой честности пересекается с глубоко спрятанным презрением к странным, потрепанным людям из Подводного города.

Спор с таким человеком сможет разве что заставить его залезть на его высокую лошадь, отправить Вита и Берри в путешествие неженатыми и быть счастливо убежденным в его низком мнении о морали речников. Раздражение Дага усилилось.

Какой бы неуместной не казалась вся эта бумажная церемония Дагу, она значила много для Вита и Берри, бывших так далеко от дома; возможно даже больше для Вита, чем для Берри, ведь это было его первое приключение в огромном мире и тревога о том, чтобы с его трудом завоеванной речной невестой было все правильно. Проклятье, счастливый день, который Фаун и Берри готовили и планировали с таким трудом не должен разваливаться в смятенную неразбериху, по крайней мере если Даг в состоянии этому помешать.

«А я могу».

Очень спокойно, он протянул свою левую руку позади клерка и проекцией Дара призрачной левой руки стал производить подкрепление для уговаривания. Такая тонкая

работа была невидима для всех глаз вокруг, но не для внутреннего зрения Барра и Ремо. Брови Ремо полезли вверх, Барр уронил челюсть, а его губы сложились в произнесенные слова «Как ты смеешь?..»

Даг не придавал значения деталям, лишь основному направлению чувств.

«Тебе нравятся эти молодые умельцы. Ты желаешь им добра. Ты хочешь им помочь. Этот далекий клирккриковый дровяной склад — не твоя ответственность. Пусть этот ленивый деревенский клерк из Кликкрика тоже поработает немного для разнообразия. А эта молодежь уйдет вверх по реке, и ты никогда их больше не увидишь. Никаких проблем для тебя. Такие милые люди.» Он позволил усилению вывернуться из его призрачных пальцев и раствориться в затылке клерка. Как дополнительный бонус, несколько дней у того не будет болеть голова...

И, как необходимость, Даг принял небольшой ответный поток Дара от клерка Бейкербана в свой собственный, чтобы не оставлять человека дезориентированным.

Клерк потер лоб и нахмурился.

— Говорите, вы собираетесь вверх по реке прямо сейчас?

— Да, очень скоро, — сказала Берри.

— Это против правил, но я полагаю, что смогу выкинуть упоминания об имуществе... — Он остановился во внутреннем размышлении. — Если я внесу распоряжение клирккриковому деревенскому клерку добавить эту информацию позже. Это его работа, в конце концов.

— Очень разумно, — пробурчал Даг. Он довел дело до конца волной одобрения.

Без чувства Дара, клерк не был способен сказать, пришло ли это ощущение счастья снаружи или изнутри его головы.

Фаун оценивающе взглянула на клерка, на Барра и Ремо, на Дага — и поджала губы.

Клерк снова потер лоб, потом радостно посмотрел на Вита и Берри:

— Вы выглядите как милые молодые люди. Думаю, я должен отправить вас с добром.

После этого события потекли чередой, похожей на те, что пережил Даг в Вест-Блу. Клерк записал ряд стандартных обещаний, призванных ввести пару во взаимную ответственность. Он казался удивленным, когда оба смогли прочитать их с бумаги за себя, и каждый добавил от себя несколько слов. Как предположил Даг, из местных обычаев Кликкрика и Вест-Блу. Вит и Берри нагнулись и расписались в обеих книгах, клерк поставил свою подпись и печать, и свидетели выстроились в ряд, чтобы в свою очередь взять перо.

Клерк казался очень удивленным, когда никто не попросил его написать имя после чьего-либо крестика. Бо писал с трудом, но тем не менее разборчиво, также как и Хог — правда, лишь потому, что он практиковался вместе с Готорном.

Фаун прикусила кончик языка и написала свое имя ровно и ясно. Она заколебалась над тем, какую написать профессию, поглядела на запись Вита и записала себя как «кок».

Она подняла глаза, внезапно встревожившись:

— Даг, а какое у нас место проживания?

— Хм... Напиши, «Олеана». Пока.

— Правда? — Она странно посмотрела на него, так что даже Дар не помог ему расшифровать этот взгляд, нагнулась и дописала свою запись.

Даг был следующим, и он тоже неожиданно обнаружил себя глубоко задумавшимся над пустой строкой собственной профессии. Дозорный? Уже нет. Целитель, мастер ножей? Не уверен. Бродяга? Маг? Его собственный разболтанный Дар не мог дать ему ответа. С некоторой решимостью он также написал «матрос». Это не было ложью, даже если и не будет правдой слишком долго.

Ремо после своего имени приписал «лагерь Жемчужные Перекаты, Олеана», профессией поставил «дозорный» и, после изучения страницы, «матрос». Барр скопировал его запись. Берри и Вит убедились, что настала пора Готорна засвидетельствовать страницу новой семейной книги Блуфилдов-Кликкриков. Вит стоял наготове с носовым платком, готовый промокнуть случайную кляксу, но их не было.

И, наконец, все закончилось. Или, по крайней мере, Вит и Берри выдохнули, посмотрели друг на друга с некоторой сумасшедшинкой, обняли друг друга и стали целоваться с огромным облегчением.

Клерк добросовестно пожал руки всем вокруг и произнес поздравления.

Даг постарался, чтобы компания не стала засиживаться. Он не знал, как скоро его уговаривание перестанет действовать, однако надеялся, что это произойдет только через несколько дней, когда события будут уже как следует размыты в воспоминаниях клерка Бейкербана под грузом его остальной работы, и настроения у того ворошить хитрую перемену настроения не будет.

Глава 2

Спускаясь по ступенькам в Подводный город, Берри широко улыбалась Фаун через плечо; Фаун улыбалась ей с таким же удовольствием. Теперь они поменялись местами, Вит и Берри крепко держались за руки, а Фаун сжимала руку Дага едва ли менее крепко. Барр и Ремо шли следом. Но когда они дошли до площадки, где лестницы сдваивались, на плечо Дага хватко опустилась ладонь Барра.

— Погоди-ка, Даг, — проворчал он. Даг остановился, вежливо рассматривая берег реки.

Фаун повернулась, озадачившись тоном Барра. Ремо, посмотрев на два напряженных лица, махнул Виту и остальной команде идти дальше. Вит поднял брови, но затопал по доскам за остальными членами его новой кликриковой семьи.

Барр сжал зубы и сказал сквозь них:

— Ты поместил уговаривание в этого клерка.

Веки Дага опустились, затем поднялись с неким своеобразным Даговым видом, который он иногда принимал — его можно было бы назвать «Я же не спорю». Это могло весьма раздражать человека с другой стороны не-спора, как знала Фаун. Она дотронулась до губ в тревоге. «Я так и думала, что это могло там случиться». Однако, она не могла ощутить работу с Даром напрямую, как это, очевидно, могли Барр и Ремо.

Ремо не выглядел сердитым как Барр, но он казался обеспокоенным на другой лад. Более обычного, что ли.

— Ты с меня проклятую шкуру спустил за попытку применить уговаривание к хозяйке Берри раньше, а я ее даже не заставлял работать! — сказал Барр.

Даг моргнул снова и ждал спокойно и без ободрения. Фаун заметила, что он также этого не отрицал.

— Так что же ты уговариваешь крестьян, а мне нельзя?

Ремо неуверенно возразил:

— Это его успокоило. Ты же не хотел бы допустить, чтобы вся эта чушь о земле, завещаниях и обязательствах порушила свадьбу, а?

— Нет, но... но это же не повод! Или, может быть, это повод. Тогда что же, уговаривание можно применять, если причина хорошая? Так моя тоже была хорошая! Я только пытался сделать так, чтоб Ремо вернулся со мной в Жемчужные Перекаты, меня послали, чтоб я это сделал — так что это было не просто доброе дело, это была моя обязанность! Если ты вводишь правила для меня и потом сам их нарушаешь, как я могу доверять тому, что ты говоришь?

— Может, и не можешь, — сказал Даг сухо.

До того, как Барр смог придумать достаточно достойный ответ, Фаун влезла в разговор.

— Даг, ты не оставил этого парня заколдованным?

— Конечно, нет.

— Так что, ты взял кусочек его Дара?

— Просто добавил в коллекцию, Искорка.

Разум Фаун пробежался по всем тем кускам и кусочкам странного Дара, которые Даг

впитал в свой за последние недели, в том числе через фокус с расколдовыванием всех тех, кого лечил, в странных экспериментах с едой и животными или темной историей с разрыванием Дара предателя Крейна. «Это и впрямь очень странная коллекция».

— Да, ну... да.

Барр начал протестовать заново, но остановился, когда напарник схватил его за руку. Ремо потряс его; Фаун не была уверена, что еще пробежало между ними, кроме самого факта. Ремо сказал:

— Мы вернемся к этому позже. Пойдемте догоним остальных. Это еще и день рождения Фаун, между прочим.

— Да, мне нужно вернуться на «Надежду» и закончить ужин, — воскликнула Фаун.

Барр выдохнул; он одарил последним взглядом своего приятеля Стража Озера, но ради Фаун смог улыбнуться.

— Ты прав. Не время и не место для этого. — И добавил шепотом: — Это займет больше времени... и больше места.

Ремо удовлетворенно кивнул; Даг ничего не сказал, у него лишь слегка искривились губы.

Они снова начали спускаться. Фаун могла думать только «На этот раз я на стороне Барра».

* * *

Хлопоты по скомбинированному свадебному и деньрождественскому ужину не легли на Фаун тяжким грузом, так как каждый вызвался помочь, шныряя вокруг маленького очага в кухне-бункере позади каюты «Надежды». Она сервировала неизбежную ветчину, картофель и лук, а еще свежую морскую рыбу, золотой ямс, яркие апельсины и тягучую сладкую сушеную хурму, и мелассу рядом с остатком соленого масла для бисквитов. Бо подарил целый бочонок пива, и оно было темнее цветом и крепче на вкус, чем более бледное варево, которое Фаун считала пивом из долины Грейс. Ну, может быть, это было не затем, чтоб скрыть мутность воды возле Греймаута, потому что им прекрасно всё запивалось.

Деньрождественско-свадебный торт в основном пах яблоками. Был спор по поводу свечей — торт ко дню рождения украшают свечками, а свадебный цветами. Готорн просил свечей в основном ради удовольствия заставить Дага их зажечь, так что Фаун прикрепила эти палочки тонкого пчелиного воска на верхушки цветов по краю.

Готорн, к счастью, сохранил брови, которые едва не спалились, когда Даг взмахнул крюком и, по предположению Фаун, призрачной рукой вверх и девятнадцать маленьких огоньков вспрыгнули на верхушки с торжествующим «ффух».

Стоя лицом к лицу с ярким теплом, отраженным в мерцающей улыбке Дага, Фаун поняла, что она была слишком занята, готовя вечеринку, чтобы загадать желание. Наблюдая, как Вит и Берри улыбаются друг другу, она, подумав, пожелала им добра, но по-настоящему именно этому моменту был посвящен весь день у всех. Эта часть — день рождения, желание, свечи — была только для Фаун.

Внезапно затаив дыхание, она подумала: «Я хочу домой».

Это не была тоска по дому в ее обычном смысле, потому что последним местом в мире, куда она хотела бы отправиться, была ферма ее родителей в Вест-Блу. Ее очаровала жизнь на барже, но «Надежда» была слишком тесным обиталищем, плывущим вниз по очень широкой реке, и не всегда носом вперед — и каким-то образом она должна достичь конца своего путешествия. Фаун хотела настоящий дом, стоящий на твердой земле, ее собственный, ее и Дага. С железной кухонной плитой. «Я хочу мое будущее». И она хотела этих людей в нем — она взглянула на них на всех: Даг, Вит и Берри, Ремо и Барр, Готорн и Бо, и даже Хог, ждущий момента чтобы начать аплодировать ей, когда она задует свечи... И, с болью, столь внезапно пронзившей ее сердце, она захотела новых — незнакомых еще детей, которых она и Даг еще не сотворили вместе. «Я хочу нас всех дома в безопасности. Где бы ни оказался

наш настоящий дом.» Она потрясла головой, набрала воздуха в грудь, закрыла глаза и дула до тех пор, пока свет не перестал светиться красным сквозь закрытые веки. Когда раздались хлопки, она посмела вновь открыть глаза и улыбнуться.

После торта пришла очередь подарков, и ко дню рождения, и к свадьбе. Обычно свадебные подарки были практичными, чтобы помочь молодой паре обустроить новый дом или ферму, или шатер, если они были Стражами Озера — с той же целью, как поняла Фаун, но с разницей в деталях. Но Виту и Берри все еще предстоял долгий путь обратно к спорному дому в Клиркрике. Так что все подарки должны были быть маленькими, легкими и хорошо паковаться. Барр обеим, и Берри, и Фаун предложил новые туфли, сделанные из кожи красно-коричневого аллигатора. Они прекрасно подошли, и не случайно: до этого Барр стащил их старую обувь для снятия мерки. Готорн и Хог горделиво подарили Фаун чистую книгу в переплете, найденную в том же месте, где Вит купил свою, но поменьше размером, чтобы помещалась в седельную сумку и более подходящую к их бюджету.

Фаун подарила Виту и Берри две пары хлопкового белья, так как она нашла хорошую хлопковую готовую одежду здесь на рынке дешевле, чем хлопковую пряжу раньше в Олеане, и они были совершенно очаровательными, чтобы пройти мимо. Последние несколько дней ее пальцы летали над прямыми швами и простыми шнурками, но это не было первым случаем, когда ей нужно было бы сшить что-то для Вита, потому что шить белье было одним из первых умений, которым ее научила тетя Нетти. Для пробы, она сделала пару для сироты Хога. Когда она порадовала его, тот вытер слезу, набежавшую от волнения, рукавом рубашки; потом скрылся в темноте каюты, чтоб натянуть подарок немедленно. Слишком скромный, чтобы демонстрировать его всей команде, он позвал Вита взглянуть. У Вита было забавное выражение лица, когда он вернулся, и он задумчиво погладил свою собственную пару перед тем, как сложить ее — несколько более аккуратно, чем он всегда выказывал ранее к принятой как само собой разумеющейся работе Фаун.

Затем Вит и Ремо вышли на цыпочках с загадочным видом, оставив Фаун и Берри улыбаться друг другу, пока все остальные убирали со стола. Из всех даров, которые принес этот день, заполучить сестру было для Фаун в глубине сердца очень дорого. У Берри также не было сестер — а вскоре после того, как родился Готорн, и матери — так что у нее даже не было старшей женской компании, которую Фаун составляли ее мама и тетя Нетти. Когда Берри была меньше, дом в Клиркрике управлялся, как она рассказывала Фаун, рядом старших кузин. Однажды, когда настала пора запускать баржу и двигаться на восход, такой женщины не нашли, так что папа Клиркрик просто упаковал всех троих детей с собой на все шестимесячное путешествие. К изумлению всех родственников, никто из юных Клиркриков не удовлетворил их жуткие предсказания, не упал за борт и не утоп, так что потом он стал забирать их каждый год. Фаун эта жизнь казалась интересной, но на баржах и лодках женская компания отсутствовала также. Она подозревала, что Берри тоже сочла Фаун лучшим подарком Вита.

Громкое буханье с палубы заставило всю команду выскочить и обнаружить Вита, держащего поводья маленькой пегой кобылки, и Ремо с ухмылкой удачливого конспиратора. Каштановый мерин Дага, Копперхед, делящий загон с козой Дейзи, ревниво прижал уши, но Даг быстро успокоил его. К крайнему шоку Фаун, Вит передал поводья ей.

— Ну-ка, давай, — сказал он. — Это потому что я заставил тебя оставить свою лошадку в Вест-Блу. Берри купила тебе седло и уздечку, а Ремо нашел седельные сумки. — Вся упряжь была не новой, но в хорошем состоянии; кто-то старательно ее вычистил. — Хотя если бы я знал, каких лошадей отправляют в Греймаут, я бы купил Варп и Вефт, чтобы продать здесь!

— Вит! Ремо! О!

— Да все в порядке — мои стекла ушли по такой цене, что челюсть падает, — отбивался Вит в шутовском смущении в ответ на ее объятья. — Берри была права, что заставила меня попридержаться большую часть, пока мы не спустились к низу, — он отсалютовал своей молодой жене и бывлой хозяйке, которая приняла это с довольным

кивком.

— Погоди-ка, — сказала Фаун Ремо, — это не одна из тех лошадок, которых продавали Стражи Озера из Русла Новолуния вчера на площади?

— Ага. Я туда вернулся с Витом потом, — сказал Ремо самодовольно. — Не беспокойся; это хорошая кобыла. Маленькая и живая, года четыре ей, думаю. Они ее отбраковали только потому, что она для дозорных маловата.

Действительно, кобыла выглядела так, будто не дотягивала до длинноногого Копперхеда пару шагов, но также она не выглядела так, чтобы возражать против этого. Фаун погладила ее с удовольствием; Берри, не слишком хорошо знающая лошадей, гладила ее гриву с большей осторожностью.

— А еще я узнал имена шатров тех девушек, — для Ремо его голос звучал почти радостно.

— Каких девушек? — спросил Барр.

— О... ну... одних девушек. Они уже уехали.

— Хм, — Барр поглядел на него с некоторым подозрением, но его отвлекла радостная суета вокруг кобылы. После того, как Фаун предприняла короткую поездку вверх и вниз по речному берегу, за которым Даг внимательно наблюдал, она позволила Готорну и Хогу тоже опробовать шаг ее лошадки-подарка. Они подняли кобылу обратно на борт, привязав к поручням напротив Копперхеда и обложив охапками сена. Через некоторое время Фаун вернулась внутрь, пытаясь придумать лошадке имя. Сначала она подумала о черно-белом окрасе, и это привело ее к имени «Скунс» — но это казалось одновременно зло и неблагодарно. Она решила подумать еще, серьезнее.

После проверки уровня пива, оставшегося в бочонке, они все расселись возле очага с кружками. Фаун радостно вздохнула и стала уговаривать Берри вытащить скрипку и сыграть им пару мелодий как подарок на день рождения Фаун, который не упакуешь, как Вит сказал вдруг:

— Эй, Даг! А что ты Фаун подарил на день рождения?

— Э-э... — сказал Даг. Он посмотрел вниз в свою кружку с явным дискомфортом. — Я старался смастерить сюрприз, но он не сработал. — Он глотнул пива и добавил: — Пока не сработал.

— А какой? — спросила Фаун с живым любопытством. Учтывая, что у него только одна рука, едва ли Даг попытался вырезать что-то или смастерить другую сложную ремесленную вещь. И тут она поняла — под «мастерить» он подразумевал мастерство Стражей Озера, работу с Даром. Магию, с точки зрения крестьян, несмотря на то, что Фаун старалась отучить себя от использования этого слова. Но, надо полагать, попытка его, какой бы она ни была, не удалась, и он был разочарован. Особенно после огромного подарка Вита.

Она добавила:

— Иногда бывает нужно отказаться от части-сюрприза. Помнишь твой день рождения, когда я тебе подарила один рукав от свитера?

Даг слегка улыбнулся и дотронулся до уже законченного свитера, который был надет на нем сейчас, чтоб защититься от холодного влажного ветра, задувающего в баржу с тех пор, как суета с ужином закончилась.

— Конечно, Искорка. Только вот, ты всегда знаешь, что сможешь выполнить свое обещание. Для начала тебе не нужно останавливаться и изобретать вязание.

— Ну хорошо, но теперь тебе точно надо рассказать, — сказал Вит, откидываясь назад. — Тут у тебя не получится просто забросить удочку с приманкой, а потом тянуть за леску.

— Да, Даг, расскажи нам сказку, — сказал Бо несколько сонно. — Сказка так же хороша как звонкая монета... иногда.

— Ну... — Даг неохотно опустил руку в карман, затем вытащил и выложил темный грецкий орех, все еще в скорлупе, на камень возле очага.

Все крестьяне вокруг огня смотрели в непонимании на орех, а потом на Дага; но Барр и

Ремо вскочили, и это заставило Фаун тоже наострить уши.

— Даг, что ты такого сделал с этим бедным орехом? — спросил Ремо. — Его Дар весь... светится.

Даг потрогал пальцем твердые морщины скорлупы, покатал темно-зеленый шарик по камню, затем сел обратно и угрюмо уставился на него.

— Скорлупа защищает и охраняет жизнь. Это казалось хорошей природной сущностью для того, чтобы попробовать заякорить спиральность. Таким способом мастера по ножам заякоривают спиральную закрученность в кость разделяющего ножа, только этот сосуд делается, чтобы удерживать смерть, а этот... должен был удерживать кое-что еще.

Даг сделал свой первый разделяющий нож всего лишь несколько недель назад, после ужасов бандитской пещеры. Барр и Ремо были глубоко потрясены; Фаун была менее удивлена, так как раньше встречалась с братом Дага, Дором, мастером по ножам.

— Я все пытался придумать, — продолжил Даг, — что могло бы защитить крестьян, закрывая их Дар так, как это делают дозорные.

— Отсутствующие боги, Даг, как могут крестьяне закрываться? — сказал Ремо. — Это ведь как повернуть весь твой Дар к миру боком. У меня истерика была, когда я впервые учился. Даже не все Стражи Озера могут этому выучиться.

Даг кивнул, но не согласился.

— Видишь ли... Фаун не может чувствовать меня через свой свадебный браслет так же, как я могу чувствовать ее, и как любой женатый Страж Озера может, но летом я смог сделать сформированное подкрепление Дара в ее руке, которое дало ей похожее чувство на некоторое время, пока ее Дар не поглотил подкрепление. Это не то же самое, но результат был таким же.

Фаун энергично кивнула:

— Даже лучше, на самом деле. Старый Каттагус сказал, что с обычным браслетом нельзя почувствовать направление, только то, жив ли твой супруг или нет. А я могла сказать, в какой стороне ты находишься. Грубовато, но каким-то образом.

Брови Барра поднялись:

— С какого расстояния?

— Часть времени — больше сотни миль... Не знаю, может быть на больших расстояниях оно бы ослабло, — добавила она скрупулезно.

Ремо тоже вздернул бровь.

— Понимаешь, дело обстоит так, — продолжил Даг, — что никто не пытался работать с Даром крестьян. Исключая некоторые молчаливые излечения там и сям из жалости, ну и также чтобы не оставлять случайно заколдованных, или случайных... — он прочистил горло, — запрещенных уговариваний. Самые сильные мастера не отходят далеко от лагеря, а дозорные не знакомы со сложным или умным мастерством.

— Если бы ты выказал талант мастера, — сказал Барр, — они не послали бы тебя в дозор. Так как же ты смог сменить свой путь, Даг?

— А я был... трудным подростком, — Даг сокрушенно почесал голову. Но не пояснил, несмотря на то, что восемь человек оживились в ожидании истории. — Я не знаю, что не было сделано, потому что это невозможно или потому что этого никогда не пробовали сделать. Или пробовали и хранят в секрете, или открыли и после потеряли снова.

— Это все еще не объясняет почему ты хотел подарить моей сестре на день рождения грецкий орех, — сказал Вит.

— Я думал, она сможет надеть его на шнурок и носить на шее.

— Она бы, наверное, носила. Так же как ты носишь эту нелепую соломенную шляпу, которую она тебе сплела.

— Это очень полезная шляпа, — сказал Даг, защищаясь.

— Так а в чем же польза ореха, скажи еще раз?

Даг вздохнул.

— Ни в чем, очевидно. Я хотел сделать что-то, что будет защищать ее Дар.

— От чего? — спросила Фаун.

Даг глотнул воздуха.

— От чего угодно. От людей вроде Крейна, например.

Фаун удержалась от указания на то, что предатель на деле угрожал ей самым обычным стальным ножом, а не какой-либо магией.

«Что происходит в твоей темной голове, любимый?»

— Еще это могло бы быть что-то вроде щита, который бы размывал или смягчал Дар крестьян, так что он не бил бы по Дару Стражей Озера так сильно, — продолжил Даг.

Так что она не была бы, поняла Фаун, хотел он сказать, гуляя с незащищенным Даром перед Стражами Озера. Так что ее присутствие в лагере Стражей Озера не беспокоило бы соседей?..

— Другими словами, — медленно сказала Берри, — ты думаешь о чем-то, что работало бы так, как должны были работать те шлемы из кастрюль, которые Барр делал и которые у него не получились.

Барр моргнул.

— Это была глупая шутка, — пробормотал он. — Я говорил уже, что пожалел о ней.

Несколько задумчивых улыбок скользнуло по кругу, когда команда «Надежды» вспоминала переполох в Жемчужных Перекатах, когда Барр подшутил над толпой матросов, заставив их поверить, что они могут защитить себя от магии Стражей Озера, нося железные шлемы. Железных шлемов на кораблях обычно не водилось, а вот железные кастрюли были; и результат был весьма забавным — некоторое время.

Фаун подумала, что, если бы Барр еще раз прикинул сколько было тех парней, он был бы готов убежать действительно быстро.

— О, Даг, — сказал Вит и его глаза внезапно вспыхнули, — если ты хочешь сделать что-то для Стражей Озера, чтобы продавать крестьянам за деньги, то ставь на это. Заколдуешь кучу орехов, и сможешь распродать их по любой цене, какую ни назови!

— Ага, — сказал Бо. — И самое позднее на следующий день там же будет куча народа, продающая поддельные. Это будет разовое дело, вот что это будет. — Он вдруг задумался. — Малец может убийство устроить, если правильно время прикинуть.

— Отсутствующие боги... — Даг вытер лоб рукавом левой руки с выражением некоторого ужаса во взгляде. — Никогда об этом не думал. Вы правы. Я только хотел защитить Фаун. Мастера бы не стали... но если... не обращайтесь внимания, это не имеет значения. Я в любом случае не могу добиться того, чтобы это работало.

— Даг, — сказала Фаун, — раз это затрагивает мой Дар, разве ты не мог бы поработать с моим Даром? Как ты сделал, хм, с тем подкреплением в моей руке?

— Да. Ну, может быть не так, как тогда... Хотя это явно сделало бы продажу щитов Дара крестьянам необычным предприятием... — С усилием он погасил сияющую улыбку. — Его понадобится привязывать к его владельцу, да. Ручная настройка. Таким же способом разделяющие ножи привязываются к Дару своих будущих доноров, — добавил он в объяснение для всех вокруг. И Фаун подумала, что получить в ответ на это понимающие кивки было высокой оценкой тому, как далеко они зашли.

Даг испустил унылый вздох.

— Исключая то, что все, на что я оказался способен — это сделать небьющийся орех.

— Правда? — спросила Берри, откидываясь назад в удивлении.

Готорн, потрясенный глубинами магии Стражей Озера, при этих словах убежал искать стальной молоток из Трипойнта, чтобы проверить утверждение.

Множество «тваков» спустя, вызвавших кучу разлетевшихся отбитых от камня у очага кусочков и нервных припадков у Барра и Ремо, каждый согласился, что это был в самом деле единственный проклятый небьющийся орех, всё так и есть.

Вит почесал затылок и уставился на маленький темный шарик.

— Он ведь совершенно бесполезен, полагаю. Вы его даже съесть не сможете!

— О, не знаю, — протянул Бо. — Подозреваю, на нем можно ставки выигрывать.

Заключать пари с теми здоровыми лодочниками, что они не смогут его сломать, и смотреть как пиво рекой течет...

Он обменялся длинным, подозрительным взглядом с Витом, который сказал:

— Скажи, Даг... Если у тебя планов на него нет, можно я его заберу?

— Нет! — закричала Фаун. — Даг его для меня сделал, даже если он не работает, как он хотел. Пока. И в любом случае вы сегодня с Бо не собирались в таверну идти, так?

Берри легонько дернула Вита за волосы, заставив того ухмыльнуться.

— Нет, — сказала она уверенно. — Он не собирается.

Фаун схватила орех и положила его в карман своей юбки. Снаружи окон каюты стемнело, заметила она с удовольствием. Было все же одно преимущество в свадьбе в середине зимы — ранние сумерки. Бо кинул в огонь еще кусок плавника, а Берри засветила масляную лампу. Фаун поймала взгляд Дага и легонько кивнула.

Как и планировалось, Даг поднялся и пригласил команду «Надежды» наружу в ближайшую рыбацкую таверну пропустить с ним по кружечке.

Любезное замечание Готорна о том, что они здесь пиво не допили, было проигнорировано, и Хог и Бо выпроводили его. Фаун задержалась, чтоб обменяться быстрым объятием с Берри на прощанье, которая прошептала ей в ухо «Спасибо!»

— Ага, — шепнула ей Фаун, — думаю, нас большую часть вечера не будет, но Готорн и Хог убедятся, что Бо не останется снаружи на всю ночь. О нас не беспокойся. — И добавила спустя мгновение: — Уверена, мы как будем возвращаться — ужасно нашумим.

Она оставила Берри и Вита. Те держались за руки, смотрели друг на друга с одинаково испуганными улыбками и украдкой поглядывали на их новый уголок для сна.

В прошлом хозяйка корабля спала одна на узкой, тройной высоты койке со стороны кухни так же, как ее команда, за исключением того, что ее койка была чуть более приватной — отделена занавесками на веревках. Фаун и Берри вместе переставили прошлым вечером спальные места, и с помощью освободившегося пространства убывшего карго сделали две маленькие задернутые занавесками комнатки на каждой стороне прохода. Задача закончилась тем, что они залезли на крышу для того, чтобы действительно долго, робко и секретно поговорить. Берри, как она сказала, хотела получить штурмана среди топляка и перекаатов супружеской постели. Потому что пока Берри была храброй капитаншей и опытной речницей на пару лет старше Фаун, та была замужем уже полгода. Так что Фаун изо всех сил постаралась ей всё объяснить.

По крайней мере, Берри улыбалась и не была такой напряженной, когда они вернулись.

Вит в то же самое время пошел на длинную прогулку с Дагом и вернулся бледный и испуганный. Фаун отвела Дага в сторонку и сердито прошептала:

— Знаешь, если бы это был только Вит, я бы позволила тебе тренироваться в своем дозорном юморе от всей души, но я не позволю чтобы это задело Берри, слышишь?

— Не беспокойся, Искорка. Я себя контролировал, — убедил ее Даг, блестя от удовольствия золотыми глазами. — Должен сказать, миг борьбы был. Два девственника, ух.

— Правда? — спросила Фаун, удивленно посмотрев за спину Дага на Вита, который грел руки у огня, согнувшись. — А я-то думала Тэнси Мэйэпл... хм, не важно.

— С ними все будет в порядке, — пообещал он ей.

Сейчас, когда они вышли следом за всей командой, и Фаун оглянулась через плечо на сияние лампы, подвешенной на нос «Надежды», Даг повторил:

— Они всё сделают хорошо, Искорка.

— Очень надеюсь на это... — Фаун подумала, что, наверное, хорошо, что всё в этой свадьбе было иначе настолько, насколько это возможно в сравнении с той, которую Берри планировала в Клиркрике со своим умершим женихом Элдером. Никаких воспоминаний. Потому что если плохие воспоминания были, несомненно, плохими, были и хорошие воспоминания, и потеряться в них было хуже худшего.

В таверне сегодня вечером было шумно и полно народа, так что после того как Даг выполнил свою обязанность и поставил всем по кружке, Фаун завещала свою, из которой

едва хлебнула, столу и поволокла его наружу прогуляться несмотря на темноту. На полпути подъема в Верхний город Фаун нашла точку обзора, с которой раньше шпионила. Она нырнула под поручень вокруг площадки и пошла дальше по мокрой земле, слабо освещенной половинкой луны, скользящей в прерывистых облаках. В конце пути обнаружилась доска, уложенная на две стопки камней — получилось удобное, сухое сиденье с прекрасным видом на безмятежную реку, туманно-серебряную в ночном тумане.

Летом, предположила Фаун, парочки устраивали здесь свидания. Даже для них, северян сейчас была неподходящая погода, чтобы устраивать свидания на свежем воздухе. Она благодарно прижалась к правому боку Дага. Несмотря на его тепло, щедро делимое на двоих, и романтический вид было ясно, что сейчас он не в романтическом настроении. Расположение духа у него было беспокойное, и он был погружен в него все последние дни, если не недели. Достаточно долго, в любом случае.

Фаун погладила пальцем орех в кармане и тихо сказала:

— Что тебя беспокоит, Даг?

Он пожал плечами:

— Ничего нового. — После долгих сомнений, пока Фаун ждала, ожидая, в тишине, он добавил: — В этом и сложность, полагаю. Мой разум продолжает возвращаться вновь и вновь к одним и тем же проблемам, и никогда не приходит к чему-то другому.

— Одни и те же пути приводят к одним и тем же местам. Расскажи мне о них тогда?

Он накрутил ее локон на палец, как бы в утешение или для храбрости, потом его рука вновь ее обняла; может быть, она была здесь не единственной, кто мерз.

— Когда мы вдвоем оставили лагерь Хикори в конце лета... когда нас выкинули...

— Когда мы ушли, — твердо поправила Фаун.

Уступающий кивок.

— У меня была идея, что если я обойду весь мир с открытыми глазами, такими же, как твои, я, может быть, смогу увидеть какой-то путь для крестьян и Стражей Озера вместе работать против Злых. Потому что однажды дозорные не сдюжат, и Злой уйдет от нас вновь, и не в глуши или даже в деревне вроде Гринспринга, но в большом крестьянском городе. И тогда мы все будем вовлечены в это. Но если Стражи Озера и крестьяне уже будут едины до того как нежелательное случится... может быть, у нас будет шанс в битве.

— Я думала, «Надежда» была неплохим началом, — предложила Фаун.

— Хорошим, но... таким маленьким, Искорка! Восемь людей, считая с тобой. За шесть или сколько там месяцев попыток.

— Так, и это будет, хм, шестнадцать человек за год. Сто шестьдесят за десять лет. А за сорок, хм... — долгая пауза, пока Фаун потихоньку загибала пальцы под юбкой. — Шесть или семь сотен.

— А если кризис случится в следующем году, а не через сорок лет?

— Тогда это не будет хуже, чем если ты вообще не попробуешь. В любом случае, — «действительно, можно подумать, отчаяние стало его любимой игрушкой, с тем как он за него хватается», — я думаю, твои подсчеты уведут тебя прочь. Там были все мои родственники из Вест-Блу, с которыми ты говорил, и те фермеры из Глассфорджа, и Кресс, которую ты вылечил в Жемчужных Перекатах и все ее родственники, и полные лодки речников на реке. И твое шоу в бандитской пещере с Крейном; боги, Даг, они будут говорить об этом вверх и вниз по рекам еще по меньшей мере столько же лет, сколько люди будут пытаться носить эти глупые кастрюли Барра. Я поняла — река как деревня в одну улицу шириной и две тысячи миль длиной. Это прекрасное место для тебя рассказывать свою историю. Потому что речной народ разносит слухи. И обменивается слухами так же, как делает бартер. И иногда они меняют разум друг друга даже тогда, когда ты этого не видишь.

Даг потряс головой:

— Только отсутствующие боги могут знать, какой путь я проложил вниз из долины Грейс. Я не уверен. Зажег ли я огонь или было это все только пустыми словами, а дальше все вернется обратно во тьму?

— Почему здесь только два варианта выбора, всё или ничего? — спросила Фаун колко. — Ну а я думаю, что...

Даг посмотрел вниз с удивленно поднятыми от решительности ее голоса бровями.

— Я думаю, что ты пытаешься тащить груз ленивого человека. Внутри своей головы ты пытаешься поднять весь мир сам и за один раз. Неудивительно, что ты изнурен. И начал уменьшаться.

— Уменьшаться? Куда же еще меньше я могу стать? — Даг показал вниз на речной берег, как поняла Фаун, указывая на их скромную баржу. В любом случае это был риторический ответ, так что она не обратила на него внимания.

— Твой собственный Дар. Я знаю, что это правда, потому что ты сказал мне об этом сам, и ты никогда мне не лгал: первая вещь, которую должен сделать мастер — это сделать себя. Но никто еще не говорил, что он должен это сделать самостоятельно.

— У тебя есть идеи, Искорка?

Она проигнорировала его язвительный тон и ответила прямо:

— Да. Это правда для готовки, или шитья, или постройки лодок, или изготовления упряжи или стрел — и не думаю, что это не так для работы с Даром. До того, как ты возьмешься за любую новую работу, ты должен сначала раздобыть свои собственные инструменты, чистые, острые и аккуратные, лежащие в готовности, пока за них не возьмется рука. Главный инструмент для работы с Даром — это твой собственный Дар. А твой, судя по тому, что говорят все и всегда о нем, находится прямо сейчас в самой ужасной путанице.

А что я думаю, так это то, что тебе нужен другой мастер. Не крестьянка, как бы она тебя ни любила, и не пара простых честных парней-дозорных, как бы они ни хотели тебе помочь, потому что они тоже не знают ни капли обо всем этом, но вместо них нужен кто-то вроде Хохарии или Дора. — Фаун набрала воздуха, вздрогнув в момент паники, когда поняла, что Даг в отличие от ее семьи действительно ее слушает. Идея о том, что мужчина столь сильный может действительно измениться или сделать что-то иначе оттого, что она что-то болтает, была тревожащей. С другой стороны, когда она напрасно желала любого знака того, что ее услышали, представляла ли она когда-нибудь также принятие ответственности за результат? «Ну, так теперь это в моих руках». Она сглотнула.

— Так что... так что я поспрашивала вокруг. Каждого заезжего Стража Озера, которого смогла встретить в рыночный день, я спросила о лучшем целителе в этих краях. Они рассказали мне о многих разных людях, но был один, о котором говорили они все — некий Аркади Уотербёрч. Вроде бы его можно найти в лагере Стражей Озера, который называется Русло Новолуния. Он находится менее чем в тридцати милях к северу отсюда, правее Отпечатка. Не более чем день верхом на Копперхеде. — Она добавила в тревожной мольбе: — Они называли его наладчиком Дара, что бы это ни значило.

Даг выглядел ошеломленным.

— Правда? Так близко? Если... — Но потом он потер лоб левой рукой и сокрушенно улыбнулся. — О боги, Искорка. Разве не мог бы я просто... но это не сработает. Скорее всего, это снова окажется Дор и Хохария — повсюду, разве ты не видишь? — Он сжал зубы в непрощенных воспоминаниях. — Я патрулировал эти места раз или два. Эти южные Стражи Озера работают с крестьянами не больше, чем в Олеане — и более ревниво относятся к земле, так что лагеря жмутся между крестьянскими землями. С тем, как редко в этих местах рождаются Злые, крестьяне не оказывают дозорным даже той небольшой благодарности, которую мы получаем на севере. Хотя, когда южный дозор нашел маленького сидячего Злого, наверное, раз за век, ты бы могла подумать, что это второй Волчий перевал, так они... ну, не важно. Я сомневаюсь, что наша пара будет принята с большим гостеприимством в Русле Новолуния, чем мы были приняты на озере Хикори.

— Может, да, может, нет, если мы ясно обозначим, что приехали на время. Сдается мне, это в основном были твои родственники, кто считал нас проблемой, которую надо решать.

— М-м... — сказал Даг.

Фаун сглотнула.

— Или ты мог бы отправиться без меня. Хотя бы повидаться и поговорить с этим человеком. А я останусь с Берри и Витом, у меня все будет в порядке.

— Ты свет, благодаря которому я вижу, Искорка. Я не позволю тебе уйти снова.

Вспышка его глаз напомнила ей блик от фонаря, отраженный лезвием ножа Крейна, крепко прижатого к ее горлу, который пробежал по лицу Дага немного раньше... немного раньше.

— Тогда мы отправимся оба, и я разберусь со всеми, кто вздумает задать мне жару. Если это не лучше, чем Хикори, то и не хуже, и я это переживу. — Она вытащила небьющийся орех из ее кармана и покатила его в руке с любопытством. — Ты говоришь, то, что ты делаешь сейчас сам, не работает. Если бы кто-то из нас мог бы тебе помочь, мы бы это уже сделали. Пришло время попробовать что-то еще. Само собой, Даг! И если этот парень Аркади тоже не сработает, ну, по крайней мере, ты вычеркнешь его из списка и пойдешь дальше.

Она посмотрела на его лицо, сморщенное в сомнении столь сильно, что это напоминало боль, и добавила:

— Я не могу быть счастливой, пока тебе больно. У нас есть немного времени, пока мы здесь, на краю мира переживаем холода перед тем, как вновь отправиться в путешествие. Ты выполнил все свои обещания показать мне реку, Греймаут и море. Теперь ты можешь просто показать мне Русло Новолуния на десерт. И если он не так прекрасен, как море, по крайней мере, он будет для меня новым, и это уже достаточно хорошо, — она решительно кивнула, и это заставило его улыбнуться, хоть и несколько слабо.

— Если это впрямь то, что ты думаешь, Искорка, — сказал он, — тогда я дам парню попытку.

Глава 3

Два дня холодного дождя скрыли нежелание Дага путешествовать в Русло Новолуния, так что Фаун не настаивала, но зато она подключила Барра и Ремо к проекту. На следующий день заря была ясной, и все трое сопровождали Дага на северной дороге еще до обеда, если не раньше. Барр и Ремо клялись, что им интересно купить лошадей по цене более выгодной, чем на рынке в Подводном городе, где матросы с барж не горели желанием соглашаться на цены лодочников на скакунов, чтоб везти их потом на Трипойнтский Тракт. Фаун не была уверена, что им удалось обмануть Дага, так как он смотрел на все это весьма иронично, но ничего язвительного он не говорил. Фаун ехала верхом на Мэгпи¹ — так назвали новую кобылу — с некоторым чувством вины; три седельных сумки были сложены на Копперхеда, которого вел хозяин; дозорные шли пешком.

Или пытались. За пределами Греймаута дорога превратилась в болото.

На колесах было почти невозможно передвигаться. Несколько раз они останавливались, чтобы предложить помощь крестьянам, насаживающим колеса на втулки; один раз мужчина был в таком отчаянии, что принял предложение помощи несмотря на то, что трое высоких странников были Стражами Озера. Однако его благодарности после были краткими и боязливыми, брошенными через плечо, когда он вместе со своими спутниками заторопился прочь. Погрузка караванов лошадей или мулов отнимала весьма приличное время на истоптанной копытами обочине — пара их, груженных хлопком, чаем и другими загадочными товарами, прошла на юг в речной порт. Барр, однако, едко жаловался о трудностях пути в его ботинках крестьянской работы, недавно купленных в Греймауте.

— Они что, не подходят по размеру? — спросила Фаун. — Ты хотел сказать, что ты их как-то испортил? Или они протекают?

¹ Magpie — сорока (прим. перев.)

— Не больше, чем ожидалось, — сказал Барр. — Но глянь! — Он согнул колено и дал оглядеть ботинок.

Фаун глядела недоуменно на него со своего седла.

— Там, наверное, десять фунтов грязи на каждом налипло! — взорвался Барр.

Фаун посмотрела на Ремо, сложившего руки на поясе и улыбающегося напарнику, и поняла, что его ботинки были, конечно, мокрыми и запачканными, но без налипших комьев грязи.

— Эй, Ремо, а чем твои ботинки не такие же?

Ремо вытянул ногу и щеголевато крутанул лодыжкой.

— Их для меня сделал мой кузен. Их смастерили так, чтобы отталкивать грязь.

— Веселее, Барр, — посоветовал Даг, слабо улыбаясь. — Я тебе помогу их починить, как вечером станем на привал. Разве ты не учился как подновлять работу с кожей, когда был с дозором в Олеане?

— Ну, да, но...

— Он обычно любезничал с какой-нибудь из девушек, и она делала это для него, — заметил Ремо, уставясь невинно на мокрые поля.

— Я хотел сказать, подновить, да, но над этими ботинками никогда и не работали! Я думал, нужно, чтоб сперва их кто-то смастерил.

— Обычно да, но я посмотрю, что я смогу вложить, — сказал Даг. — Это не так трудно, как было бы, если бы я не чинил кожаную упряжь тысячу раз.

Они устало тащились вперед мимо деревенского строения вроде постоянного двора, но у них еще оставалось два часа солнечного света; лишь Фаун взглянула назад с сожалением. Когда сгустились сумерки, они нашли местечко повыше за дорогой, чтоб разбить лагерь. Фаун не была потрясена его комфортом несмотря на то, что парни развели костер невзирая на сырость. Она распаковала еду и разделила ее.

Вскоре Даг и Барр склонились над раздражающими ботинками. Даг, весьма сведуще, как показалось Фаун, проинструктировал Барра как уговорить их стать более водоустойчивыми. «Грязеботинки. Скоро будут антигрязеботинки, правда, они не будут ходить сами по себе, не будут заставлять владельца танцевать всю ночь напролет, и не будут отмахивать семь миль за шаг. Так круто для эффективной магии Стражей Озера, грешной некромантии со всеми этими слухами об обрядах каннибалов. Видели бы другие этих парней, как я сейчас...»

— Эй, Фаун! — позвал Ремо с другой стороны костра, где он чем-то шуршал вокруг забитой водорослями водосточной канавы. — Хочешь аллигатора?

— Нет! — закричала она в тревоге. — Я его не хочу! — «Он нашел аллигатора? Большого? А если он унюхает, из чего сделаны ее туфли? И он тогда рассердится? А если Ремо его поймает вместо того, чтобы быть жестоко искусанным этими вот челюстями, похожими на капкан, как его беспечный энтузиазм заслуживает, заставят ли ее его готовить?..»

Ремо, топая, пришел из темноты с чем-то извивающимся, растянутым в обеих его руках. Обувная магия была временно забыта, потому что Барр тоже вскочил посмотреть. Даг бесчувственно сидел на своем бревне и улыбался выражению на лице Фаун. Это бы раздражало ее, наверное, если бы в последнее время его улыбки случались не столь редко.

— Он... маленький... — сказала Фаун, когда чудовище было радостно ей предоставлено для осмотра. Выдирающаяся ящерица в полтора фута длиной; Ремо одной рукой крепко сжимал ее челюсти, а другой тянул за дергающийся хвост. Ящерица протестующе шипела и шевелила короткими лапами, пытаясь оцарапать агрессора.

— Совсем малыш, — согласился Ремо. — Они из яиц выводятся, говорят. Как цыплята.

Выпуклые желтые глаза с вертикальными прорезями зрачков смотрели гораздо менее дружелюбно, чем цыплячьи. Малыш или нет, но Фаун почувствовала, что это не то животное, которому будут приятны ласки. Сказка Бо о мальчике, медвежонке и колючке закончилась бы совсем по-другому, если бы мальчик вытащил колючку из лапы создания

вроде этого.

Когда парни из Олеаны закончили ахать над поимкой, они начали спорить над тем, где ее выпустить. Фаун приняла эту мысль без особой радости.

Даже исключая ужасы, которые Злой может сделать из такого создания, эти ужасные твари вырастают, по-видимому, в тех, которые искусали мальчика в лагере Стражей Озера. И если она вызовется его приготовить, это не сможет закончиться тем, что оно приползет ночью в ее постель, хоть она и предполагала, что мальчишки предпочли бы опробовать эту игру на ком-то другом, нежели на Даге. Они не были ее братьями. Их гвалт бы все еще мешал ей спать.

Они пожарили тонкие мясные кусочки над углями. Фаун нашла, что мясо аллигатора на вкус является чем-то средним между свининой и вареными клешнями краба, которые она пробовала на рынке Подводного города — и, как все, приготовленное на костре, конечно, с запахом дыма. Оно утоляло голод, но Фаун не видела в будущем разведения аллигаторов. Обработка шкурки заняла дозорных на остаток вечера, позволив Фаун обнять Дага в их постели, где не было аллигаторов, в слабой попытке согреться.

Когда лагерь, наконец, утих с приходом ночи, она пробормотала ему в ключицу:

— Даг?..

— М-м?

— Я думала то, что ты и Ремо узнали о расколдовывании, там на Грейс, было замечательным. Я думала, тебе нужно рассказывать об этом каждому новому Стражу Озера, которого ты встречаешь. А вместо этого я вообще не вижу, чтобы ты говорил хоть с каким-то Стражем Озера, которые мимо проходят...

Даг что-то буркнул. Словесный эквивалент того, как он опускает веки, решила она.

— Вот я и гадала, отчего так, — закончила Фаун, отказываясь покориться.

Он вздохнул.

— Здесь всё не так просто. Да, этот трюк позволяет расколдовывать крестьян, в этом я уверен, но я все еще не знаю, какой эффект это оказывает на Стража Озера, говоря обо всем странном Даре. Я волен экспериментировать на себе. Но менее волен подвергать риску других, пока я не знаю... — Он замолчал.

— Чего?

— Того, чего я пока не знаю.

Она хотела ободрить его, сказав что-то вроде «ну, по крайней мере мы двигаемся в верном направлении чтоб узнать», но из всего, что было ей известно, она вытащила их всех в дурацкую поездку. «Завтра будет видно.»

— Но ты расскажешь об этом Аркади, да? Обещаешь?

— О, да, — пробормотал он, потрепав ее кудри. — Давай спать, Искорка.

* * *

В середине дня по боковой дороге, отходящей к западу от Тракта, они прошли из невспаханых полей в леса; Даг предположил, что они пересекли земли крестьян и вышли к лагерю Стражей Озера. Сам лагерь показался скорее, чем они ожидали, всего лишь через несколько миль. Мэгпи, узнав былой дом, рванулась вперед, и впервые за все время Фаун пришлось натянуть поводья, чтоб вернуться к скорости пешего шага своих спутников. Дорога взбиралась на небольшой подъем, который оказался бывшим речным обрывом, и сердце Дага странно подпрыгнуло, когда он уловил знакомый блеск озерной воды сквозь голые деревья. «В этом дозоре я оказался далеко от дома...» Это русло был старым водным путем Серой, которая века назад была пущена по дуге на тридцать миль к западу отсюда, оставив озеро в форме полумесяца и русло в земле, где она лежала раньше.

Четверть мили вдоль полумесяца, и дорога вновь вильнула влево, спускаясь к мелководью озерной долины. Отрог извивался обратно вниз по склону в леса. Сразу после того, как тропинки встретились, два обрубленных дерева по обеим сторонам поддерживали

потертую жердь, перекинутую через дорогу на высоте колена; не столько ворота, сколько их идея. Менее небрежными были двое снаряженных дозорных, несущих в свою очередь эту несложную лагерную обязанность между дозорами. Они наблюдали за приближением небольшой компании Дага с тревожным любопытством. Даг предположил, что их открытый Дар — его собственный сейчас был практически закрыт — уверил их, что посетители явились не с враждой.

— О, ого! — сказал Ремо, выпрямляя спину. — Это те две девушки, которые продавали лошадей на рынке Подводного на прошлой неделе!

— Да? — Барр проследил за его взглядом, приподняв брови. — Ага! Так вот почему, напарник, ты не взял меня помогать тебе покупать лошадь, да?

— Не думал, что ты интересуешься лошадьми, — сказал Ремо любезно.

Они все остановились перед жердью.

— Ба, это же наш спокойный приятель из Олеаны! — сказала одна из дозорных, та, что с красно-рыжими косами, обвинившимися вокруг головы. — Как дела, Ремо? Что тебя сюда привело? — Ее высокая напарница-блондинка одобряюще поглядела на парней, с любопытством на Дага и с сомнением на Фаун. Рыжая добавила более тревожно: — С пегой кобылой, надеюсь, все в порядке?

Ремо наклонил голову и улыбнулся:

— Привет! Да, с кобылой все хорошо.

Фаун дружелюбным кивком подтвердила эти слова, сидя в седле Мэгпи, которая вытянула шею и обнюхивала своих бывших владельцев.

— Мы просто привели нашего, гм, друга Дага сюда увидеться с тем человеком, Аркади Уотербёрчем, о котором вы нам рассказывали.

Ремо, очевидно, взял на себя ораторствующую роль, Даг был склонен позволить ему продолжать; он только кивнул и дотронулся до лба в вежливом приветствии. После он гадал, что в точности Фаун и Ремо говорили о нем, потому что две женщины уставились на него с некоторым удивлением. Он еще раз намотал поводья Копперхеда на крюк и ждал.

Вмешался Барр с широкой честной улыбкой:

— Привет, меня зовут Барр. Я напарник Ремо, о чем он, наверное, забыл упомянуть. Я тоже с Олеаны... лагерь Жемчужные Перекаты, наверх по Грейс. Настоящая страна Злых там на севере, знаете ли. Похоже, он также забыл сказать мне, как вас зовут... — Он приглашающе замолк.

Последовал обмен любезностями, в которых Барр мягко разузнал имена девушек-дозорных, имена их шатров, предварительное расписание дозоров, семейное положение, факт, что высокая блондинка только что вернулась из дозора по обмену, а рыжая никогда не покидала территорию родного лагеря, а также есть ли у них прекрасные сестренки — или страшные братья. Даг бы несколько забавлялся, если бы не был таким уставшим и напряженным.

Ремо слушал с растущим беспокойством. Дождавшись естественной паузы в разговоре, он сжал руку Барра и перебил его:

— А где нам найти целителя Уотербёрча?

— О, — сказала рыжая Тавия. Она повернулась и описала рукой дугу вокруг озера. — Если ехать этой дорогой вниз и на развилке направо вдоль берега, то через полмили будет шатер целителей. Шатер старого Аркади — третий после него, наособицу. Там две большие магнолии с двух сторон от входа, не пропустите. — Она посмотрела наверх на слушающую Фаун, прибавила толчок от блондинки-напарницы Ниты и добавила: — А если пойдете по этой дороге на запад отсюда, обратно и вниз по склону, то там укрытие и лагерь для крестьян, которые приходят торговать. Там свой колодец и все прочее. Ваши крестьянские друзья могут подождать там.

— Она со мной, — сказал Даг.

Тавия посмотрела на него с вежливым смущением; блондинка нахмурилась.

— Крестьянам не разрешается посещать лагерь, — сказала Нита. — Убежище не

плохое, и там должны быть дрова для очага. Сейчас там никого нет.

Даг сжал челюсти.

— Мы войдем вместе или не войдем вообще.

Ремо и Барр обменялись встревоженными взглядами.

— Даг, — сказал Ремо неловко, — мы сюда два дня шли...

— Если Фаун не позволено будет войти, ни это место, ни его люди для меня не подходят. Если отправимся сейчас, до ночи будем на полпути к «Надежде».

— Пойдите, пойдите! — сказал Барр, когда Даг повернулся, чтоб уйти. Но, когда Даг остановился и поднял брови, не смог привести возражения.

Фаун, которая слушала этот спор с кулаком, прижатым ко рту, отняла его, чтоб умиротворяюще сказать:

— Все в порядке, Даг. Не похоже, чтобы меня кто-то беспокоил в том убежище, и я смогу развести огонь. Я могу подождать там немного, пока ты пойдешь и поговоришь с этим человеком. И тогда посмотрим.

— Нет, — сказал Даг.

— Хм... Она тебе кто? — спросила Тавия.

— Моя жена, — сказал Даг.

— Обе дозорные посмотрели друг на друга; блондинка округлила глаза. Тревога в глазах Барра переросла в панику. «Проклятье, парень, я не знаю, какая вожжа тебе под хвост заехала. Я закрыт так же плотно, как тот орех. Я не могу допустить утечки любого настроения. Мерзко, когда это настроение вырастает...»

Тавия посмотрела на Дага и рассудительно обратилась к Ремо.

— Для чего ему нужно видеть Аркади?

— Это... сложно, — сказал Ремо беспомощно.

— Сложная проблема с работой с Даром, — вмешалась Фаун. — И целительства. Точно не то, что надо обсуждать, стоя на дороге. Вы, двое также не мастера, так?

Блондинка казалась обиженной, но Барр добавил торопливо:

— Да, возможно Аркади может быть единственным, кто в состоянии решить. Двое дозорных действительно не слишком подходят чтоб решать, что нужно мастеру. Я знаю, что я тоже нет! Вот почему мы здесь. — Он заморгал и победно улыбнулся девушкам. — Я думал, это было достаточно важно, чтобы идти два дня — и при этом, в плохих ботинках. Я с ума сойду, если остановлюсь в полумиле. Если вы не можете впустить Фаун, — а поверьте, я знаю как суровы могут быть командиры дозорных, когда речь о правилах лагеря, — то не могли бы кто-нибудь из вас пойти и позвать его, чтобы мы могли поговорить? И тогда что бы ни решилось, это будет на нем, а не на вас, как и должно быть. — Глаза Барра увлажнились и заморгали, как у эмоционального щенка; Даг мог бы поклясться, что его светлая коса стала пушистей, а улыбка стала ослеплять. Ремо сжал переносицу и вздохнул.

Брови Тавии изогнулись, но жульническая улыбка появилась у нее в ответ против ее желания.

— Ну... — сказала она слабо.

— Все, — рыкнул Даг, — или ничего.

Барр сделал умоляющий жест и продолжил улыбаться. Даг вспомнил историю Бо о парне, который улыбался медведю с дерева. Хоть это и не имело ничего общего с запрещенной работой с Даром, но напоминало некоторую форму уговаривания, потому что Тавия почесала затылок и повторила:

— Ну... Я думаю, я могу быстро сбегать и спросить его, конечно. Думаю, после этого это будет его забота.

— Тавия, ты — сокровище среди всех дозорных у ворот! — закричал Барр.

— Барр, просто здравый смысл требует так поступить, — сказал Ремо успокаивающе. Он отвесил Тавии уважительный салют, полный благодарности. Она ушла, игриво взглянув напоследок через плечо, и, казалось, взгляд этот был поровну разделен между двумя дозорными.

Нита потрясла головой и вернулась к прежнему твердому выражению лица. Повисла тишина. Ремо потер обветренные руки и украдкой взглянул на нее. С высоты Фаун сказала:

— Думаю, мы можем напоить лошадей в том колодце, пока ждем. Пойдем посмотрим.

Даг хмыкнул, но не оставил ее без внимания, когда она натянула поводья кобылы и спешила. Барр пошел следом, схватив Ремо за Руку и потащив за собой. Крестьянский торговый лагерь оказался большой поляной, укрытие — тремя бревенчатыми стенами с очагом, уютно покрытое крышей, аккуратное и в достаточно хорошем состоянии. Ремо и Барр принесли несколько ведер воды и опустошили их в лохань, из которой Копперхед и Мэгпи выхлебали достаточно, чтобы признать ее уместной.

Когда они вернулись к воротам, Тавия как раз показалась вдали на дороге, и рядом с ее плечом шел высокий мужчина.

— Проклятье, Барр, — пробормотал Ремо. — Впервые вижу, чтоб твои таланты оказались полезными.

— Да? — пробурчал в ответ Барр. — Я считаю их полезными. Ты просто их впервые оценил.

Когда пара подошла ближе, Даг осторожно изучил Настройщика Дара.

Аркади Уотербёрч был одет в чистые штаны, рубашку и плащ некрашеной шерсти до колен, распахнутый по такой умеренной прохладе. Его светлые волосы, исчерченные серым, были забраны назад в аккуратный скорбный узел на затылке; в этом бледном свете зимнего дня он светился как посеребренный. Линия его волос пока не истончалась, но, казалось, уже подумывала об этом. Когда он подошел ближе, Даг разглядел его смуглую кожу с мелкими морщинками от уголков глаз и вокруг рта, и понял, что не может сказать, сколько тому лет; седина в волосах говорила о возрасте, а необветренная кожа предполагала юность; в любом случае, он не ушел далеко от собственного поколения Дага. Его руки также были мягкими, с чистейшими ногтями среди всех, какие Даг ранее видел даже и у целителей. Его глаза были медными с золотым отливом. Общий эффект несколько сбивал с толку.

Что представлял собой Дар этого человека, Даг не мог сказать до тех пор, пока не откроет свой собственный, в основном закрытый с тех пор как... после происшествия с Крейном, на самом деле. Когда взгляд мастера в свой черед прошелся по нему, Даг осознал собственную потрепанную путешествиями внешность. Два дня пешего хода по болоту и путевая ночевка вернули его к его виду дозорного: потертая, в пятнах пота одежда — хоть и, спасибо Фаун, аккуратно чиненная; короткие волосы взлохмачены; небрит, потому что утром им нужно было быстрее выдвинуться из сырого лагеря. Большая часть старых шрамов прикрыта одеждой, но впервые за долгое время Даг ощутил желание спрятать свою искалеченную руку за спину.

Мальчики были достаточно аккуратными для дозорных; их юность, подумал Даг с внутренним вздохом, заставила бы хорошо выглядеть и надетую на них рогожу, хоть они этого и не знали. Фаун, сидящая в седле Мэгпи, была красивой, маленькой, сильной самой собой, с карими глазами, горящими от надежды и тревоги, и на каждый немногий свой дюйм — крестьянской девушкой. Он вспомнил день, когда она сказала жуткому командиру Ворону Громовержцу пойти и утопиться в озере Хикори во время не самого легкого знакомства, и почти улыбнулся.

Когда мастер остановился и присоединился к людям, ждущим его, он казался все более и более удивленным. Он повторно окинул компанию беглым взглядом, остановился на Ремо и обратился к Дагу:

— Рассказ Тавии показался несколько путаным. Но если это ваш мальчик, тогда я должен сказать вам прямо сейчас, что у него неподходящий Дар для подмастерья целителя. Он рожден дозорным. Если вы прошли весь этот путь ради другого ответа, тогда вам следует отправиться домой, извините, потому что я не могу вам его дать.

Ремо казался захваченным врасплох.

— Нет, сэр, — сказал он торопливо, — мы здесь не для этого. И Даг — не мой отец, он мой... хм... командир, полагаю.

Командир Без Лагеря, как злополучный Крейн поименовал Дага; имя оказалось липучим вместе с несколькими менее желательными подарками.

Медные с отливом глаза сузились при виде крюка Дага. Аркади сказал несколько мягче:

— А. Вы, возможно, обмануты слухами. Иногда, если ветер попутный, мне удается сделать что-то полезное, но чудеса не по моей части. Боюсь, для вашей руки я не смогу сделать много. Это ранение слишком старое.

Даг прочистил горло:

— Я здесь не по поводу отсутствующей руки, сэр. — «Я здесь по поводу того, что рука стала возвращаться». С таким прямым сопротивлением Даг обнаружил, что ему трудно объяснить, что ему нужно. — Это не Ремо заинтересован в обучении на целителя. Это я.

Глаза Аркади расширились:

— Конечно, нет. Таланты мастера, если они у вас есть, проявились бы к двадцати. Даже потенциал настройщика Дара должен был начать проявлять себя к сорока.

— Я тогда подолгу уезжал как дозорный, и никто не мог остановить меня. Мое мастерство было... отложенным. Но в этом году все изменилось, от моего имени до моего Дара. — Даг сглотнул.

— Как бы то ни было, — встряла Фаун, — тогда Даг просто не думал, что он может быть целителем, а теперь лечил людей вдоль Грейс и в долине Серой. Он исправил разломанную коленную чашечку Хога, когда его лягнула лошадь, и болезнь живота у Кресс, и проломленный череп Хайкри и еще перерезанное горло одному парню после драки в бандитской пещере, и кто знает что еще, и он вылечил Бо, когда его пырнули в живот, и мы все были уверены, что он умрет. И он сделал разделяющий нож. До этого он лечил в дозоре по пути, я уверена, но с прошлого лета все изменилось. Я не знаю, почему именно сейчас, но талант у него есть. Ему нужны инструкции. Чтоб не наделать ошибок по незнанию и потом жалеть, я могу вам рассказать все о том, как это бывает.

Голова Аркади откинулась назад. Его глаза сузились на Дага, затем переключились на Ремо.

— Вы это видели? — спросил он.

— Да, сэр, — сказал Ремо. — Ну, коленную чашечку я видел потом, после того как она в основном вылечилась, и меня не было там при женщине с Жемчужных Перекатов, но все остальное — да.

— И больше, — сказал Барр, его губы изгибались.

— Если так, почему его не пригласили — не похитили! — целители одного из тех лагерей вдоль реки?

— Все эти люди, кого он лечил, были крестьяне, — сказала Фаун.

Аркади отпрянул; он повернулся к Дагу. Полным сдавленной ярости голосом он сказал:

— Вы непроходимый идиот! Вы оставили всех этих бедолаг сходить с ума заколдованными?

Губы Дага изогнулись.

— Нет, сэр. Потому что мы — Фаун, Ремо, Хог и я — мы удачно раскололи расколдовывание. Я решил, что это первое, что нужно было сделать, раз я собирался стать целителем для крестьян. Я это делал и делаю.

Все трое из Полумесяца уставились на Дага открыв рот. И видели... немного; он все еще держал свой Дар крепко закрытым. Никто не мог сказать, скрывает он правду или ложь, только лишь что он скрывает себя.

— Вы бредите, — внезапно сказал Аркади. — И я не буду иметь дело с предателем.

— Я не предатель! — сказал Даг, задетый за живое. «А ты уверен, старый дозорный?» Он был готов открыть Дар, открыть себя этим медно-золотым глазам и всему, что лежало за ними, и чего он не хотел делать в этих воротах. Или вообще не хотел, признался он себе.

— Дезертир? — спросила Нита подозрительно. Она поглядела на Фаун, и ее голос стал острее от презрения. — О, конечно же. Это очевидно. Изгнан за любовь к крестьянке, в

Олеане.

— Нет! — Несмотря на то, что последнее было близко к правде. — Я уволился из дозора должным образом. Мой бывший командир знает, куда я отправился и зачем. — Проблема была огромна, сложна, с запутанными нитями, ведущими к самому личному аспекту его Дара и наружу, охватывая весь мир. Проклятье, это просто невозможно рассказать эту путаницу связно. Но на него смотрели настойчиво глаза Фаун. Он не должен обмануть ее огромное доверие.

— Предатель, дезертир, изгнанный или просто сумасшедший, ясно одно — вы не подходите для того, чтобы быть целителем, — сказал Аркади холодно. — Прочь. Уходите из этого лагеря. — Он стал поворачиваться, чтоб уйти. Рука Фаун взметнулась в мольбе; он не взглянул на нее.

«Мы пытаемся спасти крестьян», думал Даг, «но по правде — поворачиваемся спиной...»

Открыть свой Дар здесь и сейчас ощущалось так, будто бы он сорвал повязку, прилипшую к наполовину залеченной ране. Даг почти ожидал увидеть разлетающиеся кровь и гной.

Впервые за недели он вытянул призрачную руку в полную силу.

И вырвал полоску Дара из левой руки мастера, прямо из материи. Кровь хлынула из нее как после кошачьей царапины. Аркади зашипел и обернулся.

Открытый наконец этому человеку, Даг согнулся перед плотностью его Дара, подавленный блеском, похожим на солнце за облаками. Что Аркади делал бы с темной мешаниной, которой был в настоящее время Даг, догадок не было.

Лицо целителя подергивалось от волны эмоций: шок, возмущение, холодная ярость.

Аркади дотронулся до кровоточащего пореза пальцем другой руки; кровь остановилась. Некая посторонняя часть разума Дага преисполнилась восхищения: «О! Он может лечить себя сам!»

Даг сказал безжизненным голосом:

— Вы были открыты. Я мог дотянуться до артерии в вашем сердце так же легко. На первом ударе оно бы взорвалось, на следующем вы были бы мертвы. И я ушел бы отсюда. И если я не превратился в настоящего предателя, человека, которому нужно убивать, то мне нужен проводник. Потому что прямо сейчас я потерялся так сильно, как почти что никогда. — «Спасись после Волчьего перевала и смерти Каунео». Ничто не было бы вновь столь же темным; понимание странным образом успокоило его.

Оба стража ворот обнажили ножи, трясаясь от напряжения, но Аркади жестом попросил их вернуть оружие обратно. Его явно трясло; его губы произносили некое имя... «Суто.» Он выпрямился, пренебрежительно смахнул красные капли с пальцев, сделал глубокий вдох и сказал холодно:

— Это был непростительно неуклюжий образец настройки Дара. Если бы вы были моим подмастерьем, я б с вас шкуру снял за работу с Даром, которая режет пациента, как эта.

Казалось, от головы у Дага отлила вся кровь, так глубоко было его облегчение. «Он знает это. Он знает что это. Это выглядит нормально для него. Это известная техника настройки Дара. Не магия Злых. Я не превращаюсь в Злого...»

Даг понял, что упал на колени, только когда Фаун появилась сбоку, спрашивая испуганно:

— Даг? Ты в порядке? Ты смеешься или плачешь? — Она отняла его руку от лица. Его плечи тряслись.

— Не уверен, Искорка, — простонал он. — И то, и другое, кажется... — Лишь сейчас он понял, сколь сильно этот секретный ужас угнетал его, когда исчез столь внезапно. Был ли он дураком?

«Может быть, нет».

Аркади потер свой точеный подбородок. И, с высоты, вздохнул.

— Вам всем лучше спуститься вниз, ко мне. Не думаю, что смогу разобраться с этим

посреди дороги.

— Им всем, сэр?.. — спросила Нита, с сомневающимся взглядом на Фаун.

— Они, кажется, пришли как команда. Да, всем. Тавия, скажи женщинам, что у меня будет четверо гостей на обеде сегодня. — Он подошел и протянул правую руку Дагу.

«В самом деле, мне нужна рука».

Даг принял ее, выпрямляясь вновь.

Глава 4

Полумиля пешком, с лошадьми в поводу, привела их к шатру Аркади. Фаун уставилась на него в изумлении. После опыта жизни на озере Хикори она думала, что знает, какие бывают шатры Стражей Озера: грубые, нарочито временные бревенчатые хижины, собранные в группки родственников вокруг причала или центрального очага, обычно с открытой стеной, защищенной пологом из шкур. Строения, которые она заметила в Жемчужных Перекатах, были похожими. Здесь... здесь был дом.

Два огромных дерева с грузом темно-зеленых листьев, свисающих как языки — но без цветов в это время года — росли с двух сторон мощеной камнем дорожки.

Выше фундамента, врезанного в откос и отделанного подходящими друг к другу камнями, поднималось несколько комнат, связанных длинным крыльцом. Комнаты были выстроены из серебристо-серых, потрепанных непогодой кедровых досок, с крышей из деревянной кровельной дранки.

Даг казался менее удивленным, но Фаун была не слишком уверена, на что он обращал внимание. После его краткого, пугающего полуобморока на воротах, он пришел в себя и выглядел ужасно закрытым. Вновь.

Они привязали лошадей к перилам крыльца и прошли за Аркади в помещение вроде гостиной, дважды остановившись вытереть ноги: один раз на коврике снаружи и еще раз на тряпичном коврике сразу за дверью. В дальней стене был целый ряд стеклянных окон и дверь на открытое крыльцо, возвышающееся над озером. Большой камин справа подходил для приготовления еды и, как подозревала Фаун, приготовлений целителя. За камином стоял крепкий стол высотой по пояс для работы, а около окна — низкий круглый столик, судя по его виду, только для еды. Он кичился настоящими изготовленными стульями с приделанными к сиденьям подушками. На озере Хикори люди в основном делали столы, похожие на скамьи, и сидели на перевернутых кусках бревен.

— Вы можете вымыть руки в раковине, — указал Аркади и занялся чайником с кипятком, заварочным чайником и прочей посудой. Фаун предположила, что он тянет время, чтобы подумать о том, что будет после; он почти ничего не сказал по дороге сюда, кроме лаконичного указания на штаб-квартиру дозорных и шатер целителей с обеих сторон дороги.

Эти здания также были построены из досок и похожи на дома.

Под окном, выходящим на озеро, была оловянная раковина с бочкой воды, деревянным краником справа и сухой доской слева. Фаун наполнила раковину и взяла в свою очередь кусок прекрасного белого мыла, наблюдая, как Даг исполняет свой одорукий номер с мылом и водой после нее. Аркади, заметила она, прервался, чтобы тоже незаметно понаблюдать. Мальчики-дозорные следовали примеру; очень грязная вода, булькающая, стекла вниз в деревянную трубу, ведущую наружу. Все это было такое же удобное, как хорошо сработанная кухня на ферме, и настолько же трудно перемещалось. Фаун фантазировала, что может почти что слышать, как Даг думает «Сидячие!» — и вовсе не с одобрением.

Они уселись впятером вокруг стола и наблюдали, как Аркади разливает чай по чашкам из обожженной глины и предлагает им кувшинчик меда. Фаун с благодарностью отхлебнула сладкий настой, гадая кому начинать и что говорить, если это выпадет ей. К ее облегчению, начал Аркади.

— Итак, бывший дозорный, каким образом вы пришли ко мне? Путь из Олеаны до Русла Новолуния кажется весьма дальним. — Он выпил глоток и откинулся назад,

внимательно наблюдая за Дагом.

Это был — намеренно ли? — очень размытый вопрос. Даг поглядел на Фаун как-то отчаянно и спросил:

— С чего начать, Искорка?

Она укусила себя за губу.

— С начала? Которое было в Глассфордже, полагаю.

— Так давно? Все это? Ты уверена?

— Если мы не объясним, каким образом твой нож оказался заряжен в Глассфордже, ты не сможешь объяснить, что ты сделал с ним в Боунмарше, и почему сама Хохария сказала, что она думает, что это было какое-то колдовство.

Глаза Аркади слегка расширились.

— Кто это — Хохария?

— Главный целитель на озере Хикори, — объяснил Даг.

— А, — Аркади успокоился, услышав это. — Продолжай.

— Что, если я начну? — сказала Фаун. Их рассказ должен убедить настройщика Дара принять Дага всерьез несмотря на то, что Даг якшается с крестьянами. Потому что если их смогли впустить в лагерь по единственному слову этого человека, их смогут, конечно, и вышвырнуть по той же причине.

Связно и правду. Больше ничего им не остается. И очень хорошо — Фаун не думала, что смогла бы лгать под этим пронизывающим медным взглядом.

— Это началось в сезон клубники прошлым летом в Олеане. Я отправилась в Глассфордж поискать работу по причине того, что... — Она набрала воздуха для храбрости. Личная часть этого рассказа будет новой для Барра и Ремо тоже; перед ними было говорить даже тяжелее, наверное, чем перед этим светящимся незнакомцем. — ...по причине того, что я была беременна от крестьянского парня, который не стал на мне жениться, а я не стала оставаться в округе и разбираться с тем, во что превратится моя жизнь, когда об этом станет известно. Так вот, по дороге... Дозор Дага вызвали туда, чтобы помочь найти Злого, который руководил бандитской шайкой в холмах. Пара бандитов — глиняный человек и околдованный парень — поймали меня, потому что я была беременна, видимо.

Глаза Ремо расширились, а Барр заморгал, но оба держали рты крепко закрытыми. Рука Аркади дотронулась до его губ.

— Так, значит, это правда, что Злым нужны беременные женщины для линьки?

— Да, — сказал Даг. — Хотя они также используют беременных животных, если не могут добыть людей. Им не сами женщины нужны, им нужен быстро растущий Дар плода, который они носят, и, гм, образец вынашивания. Чтобы научить их, как, понимаете. Я прибыл... почти вовремя. Там была нужная пещера. Злой вырвал Дар у ребенка Фаун в то время, когда я дрался с его глиняными стражами. У меня были ножны с двумя разделяющими ножами в них, одним заряженным и одним, предназначенным мне. Я бросил ножны Фаун, которая была ближе, и она воткнула оба ножа в Злого, один за другим.

— Сначала неправильный, — призналась Фаун. — Незаряженный. Я не знала.

— Ты и не могла знать, — уверил ее Даг. Он посмотрел на Аркади почти сердито, хоть на самом деле тот не выказывал ни малейшего желания критиковать Фаун.

— В это время он схватил меня за шею, вот откуда это взялось, — продолжила Фаун, указывая на темно-красные вмятины, портящие вид ее шеи, четыре с одной стороны и одна с другой.

— Так вот они от чего! — сказал Аркади, наклонившись вперед и вглядываясь. Он убрал руку до того, как на самом деле дотронулся до нее. — Не ожидал найти шрамы Злого на крестьянине. А это самые свежие, какие я когда-либо видел. Этот вид повреждений Дара не слишком часто у нас здесь попадается.

Барр откинулся назад, его брови нахмурились; запоздало понял только сейчас, как близко к Злому была тогда Фаун, подумала она. «Если на мне отпечатки пальцев Злого, он не мог быть дальше, чем на расстоянии вытянутой руки, знаешь ли.»

— Считайте, что вам повезло, — сказал Даг сухо. С уже возникшим началом он, кажется, уже мог продолжить рассказ. — В любом случае, предназначенный мне нож оказался заряжен Даром ребенка Фаун. Главный мастер по ножам на озере Хикори и я имеем разное мнение, отчего так вышло, но это сейчас не важно. В общем, мы забрали нож в мой лагерь, чтоб раскрыть эту загадку. По пути мы остановились в Вест-Блу — родственники Фаун владеют фермой чуть выше речной долины — я думал, им нужно узнать, что она жива. Там мы поженились. Дважды, один раз по крестьянским и один раз по нашим обычаям. Вот. Закатай рукав, Искорка.

Он слегка двинул плечами, чтоб освободиться от куртки, и закатал свой собственный левый рукав, обнажив протез на запястье и свадебный браслет, сплетенный Фаун. Обычно Даг перед чужаками не поднимал рукавов, но Фаун предположила, что этот мастер, как крестьянская акушерка, должен увидеть что происходит, чтоб делать свою работу, так что тут просто приходится отбросить смущение. Почти так же неохотно Фаун потянула свой левый рукав, чтоб открыть свою тесьму.

Даг выставил вперед плечо.

— Говорит ли ваш Дар, что эти браслеты — настоящие? — спросил он. Проворчал, вернее.

— Да, — сказал Аркади с любопытством. Фаун вздохнула с облегчением.

— Спасибо за честность, сэр, — Даг сел с удовлетворенным кивком. — Позже у нас было проклятое идиотское разбирательство о них на озере Хикори.

Аркади прочистил горло.

— Ваши родственники не были рады вашей невесте, я правильно понял? — Вашей очень молодой невесте, добавил он взглядом, как показалось Фаун, но он благоразумно не сказал этого вслух.

— Я думаю, твоя тетя Мари и дядя Каттагус были очень милы со мной, — сказала Фаун с некоторой защитой дома Дага, которую могла оказать. — Погоди, Даг, ты забыл про стеклянную вазу. Это важно. Это был первый раз, когда твоя призрачная рука проявилась. — Она повернулась к Аркади. — Так Даг назвал ее сначала, потому что она его сначала ужасно пугала, но Хохария сказала, что это была проекция Дара. Эту часть рассказывай лучше ты, Даг, потому что для меня она все равно что магия.

— Там была стеклянная ваза, — Даг помахал рукой. — В Вест-Блу, прямо перед тем, как мы поженились. Она много значила для Фаун — она привезла ее из Глассфорджа в подарок своей маме. Ставшей позже моей хозяйкой шатра. Ваза упала и разбилась.

— Три крупных куска и около сотни осколков, — добавила Фаун в поддержку. — Рассыпалась по всему полу. — Она была благодарна за то, что Даг опустил предшествующий семейный скандал. Как бы она ни сердилась иногда на родичей, ей бы не хотелось выставлять их дураками перед этим Аркади.

— Я... — Даг сделал жест крюком. — Это появилось, и я как бы скрутил стекло обратно все вместе через его Дар. Понимаете, я до этого видел, как такие вазы делали в Глассфордже. Их Дар как бы жужжит... — Его губы изогнулись, как если бы он пел ноту, но беззвучно.

Аркади, Барр и Ремо уставились на его крюк... Нет, не на крюк, поняла Фаун. На невидимую, неуловимую проекцию Дара, которая заняла место его левой руки. Которую она никогда, скорее всего, не увидит, но может иногда — она подавила улыбку — ощутить. Даг расслабился, трое Стражей Озера тоже, и она решила, что он позволил проекции Дара исчезнуть.

— Впервые слышу об этой вазе, — пробормотал Барр Ремо. — Боги! Ты об этом знал? — Ремо потряс головой и показал тому жестом помолчать.

— До того, как встал вопрос на озере Хикори, — продолжил Даг, — произошло появление крупного Злого в Рейнтри. Вы здесь внизу слышали об этом?

— Немного, — сказал Аркади. — Признаюсь, дозорные здесь слушают новости с севера более внимательно, чем я. Там, кажется, всегда происходит что-то волнующее.

— Злой из Рейнтри оказался более чем обычным волнением. Он обещал быть настолько же дрянным, как Волчий перевал в Лутлии двадцать лет назад. Даже хуже, потому что он укрепился, чтоб прорваться через густонаселенные крестьянские земли. Еда для Злых на тарелочке.

Аркади пожал плечами.

— Но, вы сказали, вы были из Олеаны?

Даг поджал губы. Фаун быстро встряла:

— Рейнтри выслало гонцов за помощью. Озеро Хикори — ближайший сосед в этом районе на северо-западе. Ворон Громовержец — командир лагеря Хикори — выбрал Дага как командира кампании для сил, которые отправил на помощь. Объясняй о разрывании Дара Злого, Даг.

Даг набрал воздуха и изогнул левую руку, поворачивая крюк. Снова появилась призрачная рука или он просто что-то показывает?..

— То, что я сделал с вами на воротах, сэр. За что я извиняюсь, но я был должен... не важно. Что, как вы думаете, это было?

Аркади, вспомнив, дотронулся до тыльной стороны руки, где теперь была царапина, и нахмурился, глядя на Дага.

— Проекция настройки Дара, примененная слишком сильно, с повреждением вышележащих тканей. Преднамеренно, как я понял. Хотя бывают случаи, когда такое выхватывание является полезным инструментом — только используется куда более аккуратно, должен сказать.

— А используемое гораздо более мощно и совсем не аккуратно — это то же самое, что вырывание Дара, которое производят Злые, — сказал Даг.

Брови Аркади взлетели вверх.

— Конечно, нет, — его глаза метнулись к горлу Фаун.

— Конечно, да, — сказал Даг. — Я видел, как это происходит и проделывается, и здесь нет ошибки — я могу позже показать вам старый шрам от Злого у меня на ноге. Как с той стеклянной вазой, впервые, когда я это проделал, я был очень расстроен. Мы подобрались близко к Злому и он попытался вырвать Дар у одного из моих дозорных. Я просто потянулся... — Даг набрал воздуха. — Бесплатный совет, мальчики, купленный по обычной цене. Никогда не пытайтесь вырвать Дар Злого. Его Дар прилипнет к вашему, и он смертельно ядовит. Вот откуда у меня эти шрамы... — Он показал широким жестом на свою левую сторону. Он указывал не на тело, поняла Фаун, а на Дар.

— О, — сказал Аркади странным тоном. — А я не мог понять, что оставило эти темные волны.

Даг заколебался.

— Вы никогда не видели Злого, верно, сэр?

Аркади покачал головой.

— А в дозоре вообще были?

— Когда был мальчишкой, они отправляли меня несколько раз вместе со сверстниками. Но талант мастера проснулся у меня очень рано.

— А, лагерные путешествия с детьми, — пробормотал Барр. — Терпеть их не могу. — Сосредоточенный Ремо тычком призвал его к молчанию.

— Так что вы никогда не видели живого глиняного человека, — вздохнул Даг.

— Э... нет. — Аркади добавил после паузы: — У целителя, который учил меня в лагере Мшистой Реки, был мертвый, он его хранил для демонстрации. Хоть и высушенным, из-за этого было трудно разобрать все отвратительные детали. Он вскоре упал и развалился. Жаль, я считаю.

— И вы также никогда не видели ясли глиняных людей. Поэтому следующее объяснить будет трудно.

Аркади выдержал длинную паузу с неким особенным выражением на лице, проглотил какой-то первый ответ и сказал вместо него:

— Попробуйте.

— Хорошо. Мы поняли все это по кусочкам, мысленно. Злой, до того, как мы выехали, появился в месте под названием лагерь Боунмарш. Большинство Стражей Озера ушли, — Даг мельком взглянул вокруг на дом Аркади и Фаун снова почудилось бормотание о «сидячих», — но он захватил полдюжины мастеров. Он связал их Дар вместе...

Аркади издал тихий шипение и передернулся.

— О, дальше хуже. Он соединил их Дар в одну огромную, сложную спиральность, чтоб поработить их и сделать оптом примерно пятьдесят глиняных людей, которых Злые растят из местных животных. Между прочим, наполовину сформированный глиняный человек — это, наверное, самая жалкая тварь из всех, которых вы когда-либо видели. Вы захотите его убить быстро просто из жалости. Когда мой отряд вернулся в Боунмарш, мы обнаружили, что Дар все еще связан, а мастера без сознания. Понимаете, до этого я думал, что конструкция распадется, когда умрет Злой, но ошибся. Еще хуже было то, что когда кто-то открывал свой Дар, чтобы попробовать проникнуть внутрь и сломать замок, его втягивало внутрь ловушки как в колодец. Я потерял троих дозорных, чтоб это узнать.

— Это... изумительно, — сказал Аркади. Первый страх Фаун, что Аркади выкинет их вон до того, как они смогут все рассказать, ослаб. Под его спокойной сдержанностью, подумала она, кроется сильная увлеченность. И ему нравятся рассказы о работе с Даром.

Даг коротко кивнул.

— Это был очень развитый Злой, самый развитый из всех, каких я видел.

— И э... как много вы их видели?

Даг пожал плечами.

— Я перестал считать годы назад. Тех, что я убил ножом собственноручно, было двадцать шесть или около того. Включая сидячих. В любом случае, вернувшись в Боунмарш, я сглупил и попробовал соединить Дар, чтоб успокоить сердцебиение умирающего мастера в ловушке. И меня тоже засосало. Вот так я и узнал о спиральности — видел ее изнутри. После этого история переходит к Фаун, потому что следующие несколько дней были для меня серым туманом.

Фаун решила на упрощенную версию:

— Я приехала в Боунмарш с Хохарией, потому что Даг послал за ней, ему нужна была помощь из-за этой ужасной штуки с запертым Даром. Никто из Стражей Озера, казалось, не знал что с этим делать, это меня прямо с ума сводило, смотреть и ждать. Тогда Хохария попробовала какой-то эксперимент — я не знаю что, хотя я думаю, она подозревала о спиральности.

— Да, — кивнул Даг.

— В любом случае, когда ее засосало, Мари, которая была следующая за ними, запретила все эксперименты. Но той ночью я подумала об одном. Если спиральность — это отрезанный кусок мастера или Злого, а, кажется, это она и была, то может быть, этому оставшемуся куску Злого просто нужна отдельная доза смертности, чтоб его разрушить. Так что я вытащила свой разделяющий нож... — она сглотнула от воспоминаний, — и воткнула в ногу Дага. Потому что когда я убивала Злого раньше в Глассфордже, он сказал, что я могу воткнуть его куда угодно.

Даг улыбнулся и пробормотал:

— Острым концом вперед.

Фаун улыбнулась в ответ.

— Я думаю, это сработало и оживить призрачную руку Дага, таким способом его рука смогла двигаться, но он должен сам рассказать об этом, — закончила Фаун.

Даг нахмурился и почесал затылок.

— Самый странный эксперимент из всех. Мы все знали, на что похоже, когда есть тело и нет чувства Дара, из детства, до того как Дар просыпается, или из закрытого состояния. Пока я был в ловушке Злого, казалось, я был своим Даром, но не своим телом. Я ощутил, как нож вошел в меня, и я сразу его узнал, ведь он был мне предназначен и все еще содержал

сродство с моей кровью. Но у Дара ребенка Фаун отсутствовало сродство со Злым — он был очень странный и чистый — так что там не было резонанса, не было... не было зова, чтоб сломать спиральность ножа и высвободить умирающий Дар. Так что я сломал спиральность ножа сам и добавил сродство из своей призрачной руки. Это было, как если бы я разобрал нож. Обратный процесс к его созданию, все наоборот. Оно разорвало мою призрачную руку весьма жестоко, но уничтожило ловушку Злого и очистило в моем Даре те ядовитые пятна. Жертва Фаун — ну, с небольшой доработкой Дара с моей стороны — позволила нам всем десятерым выйти из ловушки живыми. — Он поморгал, посмотрел на Аркади — тот уставился на Дага, прижав руку к открытому рту, как будто сдерживая некий возглас — и добавил извиняющимся тоном: — Это не было, как если бы я увидел это, все сразу понял и сделал. Это было больше похоже на то, что я увидел, сделал, а понял гораздо позже.

Ремо сказал откровенно разраженным тоном:

— Ты никогда не рассказывал мне всего этого, Даг! Ты рассказывал только о Гринспринге!

— Мне казалось, что Гринспринг был самым важным.

Фаун вздрогнула, припомнив; Даг, с легкой гримасой, потянулся через стол и кратко сжал ее плечо, будто подбодряя юного дозорного.

Аркади отнял руку ото рта и сказал:

— И что за Гринспринг?

Даг вздохнул.

— Когда я достаточно пришел в себя, чтобы ехать верхом, мы все отправились домой и заехали по пути в освещенную крестьянскую деревушку, где появился Злой. Когда мы прибыли, мы нашли там немного вернувшихся людей, они проводили массовые похороны тех, кто не успел убежать. Около полутысячи людей. Этот первый званый ужин был ответом на вопрос «как Злой вырос так быстро и так сильно».

Он обменялся понимающим взглядом с Фаун, и она подхватила тему:

— Они уже закончили размещать взрослых, в основном женщин и стариков, и начали хоронить детей. — Она набрала воздуха, оглядела Аркади и посмела сказать: — Мне говорили, лагерь Новолуния потерял мальчика пару месяцев назад... Там было... Как много детей там было в ряду перед этим рвом, Даг? — «Бледных, лежащих вытянувшись, казалось им нет конца.»

— Сто шестьдесят два, — сказал Даг ровно.

— Разрывание Дара сохранило их от разложения в эту жару, — объяснила Фаун и сглотнула. «Бледные как лед дети...» — Это не так сильно помогало, как можно было бы подумать.

Аркади в этот момент закрыл свой Дар, подумала Фаун; он стал каким-то даже более чем без выражения, по любым меркам.

— Потом это заставило меня задуматься, — сказал Даг. — Каким образом Гринспринг смог произойти и что сделать, чтобы этого больше не происходило? Это проблема Олеаны; на юге почти нет Злых, а на севере почти нет крестьян. А вот там, где они вместе... — он поднял руку и крюк, как бы показывая жест пересекающихся пальцев; Фаун подумала, что всем удалось его понять. — Было ясно, что что-то нужно делать, и еще яснее — что никто этого не делает. И что мы убегаем от времени, чтоб дожидаться кого-то умнее себя, кто сможет это сделать. Вот почему я порвал с родственниками и ушел из дозора. Они решили, что это из-за Фаун, и так оно и было, но это Фаун привела меня в Гринспринг. Иносказательно. — Даг решительно кивнул и умолк.

— Понятно... — сказал Аркади медленно.

Он взглянул на входную дверь; раздражение мелькнуло на его лице, но затем сменилось болезненным выражением. Он поднялся и пошел к двери. На полпути раздался стук. Высунув наружу голову, Аркади обменялся негромкими фразами с посетителем; Фаун успела увидеть женщину средних лет, которая в свою очередь изгибала шею, но не входила. Аркади вернулся с большой накрытой тканью корзиной, которую водрузил на стол.

— Я думаю, сейчас всем нам не помешает подкрепиться.

Фаун, Ремо и Барр подпрыгнули, чтобы помочь Аркади расставить тарелки и приборы; Даг остался сидеть с усталым видом. Перерыв после напряжения был нужен каждому, подозревала Фаун, даже Аркади. В корзине оказался большой закрытый крышкой глиняный горшок, полный жирного жаркого, хлеб двух видов, завернутый в ткань, и, еще более удивившие Фаун, чем такой крестьянский подход к обеду, пара кидальников, шары размером с половину ее головы с коричневой шкуркой. Вскрытые, они оказались цельными с более красной сердцевиной и слаще, чем кидальники, к которым она привыкла на озере Хикори.

— Почему у вас на севере нет этого сорта, Даг? — спросила она с полным ртом.

— Зреет дольше, наверное, — ответил он, также жуя. Судя по чавканью, все северные Стражи Озера за столом явно думали, что это вкусно. Аркади объяснил, что такие растут в мелком месте озера-полумесяца.

Пока они ели. Аркади прекратил расспросы — думал или, может быть, просто имел медицинское мнение о важности пищеварения? И Даг тоже не выказывал желания продолжать. Мальчики, думала Фаун, не посмели бы воспротивиться. «Но Аркади бы не кормил нас всем этим, если бы хотя бы не подумывал оставить, верно ведь? Или, может быть, он просто считает, что диких дозорных, как диких животных, можно приручить кормежкой?»

В конце концов, насытившись, Фаун решила спросить Аркади:

— А откуда вся эта еда? Кого мы должны благодарить?

Он, казалось, был слегка удивлен вопросом.

— Шатры моих соседей по очереди присылают мне обеды и ужины. Завтраки я делаю себе сам. Обычно, чай.

— Вы больны? — спросила она робко. Его брови приподнялись.

— Нет.

Он занялся приготовлением еще одного чайника чая, пока Фаун и Ремо вновь сложили корзину и поставили ее снаружи входной двери по указанию Аркади.

Он вновь вымыл руки, сел, налил чаю и уставился, нахмурясь, на Дага. Даг ответил таким же хмурым взглядом.

— Ваша жена, — сказал Аркади деликатно, — не выглядит околдованной.

— Она никогда не была околдованной, — сказал Даг.

— Вы никогда не работали с ее Даром?

— Немного, время от времени, — сказал Даг, — но она никогда не оставалась околдованной мной. Это было половиной разгадки к ключу расколдовывания. Хог был второй половиной.

Взмах чистой руки Аркади пригласил Дага продолжить. Может быть, эта тема будет менее удручающей, чем Гринспринг?

— Вы знаете, что околдовывание может быть странным, — сказал Даг.

— Мучительно осведомлен, — Аркади скорчил гримасу. — Как большинство молодых и глупых целителей, я однажды попробовал лечить крестьян. Результат был пагубным. Урок я запомнил.

Фаун хотела услышать больше об этом, но Аркади махнул Дагу снова.

Даг вздохнул, как бы придавая себе решимости для следующего признания:

— Хог был помощником возницы в Глассфордже. Мы ехали с его фургоном вниз до Жемчужных Перекатов. Моя лошадь лягнула его в колено, что наложило на меня некую ответственность. Я вспомнил, что я сделал со стеклянной вазой и заставил себя попробовать настоящее излечение. Которое я сделал — хорошо собрал обратно его разломанную коленную чашечку. Но я бросил его, околдованного по уши, мы узнали об этом, когда он прокрался за нами на нашу баржу. И Фаун сказала: «Возьмем его с собой, и может быть тебе удастся разобраться что с ним, но если мы его оставим, то никогда этого не поймем». И она была права. Придя к этому, мы все — я, Фаун, Хог и Ремо — сидели кружком и обменивались маленькими подкреплениями Дара, пока не поняли. Я не думаю, что тот, у

кого одновременно не было околдованного и неоклдованного крестьянина для сравнения, смог бы это увидеть.

Ремо сказал:

— Даже я смог увидеть. Когда Даг мне показал. Хотя, пока я не могу расколдовывать сам.

Аркади с удивлением посмотрел на Ремо:

— И что ты увидел? — спросил он.

— Не рассказывай ему, Даг, — сказала Фаун. — Покажи ему. — Она ощутила неудовольствие, вызываясь на роль Демонстрационного Крестьянина, но, судя по выражению лица Аркади, она подозревала, что у того имелись весьма упрямые представления на эту тему, которых обычное заявление, вероятно, не поколебало бы.

— Снова локоть? — спросил Ремо.

— Пусть так, — согласился Даг. — Смотрите внимательно, Аркади, за обменом Даром.

Ремо потянулся через стол и дотронулся до левого локтя Фаун; она ощутила распространяющееся тепло от крошечного подкрепления Дара. Она попыталась определить, заставило ли оно ее чувствовать некую дружелюбность по отношению к парню или сделало его в ее глазах лучше; но так как она уже относилась к нему хорошо, на этот вопрос было сложно ответить.

Аркади глянул на Дага с некоторой озадаченностью.

— И?

— Смотрите дальше. Наблюдайте за небольшим ответным потоком Дара от Фаун ко мне, почти таким же, как от меня к ней. При подкреплении он течет похожим образом.

Даг улыбнулся и потянулся левой рукой к ее правому локтю. Как и раньше, она ничего не видела; но Аркади выругался — она поняла, что впервые слышит, как он ругается.

— Отсутствующие боги! Это все объясняет.

— Да. Вы только что видели расколдовывание. Дар крестьянина пытается сбалансировать себя через обмен Даром, таким же образом, как обмениваются Даром двое Стражей Озера, но если Страж Озера закрыт — отвергает его — он отбрасывается обратно и вызывает этот странный хм... дисбаланс в Даре крестьянина, который заставляет крестьянина искать других подкреплений. Одержимость, если дисбаланс достаточно силен.

— Нет, да... — Аркади потянулся и почти разлохматил свой аккуратный узел на затылке. — Да, я видел, но не только это. Вот почему ваш Дар в такой ужасной неразберихе? Как много такого вы делали? — Он разве что не кричал. Фаун уставилась на него с разочарованием. Она чувствовала, что открытие Дага заслуживает более сильных аплодисментов.

— Я расколдовывал каждого крестьянина, которого лечил, конечно. С тех пор как я это понял, — добавил Даг слегка виновато. Фаун гадала, как поживает Кресс.

— И еще там был овес, — встряла Фаун. — И пирог. И москит, не забывай, с него началось. Твоя бедная рука тогда раздулась так плохо, что ты не мог протез натянуть после того, как вырвал Дар того москита, помнишь?

— Вы приняли Дар из всех этих вещей? — сказал Аркади в ужасе. — Чудо, что вы еще живы! Отсутствующие боги, человек, вы могли убить себя!

— Ага! — сказала Фаун с триумфом. — Я тебе говорила, что брат Дар того дерева с шипами — плохая идея, Даг!

Даг слабо улыбнулся.

— Я некоторым образом сам это понял, сэр. Ну... Фаун и я поняли. Несколько позже.

— Должным образом контролируемый подмастерье, — сказал Аркади несколько сквозь зубы, — никогда бы не был допущен к загрязнению себя такими ужасными экспериментами!

— Подмастерье наладчика Дара, вы имеете в виду?

— Конечно, — сказал Аркади беспокойно. — Никто больше не был бы способен на такой идиотизм.

Даг почесал ошетилившийся подбородок и мягко сказал:

— Тогда он никогда не смог бы стать способным понять расколдовывание. А он смог. Может быть, хорошо, что я начал неконтролируемо.

— Это всё? — спросил Аркади. Даг утратил свою вспышку юмора.

— Нет, — признал он. — Потому что потом был Крейн.

Аркади, наклонившийся было, чтоб излить что-то гневное, медленно сел прямо. Внезапно нейтральным тоном он сказал:

— Расскажите мне о Крейне.

— На этот раз мальчики там были, — сказал Даг с усталым кивком на Барра и Ремо.

Ремо сказал:

— Крейн был настоящим предателем Стражей Озера. Мерзейший подонок из всех, каких я видел. Вот почему, сэр, вы не должны называть так Дага. — Благоговеющий до сих пор перед наладчиком Дара тихий Ремо сейчас вспыхнул искренней яростью; голова Аркади слегка отдернулась назад.

Вмешался Барр:

— Крейн был из Олеаны, изгнанный из лагеря за воровство и, гм, связь с крестьянкой. Он стал лидером той бандитской шайки внизу реки Грейс, ловящей и сжигающей корабли и убивающей их команды — жуткие события. Думаю, если бы нас, Стражей Озера на борту не было, наша баржа была бы обманута, как и другие.

Ремо продолжил:

— Даг отправил нас собрать все другие лодки и людей, которые пришли вниз по реке в этот день, чтоб атаковать лагерь и вычистить его. Мы это сделали. Даг, хм, сам поймал Крейна. Барр и я были на холме, разбирались с другим бандитом, так что на самом деле я не свидетель... — закончил он с умоляющим взглядом на Дага.

Даг сказал невыразительным голосом:

— Я уложил его, вырвав кусочек Дара из его спинного мозга, сразу ниже шеи. Однажды я видел мужчину, упавшего с лошади и сломавшего себе шею в этом месте, так что имел очень хорошее представление о том, что с ним будет.

— Это... звучит чрезмерно, — сказал Аркади почти таким же тоном. Он твердо взглянул на Дага.

— В это время он держал нож у моего горла, — вмешалась Фаун, нервничая, как бы Аркади не начал представлять Дага как какого-то хладнокровного убийцу, — а его люди собирались увести нашу баржу. Не думаю, что у Дага был выбор.

— Если бы я мог что-то изменить... — сказал Даг, — ...ну, если бы мог что-то изменить, я бы оставил больше людей охранять баржи, и не важно, насколько бы это ослабило нас в пещере. Но случись все так же, я бы сделал это снова. Я не сожалею. Но это привело меня к последней путанице в моем Даре... — Он показал общим жестом на свое тело.

Аркади рассудительно нахмурился:

— Понятно.

— А разве ты не собираешься рассказывать о разделяющем ноже? — спросил Ремо озабоченно.

— О, — Даг пожал плечами. — Мы нашли в бандитском логове незаряженный разделяющий нож, который они отобрали у убитой женщины из Стражей Озера. Крейна должны были повесить с остальными, так что я предложил ему разделение вместо этого. Он согласился. Удивил меня немного. Я откипятил старую привязку с ножа, восстановил спиральность и привязал ее к Крейну. И использовал его для казни, что было не слишком правильно, но относительно этого человека все было неправильно. Так что я решил, что это подойдет. Первый сделанный мной нож. Я бы хотел, чтобы ваш мастер по ножам в лагере послушал как он звучит, если получится, хотя я совершенно уверен, что не бывает такой штуки, как наполовину сделанный нож. Он или заряжается или нет.

— И, — сказал Аркади, — вы думали, что вы сможете это сделать... почему?

Даг вновь пожал плечами.

— Мой брат — мастер по ножам на озере Хикори, так что я нагляделся на процесс. Но самое главное я понял о работе с Даром ножа в Боунмарше.

— А, э... — сказал Аркади, — другая сторона «почему»?

«Что дало Дагу право, он хочет спросить?», гадала Фаун.

Даг спокойно посмотрел на него.

— Мне был нужен нож. Терпеть не могу ходить голым.

За столом стало тихо.

— Знаешь, Даг, — сказала Фаун тихо, — мы все время с прошлой весны провели, прыгая из огня да в полымя так плохо — чудо, что мы успевали дышать. Но когда ты вывалил все это в ряд вот так... не делаешь ли ты некоторого вывода из того, что происходит?

— Нет, — сказал Даг.

Она посмотрела на Аркади:

— А вы, сэр?

Она подумала, что выражение его лица говорит «да», но вместо ответа он отодвинул свой стул. Он сказал:

— Вы, ребята, выглядите так, как если бы последнюю ночь спали в канаве.

— Почти так и есть, — подтвердила Фаун. «Кишащей пугающими болотными ящерицами, именно что».

— Тогда я думаю, вам всем понравится горячее купание, — сказал Аркади.

У трех дозорных это заявление вызвало остолбеневшие взгляды. Фаун, потрясенная видением горшков с углями и с водой на очаге, торопливо сказала:

— О, мы не можем причинять вам столько забот, сэр!

— Это несложно. Я вам покажу.

«Несколько... чопорно?» Аркади вывел их наружу и провел по нескольким ступенькам, спускающимся вниз с крыльца со стороны озера к некоей мощеной дорожке. В дальнем конце ее был замечательная система: душевое ведро с веревкой, привязанной к основанию, закрытое занавесками, и большую бочку с медным дном над огнем. Угли внизу все еще слабо светились.

— Вы можете воспользоваться дорожкой вниз к озеру, чтобы набрать еще воды, если хотите, — Аркади указал на пару ведер на коромысле, — и нагреть ее в бочке. Еще дрова есть в стопке позади тех кустов форситии. Наливаете горячую воду в ведро, намыливаетесь и споласкиваете, потом снова погружаете в бочку. Не торопитесь. Мне нужно пойти поговорить кое с кем, но через некоторое время я вернусь. — Он остановился и оглядел Дага. — Э... Вы бреетесь?

— Время от времени, — сказал Даг суховаато.

— Тогда пришло время.

Аркади скрылся сзади постройки, через несколько мгновений появился со стопкой полотенец и новым куском мыла и снова ушел, уже надолго. Фаун смотрела ему вслед, озадаченная таким поворотом событий, однако без неблагодарности.

— От нас что, так воняет? — спросил Ремо, обнюхивая свою рубашку. Барр проверял механизм душа и был занят, чтоб ответить.

— Мы просто не такие уж красавцы, если сравнить с Аркади, — допустила Фаун.

— И это задержит нас здесь занятыми достаточно долго, как он того хочет, чтобы поговорить с... кое с кем. Сколько этих кое кого, интересно? — сказал Даг менее потрясенно.

«О. Конечно.» Благодарность Фаун растворилась в новой тревоге. Как много людей в лагере имели больший авторитет, чем этот настройщик Дара, что ему нужно с ними консультироваться? Это было ответом на вопрос Дага, пусть и в несколько тревожащей манере: немного.

Но Даг помог Фаун выкупаться первой и выкупался сам с видимым удовольствием.

Она думала, что со стороны Барра было очень вежливо вызваться купаться последним, до тех пор, пока он не отказался выйти снова. Он отмокал в бочке, над которой в прохладном воздухе курился парок, с блаженством на лице. Он там все еще мок, когда вернулся Аркади, найдя остальных одетыми и собравшимися вокруг огня, чтобы просушить волосы. Способом Дага было один раз намотать полотенце на голову, зато Ремо возился со своими больше, чем Фаун.

Аркади сложил руки на поясе и осмотрел Дага.

— Лучше, — допустил он. — В конце концов, я не мог позволить вам сопровождать меня по лагерю с видом, как у голодного бродяги.

— А я сопровождаю? — спросил Даг настороженно. — Зачем?

— Таким образом в порядке вещей производится обучение.

Фаун едва не вскрикнула от радости, но Даг только почесал свой свежевыбритый подбородок.

— Я принимаю ваше предложение с охотой, сэр, но я не уверен, как надолго мы сможем остаться. Моя работа на севере, не здесь, внизу. — Он взглянул на Фаун.

Аркади ответил на незаданный вопрос.

— В настоящее время вы все можете остаться здесь у меня. Включая вашу жену-крестьянку, хотя была просьба, чтобы она не передвигалась по лагерю в одиночку.

Фаун радостно кивнула, принимая правило, однако Даг слегка нахмурился, и это заставило Фаун запоздало задуматься «Просьба от кого?»

— Понимаете, вы будете в первую очередь только смотреть и слушать, — сказал Аркади, — по меньшей мере до того времени, пока я смогу понять, как можно почистить ваш грязный Дар. Если смогу.

Даг изогнул бровь.

— У меня хорошо получается слушать. Так я ваш подмастерье или ваш пациент?

— Немного того и другого, — подтвердил Аркади. — Вы спрашивали... Нет, она спрашивала, — поправил он себя негромко, — делаю ли я какой-то вывод из вашего рассказа. Я делаю. Я вижу человека, поздно и внезапно пришедшего к силе настройщика Дара, бесконтрольно сделавшего жуткую кашу из себя.

— Знаете, сэр, это не звучит сильно обнадеживающе, но мои два наилучших предположения были, что я схожу с ума, либо что я превращаюсь в Злого. Ваша версия нравится мне больше.

Аркади фыркнул.

— Обычно обучению тому, что вы пережили, отводится пять или шесть лет, а не пять или шесть месяцев. Конечно, вы нашли это сложным. И... сколько вам лет? Примерно пятьдесят пять?

Даг кивнул.

— Ну, в придачу, ваш талант поздно проявился — около пятидесяти. Не знаю, что вы делали раньше все это время...

— Был в дозоре, — сказал Даг кратко.

— Или почему это все открылось сейчас, — продолжил Аркади.

Даг улыбнулся Фаун.

— Вы думаете, это ваша крестьяночка сделала что-то с вами? — спросил Аркади. — Признаю, я не вижу каким образом.

Улыбка Дага стала шире.

— Мой брат по шатру Вит — у которого, точно знаю, такой рот, что однажды он лишится в такой вот день всех зубов — однажды сказал, что он не знает, это я похищаю младенцев из колыбели или Фаун грабит могилы. Думаю, второе. Я совсем уж лежал в своей и только ждал кого-то, кто придет и забросает меня землей. Вместо этого пришла она и вытащила меня оттуда. Должен сказать, сэр, лежать там было гораздо более спокойно, чем делать все, что я делал позже, но там было мучительно тесно. Я не хочу возвращаться.

Сердце Фаун затрепетало.

Аркади только потряс головой. Он повернулся к двери, сделал два шага, затем повернулся вновь.

— О, Даг? — Он сложил вместе обе руки.

Фаун увидела это только отраженно, но этого было вполне достаточно; Барр и Ремо вскочили, потрясенные, и Даг — лицо Дага просто засветилось.

У Аркади тоже были призрачные руки!

— Позже мы посмотрим, что можно будет сделать с вашей маленькой проблемой асимметрии, — сказал Аркади. — Кроме прочего. — Он дернул подбородком в сторону Ремо. — Идем со мной, юный дозорный. Я покажу тебе, где забрать ваших лошадей.

Глава 5

Ученичество Дага началось раньше, чем он — да и Аркади, по предположению Дага — ожидал. Они все сидели за столом, уже заканчивая завтрак, который прислали в корзине поддержать увеличившееся хозяйство — хлеб, кидальник и сваренные вкрутую яйца, еще чай — когда после краткого стука в дверь запыхавшийся мальчик ворвался внутрь и выпалил:

— Мастер Аркади, сэр! Мастер Челла сказала сказать вам, что там принесли раненого дозорного, и если вы будете так любезны прийти...

— Очень хорошо, — сказал Аркади спокойно. — Скажи ей, что я скоро буду.

Мальчик кивнул и убежал так же внезапно, как появился.

Аркади пил чай. Даг сказал нервно:

— Разве не должны мы идти немедленно?..

— Если дозорный был бы настолько плох, сомневаюсь, что он смог бы прибыть живым, сказал Аркади. — У вас есть время допить чай. — Он поставил кружку, поднялся без торопливости и добавил: — Когда дело действительно срочное, Челла звонит в большой колокол, который установлен перед шатром целителей. Два удара и три. Все шатры мастеров в пределах слышимости, в ту или иную сторону. Тогда мы бежим.

Сейчас, очевидно, они шли. Даг обнял Фаун на прощание, благодарно кивнул в ответ на ее тихое «Удачи!», набросил куртку на плечи и вышел следом за Аркади. Утро не было ранним; уставшие от их тридцатимильной прогулки Барр, Ремо и Фаун отсыпались, хотя даже так они поднялись до их хозяина. Даг проснулся на рассвете, с полной головой неуверенностей, которые гонялись друг за другом всю ночь и сейчас были готовы к новым кругам.

Аркади вчера днем после того, как показал Ремо где устроить лошадей, очевидно, решил, что Даг отмыт достаточно хорошо, чтобы его можно было показывать людям. Он сопровождал его в шатер целителей для знакомства. К удивлению Дага выяснилось, что Аркади не был главным целителем Русла Полумесяца; этот пост занимала женщина старше его годами, полная, мешковатая и веселая. Мастер Челла проницательно оглядела Дага и показала ему свое владение, познакомив его в свою очередь с мастером-травником и двумя его подмастерьями и со своей напарницей, женщиной примерно возраста Дага. Они не задавали так много вопросов, как опасался Даг; было понятно, что Аркади уже обсуждал с ними своего странного найденьша. «Условно принят». Но в чем состояли условия?..

Спустя пять минут прогулки по дороге вдоль берега показался шатер целителей. Это было разросшееся серое строение, похожее на дом Аркади, почти того же размера. У перил снаружи была конструкция, с которой Даг познакомился в дозоре: две оседланные лошади спереди и волокуша сзади. Челла и тощий шатен-дозорный как раз поднимали седого, более плотно сложенного дозорного на ноги, держа его руки на плечах и помогая ему. На каждом шагу старый дозорный бормотал «Оу. Оу. Оу...»

— Ну, Тапп, — сказал Аркади с грубоватой радостью, когда они поравнялись с группой, — и что вы с собой сделали?

— Ничего, будь оно проклято! — отрезал седой человек, его коса порядком

разлохматилась. — Все, что я сделал — забросил седельные сумки на лошадь точно так же, как десять тысяч раз до того. Клянусь! Внутренности человека не должны вываливаться просто потому, что он эту поганую лошадь решил оседлать. Оу. Оу!

Аркади открыл им дверь. Тощий патрульный нагнулся, чтоб снять с напарника ботинки, потом осторожно провел его через первое помещение, забитое полками с записями, в светлую комнату со стеклянными окнами с видом на озеро. Все четверо помогли уложить больного на узкую, высокую как стол кровать в центре комнаты. Тапп покрылся холодным потом и мучительно дышал, но при этом с любопытством оглядывал Дага и его левую руку.

Аркади и напарник Таппа между тем стащили с него штаны, и Челла живо закатала его трусы до уровня паха, подняла белые брови и указала на красную шишку на его животе.

— Ага, — сказал Аркади. — Идите сюда, Даг, и скажите мне, что вы чувствуете.

Тапп нервно посмотрел на Дага.

— Проклятье, а это кто еще?

— Вымой рот, Тапп, — проворчала Челла.

— Если человек не может ругнуться когда болен, то когда ж ему еще можно? — пожаловался Тапп.

— Не в моем шатре, — сказала Челла твердо.

Тапп фыркнул, затем подмигнул:

— Да, мэм. Мастер-мэм. — Его любопытный взгляд вернулся к Дагу. — Ты разве не дозорный? — спросил он недовольно. — Не из наших. Курьер?

— Был когда-то, — сказал Даг. — Сейчас, хм...

Аркади ждал с холодным интересом, чтоб посмотреть как Даг себя опишет.

— Ты знаешь, как мы обмениваемся молодыми дозорными с другими лагерями в надежде, что кому-то другому повезет вбить в них немного мозгов? — спросил Даг.

— Да, и что? — сказал Тапп.

— Тогда думай обо мне как о целителе по обмену. На испытании. — Даг прочистил горло и добавил: — Понимаешь ли, и сегодня первый испытательный день.

— Аркади, Челла, нет! — закричал Тапп. — Вечно вы напускаете на меня своих ногоруких новичков!..

Аркади широко улыбнулся:

— Успокойся, Тапп. Даг здесь только наблюдает.

Он устремил внезапно острый медный взгляд на Дага:

— И что вы наблюдаете?

Даг сложил правую руку чашечкой над шишкой и неохотно открылся.

— Его резкое движение при поднимании сумок, похоже, порвало слабое место в мускулах живота, и кусок кишки вывалился наружу и пережал сам себя весьма нехорошо. Он весь горячий и раздутый, что тоже делу не помогает. Я думаю, он пытался крепиться слишком дох... — Даг взглянул на Челлу, наблюдающую за ним так же пристально, как Аркади, — слишком долго... «Не надо мне волокуши, сам поеду...»

Напарник засмеялся:

— Точно так он и говорил! — Тапп посмотрел на него.

— И сделал этим хуже, — продолжил Даг. — Как далеко был ваш дозор?

— Два дня езды, — сказал напарник. — Мы были на северо-западе почти у берега Серой.

— Где-то в поездке его кишка завязалась узлом, и дыра распухла и туго сжалась, и сейчас, без сомнений, дело плохо. Я думаю, ему повезло, что поездка не заняла три дня.

Аркади склонил голову в неохотном уважении:

— Очень хорошо. И что бы вы сделали с этим?

Даг сказал осторожно:

— Я знал одного парня в... в месте, где был с дозором однажды, с ним случилось что-то похожее. Целители каким-то образом запихнули кишку обратно внутрь и уговорили отверстие закрыться, потом отправили его в лагерь до завершения лечения. Я не знаю точно,

как было произведена часть с кишкой.

— Если бы не было перекручивания, и разрыв мускульной ткани был достаточно большим, вы могли бы сделать это надавливанием пальцев, на деле, — сказал Аркади.

— Я так делал на пути сюда раз пять, — пожаловался Тапп, — но кишка продолжала выпадать до тех пор, пока не распухла.

Челла моргнула. Аркади вздохнул:

— И, полагаю, вдобавок вы настаивали на том, что можете есть?

— После первого дня — уже нет, — сказал Тапп тише.

Аркади закатил глаза и пробормотал «Дозорные!» себе под нос. Он набрал воздуха и снова повернулся к Дагу.

— При перекрученной и сжатой, как сейчас, нужно произвести некоторую осторожную коррекцию Дара, чтоб восстановить кишку без ее разрыва, проливания крови и гниющей еды в брюшную полость, иначе это приведет к заражению.

Даг понимающе кивнул:

— Как ножевая рана в животе.

— Правильно. Челла, если я могу беспокоить вас — дайте густое подкрепление Дара в воспаленную зону, посмотрим, сможем ли мы несколько ослабить сжатие перед тем, как двигать что-либо.

Челла кивнула, положила руки на вздутие и закрыла глаза. Даг ощутил поток несформированного Дара, хлынувшего в большую плоть Таппа. Дополнительный Дар, возможно, поддержит и ускорит собственные попытки тела вылечиться, а также снизит воспаление и боль. Самая простая процедура; все патрульные обучались хотя бы этому, даже моложе Дага. Фокус работы Челлы был, однако, в лучшем и более густом воздействии.

— Пока мы ждем эффекта, — продолжил Аркади, — позвольте, я расскажу вам больше...

Далее Даг охотно и Тапп куда менее охотно выслушали детальное описание полудюжины других способов. Даг в жизни не мог представить, чтоб человеческие внутренности оказывались в местах, им не предназначенных, и что следовало делать с этим. Особенно Даг был потрясен — или шокирован — версией, когда желудок продавливался сквозь небольшое отверстие в диафрагме, связанное с пищеводом, и оставался половиной на одной и половиной на другой его стороне. К тому времени, когда Тапп должен был пожелать никогда не рождаться на свет, Аркади прервал рассказ и мягко сложил руку чашечкой над шишкой. Даг поднял чувствительность до предела. «Глубже и глубже.» Аркади пронизательно взглянул на него, затем сосредоточил внимание на задаче, закрыв глаза в концентрации.

Пальцы-проекции Дара Аркади были формой не похожи на пальцы. Они мягко расширяли дыру, отделяющую перекрученную кишку, и вдвигали напряженную материю обратно внутрь. Тапп стонал и обливался болезненным потом; его напарник сжал его руку и наблюдал за ним в тревоге, забыв о юморе дозорных.

Сила, думал Даг. Сила так легко двигать материю через ее Дар была потрясающей, хоть проекция Дара Аркади танцевала так деликатно, как если бы он выкладывал лепестки цветов, которые старался не помять. Он уговорил две стороны разорванной дыры сойтись вместе, потом сделал аккуратно сформированное подкрепление Дара, чтобы держать их вместе. Напряженное лицо и хватка Таппа ослабли и он обмяк на столе. Все было закончено менее чем за десять минут, даже не повреждая кожи.

— Я отправлю одного из ногоруких учеников в ваш шатер сегодня вечером, чтобы дать вам еще одно подкрепление, — сказал Аркади Таппу и посмотрел вверх.

— Кто-нибудь сказал его жене, что он уже дома?

— Я послала мальчика, — сказала Челла.

И действительно, жена Таппа появилась спустя несколько минут, вне себя от тревоги, и возгласы «Тапп, что ты с собой сделал?» и «Я не виноват!» повторялись в разных вариациях. Аркади рассудительно дал ей большинство своих инструкций — постельный режим и

никакой еды до завтра, оставаться в лагере, пока Челла не скажет обратного. Даг помог нести Таппа обратно до лошадиной волокуши и смотрел, как его покатали прочь в сопровождении его напарника и жены.

Смотря им вслед, Даг поворачивал крюк то так, то эдак, пытаясь представить работу Дара, которая могла бы уговорить половину чьего-нибудь желудка вернуться в его надлежащую позицию сквозь такое маленькое отверстие без того, чтобы разорвать его прямо под сердцем.

Аркади, потягивающий спину рядом с Дагом, сказал:

— Он прекрасно выздоровеет, если не переусердствует. Не поможет даже то, что он, по словам напарника, два дня дурачился с разрывом и говорил своему командиру, что он будет в порядке еще до того, как отправится домой. Иногда у дозорных совершенно нет мозгов.

— Растрясает в дороге, — сказал Даг. — Разумные люди не отправляются искать Злых.

— Полагаю, кому и знать, как не тебе.

— Сорок лет тем и занимался, сэр.

— Ух. Думаю, ты об этом? — Он нахмурился на крюк Дага. — До и после руки, так? Потому что, похоже, что это случилось лет двадцать назад.

— Ага, — сказал Даг. — Как раз об этом. — Но если Аркади выживал историю из старого дозорного, он был обречен на разочарование. У Дага появился более важный вопрос.

— Сэр... Почему вы не холодеете и вас не трясет после этой работы?

Голова Аркади повернулась.

— А что, ты?..

— После всех моих излечений, весьма сильно, а тот эпизод со стеклянной вазой сбил меня с ног. Все тело было как желе и тяжесть в желудке.

— Ну, значит, ты что-то делал неправильно.

— Что?

— Нужно будет разобраться. — Аркади потер рот тыльной стороной ладони и с любопытством посмотрел на Дага, но не стал задавать вопросов. Вместо этого он передал Дага Челле, пока он отойдет, по его словам, проверить новеньких.

Челла показала Дагу способ хранения записей в своем шатре, больше довольная, нежели польщенная узнать, что потрепанный северянин умеет читать и писать. Однажды их прервала женщина, малышу с больным горлом которой требовалось подкрепление Дара. Во второй раз их прервал мальчик, которого втащил внутрь отец — он разбил голову до крови в драке с братом. Камень, как-то относящийся к делу, был оставлен гневным, потрясенным проигравшим как доказательство или, возможно, как сувенир.

Работая, Челла сохраняла вежливый и кажущийся привычным поток инструкций и комментариев, которые Даг впитывал — с растущим ощущением, что он был всего лишь последним в длинной цепочке подмастерьев, прошедших через ее шатер. Даг был мучительно осведомлен о том, что ничем не может помочь в пришивании куска скальпа, но по крайней мере его крюк оказался полезен для отвлечения внимания, пока шло пришивание. Мальчик прямо попросил историю — сурово сокращенную Дагом — о том, как пропавшая рука была откушена глиняным волком, потом прикусил трясущуюся губу и вынес свое собственное маленькое испытание под изогнутой иглой Челлы с новой решимостью.

Челла подавила улыбку и похвалила его храбрость.

Барр ворвался внутрь с новостью о том, что корзинка с обедом и Аркади оба прибыли обратно домой. Даг шел тихо рядом с ним вверх по дороге, и в голове его вертелись уроки сегодняшнего утра. Множество вещей, которых он не знал, казалось увеличивающимся с тревожащей быстротой.

* * *

В корзинке с обедом были сэндвичи с ветчиной и кидальник, немедленно

уничтоженный.

Пока Фаун, Ремо и Барр убрали тарелки и крошки с круглого стола, Аркади поднялся и пошел к одной из своих полок. Он вернулся с листом бумаги и вновь уселся напротив Дага. Вместо предложения прочесть, он перевернул его и разорвал напополам.

— Сейчас, — сказал он, — давайте посмотрим, что вы делаете такого, что доставляет вам неприятности. Наблюдайте. Э... с чувством Дара, пожалуйста.

«Чего он добивается?» Даг открылся и стал наблюдать, призывая утреннюю концентрацию против послеобеденной дремоты.

Аркади уложил два куска рядом на стол и прошелся пальцем по линии обрыва. Под едва ощущаемой проекцией Дара бумага, шурша, соединялась обратно. Он поднял ее и пощелкал, потом повернул и снова разорвал на половинки. Фаун и мальчики бросили раковину и торопливо скользнули обратно на свои стулья, чтоб посмотреть.

Это произошло так быстро, Даг едва был уверен в том, что именно он почувствовал. Но он ответственно расположил половинки на столе перед собой, соединил их края так хорошо, как мог, высвободил призрачную руку, закрыл глаза и нашел тот странный уровень восприятия, «глубже и глубже», который открыл впервые, когда лечил Хога. Бумага, казалось, была во многом как войлочная ткань, масса крохотных волокон, спутанных вместе — и сейчас оторванных друг от друга. Он вспомнил, как Фаун пряла нить для их свадебных браслетов, заставляя волокна закрутиться и удерживая их.

Только что разделенный Дар этих волокон все еще обладал эхом их бывшего трения. Это будет несложно. Он улыбнулся и повел крюк вниз к краям, чтоб призрачным пальцем уговорить их соединиться обратно.

И открыл глаза в испуге, когда бумага загорелась вдоль линии починки. Он прибил пламя в торопливом смущении.

Барр увернулся от летящего уголька и сказал:

— Даг, это ведь не день рождения! Осторожней!

Даг тщетно потер подпалины на столе Аркади.

— Извините. Извините! Не знаю, как это случилось.

— М-м-ух, — сказал Аркади и откинулся, прищурившись. Он не выглядел удивленным. — Так я и думал. Вы расходуете гораздо больше силы, чем требует задача, и опрометчиво себя истощаете. Излишек становится, в данном случае, теплом.

— Но колено Хога не загорелось! — возразила Фаун. Добавив после мгновенья задумчивости: — К счастью.

— Это была гораздо более обширная задача, и живое тело впитывает Дар на таком уровне, которым не обладают обычные объекты. Лечение неприятных последствий, которые вы испытывали, холод и тошнота, это не какой-то особенный трюк. Это результат основной привычки рассчитывать эффективность чьей-либо работы. Не делать настройкой Дара ничего, что можно сделать физически или даже другим целителем; успокаивать себя, потому что вы никогда не знаете, как скоро появится другой пациент; и никогда не использовать больше силы, чем это действительно необходимо. Это не только менее расточительно, это более элегантно. — Аркади очень любовно покатал последнее слово на языке.

Даг почесал затылок в сомнениях.

Барр захихикал:

— Не знаю, как Даг сможет быть элегантным.

Фаун оцетинилась и открыла было рот, чтоб кинуться в жаркую защиту. Даг мягко перебил:

— Тренировка по закрыванию Дара. Когда вы с Барром последний раз тренировались закрывать свой Дар, Ремо? Еще перед свадьбой Вита и Берри, не так ли?

Ремо ядовито глянул на напарника.

— Да, сэр. — Он не добавил «Ты же там был, Даг!»; некий бывший командир, очевидно, вылечил его от любой склонности к рискованному нахальству.

— Сейчас, полчаса. Внизу у озера будет замечательным местом. Там никто не прервет

вашу концентрацию.

Ремо послушно встал, сердито посмотрел на Барра и дернул подбородком. Барр заворчал и вышел следом, бросив последний взгляд обманутого любопытства через плечо. Установилось подобие спокойствия.

Аркади не комментировал происходящее, если не считать слегка приподнятых серебряных бровей. Вместо этого он допил свою чашку чая, поставил ее на край стола и с резким хрустом отломил ее ручку.

— Ой! — сказала Фаун, вскакивая, затем крепко сжала губы. Она взглянула на дверь через которую ушли мальчики и чопорно сложила руки на коленях в чрезмерном усилии казаться меньше.

Аркади толкнул две половинки к Дагу:

— Попробуй еще раз. Не пытайся вместить целую чашку или даже целую ручку, хоть и держи в голове знание об их внутреннем Даре. Думай о поверхностях. Еще раз, позволь мускулам делать так много, как возможно. Крепко держи части вместе... — Он прервался; оттенок цвета окрасил его щеки. — Э...

— Фаун, займи мне свои руки для этого, — попросил Даг.

Она понимающе кивнула, поднялась, лизнула пальцы, чтоб подобрать пару крохотных фрагментов, все еще лежащих на столе, разместила их снова перед Дагом. Сжала чашку и ручку и свела их вместе.

— Совсем как вазу, да? — Она сверкнула на него ямочками, как бы говоря «Ты сможешь это сделать».

— У-гу. — Даг послал Аркади многообещающий взгляд, но мастер никак не отреагировал. «Поверхности, так?» Даг закрыл глаза, подвинул руку так, чтобы крюк звякнул и упал вниз и внутрь, найдя Дар чашки, затем ручки. Двух поверхностей. У обожженной глины был более грубый голос, чем высокий звон стеклянной вазы, эдакое бормочущее тихое ворчание.

Недавний излом все еще вибрировал, хотя глина была гораздо более инертной, чем концы сломанных кровеносных сосудов, которые Даг несколько раз соединял обратно. Но у них был все еще хороший захват. Два осколка поднялись в воздух, отыскивая надлежащее место. Цванг. Цванг. Лучше и лучше, цвангцвангцвангцванг... И еще лучше...

— Хорошо, — сказал Аркади. — Стоп.

Даг сглотнул и открыл глаза.

Фаун осторожно отпустила ручку. Та осталась на месте.

Еще более осторожно она взялась за ручку и отпустила чашку. Соединение держало.

— Она теплая, — доложила она, — но совсем не такая горячая, как была ваза, Даг. До той ты едва мог дотронуться, даже когда она перестала светиться. — Она вгляделась пристальнее. — Я вижу только линии в глазури.

Два осколка заблудившейся глины также были на месте, очерченные слабыми линиями.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Аркади у Дага. Его голос и взгляд оба были спокойными.

— Не... плохо, — сказал Даг слегка удивленно. — Что-то взялось у меня, конечно, но я не чувствую головокружения или холода. И мой обед остается на месте.

В этой починке не хватало парящей экзальтации и яростной слабости, как в предыдущих, стеклянной вазы, или колена Хога, или головы Хайкри; она была более... интересной и легкой. Бесспорно, менее возбуждающей. «Но менее утомительной, должен признать».

Аркади поднялся и вернулся с еще одной смятой запиской. Он сел, разорвал ее надвое и вновь подвинул половинки к Дагу.

— Попробуйте еще раз. Не так сильно.

Даг с пониманием кивнул и выровнял обрывки. Фаун скользнула обратно на стул, все еще сжимая чашку и наблюдая широко открытыми глазами. В ожидании еще одного пожара ее рука сжала влажное посудное полотенце, которым она до этого вытирала стол, но затем

храбро вернулась на колени.

В этот раз Даг нарочно успокоил себя, убрал призрачную руку до того состояния, чтобы она едва проглядывала. Он не торопился, скользя вдоль обрыва, тревожно посматривая сквозь ресницы, чтобы не появилось нежелательной вспышки пламени. Закончив, он открыл глаза и посмотрел вниз на починенную бумагу. Хороша, как... старая.

— Странно, — сказал он. — Каким-то образом это труднее, чем колено Хога. Тело со своим собственным лечением, кажется, кооперируется, мертвые объекты так не умеют.

— Ух, — сказал Аркади. — Вы уже знаете это, так?.. — Даг глянул вверх, чтоб поймать немигающий нахмуренный взгляд. Аркади продолжил: — Сделайте это еще раз. Настолько мягко, насколько сможете.

На этот раз Даг разорвал страницу надвое сам, разгладил и срастил вместе еще раз. Протянул ее Аркади.

— Хорошо, — сказал целитель просто. — Обычно кое-что из этой техники используется, чтобы сращивать вместе кожу. Однако, лучше приберечь для случаев, когда не сможете дотянуться иглой.

— Это... все случаи, если говорить обо мне, — вежливо заметил Даг.

— А. — Пойманный второй раз, целитель сделал гримасу. — Мои извинения. Привычка, я боюсь. Я постараюсь быть более внимательным.

— Я привык, — сказал Даг.

Подмигнул ли Аркади? Сложно сказать. Но он только сказал:

— К слову... Попытались ли вы вызвать проекцию Дара правой руки?

Даг потряс головой.

— Она появилась с левой стороны по своей воле, казалось бы. Я думал это было... ну, я не уверен в том, что я думал, чем это было.

Фаун сказала лояльно:

— Для меня это не казалось страннее всего того, что ты делал.

— Да... Твое первое предположение было, что это что-то, что у меня всегда было и запоздало появилось, — он также улыбнулся, вспомнив когда она это сказала. — Кажется, ты была права.

Она пожала плечами.

— Я думаю, это само собой разумелось.

— Попробуйте сейчас, — сказал Аркади. — Правую руку.

Даг попробовал; ничего не произошло. Его Дар справа оставался твердо переплетенным с плотью, которая его производила, также как всегда.

— Упомянул ли Даг, — сказала Фаун, — что в то время, когда его призрачная рука появилась впервые, его правая рука была сломана? Вся в лубках и на перевязи. Хотя я продолжала заставлять его засовывать ее обратно в перевязь.

Аркади расслабился.

— В самом деле? — Это был больше возглас удивления, чем недоверия. — Это... интересно. — Спустя мгновение и еще один взгляд, брошенный на крюк, его брови взметнулись в удивлении. — Честное слово! Как же вы справлялись?

— Мне немного помогли, — сказал Даг.

— Ты кого это назвал «немного»? — шепнула ему Фаун с глубокими ямочками на щеках. Он не мог не улыбнуться обратно.

Аркади потер бровь и вздохнул.

Даг застенчиво выпрямился, прочистил горло.

— Кроме того, что я так перекошен, — сказал он, — вы говорили о проделывании чего-то, чтобы, э... очистить мой грязный Дар. О чем вы думали? — Или лечение загрязнения, как последствий настройки Дара, было простым, скучной саморегуляцией? Успокоиться может быть совершенно бесполезным советом среди некой давящей критической ситуации.

— Ну... Признаюсь, пока я не знаю. Вы — странная коллекция загадок, пришедшая к моим дверям.

— Сначала мне казалось, что мой Дар прочистится, или вылечится, или заново себя сделает сам спустя какое-то время. Таким образом, как все впитывают подкрепления Дара — или Дар еды, если на то пошло. Если подумать, проблема состояла в том, что я взял слишком много и слишком быстро.

— Несомненно, и то, и другое. Хотя кто-то сказал бы, что любой Дар крестьянина — это слишком много.

«Кто-то» или Аркади? Даг нахмурился от уклончивости этих слов.

— Исключая то, что Дар, которым я больше всего подавился, был от чистого Стража Озера. — «Или, рассмотрев Крейна, нечистого Стража Озера». — На самом деле, я нашел Дар еды придающим сил. По меньшей мере, после того, как я научился ограничиваться Даром жизни таких вещей, как семена, вместо того, чтобы отбирать Дар у матери.

Фаун сказала:

— Да, та путаница, которую ты сделал из моего пирога, нехорошо пошла, верно? Полагаешь, потому что он был приготовлен и мертв?

— Может быть, — сказал Даг. — Это мне напомнило, я собирался попробовать живую рыбу... мелкую! — поправился он торопливо под ее испуганным взглядом.

Аркади проглотил крик ужаса.

— Нет! Нет! На следующие несколько дней — на деле до того, как я дам разрешение — не забирайте Дар ни у чего! По крайней мере, до тех пор, пока я не смогу понять, в чем нарушение вашей самоочистки. И кстати...

Он поднялся и прошел к полкам, затем вернулся с пером, бутылкой чернил и чем-то, в чем Даг распознал журнал целителя.

Он положил все это, открыл книгу на чистой странице, окунул перо и стал писать. Он посмотрел и добавил рассеянно: «Откройтесь, пожалуйста». Следующие пару минут он описывал что-то, что Даг, поглядывая искоса, опознал как записи о состоянии его Дара, хотя из-за почерка и сокращений он едва ли смог бы предположить, что думал Аркади. Собственный странный сияюще-туманный Дар Аркади был совершенно нечитаем.

— Так, — сказал Аркади, закончив. — Мне нужно было сделать это вчера. Само собой понятно, что... Нет, наверное не понятно. Также вам нельзя осуществлять подкрепление Дара пока я вам не разрешу, ясно?

— Сэр? — сказал Даг неуверенно. «Никакого целительства вообще? Как метод обучения, наблюдение может зайти так далеко...» Это только начало, упрекнул себя Даг. «Ты думаешь, как будто тебе шестнадцать и это твой первый дозор, и ты оглупел от грез о немедленном успехе». Он даже не мог спорить «Но ведь теперь есть проблема Гринспринга!», потому что проблема Гринспринга была на своем месте всю его жизнь, и была незамеченной. Но пока что все его внимание к особенностям его собственного Дара здесь, в этом тихом южном лагере, казалось очень удаленным от оказания помощи осажденному северу.

— Мы не хотим распространять это загрязнение Дара по лагерю. Хотя бы до тех пор, пока не узнаем, насколько сильно ваши настоящие проблемы являются его результатом.

Даг кивнул с неохотным пониманием. Он собирался спросить «Но могу ли я лечить крестьян? Ведь их не заботит, насколько я загрязнен крестьянским Даром» — но понял, что обязательное расколдовывание также нарушит запрет Аркади принимать странный Дар. Он вздохнул, подчиняясь своему — временному, он верил — карантину.

Глава 6

Даг упрямо раз за разом разделял остракизм Фаун, оставаясь в доме Аркади, когда тот не был на дежурстве, но в шатре целителей лагерь приходил к нему сам. Его время было разделено между традиционными занятиями подмастерьев, которые, по мнению целительницы Челлы, мог выполнить одорукий человек, и внимательным наблюдением. Волей-неволей он запомнил имена, названия шатров, личности и более личное — Дар —

удлиняющейся цепочки жителей Русла Новолуния; менее уверен он был в том, кем считают его они. Было ясно, что целитель лагеря через какое-то время знает своих людей таким же образом, каким дозорный запоминает тропинки на своей территории.

Барр и Ремо между тем не теряли времени. Они собирались отбыть на исследование лагеря на просторе и впоследствии подготовить план вхождения в дозор как дозорных по обмену. Даг разрешил; это было неплохим использованием их времени и сняло бы их кормежку с соседей Аркади на пару недель, а также в некотором роде вернуло что-то лагерю за гостеприимство. Вскоре оказалось, что их предусмотрительность в представлении плана Дагу была не за разрешением, а потому что они хотели одолжить его разделяющий нож.

Ношение заряженного ножа отмечало дозорного как проверенного и надежного, и оба они заслужили у него эти звания. На территории этого лагеря, где не появилось даже сидячего Злого на протяжении трех поколений, Даг был почти уверен в том, что получит свой нож обратно неповрежденным. Сомневался Даг не из-за ответственности Барра и Ремо, а из-за своей собственной работы. Так что на следующий день после обеда он взял нож, собрался с духом и отправился искать главного мастера Русла Новолуния по ножам.

Ему рассказали, что ее имя было Вейв Блэктертл. Ее рабочую хижину, аккуратный домик из кипариса, глядящий на озеро с его южного берега, было легко узнать по небольшой коллекции человеческих бедренных костей, подвешенных для обработки под скатами ее крыши. Взобравшись выше, Даг обнаружил несколько более неожиданное — садик, окружающий хижину, но не для какой-то полезной еды, а для цветов. Даже сейчас, в тусклости завершающегося года, пятна ярких пурпурных и желтых крокусов выглядели из аккуратных удобренных грядок, а нераскрывшиеся бутоны на цветочных кустах были красными и толстыми.

Поскольку он пробирался не в убежище Злого, Даг заставил себя частично приоткрыть свой Дар. Так что он еще не успел подняться на ступеньку крыльца, как появилась женщина и уставилась на него. Она была худощавая, с пронизательным взглядом и тревожно напоминала Дагу его тетю Мари более молодой версии.

Ее каштановые волосы были забраны назад в обычный скорбный узел, который носили мастера за работой, но ее благоразумно подрезанная юбка и жакет были вышиты узнаваемыми цветами кизила². Суровый вид, свойственный мастерам по ножам, был ей также присущ, хотя ее взгляд говорил не об оскорбленной затворнице — Даг подумал о своем брате — но об открытом любопытстве.

— Мастер Вейв? Мое имя Даг Блуфилд. — Он умолчал о части «Без Лагеря». — Могу ли я побеспокоить вас вопросом о ноже?

— О, вы, вероятно, чудо Аркади Уотербёрча? Я о вас слышала. Поднимайтесь. — На ее крыльце, защищенном от дождя, было несколько удобных сидений с подушками; переплетенные ивовые прутья скрипнули, когда Даг уселся. Она села на соседнее сиденье с другой стороны низкого деревянного столика.

Даг заинтересовался, услышав такое описание себя. Он точно не делал здесь ничего чудесного. Он зацепил крюком шнурок, сплетенный Фаун, снял через голову кожаные ножны и положил их на стол, после чего извлек ровное костяное лезвие.

— Несколько недель назад, вверх по реке Грейс, мне пришлось перепривязать — и зарядить — разделяющий нож. В условиях относительной срочности.

— Я слышала, вы путешествовали с теми двумя дозорными, который выкурили гнездо речных бандитов. Вы все из Олеаны, правда? Вы далеко забрались от дома.

Даг решил не уточнять то, что Барр и Ремо рассказывали о себе и о нем. «Плыли вниз по реке и попались бандитам» легко может быть переделано в «Нас послали вниз по реке, чтоб уничтожить бандитов» и позволит избежать смутных вопросов о том, как напарники

² Довольно забавно: кизил по-английски 'dogwood', и, по версии Вики, название связано с использованием кизила с его очень твердой древесиной для изготовления англ. dags — деревянных кинжалов (прим. перев.).

присоединились к Дагу.

Опустив преамбулу о Рейнтри, Даг выдал мастеру Вейв такой же урезанный рассказ о Крейне и его смерти, как ранее Аркади. Пока он рассказывал, ее хмурая мрачность усиливалась.

— Разделяющий нож, — сказала она, — создается как инструмент жертвования и спасения, а не казни преступника.

— Этот некоторым образом стал и тем, и другим, и третьим. Крейн заплатил гораздо меньше, чем был должен, но зато все, что имел. Я не прошу вас судить нравственность его создания, мэм. Лишь его качество. Понимаете, это первый нож, который я делал. Убьет ли он Злого?

— Слухи, которые слышала, не проясняли, были ли вы дозорным или целителем. — Она из вежливости не упомянула «предателя», «дезертира», «изгнанного» или, совершенно очевидно, «сумасшедшего». — Откуда вы вообще знаете, как делать ножи?

— Мой старший брат — главный мастер по ножам в лагере Хикори в Олеане. Я немного нахватался у него, от случая к случаю.

Ее брови изогнулись в некотором сомнении.

— Если мельтешить под ногами — это все что нужно, чтоб создать талант, мне бы везло куда больше с моими подмастерьями. — Но она взяла нож и открыла Дар, чтобы его проверить, прикладывая его по очереди к губам и ко лбу, с открытыми глазами и закрытыми. Даг наблюдал с тревогой.

Она мягко положила его обратно на стол.

— Ваша спиральность примерно в четыре раза сильнее, чем нужно, но он звучит и не выказывает признаков утечки. Не вижу причины, отчего бы ему не сломаться как положено, когда он подвергнется влиянию Злого. Подтверждаю, что он кажется необычно темным и несчастливым ножом, но заряженные ножи вообще редко радостно щебечут.

— Крейн был настолько близок к бешеному псу в человеческом теле, что разницы особой не было, но дураком он не был. Я думаю, ему понравилась ирония повесить это на мою шею, — признал Даг. Но, кажется, этот нож вполне безопасно одолжить; так он и сделает.

Влажный бриз, едва теплый, заставил кости слабо стукнуть под скатом. Вспомнив о другой надобности, он спросил:

— Нет ли у вас запасных чистых ножей? У моего брата обычно были. Там было всегда больше костей, чем сердец.

— Почему вы спрашиваете? — спросила она в ответ.

— Я сам сейчас без предназначенного мне ножа. Мой старый был... потерян. Я предполагал заменить его, как получится. Я предпочел бы сделать его сам, под лучшим контролем — если пожелаете, мэм.

— Кажется, вы немного за пределами проверочных заданий для подмастерьев, — Она кивнула на нож на столе. — Вы хотите обучиться искусству? Не знаю, посмею ли я украсть вас у Аркади.

— Нет, мэм. Я всего лишь хотел большей уверенности, если я когда-либо вновь попаду в такую ситуацию.

— Уверенность? Нервозность, я б это так назвала. — Она оглядела его с тревожащей смесью любопытства и неодобрения во взгляде. — Этот нож, привязанный к убитой женщине, кому-то принадлежал, и это были не вы. И вы взяли его без сомнений, не задумавшись ни на минуту.

— У меня была масса сомнений, мэм. Мне не доставало времени.

Она пожала плечами.

— Это не срочно. Попросите пожертвования у родственников по шатру.

— А вам не было оставлено костей для общих нужд? Или без имеющихся родственников?

Ее выражение лица и ее Дар стали чуть менее прозрачными.

— В настоящее время нет.

Другими словами, хитроумные олеанские парни пусть отправляются просить милостыню у себя дома. Возможно, он сможет, позже, если заслужит какое-то положение для себя в этом лагере.

Вейв глянула вниз. Наверх к ее хижине взбирались две девушки-дозорные, которых Даг встретил в первый день своего пребывания здесь на воротах. Длинноногая блондинка наполовину закрыла Дар и была отчего-то несчастлива. Они посмотрели с удивлением на Дага, и он несколько закрылся, сложил нож Крейна обратно в ножны и повесил на шею. Обе напарницы провожали его глазами.

— Привет, Тавия, Нита, — сказала сердечно мастер. — С чем вы пришли сюда?

— О, Вейв! — сказала Нита горестно. — Что-то ужасное случилось с моим заряженным ножом... Ну, он должен был стать моим заряженным ножом. Мой отец обещал его мне, когда я вернусь из Лутлии, но сегодня утром, когда его достали с полки... посмотри!

Она поднялась по ступенькам, вытащила из ножен нож, который сжимала в руках, и положила его на стол перед мастером. Сухое костяное лезвие треснуло, разделившись на две половинки. Следы оборванной работы с Даром еще держались на нем, но его спиральность и смерть, содержащаяся в ней, исчезли.

— Он клянется, что с ним было все в порядке, когда его последний раз убрали, и никто его не ронял... что с ним случилось? Вейв, ты сможешь починить его?

— О, дорогая, — сказала Вейв, беря нож. — Как стар он был, Нита? Это не моя работа.

— Я не знаю точно. Мой отец носил его, когда был моложе, и его дядя перед ним. Может, мы сделали что-то неправильно — может, его надо было маслом смазывать, или, или?..

Мастер перевернула лезвие, изучая раскол.

— Нет, разницы бы не было. Он попросту был слишком стар, Нита. Работа с Даром на ноже не может держаться вечно, знаешь ли.

— Я собиралась взять его в дозор завтра!

Дозор, к которому присоединятся Ремо и Барр. Вот и нашлись причины их срочного и добровольного желания выступить, одна блондинистая и одна рыжая. Даг не думал, что позволил улыбке проступить на своем лице, но Тавия, пытливая наблюдавшая за ним, вернула неуверенную полуулыбку.

— Можешь ли ты что-нибудь сделать? — продолжила Нита. — Неужели жертва моих родственников просто пропадет? Выброшенная на ветер?

Даг уже однажды был в такой сцене с расстроенным юным дозорным. Он сказал мягко:

— Если этот нож носили в дозоре много лет, она не выброшена, даже не будучи использованной на Злом. Он помогал вам все это время.

Нита посмотрела на него взглядом, говорящим «Ты кто такой, поганец, чтоб это говорить?»

— Но я могла взять его в Лутлию вместо того, который мне дала бабушка, и использовать в прошлом году на сидячем Злом, которого нашел мой дозор. И тогда у нас все еще был бы другой.

Большинство юных дозорных, которые меняются с севером Мертвого озера, привозят с собой заряженные ножи из дома; что-то вроде обычая, вознаграждения за обучение. Даг сам увозил заряженный нож в Лутлию дважды в начале своего длинного счета. Примерно половина дозорных возвращается, готовые принять расширившиеся обязанности. Ножи не возвращаются. Устойчивый поток жертвования, текущий на север.

— Ты не можешь этого знать, — успокаивала ее Вейв. — Думаю, нож, который ты взяла с собой, также был очень стар, разве нет? Их судьбы могли просто поменяться.

— Тогда, может быть, мне стоило забрать оба. — Но руки Ниты разжались и она вздохнула. Она добавила противоречиво: — Не знаю, когда мне выдастся шанс получить другой. Все мои родственники отвратительно здоровы.

Юмор дозорных, но Тавия добавила более серьезно:

— Никто здесь не хочет жертвовать. Никто в моем шатре не даст мне заряженный нож, потому что его ни у кого нет. Мама даже не дает мне разрешения привязать ко мне чистый! Она говорит, я слишком молода. Нита клянется, что в Лутлии говорят, что если ты достаточно взрослый для дозора, то ты достаточно взрослый для жертв.

«В Олеане тоже». Даг подумал о своем двоюродном брате-дозорном, который принес жертву в девятнадцать. «Слишком молодым.» Обе стороны этого спора казались Дагу правыми, что несколько перекосило ему разум. А может, это было его сердце.

Заставив себя говорить, чтоб повернуть юных дозорных в более оптимистичную сторону, Даг любопытствовал:

— Так значит, завтра вы будете командиром дозора?

— Пока нет, — сказала Нита мрачно, затем добавила, — но наш лагерь обещал мне следующее вакантное место.

— А как много дозоров вокруг Русла Новолуния?

— Восемь, когда мы в полной силе. — Она нахмурилась, глядя на него. — Вы забавный человек. Те парни из Олеаны говорят, что вы одержимы крестьянами.

— Вам следовало бы зайти к Аркади и поговорить с моей женой Фаун, — сказал Даг суховаато из-за ее тона. — Вы можете померяться убийствами Злых. Она также убила одного, Барр или Ремо не рассказывали вам об этом? Недалеко от Глассфорджа. — «И это не был просто сидячий Злой».

Ее нос сморщился.

— Звучит весьма фальшиво. Вы ведь дали ей нож, не так ли?

Даг склонил голову:

— Мы все обменялись ножами. В конце концов.

— Но она никогда не сможет принять разделение в свою очередь.

«И я этому рад». Но даже это была половина правды. Странная история потерянного ребенка Фаун не была тем, что ему хотелось бы рассказывать здесь — если, конечно, у мальчишек хватило мозгов оставить ее при себе.

— Многие Стражи Озера также никогда не принимают разделение — разве не на это вы только что жаловались?

У Дага было, понял он, трое слушателей, далеких от теплоты, но достаточно захваченным этим чужаком из дальних земель, чтоб не перебивать его. Нита заняла последнее сиденье, Тавия удобно склонилась над одной из подпорок крыльца, и Вейв, казалось, не торопилась возвращаться к задаче, которую он прервал. Он сглотнул и неожиданно свернул на то, что называл «балладой о Гринспринге», так, как он рассказывал об этом Аркади и дюжинам людей перед ним. Слова Дага становились все более отполированными с каждым разом, но, он надеялся, не настолько легкими, чтобы не суметь донести вес его ужаса. К тому времени, когда он стал рассказывать об общей могиле детей, глаза его слушательниц были темными от жалости, однако их рты оставались закрытыми.

— Ваши ответы, мне кажется, достаточно просты, — сказала Нита, когда он, наконец, закончил. — Гоните всех ваших крестьян к югу от Грейс. Не то, чтоб мы желали их принять...

— А вы пробовали согнать крестьянина с земли? В этом нет ничего простого, — сказал Даг.

— Это тоже правда, — сказала Вейв. — Сотни лет назад народ Полумесяца все еще жил кочевыми лагерями, зимними и летними. А потом пошло так, что если ты оставляешь землю на сезон, то возвращаешься и находишь ее вычищенной, распаханной и засаженной. Мы в конце концов должны удерживать нашу территорию сидением на ней, деля шатры между этим лагерем и Мшистой Рекой. И посылать людей от совета лагеря вниз в Греймаут рисовать линии на листах крестьянской бумаги, чтоб заявить, что мы ей владеем! Абсурд!

— Цена для нас за обучение крестьян — ничто в сравнении с ценой, которую заплатят все, если мы этого не сделаем, — сказал Даг упрямо.

— У вас на севере — может быть, — сказала Тавия.

— Везде. Мы должны начать там, где мы есть, с каждым кусочком, который перед нами. Никогда не упускать шанса стать другом и обучить — эту задачу может выполнить каждый.

Вейв небольшим жестом указала на плечо Дага, где свадебный браслет под рукавом его куртки не мог спрятаться от ее Дара. Она сказала сухо:

— Я б сказала, что в своей дружбе вы зашли несколько далеко, человек из Олеаны.

«Пока еще недостаточно далеко.» Даг вздохнул, поднимаясь, вежливо дотронулся до брови:

— Я как-нибудь найду узнать о тех пустых ножах. Доброго дня, мэм, дозорные.

* * *

На протяжении следующей недели Даг все сильнее втягивался в работу в шатре целителей. Не то чтоб он и раньше множество раз не оказывался в руках целителей, но смена угла зрения, глядящего в корень настолько разнообразных проблем, вносила большую разницу, чем он предполагал. Как дозорный, он никогда не шел к целителю до последнего; сейчас, став частью этого последнего, он обнаружил в себе понимание не столько этого, сколько раздраженного мастера, выговаривающего «И почему бы тебе не прийти раньше?»

Полдюжины людей в день приходило с незначительными хворями или ранами, хотя однажды пришел мужчина со сломанной ногой, а днем позже — более интересный и гораздо более сложный случай — женщина в возрасте с переломом ребра. Еще более деликатной проблемой была женщина с уродливой опухолью в груди, которую Аркади лечил каждый день, отщипывая ее кровоснабжение, крохотные кровеносные сосуды один за другим. Его объяснение того, почему он не попытается уничтожить ее посредством вырывания Дара заставило Дага взрогнуть — Дар опухоли, видимо, был бы почти так же токсичен, как брызги Дара Злого. Аркади также начал брать Дага с собой на ежедневный обход шатров, хотя Даг не был уверен, чем он заслужил такой прогресс — ему все еще не разрешалось выполнять даже простейшую работу с Даром, и он мог лишь что-то доставать, нести или придерживать.

Старые журналы, сложенные на полках, оказались неожиданно захватывающими после того, как Челла научила его разбирать их. Они напоминали Дагу записи дозорных: запятнанные, потертые, с ужасным почерком и сбивающими с толку аббревиатурами. Но также, как и в записях дозорных, чем больше он читал, тем больше он начинал видеть между строчками — так же хорошо, как и сами строчки. Люди, заходящие в шатер, показали Дагу, как целители обращаются с некоторыми жалобами; записи учили его тому, чего он еще не видел, так что он проглядывал их страницы ежедневно до тех пор, пока не угасал свет. Он поздно начал учиться искусству целителя, и теперь старался взять так много, как только можно. Он перебарывал нерешительность своего северного языка, чтоб задать Челле и Аркади столько вопросов, сколько обычно задавала Фаун.

Его голова гудела от всего этого, когда он вернулся в дом Аркади однажды после обеда за забытой связкой зубо-врачебных инструментов и нашел Фаун плачущей, свернувшейся в их постели. Он уселся рядом с ней, когда она села, торопливо вытирая глаза и притворяясь, что зевает.

— О, ты вернулся! Я всего лишь вздремнула, я от этого всегда в беспорядке и ужасно выгляжу, если днем сплю... — Но ее улыбке не хватало ямочек, а ее большие карие глаза были печальны.

— Искорка, что случилось? — Он мягко провел большим пальцем по влажным дорожкам из уголков ее глаз.

— Ничего. — Она встряхнула темными локонами, отказываясь, к его облегчению, от своих шатких отговорок. — Я просто... просто глупа, наверное.

— Не «ничего». Потому что ты не глупа. Расскажи мне. Ты ведь можешь рассказать мне что угодно, правда? — Он надеялся на это. Потому что здесь, так далеко от дома и

родственников, он был всем, что у нее было.

Она уныло фыркнула и, подтверждая, кивнула.

— Я просто... я просто... по ночам все хорошо, когда ты возвращаешься и говоришь со мной, но весь день так тихо, целыми днями, с тех пор как Барр и Ремо уехали. И мне нечего делать. — Она помахала пустыми руками. — Я закончила шить последнюю пару белья, и у меня кончилась шерсть для носков, и даже нечего приготовить или вымыть, потому что соседские женщины Аркади делают все это. Слишком серо и холодно, чтоб сидеть снаружи, поэтому я просто сижу здесь и, и ничего не делаю. И это вовсе не так весело, как я думала. — Она потерла лицо и продолжила тише. — Это не тоска по Вест-Блу, потому что не хочу туда возвращаться. Может, просто потому, что у меня месячные скоро начнутся. Ты же знаешь, какая я от них делаюсь злая.

Он нагнулся и поцеловал ее влажный лоб, обдумывая оба ее предположения.

Вполне можно было, как он прекрасно знал, тосковать по дому, куда вовсе не хочешь возвращаться. И ее месячные без сомнения скоро начнутся. Всё правда, подумал он, но неполная.

— Бедная Искорка! — он поднял ее руки, одну за другой и поцеловал их, что заставило ее сглотнуть и снова фыркнуть.

— «Ничего» — это как раз то, чем является проблема. Твоим рукам одиноко, вот и все. Они не привыкли быть сложенными.

— Можешь ли ты достать мне... в этом лагере ведь есть Склады, как в Хикори? Можешь ли ты достать мне еще немного шерсти или хлопка или еще чего-то? — Она нахмурилась. — О. Но, полагаю, у нас здесь нет никакого кредита.

— Нет, у нас его нет. — Он посмотрел вниз на нее. Должна ли его голова в самом деле быть набита так плотно, если он перестал заботиться о ней? Каждый вечер ее глаза блестели, ее губы приоткрывались, когда она живо слушала его рассказы о прошедшем дне, и он думал, что это главное. Он должен был заметить, что она все меньше и меньше могла дать ему в ответ. Ее дни должны быть заполнены новыми событиями так же, как и его; только отсутствующие боги знают, насколько ее голова была более приспособлена для обучения, чем его когда-либо будет.

Она села прямее.

— Не обращай на меня внимания. Я обещала, что вынесу всё, что мне в этом лагере подадут до тех пор, пока тебе это нужно, и не собираюсь нарушать свое слово. Со мной все будет в порядке.

— Ш-ш, Искорка. Конечно, мы что-нибудь придумаем. — Он обнял ее и устроил так удобно, как мог, пока она, наконец, не начала легонько улыбаться, а затем пошел искать Аркади.

* * *

— Это исключено, — сказал Аркади, когда Даг закончил излагать свою просьбу. — Крестьяне не могут обучиться нашим техникам.

Даг не был удивлен. Он продолжил, несмотря ни на что:

— Я всегда подумывал обучить ее сам, позже, но заставлять ее просто сидеть вот так — это огромная трата ее времени. И ресурсов лагеря. Фаун может обучиться всему, что вы сможете преподать — исключая работу с Даром — мы всегда предполагали, что она станет моими «запасными» руками, если я появлюсь среди крестьян как настоящий целитель. Вы этого не видели, а я видел. Когда она рядом со мной, крестьяне успокаиваются и перестают меня бояться, и не важно, что я обычно выгляжу как заморенный бродяга. Женщины — потому что они видят, что она не боится, а мужчины — потому что она такая хорошенькая, что они забывают бояться смертельной магии Стражей Озера. И если я собираюсь обследовать крестьянских женщин и девушек, а, я думаю, их будет половина клиентов, мне нужно, чтоб она была рядом, потому что я не смогу до них дотронуться. — Он подумал о

лечении грудной опухоли, которое проводил Аркади, и других еще более интимных женских хворях и поежился. — Отсутствующие боги, да!

Аркади закончил краткую записку об удалении зуба, которую набрасывал, положил перо и нахмурился, глядя на Дага.

— Вовсе не решено еще, что вы сможете свободно лечить крестьян. Что касается пребывания Фаун в шатре целителей — уверяю вас, пусть у нее умелые руки, но ее яркий Дар, всегда открытый, будет раздражать пациентов. Да и целителей.

— Меня он не раздражает, — сказал Даг. — Это все те же дурацкие доводы, которые приводила Хохария на озере Хикори. Один открытый Дар маленькой крестьяночки настолько сильно беспокоит людей, насколько они хотят этого сами. Стражи Озера прекрасно имеют дело с Фаун, когда хотят.

— Да, но почему они должны хотеть?

Даг укусил себя за губу.

— Я здесь чужак. У меня нет доверия в этом лагере. Я знаю, что не могу просить этого у людей. — Его глаза поймали взгляд Аркади и удержали его, а голос превратился в командирский рык. Судя по тому, как Аркади слегка отпрянул, это оказалось для него неожиданным. — Но вы можете. Я видел, как этот лагерь вас уважает, и сейчас я слишком хорошо знаю почему. Вы можете сделать так, чтоб это произошло, если захотите, и мы оба это знаем. — Даг позволил своему голосу и взгляду стать полегче. — Кроме того, что мы теряем? Попробуйте ее взять на пару недель. Если Фаун не сработается, придумаем что-нибудь еще. Ни я, ни моя крестьянская жена не просим принять нас навсегда.

— Хм, — сказал Аркади, опуская глаза и закрывая журнал. — Вы так думаете? Хорошо. Возможно, я смогу поговорить с Челлой и Леваном.

* * *

Фаун была в экстазе, когда Даг рассказал ей новости, заставившие ее в глубине себя гордиться своим мужем. Следующим утром, когда он взял ее с собой, чтобы представить новым начальникам в шатре целителей, она запрыгала вниз по дороге, поймала его изумленный взгляд, остановилась, пригладила волосы и запрыгала снова. Но когда она прибыли, она уже шла спокойно.

Даг внимательно наблюдал за тем, как ее встретят, стараясь, чтобы его внимание не было замечено. Челла вежливо подчинялась необходимости. Леван, пожилой травник, имел вид человека с большим запасом терпения.

Две его девушки-ученицы и мальчик Челлы сначала были чопорны и холодны, а потом стали более приветливы, когда поняли, что Фаун может забрать многие из наиболее утомительных их обязанностей, от отмывания горшков и постелей до чистки стеблей и подметания полов. Когда прошли первые дни, ее терпеливая улыбка и энтузиазм смягчили и старых целителей. Спустя еще половину недели даже жители лагеря, зашедшие за лечением или лекарствами, перестали удивляться, найдя ее там.

Сердце Дага радовалось и разум успокаивался оттого, что она так часто была в круге его зрения и слуха, и от ее явного счастья тоже. Понемногу Даг начал звать ее затем, чтобы дать ему руку — когда представлялась возможность, и понемногу другие обитатели шатра привыкли к этому. Когда Челла впервые рассеянно назначила их паре задачу для двух рук, Даг улыбнулся своей тайной победе.

* * *

Однажды утром, когда Даг поднялся из-за стола с завтраком, Аркади сказал:

— Подожди.

Даг послушно сел обратно.

— Достигли ли вы каких-нибудь успехов в исправлении вашей асимметрии?

Даг пожал плечами.

— Не могу этого сказать. — Это звучало лучше чем «Я об этом почти не думал».

— Попробуйте сейчас.

Даг положил свою правую руку и попытался вызвать проекцию Дара с тем же отсутствием результата, как и раньше.

— У-гу, — сказал Аркади и отошел, чтоб порыться на полке.

Он вернулся с парой кусков веревки и перочинным ножом. После того, как одну веревку привязали к крюку Дага, он завел левую руку Дага за спину и крепко привязал ее к спинке стула и вокруг, стараясь закрепить как следует. Даг неохотно помогал ему.

— Как, держит?

Даг подергался.

— Похоже, что так.

— Правая рука свободна?

Даг пошевелил пальцами.

— Угу.

Фаун закончила паковать корзинку с остатками завтрака и скользнула обратно на стул, чтобы понаблюдать. Она встретила с Дагом взглядом и улыбнулась. Аркади явно придавал большее значение, чем полагал Даг, словам Фаун о том, как его призрачная рука проявилась впервые.

Аркади зажег свечу, помахав над ней рукой, сел справа от Дага и взял острый маленький нож.

— Вы говорили, вам доводилось соединять кровеносные сосуды раньше при лечении крестьян?

— Угу, — сказал Даг, наблюдая в тревоге, как Аркади водит лезвием ножа в пламени свечи. — В колене Хога и проломленном черепе Хайкри. Они вытягиваются и закручиваются при повреждении, но концы, кажется, хотят найти друг друга снова. И большие так же. Они становились мельче и мельче до тех пор, что я уже не мог следовать за ними вглубь без риска захвата Дара.

— М-м, да. Я всегда гадал, маленькие артерии опустошаются в некий резервуар в тканях и потом вены высасывают кровь вновь, или они соединены на всем протяжении, непредставяемо крохотные? Если б только Суго был достаточно обучен, чтоб вытащить меня из захвата Дара, я бы наверное попробовал... Ну, не важно. Сегодня нас это не заботит. — Он помахал ножом в воздухе, чтоб остудить его. — Давайте дадим вам что-то несколько более интересное для работы, чем куски бумаги, м?

Он провел маленьким лезвием поперек тыльной стороны своей левой руки, зацепив крупную вену. Фаун пискнула, когда начала литься кровь. Аркади положил кровоточащую руку перед Дагом.

Даг, глядя на красную струйку со смесью тревоги и раздражения, вновь попытался извлечь проекцию Дара из своей правой руки.

Его левая рука задергалась в путах позади него, но справа... ничего.

— Что, — сказал Аркади, — так и будем сидеть и смотреть, как ваш учитель истекает кровью? Стыдитесь, Даг.

Даг покраснел, скорчил гримасу, сжал и вытянул пальцы. Потряс головой.

— Извините. Мне очень жаль.

Аркади подождал, потом пожал плечами, провел своей правой рукой над левой — вспышка проекции Дара была для Дага едва уловимой — и стер капли носовым платком. Кровотечение прекратилось.

Он наклонил голову и долго изучал Дага проницательным взглядом, заставившим того ощущать себя более чем дураком.

— Да-а, — протянул Аркади. — Возможно... — Взяв второй кусок веревки, он нагнулся к стулу Дага. — Фаун, помогите мне, здесь. Я хочу жестко привязать его ноги к стулу.

— Зачем? — спросил Даг. — Никто не извлекает проекций Дара из ног.

— Предосторожность. Так безопасней.

Фаун дотронулась до плеча Дага, подбодряя его, и склонилась на колени с другой стороны; она и Аркади передавали веревку взад и вперед и обсуждали узлы. Фаун старалась сделать все как можно тщательнее. Даг изгибал шею и пытался увидеть, что они делают, но не мог. Он пошевелил лодыжками в путах — те держали хорошо, и подождал, пока они оба усядутся обратно с обеих сторон. Аркади снова подготовил нож в пламени свечи со скучающим видом.

Потом, внезапно, он перегнулся через стол и схватил Фаун за руку, дернул ее к себе, прижав ее руку к столу перед Дагом, и резанул по тыльной стороне.

— Оу! — закричала она.

Даг едва не упал, пытаясь вскочить со стула. «Для кого безопаснее, ты, поганец?!» Он забился в путах, царапая узел спереди, дико думая, не выхватить ли Дар куска веревки, потом с трудом перестал раскачиваться, пока Аркади прижимал руку Фаун к столу, сжимая ее, чтоб она кровоточила. Ее глаза были расширены, и она слегка задыхалась, но не пыталась освободиться. Вместо этого она с надеждой смотрела на Дага.

— Ты можешь это исправить. Можешь? — промурлыкал Аркади в правое ухо Дага.

— Будь ты проклят... — прохрипел Даг. Аркади не сговорился с Фаун заранее, не спросил ее разрешения; ее удивление и страдание были непосредственными и громкими в чувстве Дара Дага, пусть она и переборола быстро оба этих чувства. Ее боль осталась, дрожаще-острая, как осколки стекла.

Аркади отпустил руку Фаун и откинулся назад, когда Даг протянул над раной свою правую руку, не касаясь пальцами ее бледной кожи. Порез был едва в полдюйма длиной, точно попавший на голубую вену. Даг заставил себя дышать, чтоб открыть Дар, чтоб сконцентрироваться. «Глубже и глубже.» Рука Фаун увеличилась в его восприятии, заслонив собой весь мир. Он ощутил сжимающиеся концы вены. Дар его правой руки, казалось, получил прилив энергии и задергался. «Будь ты проклят, Аркади, я ж не умею с этой стороны!..»

Умея или нет, Дагу удалось вытолкнуть свой Дар за пределы кожи. Он поспешно поймал два обрезанных конца большого сосуда, помог им срастись вместе — они, казалось, искали друг друга, и это помогало — и дал сильную поддержку Дара, чтоб удержать их вместе. Хотя нет, не очень сильную, из-за Дара правой стороны. «Так.» Он заставил себя успокоиться, чтобы не обжечь руку Фаун и не причинить больше повреждения, чем Аркади. «Глубже и глубже...» он нашел живые волокна кожи и начал сращивать их вместе. «Немного глубже, еще немного глубже...»

Он вырвался из начинающегося транса не прикосновением Дара, а когда Аркади просто пошлепал его по щекам. Даг заморгал и вывалился в комнату, залитую утренним светом. Он глубоко вдохнул, глядя вниз. Фаун стирала кровь с руки носовым платком Аркади. Ничто не указывало на нападение, кроме бледной розовой линии.

Даг набрал полную грудь воздуха.

— А вам нравится играть с огнем, правда, Аркади?

Пожатие Аркади было лишено извинений.

— Настало время для вас двигаться дальше. Это сработало, не правда ли? Теперь давайте поглядим на проекцию снова.

Его правосторонняя проекция ощущалась как слабая и неуклюжая, но она была. Снова. И снова. У Дага кружилась голова и его тошнило, когда Аркади, наконец, перестал его донимать и позволил Фаун отвязать его.

Даг встряхнул обеими руками, распрямляя ноющую спину. Единственной причиной, по которой он не встал и не съездил целителю по его находившейся в большой опасности нижней челюсти, была внезапная мысль: «Значит ли это, что мой карантин почти закончен?»

Глава 7

Ярким днем, дышащим обещанием ранней южной весны, Фаун помогала Ноле и Цери, ученицам травника, собрать ручную тележку, чтоб отвезти ее на крестьянский рынок Русла Новолунья. Три девушки поволокли свой груз кругом через хлипкие ворота и вниз по холму на поляну, куда в самый первый день пребывания водили поить лошадей. Ветви деревьев на фоне холодного голубого неба были все еще голыми, но почки набухли и покраснели, и из пожухшей коричневой травы выглядывало несколько зеленых побегов.

Фаун наконец-таки стало понятно, почему кухня шатра целителей всегда столь занята. После приготовления достаточного для нужд лагеря количества лекарств травник и его помощники производили их еще и для того, чтобы продавать поблизости. Некоторые лекарства не слишком отличались от тех, которые составляли тетя Нетти и мама Фаун, но с Даром других работал сам мастер Леван, чтоб сделать их более эффективными и более — кажется, он считал это важным — одинаковыми. В отличие от панацей, продающихся на рынке в Подводном городе — Даг уверял, что у них состав как у духов, а Барр шутил, что может вы все еще будете болеть после приема, но зато будете слишком пьяны, чтобы это замечать — у лекарств Стражей Озера были ограниченные предписания. Противоглистные для людей, лошадей, скота и овец; эффективные лекарства от болотной малярии и паразитов, не являющихся проблемой в Вест-Блу, но распространенных здесь, особенно длинным жарким летом; горький обезболивающий порошок из коры ивы и мака — Фаун видела такой на севере, его принимал Даг, когда у него была сломана рука; настойка наперстянки от болезней сердца; серый порошок, любимый местными жителями, для посыпания ран против инфекции.

На поляне несколько Стражей Озера развернули пологи под скатами убежища и уселись там за дощатыми столами.

Сегодня они предлагали в основном ручную работу того сорта, что Фаун видела раньше: хорошую кожу, которая не гнила, почти нервущиеся веревки и шнуры, небольшой, но все же выбор инструментов от кузнеца лагеря, которые не ржавели, и ножей, которые не тупились. Фаун помогла двум ученицам разложить предлагаемое из шатра целителей покрасивее, после чего они все уселись на чурбаки, чтоб дожидаться своих покупателей.

Ожидание было недолгим. Когда солнце миновало зенит, несколько крестьян показалось на поляне, некоторые правили грохочущей тележкой или фургоном, некоторые с грузовыми лошадьми или мулами. День будет медленным, проинформировала Фаун Нола; рынок был более оживлен летом, когда дороги лучше. Большинство людей здесь на обеих сторонах, казалось, уже знали свое дело, так же как и имена друг друга, и сделки заключались быстро и эффективно. Например, две тележки пухлых мешков с зерном были обменены на несколько бочонков глистогонного для животных и пару бухт нервущихся канатов.

На поляну въехала повозка, раскачивающаяся на рессорах. Ее тянула четверка красивых пегих светлогривых лошадок. Повозка остановилась, и на поляну спустились пятеро людей: очень хорошо одетый крестьянин с седыми прядями в волосах, служанка с маленьким мальчиком, конюх, который немедля начал освобождать и протирать лошадей, и женщина, — очевидно, жена седеющего мужчины.

Она была на полголовы выше него, но так же хорошо одета, в юбке для поездок, прилегающем жакете и прекрасных ботинках. Ее светлые волосы были уложены в аккуратную прическу. Без смущения она подошла к одному из вооруженных дозорных, прячущихся по краю поляны, и заговорила с ним. Спустя мгновение он кивнул, несколько неохотно, и пошел вверх по дороге.

— Смотри! Она вернулась, — прошептала Нола.

— Вижу, — пробормотала Цери.

Мальчик схватил отца за руку и потащил его по убежищу, чтоб рассмотреть все чудесные вещи на столах. Высокая женщина огляделась и пошла сразу к столику целителей. Фаун выпрямилась и заморгала, когда она подошла ближе. Несмотря на крестьянскую

одежду, у этой женщины были точеные черты лица и яркие серебряно-голубые глаза чистокровного Стража Озера.

Она поглядела на Фаун, сидящую через стол, с точно таким же удивлением, как Фаун на нее.

— Отсутствующие боги, — сказала она с изумлением в голосе. — Новолуние теперь принимает крестьян? Какие чудеса!

— Нет, мэм, — сказала Фаун, вздергивая подбородок. Она едва не дотронулась до своего лба, как делал Даг; но потом, опасаясь, что этот жест будет ошибочно воспринят как насмешка, сцепила руки на коленях. — Я всего лишь с визитом. Мой муж — Страж Озера из Олеаны, однако временно учится настройке Дара у мастера Аркади.

— Действительно!

Не будучи уверенной, что означает это восклицание, Фаун только улыбнулась, как она надеялась, дружелюбно. Потом взгляд женщины остановился на браслете, выглядывающем из левого рукава куртки Фаун, и ее дыхание остановилось.

Она внезапно наклонилась вперед, разглядывая его, затем взяла себя в руки, выпрямилась и указала более вежливо:

— Могу я посмотреть? Это ведь настоящая свадебная тесьма, правда?

Фаун отдернула рукав и положила руку на стол.

— Да, мэм. Мы с Дагом сделали их друг для друга в Олеане.

Прибежал мальчик и, внезапно смутившись, уцепился за юбку матери и уставился на Фаун. Мужчина, идущий следом, собственнически положил руку на запястье женщины.

Краткая неподвижность мелькнула на лице женщины, говоря о том, что она приоткрыла свой Дар.

— Как? — спросила она удивленно.

— Даг вплел свой Дар в свой браслет обычным для Стража Озера образом. Когда мы дошли до моего, то обнаружили, что мой Дар следует за живой кровью в тесьму, когда я ее плету, а Даг может закрепить ее.

— Кровь! Я никогда об этом не думала...

Мужчина тревожно наблюдал за профилем жены. Она искоса взглянула на него, подняла подбородок и сказала упрямо:

— Это не важно. Мне они не нужны.

Фаун не была уверена, какая эмоция согрела ее взгляд — гордость, или, может быть, облегчение? В любом случае, женщина выбрала немного болеутоляющих порошков, несколько малярийных лекарств и половину их запаса сиропа от тошноты, очень рекомендованного, как недавно узнала Фаун, при утреннем недомогании. Она расплатилась за все это добрыми греймаутскими монетами из тяжелого кошелька, и она и ее муж и сын вернулись в повозку, где служанка раскладывала все для пикника.

— Кто была эта женщина? — спросила Фаун своих спутниц. — Она выглядит как Страж Озера... Она отсюда?

— Была отсюда, — сказала Нола тоном неодобрения. — Она была дозорной, но около десяти лет назад сбежала и вышла замуж — если это так назвать — за этого крестьянина, который приехал с ней.

— Говорят, у него несколько мельниц в городе на Мшистой Реке, — добавила Цери, кивая на повозку, — и он построил ей дом с видом на реку в три этажа высотой, с цветочным садом вдоль реки...

— Ее изгнали?

— Надо было бы, — сказала Нола. — Но ее шатер не подавал жалобу на совет лагеря.

— Изгнание дезертиров — это шутка, — вздохнула Цери. — Едва ли кто-то из них вернется, так что это значит всего лишь, что их родичи по шатру не будут говорить с ними или навещать их на их крестьянской земле. Если их родичи начинают охотиться за ними и приводят их обратно, они просто убегают снова при первой возможности. И едва ли кто-то хочет ловить их и вешать. Некоторые считают, что если кто-то столь недоволен, лучше пусть

он уходит до того, как их настроение распространится по лагерю.

— Разве таких, кто ушел, очень много?

Цери пожала плечами:

— На самом деле, нет. Может, дюжина в год?

В сравнении с «Неслыханно!» на озере Хикори Фаун это количество показалось очень большим. И если такова была утечка наружу из каждого лагеря на юге, это, возможно, имело смысл обдумать. Казалось, нарушение барьера между полюсами на воротах лагеря работало только в одном направлении.

Через некоторое время со стороны истоптанной дороги появилось трое Стражей Озера, пожилая женщина и двое светловолосых средних лет. Они уселись на пикник вместе с семьей с Мшистой Реки, тихо разговаривая. Однажды пожилая женщина встала на колени и измерила рост мальчика около своего плеча, потом сказала что-то, что заставило его рассмеяться. А в другой раз женщина-Страж Озера в крестьянском платье положила руку на живот и показала что-то жестами, что вызвало натянутые улыбки у прочих. В конце концов, семья собралась, сдержанно попрощалась, и они уехали. Пожилая женщина, повернув голову, смотрела им вслед, пока они не исчезли из вида, затем эти трое исчезли вновь по дороге наверх.

Спутники Фаун беспокойно поглядывали на движущееся солнце и их сокращающиеся запасы лекарств и покупателей, когда легкая повозка с запряженной в нее уставшей кобылой въехала в убежище. Кобыла опустила голову и стала шипать скудную траву, а с повозки соскочил молодой человек и выгрузил несколько дощатых ящиков. Он огляделся и понес их к столу целителей, потом вернулся еще за двумя. Фаун мельком увидела, что они были заполнены кучей стеклянных банок и бутылок, упакованных в чистую солому.

Почти такой же запыхавшийся, как его лошадь, парень поставил на пол последние ящики и сказал:

— Я не слишком поздно? Хорошо! У меня монет не много, но, думаю, вот это вам будет полезно.

Цери и Нола и в самом деле обрадовались предложенному бартеру — хорошие стеклянные контейнеры были всегда нужны в шатре целителей — и, обежав стол, уселись на колени рядом с ящиками и стали копаться в них. Взгляд молодого человека уперся в Фаун:

— О, привет! Вы не Страж Озера!

— Нет, сэ. — «Сэр» вышло немного дрожащим, но вреда в этом не было.

Она повторила свою хорошо отработанную речь, повторяемую почти каждому покупателю сегодня:

— Но я замужем за одним из них. Мой муж — Страж Озера из Олеаны — учится здесь целительству.

— Да ладно! Вы не выглядите достаточно старой, чтоб быть замужем хоть за кем!

Фаун постаралась не смотреть сердито на покупателя. Она решила, что женщина становится взрослой, когда такой замечание вызывает у нее благодарность, но не раздражение.

— Мне девятнадцать. Люди думают, что я моложе потому, что я маленького роста. — Она села прямее, так, чтоб он мог убедиться, что она слишком фигуриста для ребенка.

— Девятнадцать! — повторил он. — О... — Он сам выглядел на девятнадцать, свежелицкий шатен с яркими голубыми глазами. Он был гибкий как Вит, но, конечно, выше. — Я надеюсь ваш... м-м... муж должен быть очень важным, раз вас приняли в лагерь. Они обычно не позволяют крестьянам проходить в ворота, знаете ли.

Фаун пожала плечами.

— Новолуние не приняло нас как членов лагеря или кого-то вроде. Мы всего лишь на время. Даг нашел мне работу здесь, когда у меня вышел запас пряжи и я стала скучать по дому. Раньше он был дозорным в Олеане, но сейчас он чувствует призвание стать целителем. Для крестьян, — добавила она горделиво. — Никто не делал этого раньше.

Его рот приоткрылся от удивления.

— Но это невозможно! Крестьяне сходят с ума, если Стражи Озера колдуют на них.

Удивительно точный отзыв, но, может быть, он был близким соседом и потому лучше информированным, чем большинство.

— Даг думает, что разгадал расколдовывание, понял как сделать чтобы этого не происходило. — Она добавила честно: — Он еще не знает, причинит ли это какой-то вред Стражу Озера. В медицине он всего лишь новичок. Но он думал, что сможет это сделать... Он считает, что крестьянам Олеаны нужно гораздо больше рассказывать о Стражах Озера, из-за того, что у нас рождается так много Злых — зловредных привидений, и опасно для людей оставаться такими несведущими. Он думает, что лечение проложит ему дорогу к тому, чтоб учить людей.

— А там действительно... с привидениями так плохо всё?

— Нет, потому что дозор Олеаны их сдерживает, но их работу можно сделать проще.

Молодой человек потер губы.

— Пара моих друзей все говорят о том, чтоб прогуляться по Тракту, может быть, двинуться в Олеану. Это правда, что там есть свободная земля и ее можно просто занять?

— Ну, вы регистрируете вашу заявку у ближайшего деревенского клерка и вычищаете все деревья и камни, корчуете пни. Это земля требует усердной работы, да. Двое моих братьев заводят ферму таким образом, прямо на краю большого леса, который все еще держат Стражи Озера. Мой старший брат получит ферму папы, конечно.

— Да, мой тоже, — вздохнул молодой человек, и добавил после некоторой паузы: — Между прочим, меня зовут Финч Бриджер. Дом моих родителей примерно в десяти милях в ту сторону, — он махнул рукой на юго-восток.

— Я — Фаун Блуфилд, — ответила Фаун.

— Рад познакомиться. — Он дружелюбно протянул огрубевшую от работы руку; Фаун пожалала ее и улыбнулась. Спустя мгновение он добавил: — А зимы в Олеане суровые?

— Даг говорит, вовсе не настолько, как на севере, к Мертвому озеру. К ней готовятся. Хранят запасы еды, корма и дров, делают теплые вещи.

— И там снег?

— Конечно.

— Я снег только раз видел, да и то он исчез к обеду. В это время года у нас вместо него обычно просто холодный дождь.

— Зимой хорошее, спокойное время. И здорово кататься в санях. Папа вешал на упряжь колокольчики... — Неожиданный спазм ностальгии пробился в воспоминания Фаун.

— Ух, — сказал Финч, явно пытаясь представить это. — Звучит мило.

Нола и Цери закончили подсчеты и вернулись к столику. Финч порылся в карманах и выложил несколько монет вдобавок.

— Давайте поглядим... Мне нужно это, и это... И без этого мне не обойтись, или меня прикончат.

Он забрал весь их оставшийся запас противорвотного. Фаун подняла брови:

— Вы также не выглядите достаточно старым, чтоб быть женатым.

— Хм? О. — Он покраснел. — Это для моей невестки. Она снова ждет прибавления, и ей так плохо, что едва голову поднимает. Вот поэтому я все бросил и приехал сегодня.

— Ну, тогда этот прекрасный сироп поможет ей нормально есть и к ней вернуться силы. Он даже на вкус приятный, для лекарства-то. — Фаун хотела бы, чтобы у нее он тоже был в свое время. Она изгнала печальные воспоминания.

Ее собственное дитя было потеряно для нее до того, как стало чем-то большим, чем тошнота и общественное порицание; у нее не было надобности представлять ее себе как яркоглазую маленькую девочку ростом с сына-полукровку той женщины из Стражей Озера.

Юный Бриджер аккуратно упаковал свои лекарства в тележку, затем два раза прогулялся к столам на другой стороне убежища, оттащив полдюжины пухлых мешков, похожих на набитые наволочки. Фаун не видела, что он получил взамен, но он вернулся к ее столику с похожим едва наполненным мешком. Он протянул его ей.

— Вот. Это вам.

Фаун заглянула внутрь и увидела несколько фунтов промытого хлопка.

— А что еще вам нужно? Я не знаю, насколько он ценен. — Она взглядом попросила помощи у Нолы.

— Ничего. Это подарок.

— Для меня? — удивилась Фаун. Он резко кивнул. — Я не могу это принять!

— Это остатки. Нет смысла опять тащить их домой.

— Ну... Спасибо!

Он снова кивнул.

— Ну. Хм. Было приятно поговорить с вами, Фаун Блуфилд. Надеюсь, у вас все сложится. Когда вы отправляетесь на север?

— Я пока не знаю. Это зависит от Дага.

— Хм. О. Конечно. — Он неуверенно насупился, будто желая сказать что-то еще, но потом поглядел на солнце, улыбнулся ей еще раз и убежал.

Еще через полчаса последний крестьянин купил последний товар, оставшийся на столе, — банку пурпурной мази для лошадиных колен — и уехал. Все три девушки помогли оставшимся Стражам Озера убрать столы и развернуть пологи. Цери и Нола были рады хорошему улову звонких монет за день так же, как и ценному стеклу. Они потащили тележку, нагруженную всем, что наменяли, по истоптанной дороге. Фаун посмотрела через плечо на убранную поляну, думая при этом «Это место — не то, чем кажется на первый взгляд».

Так ли было везде? Она вспомнила маленькую речку под фермой в Вест-Блу зимой. Все твердое, жесткий лед, кажущийся совершенно неподвижным — но с водой, текущей внизу и втайне подтачивающей его силы до тех пор, пока однажды он весь не шел трещинами и не смывался неровными кусками. Как близки были лагеря южных Стражей Озера, чтобы расколоться таким же образом? Это была тревожащая мысль.

* * *

Даг наблюдал, как Фаун раскладывает содержимое обеденной корзины по столу, когда далекий звон колокола разорвал тишину.

Аркади вскочил на ноги, уронив бутерброд с сыром, хотя он отхлебнул глоток горячего чая до того, как сказать Дагу:

— Пойдемте. — И, после короткого раздумья: — Вы тоже, Фаун.

Они выскочили на дорогу к шатру целителей. Аркади шел быстрым шагом и несколько запыхался, когда они столпились у двери и попытались войти все одновременно. Он схватил Дага за руку.

— Я думал, у нас есть еще минимум неделя чтоб потренировать вас, — пробормотал он. — Ничего, вы справитесь. Давайте, делайте в точности то, что я вам скажу, и не волнуйтесь. Снимите крюк, он только помешает.

— А что по поводу моего загрязненного Дара?

— В следующие полчаса у нас будут более важные заботы.

Даг закатал рукав и стал снимать протез на ходу.

Он узнал беременную женщину на носилках и ее родственников, несущих их, почти так же быстро, как Аркади, потому что посещал их ежедневно вместе с ним.

К некоторому неудовольствию Дага, Аркади с момента его прибытия таскал его на каждые роды в Русле Новолуния. Даг, будучи перепуганным молодым дозорным, однажды принял ребенка на Большой Северной дороге под указания его взбешенной, но, к счастью, опытной матери, так что это уже не было для него настолько смущающе, но он все еще чувствовал себя незванным гостем в шатрах этих женщин. Двое родов прошли нормально, и у Дага не было иных задач, кроме как сидеть тихо, слушая инструкции Аркади, и стараться не маячить. На третьих ребенка нужно было передвинуть в лучшее положение внутри тела его

матери, что Аркади выполнил с помощью комбинирования рук, Дара и, Даг был почти в этом уверен, поучений.

Все это было куда более сложным процессом, чем представлял Даг.

«Что, думал, женщины там соломой набиты?» колко спрашивал Аркади. И продолжал объяснять, что примерно раз в год все ученики целителей в этом районе собираются, чтоб наблюдать за препарированием человеческого тела, когда кто-то завещает свое тело для этой цели, и при этом весьдвигающийся, мерцающий Дар юных целителей непосредственно направлен на изучение тайной физической структуры, которая его производит.

Аркади обещал — или угрожал — что Даг непременно будет наблюдать следующую такую демонстрацию. Но сегодня Даг сможет взглянуть внутрь все еще живого тела. Возможно.

Сложность Тавы Килдир напугала Дага. Таинственная питающая плацента выросла в отверстии матки вместо того места, где ей полагалось быть. При таких родах поддерживающий орган должно было разорвать задолго до того, как ребенок окажется снаружи и сможет дышать; без помощи результатом стало бы посиневшее мертвое дитя и мать, стремительно истекающая кровью до смерти. Предложенный выход был решительным: вырезать ребенка прямо из живота его матери. Шанс ребенка выжить при этом способе был хорошим; для матери — низким; без работы с Даром — невозможным. Сейчас Даг понимал, почему Аркади заставлял его так серьезно учить контролировать кровотечение на их практических занятиях.

Родственники Тавы, Челла и Аркади — все вместе подняли беременную женщину на кровать высотой на уровне талии в дальней светлой комнате. Челла успела обмыть ее туго натянутый живот спиртом, пока ее сестра снимала с нее одежду. Между ног ее одежда пропиталась ярко-красной кровью.

«У нее даже нет с собой приготовленного разделяющего ножа, и ее родственники ни одного не носят. У северной женщины бы был...»

— Сюда, Даг, — рявкнул Аркади. — Откройтесь. Глубже и глубже. — Он схватил левую руку Дага и расположил ее над нижней частью живота Тавы. Комната откатнулась прочь; до того, как Даг закрыл глаза, чтоб сконцентрироваться на Даре Тавы, он уловил вид ее бледного лица и сжатых челюстей, сдерживающих крик.

Ее сестра держала одну руку с побелевшими костяшками, ее испуганный муж — другую, а подмастерье Челлы убеждал ее разжать зубы, чтоб дать ей закусить кожаную полосу. Последний раз Даг видел такое выражение лица у дозорного рядом со Злым. Вызывающе широко открытые глаза, глядящие в смерть.

Голос Аркади в его ухе:

— Плацента разорвалась слишком быстро и кровоточит снизу. Позвольте проекции своей левой руки нырнуть глубже. Распространите ее так далеко как сможете. Держите давление так же, как при остановке кровотечения любых других ран, но только работая изнутри. Хорошо...

Даг изогнул свою призрачную руку как широкий лепесток лилии, нажимая изнутри матки Тавы. Проекция его правой руки делала то же самое с противоположной стороны, обеспечивая давление с двух сторон. Поток крови между ее ног снизился до струйки. Уголкем одного глаза, едва открытого, он увидел как Челла наклонилась, вспышку острого ножа, так же хорошо ощущаемого, как и плоть.

Два разреза, один на брюшине, другой на самой матке. Аркади работал напротив, следуя за лезвием своими руками-проекциями, останавливая кровотечение. Даг уловил мимолетно крохотное, пурпурно-скользкое тельце, выскальзывающее из разреза ногами вперед, вспышку детского потревоженного, но живого Дара. Чьи-то руки приняли его у Челлы. Шум удушья, тонкий плач.

— Один готов, один остался³, - пробормотал Аркади.

³ One down, one to go — идиома, обычно применяющаяся в обратном смысле: когда один уже мертв, а второй

Боль и страх Тавы заполнили Дар Дага, который он совместил с ее Даром настолько плотно, насколько мужчина может совместить свой Дар с женским. Он думал о выражении ее лица и терпел. Он должен был наглотаться подобного раньше, при лечении «раз и готово» ранений в дозоре. Сестра и муж также делили с ней количество боли и стресса, и при таком разделении Тава уже могла их перенести; главный целитель ухитрился закрыть Дар от боли, но не от человека, и непоколебимо работал.

Даг надеялся, что пара людей следила за тем, чтобы не возникло общего захвата Дара всей группы.

Такое разделение выносили не все. Два ученика травника должны были удерживать лодыжки Тавы. Одна из них была сейчас в углу, склонив голову и рыдая, борясь с черной слабостью, с крепко закрытым Даром; ее место заняла Фаун с упрямым выражением лица.

Она улыбнулась, когда он искоса взглянул на нее, решительно и украдкой. Даг вспомнил том, что может дышать.

— Сейчас, — пробормотал Аркади на ухо Дагу, — вы должны позволить плаценте выйти, не ослабляя давления, так что мы сможем извлечь ее оттуда и срастить разрезы. Позвольте своей проекции провалиться в ткани... Немного потянем за пуповину, о, хорошо, у нас вся она... правильно... держим...

Аркади и Челла вместе закрыли внутренний разрез, он снова соединил ткани вместе хрупким сращиванием, она дала сильную поддержку Дара. Потом брюшную полость, шов здесь накладывался физически, изогнутой иглой и стежками. Еще раз обмыли сморщенный дряблый живот спиртом, затем сухой тканью и одеждой. Грудь Тавы вздымалась, слезы боли стекали по ее щекам, но ее глаза горели и она слабо кивнула, когда ее сестра показала ей завернутую в одеяло краснолицую маленькую девочку. Ее муж, ошарашенный, плакал не стыдясь. «Проклятье, и ты бы тоже плакал», подумал Даг без неодобрения.

Малая вечность прошла до того, как Аркади снова зашептал в ухо Дага:

— Ослабляем понемногу, давайте посмотрим, что у нас есть. Кровеносные сосуды в стенке матки должны закрыться самостоятельно на этом этапе — это их фокус. Ага. Да. Похоже, они ведут себя пристойно...

Даг медленно высвободил свою призрачную руку. Широкая естественная рана, оставленная плацентой внутри тела Тавы кровоточила, но не сильно. Она сдержала крик, когда он разорвал связь их Дара, вернув ей ее боль. Он отшатнулся, и женщина из родственников приблизилась, чтоб взять на себя заботу об оставшемся.

Даг заморгал, вновь осознав свое трясущееся тело, холодное как глина. Фаун появилась под его плечом. Они прошли через комнату и оказались на ярко освещенном крыльце до того, как он перегнулся через перила и его вырвало. Солнце странным образом все еще было в зените. Дагу казалось, что уже должен быть закат.

Аркади вышел и протянул ему чашку горячего чая. Его рука слегка тряслась.

— Вот.

Даг схватил ее и с благодарностью отхлебнул. Аркади уселся в сиденье у стены, согретое почти весенним солнцем, а Даг сел рядом, а Фаун уселась, поджав ноги, с другой стороны от Дага.

— Это было все равно что сбросить вас в воду там, где поглубже. Но я рад, что вы сегодня были здесь. Нечасто нам удается победить при таких шансах, — сказал Аркади.

На этот раз, заметил Даг, он не обвинял его в неэлегантной неэффективности.

— Тава выживет?

— Если инфекция не попала внутрь. Я буду посылать каждого, кто может оказать подпитку Дара, в ее шатер по очереди следующие пару дней. — Он добавил, помолчав: — Вы хорошо держались, дозорный. Обычно моих учеников начинало шатать, когда при них впервые кого-то резали ножом.

— Полагаю, я старше, чем обычно бывали ваши ученики. — Даг поколебался. — И я

резал раньше людей ножами. Правда, никогда не делал этого для того, чтобы спасти им жизнь.

— А, — Аркади отхлебнул чай.

Даг разделил чашку с Фаун и задумался о других сложностях вынашивания детей, которые раньше описывал ему Аркади. Преждевременное отторжение плаценты от стенки матки; смертоносное кровотечение, скрытое до того, пока не становится слишком поздно; дети, удушившиеся пуповиной; слишком крупный ребенок, чтоб пройти таз матери. Без работы с Даром крестьянские акушерки иногда должны убивать такого ребенка в теле матери и извлекать его мертвым. Даже с работой с Даром иногда это был единственный путь.

— Как вы делаете выбор? Одну жизнь за другую? — Даг гадал, понял ли Аркади, что его вопрос был прикладным, а не заданным от отчаяния.

Аркади потряс головой.

— Обычно по лучшему шансу. Он меняется, и часто не можешь знать, пока ответственность не ляжет прямо на тебя. — Он заколебался. — Есть кое-что другое, что ты должен об этом знать. И это не выбор.

Иногда — к счастью, очень редко — плацента вообще не врастает в матку, но укореняется в той маленькой трубе, идущей к сияющему органу внизу. Ребенок не может быть рожден оттуда, не может выжить. Вместо этого он растет, пока не разорвет материнский орган изнутри, и тогда женщина умирает от кровотечения и воспаления. Это ужасная боль и страх. Это не быстрая смерть и не милосердная. Если вы когда-нибудь столкнетесь с этим, вы должны немедленно забрать Дар жизни плода.

Не позволяйте матери или родственникам спорить с вами. Возможно, у вас получится уговорить материальные фрагменты спуститься в матку, чтобы они могли выйти при ее следующих месячных, хотя чаще к тому времени, когда вы это видите, труба уже разорвана и все, что вы можете сделать, это давать подкрепление Даром и надеяться, что тело само приберет весь мусор.

— Вырвать Дар, — сказал Даг пересохшими губами. — Как Злой. — В точности так, как Злой из Глассфорджа поступил с ребенком Фаун; по ее окаменевшему лицу было понятно, что она думает о том же.

— Забрать Дар, — сказал Аркади, — как настройщик Дара. За сорок лет я видел такое только трижды, и спасибо отсутствующим богам, что в первый раз я был со своим собственным учителем, который объяснил мне это. Иначе я не смог бы этого сделать.

— Значит, этот Дар... останется во мне.

— Как и все ваши эксперименты с едой. Боюсь, что так. Он быстро абсорбируется. — Но, кажется, не быстро забывается, судя по слабой тени, пробежавшей волной по яркому Дару Аркади.

Даг отправил глоток чая навстречу поднимающемуся содержимому желудка. Фаун выдернула чашку из его пальцев и отпила тоже, возможно по той же причине.

— Я никогда не был уверен, — сказал Аркади, — молиться ли мне о том, чтоб никогда не сталкиваться с этим вновь, или о том, чтоб следующая женщина, по крайней мере, встретила меня. Вовремя.

Даг всегда знал, что главный целитель не обсуждает с посторонними секреты своего искусства. Он начал понимать почему.

— Я всегда думал, быть целителем менее мучительно, чем дозорным.

— Сегодняшний день был счастливым. — Аркади допил чай и тяжело поднялся. — Держитесь за эту мысль.

Даг последовал его примеру. Впервые за все время он задумался, почему умница Аркади не был женат. С тех пор как он прибыл в Новолуние, он был настолько зверски занят, что не заметил этого необъяснимого отсутствия. Нужно спросить Челлу, решил он. Когда-нибудь потом. Потому что некоторые возможные ответы прямо сейчас он слышать не желал.

* * *

Спустя два вечера Даг сидел с Аркади за круглым столом и старался перебороть сам себя. Или, по крайней мере, проверял свою правую проекцию Дара против своей же левой. Левая сторона всегда выигрывала, и это несколько раздражало. Он посмотрел на Фаун, сидящую у огня и прядущую хлопок, который получила на крестьянском рынке, и подумал, что мог бы придумать лучшие упражнения, очень эффективные, и отправиться в постель пораньше с ней в то же время.

Аркади откашлялся, когда проекции угасли от невнимания Дага. Но до того, как Даг поправился, раздался стук в дверь. Аркади кивнул, и Даг поднялся открыть.

Двое людей, сказал ему наполовину свернутый Дар. Без срочности, не как большинство вечерних визитов к Аркади. Он открыл дверь, чтоб найти там, к своему удивлению, мужа и сестру Тавы Килдир.

— Привет, ребята! Заходите.

Сестра Тавы помотала головой:

— Мы не можем остаться. Но шатер Килдир желает, чтоб у вас это было, Даг. — Она сунула длинный узкий сверток, завернутый в подшитую ткань, ему в руки. — Мы слышали, что вам это нужно.

«От кого слышали?..» Даг, взяв сверток, сразу же понял, что внутри.

— Двоюродный дедушка Тавы оставил это шатру год назад или около того, — объяснил ее муж. — В юности он был дозорным по обмену на севере.

— Ну что ж... Спасибо! — Едва ли он мог отказаться от этого дара, даже если бы хотел. А он не хотел. Неуверенная улыбка тронула его губы. — Поблагодарите ваш шатер... и Таву.

— Мы так и сделаем. — Молодой отец и тетя ушли в прохладный вечер, счастливые, избежавшие потери.

«Да...» подумал Даг, сжав руку вокруг свертка.

Он принес сверток на стол и развернул его в свете лампы. Фаун подошла к его плечу, улыбаясь его улыбке. Ее улыбка погасла, когда из свертка появилась человеческая бедренная кость. Даг провел рукой по ее гладкой поверхности: чистая, сухая, обработанная и готовая к вырезанию нового ножа. А еще крепкая; кости, пожертвованные слишком старыми людьми часто были слишком хрупкими и непригодными для вырезания. Кто-то выцарапал имя донора и название шатра иглой на конце. Эта часть кости будет отрезана, когда кости придадут форму для убийства Злого. Даг решил выжечь имя на законченной стороне лезвия, чтобы оно осталось в памяти.

Далеким и каким-то натянутым голосом Фаун сказала:

— Ты собираешься сделать из этого нож?

— Да. Мастер Вейв сказала, в целом, что поможет мне, если у меня будет кость. — И это не был урок как быть осмеянным — во всех смыслах.

— И привязать его?

— Да. — Он погладил гладкую поверхность. — Это почетный дар. Понимаешь, он правильно чувствуется. В таких личных вещах очень хочется правильных чувств.

Кости Крейна, к примеру, зарытые вместе с ним на отмелях Грейс, ощущались бы... ну, Даг не был полностью уверен, как они ощущались бы чужаком, но его они вогнали бы в ужас.

Фаун укусила себя за губу, набрала воздуха:

— Я знаю, что ты хотел этого, и я не могу тебе запретить. Но... обещай мне, что ты не станешь его заряжать, пока я сама не похоронена и дышу!

— Я тоже этого не хочу, Искорка. — Но после того, как она... Думать об этом было невыносимо. При естественном ходе событий было более вероятно, что они состарятся вместе.

— Я просто вспомнила эту ужасную балладу.

— Какую ужасную балладу?

— О двух дозорных.

Это не сильно сузило выбор, но он понял, что она подразумевала — драматическую историю о напарниках, отделившихся от своего дозора и нашедших опасного Злого. Никто из них не обладал заряженным ножом, но у обоих был привязанный пустой. Спор о том, кто из них пожертвует собой тут же на месте, а кто отнесет горестную весть вдове или нареченной (в зависимости от результатов спора), занимал три душераздирающие строфы. Это была известная песня на севере; люди под нее танцевали. Не то чтоб похожих событий не случалось в настоящей жизни вовсе, но Даг подозревал, что обстоятельства не складывались настолько одно к одному.

— Это же только песня! — запротестовал он. Она упрямо поджала губы.

— Все равно обещай.

— Обещаю, Искорка. — Он поцеловал ее губы, чтоб смягчить их. И после того, как она отодвинулась, чтоб заглянуть ему в глаза и потом кивнула, добавил: — Можешь быть твердо уверена.

Глава 8

Фаун вернулась поздно вечером из шатра целителей вместе с Дагом и Аркади — сегодня там был еще один ребенок с упрямой лихорадкой — чтоб найти корзинку с ужином, оставленную у их двери, с прикрепленным к ней письмом.

Аркади прочитал надпись на конверте и поднял брови.

— Это вам, — сказал он, протягивая его Фаун. — Должно быть, курьер принес.

Удивленная, она прочла на конверте имя свое и Дага, шатер Аркади, лагерь Русло Новолуния, написанные неразборчивым почерком Вита. Вит неохотно писал письма; любое письмо от него было важным. Она забрала его на круглый столик, пока Аркади разжигал огонь, чтоб заварить свой бесконечный чай. Даг поставил корзину, зажег пару настольных свечей, потом подошел к ее плечу и озабоченно спросил:

— Неприятности?

— Нет, в самом деле нет, — ответила она, наклоня бумагу, чтоб изловить мерцающий свет. Каракули Вита были на самом деле разборчивыми, если сначала как следует поломать глаза.

— Вит пишет, Берри нашла покупателя на «Надежду», который хочет превратить ее в плавучий дом.

«Надежда» была построена гораздо лучше, чем большинство кустарных построек, пригоняемых с ручьев верховий Грейс отважными парнями с холмов Олеаны. Берри, должно быть, счастлива оттого, что последнее судно ее папы не пойдет на лесоматериал или, хуже того, на дрова. Козу Дейзи продадут вместе с ее плавучим домом, увы.

— Еще он пишет, что Берри нашла им всем работу у шкипера на килевой лодке, которому можно доверять, он скоро идет вверх по реке, пока еще зимой спокойно. Все вместе: Вит, Бо, и Хог идут матросами, Готорн юнгой, а она скрипачом. — Берри должна была вытребовать ровно столько спальных мест, хотя когда бы она нашла их — было все еще неизвестно в тот момент, когда Даг и Фаун оставили Греймаут. Вит тогда поговаривал о том, чтоб всей командой устроить давно обсуждаемую сухопутную поездку по Тракту, но теперь с деньгами будет намного лучше. — Вит пишет, если мы хотим передумать, мы должны встретиться с ними в Греймауте до конца недели, а если нет — то дать ему знать письмом, когда мы вернемся в Клиркрик.

— А, — сказал Даг.

Она взглянула на него.

— Я, наверное, поскорее напишу ответ, а то письмо не успеет дойти к нему до отплытия. Так... что мы будем делать, Даг? Когда мы уехали в Новолуние, я думала, что это

только на несколько дней, но мы здесь уже больше месяца.

Даг задержался с ответом, пока мыл руку в раковине перед ужином — ритуал, на котором Аркади настаивал более чем с материнской твердостью.

Фаун последовала его примеру. Они разложили содержимое корзины, и Аркади принес чай до того, как Даг заговорил.

— Едва ли я закончил обучение на целителя.

Аркади, разливая чай, фыркнул:

— Едва ли вы начали. Я даю вам два года. Большинству учеников требуется три или четыре.

— Два года! — сказала Фаун.

Даг только кивнул:

— Начинаю видеть почему...

— В самом деле, — сказал Аркади, — целители никогда не перестают учиться друг у друга и у своих пациентов. Обычные хвори становятся рутинными очень быстро — и, я скажу, вы самый непреклонный ученик из тех, что у меня были — но некоторые случайности ускорить нельзя. Вы просто должны будете ждать, пока они не произойдут.

Даг откусил от своего бутерброда, прожевал, проглотил.

— Когда, по вашему мнению, я буду готов, чтоб приступить к действительной работе с Даром?

Аркади ответил не сразу. Вместо этого он отправился к своим полкам, извлек знакомую книжечку и пролистал страницы. Он спокойно осматривал Дага с минуту — весьма лишнюю спокойствия минуту, потом, с опасностью набросать крошек в чернила, набросал несколько слов и подул на страницу, чтоб высушить ее.

— Завтра, — сказал он.

Даг выглядел удивленным, но был рад.

— А как же мой так называемый загрязненный Дар, о котором вы так беспокоились?

— Как я и надеялся, лучшим лекарством оказалось время. Ваш Дар прекрасно очищается самостоятельно и будет продолжать делать это, пока вы не загрязните себя снова. Постоянной заботой о нем, конечно, станет перестать это делать.

Даг задумчиво отпил чаю.

— Этого... недостаточно, Аркади. Если я собираюсь лечить крестьян и не оставлять их сходить с ума заколдованными, значит я собираюсь принимать самые разные фрагменты странного Дара.

Аркади сердито посмотрел на него.

— Раньше это все смешалось вместе в моей голове, — продолжил Даг, — но, оглядываясь назад, я все меньше и меньше уверен, как много моей расстроенности произошло из-за принятия странного Дара и как много — просто от взаимодействия с Крейном и его бандитами. Этого было достаточно, чтоб любой думающий человек заполучил кошмары.

— Разум и Дар — и эмоции — пересекаются на самом глубоком уровне, — уступил Аркади. Он странно взглянул на Фаун.

Даг кивнул:

— Потому что после всего, что я принял — за исключением Крейна — мне показалось, что это сделало меня сильнее и улучшило работу с Даром на всем пути вниз по реке. Ну, не считая того, что он был неаккуратным... так что же по поводу того, что иметь грязный Дар не соответствует тому, чтоб заниматься целительством?

— Каждый кусочек странного Дара, который вы принимаете, меняет ваш собственный — вот таким образом это работает. Результат — неконтролируемый риск.

Даг нахмурился:

— Все, что я делаю и изучаю — проклятие, да каждое мое дыхание — изменяет мой Дар. Он не может не меняться, пока я жив. Может быть, с грязным Даром можно просто жить, так же, как с тараканами, волдырями, погодой и усталостью в дозоре?

— Грубый, но эффективный подход сгодится для дозора. Но не для деликатного контроля, необходимого при настройке Дара.

— Настройка Дара такая же не слишком приятная и деликатная, как все то, что я видел раньше.

— Ваша проекция меняет все, до чего вы ей дотронетесь.

— Моя рука изменяла все, до чего я ей дотрагивался. Всегда изменяла. В любом случае, я хочу изменить людей.

— Даг, вы не можете лечить крестьян. Не в Русле Новолуния.

— А что, если Фаун заболит? Я, конечно, буду ее лечить!

Аркади отмел этот довод прочь.

— Это другое.

— Да? Почему? В отношении Дара.

Аркади вздохнул и потер бровь.

— Видно, мне нужно прочитать вам вводную. Обычно для моих подмастерьев она начинается со слов «Когда я был в вашем возрасте...», но для вас это не подойдет.

— Когда вы были в моем возрасте? — предложила Фаун услужливо. Аркади окинул ее взглядом.

— Немного старше. Совсем немного, признаю.

Даг откинулся назад и занял свой протестующий рот другим куском хлеба. Он кивнул Аркади в знак того, что слушает с полным вниманием.

Аркади набрал воздуха в грудь:

— Когда я был гораздо моложе, глупее и гораздо энергичней, я со своей женой вместе обучался на целителя в лагере под названием Топориная Топь, который примерно в ста пятидесяти милях к северу отсюда.

«Жена?..» Фаун не замечала ни малейшего признака госпожи Аркади с тех пор как приехала и не слышала о ней ни единого слова, что было еще более примечательно. Даг понимающе кивнул... в плане географии? Или чего-то еще? Она не была уверена, видел ли Аркади, как Даг при этих словах слегка вздрогнул. Истории о злой судьбе первых жен действовали на Дага похожим образом. Фаун сглотнула и промолчала.

— Мы вдвоем только недавно пришли к полной силе целителя. У Брины был особенный талант по женским заболеваниям. Уже были намеки на то, что я стану настройщиком Дара, когда полностью раскроюсь. Казалось, у нас больше энтузиазма, чем у больных или раненых в Топориной Топи. Излишек энергии, который сейчас сложно представить...

Будучи молодыми, мы говорили о проблемах наших соседей-крестьян. Она думала, что это великая идея — предложить им лечение. Возможно, поставить небольшой шатер целителей на крестьянском рынке лагеря, рядом со столиком с травами и лекарствами. Наши учителя были решительно против этой идеи еще до того, как она стала более чем разговором, конечно, но вы можете видеть, как далеко мы ушли в раздумьях. Ваши идеи не новы, Даг.

Глаза Дага вспыхнули.

— Но с расколдовыванием это действительно можно делать!

Аркади сделал небольшой жест, означающий «пождитесь остального».

— Отчаявшаяся крестьянка, у которой умирал муж и которая слышала наш злосчастный разговор, пришла к Брине за помощью. Та отправилась с ней.

— Это одна их историй о тех, у кого не получилось, и на них за это возложили вину? — тяжело сказал Даг. Фаун вздрогнула. Обвинения в черном колдовстве могли привести к тому, что одинокого Стража Озера избивали — или сжигали заживо, если толпа была достаточно разъяренной. Поймать Стражей Озера парой или группой было гораздо сложнее.

— Нет. У нее все получилось. Мужчина даже не остался заколдованным. — Аркади еще раз глубоко вдохнул, как бы набираясь мужества. — Поползли слухи. Пришел еще один обезумевший крестьянин и еще один. Я стал ходить к ним вместе с ней. Одна больная женщина осталась глубоко заколдованной и начала все время приходить в лагерь. Ее муж

решил, что ее соблазнили, устроил засаду и попытался меня убить. К счастью, поблизости оказалось несколько дозорных, которые спасли меня и прогнали его.

Это все дошло до апогея тогда, когда на воротах лагеря был бунт, устроенный родственниками каких-то отчаянно больных людей, они пытались прорваться и силой увести нас. Он был отражен с множеством разбитых голов на обеих сторонах — был убит один дозорный и двое крестьян. Совет лагеря решил выйти из тупика, и ночью нас вывезли контрабандой. Мы были тихо перевезены в лагерь на Мшистой Реке, чтоб продолжать учиться там. Стражи Озера Топориной Топи запутывали всех, кто нас искал. И это был конец наших экспериментов с крестьянами. — Аркади сел прямо и пригвоздил Дага взглядом. — Я не позволю вновь оживить этот кошмар. Вы будете держаться подальше от крестьян, пока находитесь в Русле Новолуния. Достаточно ясно?

Даг коротко кивнул как некий несчастный, но дисциплинированный дозорный.

— Да, сэр.

Аркади сказал умиротворяюще:

— Конечно, это не касается Фаун. За ней не придет ревнивый крестьянский супруг, и родственников здесь, чтоб разжечь бунт, у нее нет. Едва ли она создаст проблемы лагерю. — Он добавил после некоторой задумчивости: — По крайней мере, таким образом.

Брови Фаун вздернулись в недоумении.

— А что случилось с вашей женой, сэр?

Даг настойчиво помотал головой, но она не была уверена, значило ли это «Не спрашивай!» или «Я потом объясню».

Но Аркади ответил только:

— Сейчас она работает в лагере на Мшистой Реке. — Голос и выражение лица его были ровными и непривлекательными, так что Фаун проглотила дюжину возникших у нее вопросов.

— Будучи гостями здесь, — сказал Даг, — Фаун и я, конечно, обязаны следовать правилам вашего лагеря. Я не доставлю вам неприятностей, сэр.

Фаун совершенно не была уверена, как понять скептический подъем бровей Аркади, но его напряжение ослабло; он принял обещание Дага и кивнул. Целитель открыл было рот, как если бы хотел добавить что-то, но, видимо, подумал лучше и вместо этого запоздало принялся за свой ужин.

* * *

У Фаун не было возможности расспросить Дага, пока они не улеглись в свою постель в запасной комнате в самом дальнем углу дома.

— Так что же там с госпожой Аркади? Целительницей госпожой Аркади, наверное. В одну ужасную минуту я подумала, что Аркади нам расскажет, что ее крестьяне убили, но нет.

Даг вздохнул и обнял ее покрепче.

— Я слышал об этом от Челлы несколько дней назад. Вроде бы Аркади и его жена счастливо работали здесь вместе в шатре целителей многие годы. Они были партнерами так же, как и супругами, настолько же близкими. Но у них была та же проблема, что у Сарри и Утау.

— Не было детей? — Печальное обстоятельство, которое пара с озера Хикори разрешила радикально, приняв в свою семью еще одного человека, кузина Утау, Рази; необычный способ, как поняла Фаун. Но их малыши были прекрасными, пусть и обладали большим количеством родителей.

Даг кивнул:

— Не просто зачать не получалось. Выкидыш за выкидышем, и они становились все хуже, так как она становилась старше. Аркади был особо опечален, по словам Челлы, потому что как главный целитель он думал, что должен это как-то исправить. В самом деле, может,

поэтому выкидыши становились все опасней. Если с неприятностью не смириться, становится только хуже. Это нередкая проблема — я сталкивался с ней на севере. Двое особенных людей связывают себя узами, и их родственники счастливо ждут, что будут вылупляться особенные дети, а ничего не происходит. Я и Каунео... — Он укусил себя за губу.

Она дотронулась до его брови.

— Ты не должен рассказывать.

Он благодарно кивнул, но продолжил:

— Мы не настолько долго были вместе, чтоб узнать, не наш ли это случай. Был один месяц, когда мы надеялись... Ну, не важно. Жена Аркади, Бриана. Она становилась старше, время шло, и она внезапно попросила его разорвать с ней узы.

«Развод Стражей Озера». Фаун кивнула.

— Я думаю, Аркади не был сильно счастлив, но не сопротивлялся. Они разделили Новолуние и Мшистую Реку между собой, более или менее, и вскорости она связала себя узами с дозорным-вдовцом оттуда. У него было до того двое детей. Думаю, сейчас они уже почти выросли.

Фаун попыталась решить, был ли то счастливый конец истории или нет. Половина его, наверное.

— А ты думал, почему Аркади не женился еще раз?

— Даже мой Дар не может мне помочь понять, что происходит в его голове. Я могу видеть, что он весьма чувствительный человек, и, может быть, это только частично происходит от тренировки его Дара — к той степени, которую я никогда не видел раньше.

— Думаешь, поэтому он так... не знаю, как сказать... аккуратен? Может, беспорядок ранит его в его Даре?

Он поднял брови:

— Может, Искорка.

Она прижалась ближе, целуя его в ключицу. Его рука сжала ее бедро. Пока они не переключились с разговоров на другой метод общения, она спросила:

— Так что мне написать Виту и Берри?

Он неуверенно вздохнул:

— А что ты хочешь делать, Искорка?

Она лежала в его теплом объятии, воспротивившись своей первой мысли до того, как та прыгнула с языка. «Я хочу домой» не имело смысла. Ферма в Вест-Блу должным образом будет принадлежать жене ее старшего брата. У Дага было все, но его изгнали с озера Хикори. Весь дом, который у нее был, был прямо здесь под ней, квадрат одеяла на чем-то полу. И Даг. Для двоих этого было достаточно.

Но не для троих.

Или, может быть, даже больше; в семье Фаун, случалось, рождались близнецы. Два года здесь? Ей это казалось огромным отрезком времени, хотя Даг, без сомнения, видел его всего лишь как загвоздку на своем гораздо более долгом пути. Многие могут случиться за два года. Рождения. Смерти. И то, и другое.

Ее мысли бежали по слишком большому кругу, и у нее не получалось поймать смысл. Она как бы свернула их. День, неделя, месяц, — это было все, что она могла планировать прямо сейчас.

— Я увидела реки, и они все были хороши, исключая одну милю. И море я видела. Я все еще хочу посмотреть на Тракт той долгой весной, что ты... — она поймала слово «обещал» до того, как оно убежит и ранит его, — мне рассказывал. Какая бы весна это ни оказалась.

Он наклонил голову, но молчал.

Аркади сказал, сколько времени потребуется, чтобы Даг стал настоящим целителем. Он ведь не сказал на самом деле, что Даг и его крестьянка-жена приглашены оставаться здесь так долго. Было ли это «я даю вам два года» замечанием или предложением?

Она набрала воздуха:

— Как бы там ни было, я напишу Виту и Берри, что мы не вернемся к «Надежде». — Этот плавучий дом уже может быть передан новому владельцу, а их вещи перенесены на другое судно. — Возможно ли послать письмо отсюда в Клиркрик?

Даг поджал губы, видимо, проверяя свою мысленную карту — пути курьеров и расположение лагерей.

— Да. Хотя без гарантии того, как быстро оно дойдет.

Фаун кивнула с пониманием. Это была медленная, тяжелая работа отводить лодку вверх по реке: четыре месяца или больше от Греймаута до Трипойнта в сравнении с шестью неделями или около того, требуемых на то, чтоб спуститься вниз. Сухопутный путь по Трипойнтскому Тракту срезал угол речного маршрута и был короче на много миль. Он был быстрее, если ехать верхом или с легким грузом, но недружелюбен по отношению к тяжелым грузам. Они могли оставить Новолуние неделями или даже месяцами позже, считая от настоящего времени, и все еще обогнать Вита и Берри в дороге... домой, тут ее мысли запнулись. В общем, в Клиркрик. Где Вит наконец-то обретет настоящий дом с Берри и Готорном. Она и Даг будут там желанными гостями, Фаун не сомневалась в этом. Она сглотнула.

— Я напишу ему, что если мы не встретимся в Клиркрике к клубничному сезону, то пусть ждет другого письма.

Даг снова кивнул.

Было ясно, что сегодня ночью он не сможет ответить на вопрос «Даг, что с нами будет?» Она его не задавала. Вместо этого она откинула назад голову и нашла его губы для бессловесного поцелуя.

* * *

Даг взял Фаун с собой к Вейв, чтоб поработать над его новым разделяющим ножом, притворяясь чуть больше, чем на самом деле, что ему нужны ее умные пальчики. Понаблюдав, как Фаун помогает резать и полировать обработанную кость, понимающе, но внимательно ожидая в тишине, пока Даг заякорит спиральность в нож, а потом надрежет свою кожу горячим ножом, чтоб пустить струйку крови на лезвие для привязки, мастер утратила суровость по поводу нахождения крестьянина в своей рабочей хижине. Еще одна маленькая победа доброй природы и яркого дара Фаун; или, если подумать, как далеко это действие заходило в сердцевину секретов Стражей Озера, может, не такая уж и маленькая.

У Дага не так много времени отняло оправиться от дрожащей боли после размещения спиральности, как тогда, с ножом Крейна — этот был если не элегантен, то, по крайней мере, не так ужасающе перегружен. Он попросил Фаун выжечь шилом, нагретом на пламени свечи, его имя и имя донора на обеих сторонах кости, затем одолжил подаренный ей на день рождения орех из кармана ее юбки и положил его перед Вейв.

Губы Вейв поджались, когда она рассмотрела и проверила его.

— Что это? Практика в размещении спиральности? Если так, то она тоже слишком густая.

Даг потряс головой:

— Я хотел совершенно иного. Надеялся, что вы сможете подкинуть каких-то идей. Я некоторое время думал о том, чтоб сделать для Фа... для крестьян что-то. Что защищало бы их от Злых, как закрытие Дара защищает дозорных. Не таким же образом; не вижу, как крестьяне могли бы повернуть свой Дар боком к миру так, как делаем мы. Это должно быть что-то иное. Что-то, что сможет сделать любой хороший мастер.

Вейв выглядела удивленной.

— Вы хотите, чтоб мастера Стражей Озера тратили себя, создавая такие щиты для крестьян? Где нам взять столько времени?

— Делать и продавать их, как любые другие предметы, произведенные при помощи

Дара.

— Вы ведь знаете, что мы продаем только обычные вещи. Эти ваши щиты... если их вообще можно сделать... не будут обычной работой.

— Значит, не будем продавать их за обычную цену. — Даг взглянул на свой нож на верстаке, его простые линии повторяли линиям кости, из которой он только появился. А затем на другой нож, пустой, висящий на стене, который выточила Вейв. Резьба на лезвии была сложной. Позднее он, может быть, будет инкрустирован перламутром или цветными камнями, а рукоятка обмотана текстурной кожей. Некоторые дизайны были эксклюзивными для определенных шатров или лагерей, являя происхождение ножа знающему глазу; по этому признаку всегда можно было на глаз отличить южную работу. Великая боль и гордость вкладывались в мастерство. На севере, подумал Даг, в основном это просто боль. «Это ведь твое свободное время, Вейв. Разве ты не видишь?»

Фаун сказала:

— Даг начал с того, что хотел защитить только меня, и только потом подумал о крестьянах вообще. Но я думаю, что такие щиты могут защитить маленьких Стражей Озера тоже. Таких, как те девятнадцать, потерянных в Боунмарше. Ведь не только Гринспринг оплакивал потери. Это ведь очевидно.

Вейв неожиданно умолкла.

И так же сделал Даг, моргая. «Конечно. Конечно!..» Упрямая проблема того, как уговорить мастеров Стражей Озера заинтересоваться этой дикой его придумкой, испарилась с потрясающей внезапностью прямо перед глазами Дага. Дар Вейв взволновался от новых мыслей.

Почему он не продвинул свою мысль еще на шаг вперед? Невзирая на тот факт, что его голова набита последние месяцы новыми вещами так плотно, что готова взорваться, и он был так потрясен всем этим, что не знал уже, на каком он свете. Может, по той же причине, по какой Стражи Озера ничего не делали — у них уже было решение проблемы или они думали, что оно у них было. Молодые родственники Стражей Озера по шатру или учителя в дозоре был все вовлечены в обучение закрытию Дара. Зачем биться над проблемой, ставить кучу экспериментов наудачу, которые могут стоить жизней, когда у тебя уже есть проверенная временем система?

Даг неуверенно набрал воздуха и продолжил:

— Я думал, что спиральность может также быть расширена или заякорена в некий ускользящий щит так, чтоб Злой не мог взяться за Дар. Хотя бы некоторое время, чтобы крестьянин — или ребенок — смог убежать. Если спиральность может содержать умирающий Дар, то почему не живой?

Брови Вейв поднялись:

— Но спиральность ножа ломается, когда входит в контакт со Злым.

Даг быстро кивнул:

— Но она ломается не снаружи. Она ломается изнутри, из-за сродства умирающего Дара с находящимся рядом Злым. Это некая вибрация. Я не понимал этого все двадцать шесть ножей, которые прошли через мои руки, пока не получил один, не содержащий сродства со Злым.

Он набрал побольше воздуха и снова начал объяснение того, как его бывший привязанный нож оказался заряжен смертью нерожденного ребенка Фаун в Глассфордже, а потом его дальнейшую судьбу в Рейнтри. Вейв задавала гораздо более детальные вопросы о событиях, чем Аркади. Она особенно заинтересовалась колдовскими яслями глиняных людей Злого, тем, как они выглядели изнутри.

Даг объяснил:

— Я распознал их также как некую спиральность, но огромную и очень сложную, заякоренную на множестве пойманных в ловушку мастеров, которых Злой поработил всех вместе. Она не просто сидела пассивно, как спиральность в ноже. Она каким-то образом жила за счет мастеров. Первое, что я понял, было, что это колдовство — живое.

Хотя, я не знаю, где щит мог бы взять такую... живую силу. И он не сможет работать все время, или будет изнашиваться слишком быстро. Я думал, ему понадобится просыпаться только когда нужно, так же, как ножи ломаются лишь тогда, когда в самом деле погружаются в Злого.

— Ну, — сказала Вейв медленно, — там может быть четыре возможных источника Дара в такой момент. Сама спиральность, личность, которую она защищает, непосредственное окружение или сам Злой.

Даг нахмурился:

— Я не вижу, как вы сможете вложить достаточно силы в спиральность, чтоб продлить ее больше чем на мгновение, если она будет живой, как то колдовство, которое я видел в Рейнтри.

— Было бы умнее, если бы вы смогли вытащить ее из самого Злого, — мечтательно сказала Вейв. — Это как схватить руку атакующего и дернуть за нее, нарушая его баланс.

— Больше похоже на то, чтоб схватить руку атакующего и оторвать ее, — сказал Даг, — но нет. Вы не захотите, чтоб Дар Злого входил в вас или попадал на вас. Он смертельно ядовит. Это сама скверна.

— В окружении может быть что угодно. Нет способа взаимодействовать с этим, — сказала Вейв. — Остается лишь личность, которую защищают.

— Это кажется... окольным, — сказал Даг, пытаясь это представить.

— Если прикосновение Злого прищпорит ваш щит и тот сработает, — сказала Фаун, — как вы будете его осаживать?

Даг нахмурился:

— Я думаю, он сам выключится довольно быстро.

— Если он будет использовать Дар человека, то не будет ли это несколько смертельно?

— Хм... — сказал Даг, почесывая затылок.

Они обсуждали спиральности и работу с Даром еще больше часа, пока свет, падающий через открытую дверь рабочей хижины, и ворчание желудка Дага не напомнили ему, что корзинка с их ужином уже, вероятно, ждет их дома у Аркади. Они не решили ни одной проблемы, но беспокойность Дага теперь была забавно подбодренной. Может быть, он всего лишь шагает назад или в стороны, а не вперед, но он, хотя бы, не танцует один. Фаун была права. Мастерам нужны другие мастера. Как и мастер по ножам и брат Дага Дор Вейв явно выполняла одни и те же задачи снова и снова одинаковым образом длительное время; в отличие от Дара, ее разум не успел окостенеть.

— Возвращайтесь, если придумаете что-то еще, — сказала она Дагу с дружелюбной улыбкой, когда он и Фаун сошли вниз по ступенькам крыльца.

Он улыбнулся в ответ:

— Вы тоже.

* * *

С юга шептал бриз. Спускавшееся солнце обжигало сквозь влажный воздух с удивительной силой. Фаун могла лишь представить время (до него осталось вовсе не так уж долго), когда весна войдет в полную силу; когда почки набухнут, и пробьются робкие побеги. Во всяком случае, в этот день было достаточно тепло, чтоб сидеть снаружи на открытом крыльце Аркади с видом на озеро.

Сидя на скамье, придвинутой к дощатому столу, она склонилась над своей задачей, зажав кончик языка зубами и обводя изогнутым стальным резакон новый разделяющий нож Дага, лежащий на кожаном лоскуте.

Южные Стражи озера делают ножны для своих ножей из тщательно выделанной кожи, иногда инкрустированной серебром или даже золотом, но эти будут простыми, в северном стиле. Простыми и свирепыми, как ее мысли. Она старалась сделать их как можно лучше, как будто держа себя гордо, спокойно и прямо перед лицом врага.

Аркади вышел из дома с чашкой чая в руке, на мгновение заглянул ей через плечо, потом отошел к перилам крыльца, оперся на них и стал смотреть вниз со склона. Тридцатью шагами ниже на кряжистом причале сидел Даг, скрестив ноги и спиной прислонившись к дому, склонившись над своей собственной задачей.

— Что это он делает там внизу? — ворчливо пробормотал Аркади. — И что у него в этих мешках?

— Сумка орехов, — ответила Фаун, не отрываясь от разреза, который заканчивала, — и коробка мышей. И стеклянная банка.

— Мышей!

— Он не забирает у них Дар! — добавила она торопливо, когда Аркади выпрямился. — Он обещал мне, что будет осторожен насчет этого. — Она некоторое время назад спустилась, чтоб узнать, как у него успехи. Она принесла ему орехи и банку, но мышей заставила ловить самого. Даже у супружеской поддержки есть пределы. Хотя зрелище мышей, выбегающих из ближайшего леса нестройной цепочкой и запрыгивающих в коробку по указанию Дага, сохранится в ее памяти навсегда. — Он сказал, что собирается попробовать сделать щит для всего тела, как та обработанная Даром куртка, отражающая стрелы, которая у него была когда-то. Идея вроде бы сработала, но потом мышцы не могли бегать и дышать.

Настояв на втором походе в лес за мышами немного раньше и утихомирив сомнения Фаун обо всем этом, Даг мог быстро сделать много маленьких испытаний, отработывая ошибки и тупики. И позже увеличить масштаб до, например, ее размера. Гораздо позже. — Он вернулся просто, чтоб попробовать защиту Дара.

— Сумасшествие, — пробормотал Аркади.

— Если он сможет это сделать, — указала Фаун вежливо, — это сможет спасти тысячи жизней.

— Тысячи, — прошептал Аркади. — Боги. — Он наклонился и снова отпил из чашки, уставясь вниз на склон с нечитаемым выражением.

— Когда ваш муж впервые появился у моей двери, — продолжил Аркади после долгой паузы, — я воспринял его как простого человека, если не полного простака. Потрепанный, неряшливый, с этим северным бормотанием, которое звучит как будто у него рот полон камней...

— Он не слишком хорошо говорит только когда смущается и не уверен в себе, — сказала Фаун в защиту. — Он может говорить как агитатор, когда на него находит. И ему нравится быть чистым так же, как и любому другому... — Ну, пока другим не оказывался Аркади. — Он просто не тратит время, стремясь к тому, чем не может обладать прямо сейчас. У него крепкое терпение.

— Конечно, — пробормотал Аркади. Он отпил еще чаю. — Знаете, я всю жизнь провел в трех лагерях. Я путешествовал между ними, но никогда не выбирался за их пределы.

Брови Фаун взлетели в удивлении.

— Что, вы никогда не ездили вниз, чтоб взглянуть на море? Или Греймаут? Ведь они так близко!

Аркажи махнул пустой рукой.

— Избранная мной реальность лежит под кожей. Она кажется для меня огромной страной. — Он вновь уставился на склон. — Но Даг... вхож в каждый мир. Он просто перешагивает границы, наружу и внутрь. Дозорный и целитель. Север и юг. — Он взглянул на нее. — Страж Озера и крестьянин. Мастер по ножам и мастер-целитель, боги. Он, наверное, наименее всего простака из всех, кого я знаю.

Фаун не нашла что возразить. Она склонила голову над следующим разрезом, закончила его и сказала:

— Это, я думаю, от его умения чинить то, что сломалось. Вазы. Кости. Сердца. Миры, может быть. Чтобы что-то починить, вам сначала нужно погулять вокруг этого и увидеть его целым.

— И все это каким-то образом приводит к тому, чтоб сидеть на моем причале, мучая

мышей?.. — Аркади только что за голову не хватался. Вместо этого он схватился за свой узел на затылке. — Что он делает? — повторил он. Отставив кружку на перила, он протопал вниз по ступенькам крыльца и спустился по склону. Фаун наблюдала, как он стоял рядом с Дагом, говорил, жестикулируя. Рука Дага вернула ответный жест. Когда она поглядела после следующего разреза, Аркади тоже сидел, скрестив ноги, придирчиво разглядывая банку, в которую Даг забросил за хвост извивающуюся мышь. Они, казалось, все еще разговаривали. Спорили. Но когда Даг снова наклонился, сконцентрировавшись, Аркади сделал то же самое.

Фаун выровняла свои кусочки и взяла квадратное шило, чтоб пробить дырочки для соединительных петель. Ей нужно зачернить кожу соком грецкого ореха, решила она, а соединительную нить для контраста отбелить. Она взглянула на костяной нож, который помогала создать своими собственными руками, спасите боги ее сердце. Ее смертельный враг обрядится в элегантнейшие цвета скорби, мягкие как шепот на груди Дага, когда он повесит ножны себе на грудь. Темное платье ее соперника будет пошито хорошо, хватит на года. На десятилетия. И дольше, если желание Фаун сбудется.

«Если бы желания были лошадьми, все мы ездили бы верхом.»

Она наклонилась вперед и пробила первую пару дырочек в коже.

Глава 9

Мальчишки из Олеаны вернулись из дозора в холодный дождливый день, похожий на последний вздох южной зимы. Даг как раз подбросил полено в огонь, чтоб согреть гостиную Аркади, где они все собрались: Даг читал старый врачебный журнал, Аркади писал новый, Фаун вязала. О напарниках возвестило топанье, шаркающие шаги на крыльце и голос Ремо: «Лучше оставь ботинки здесь, снаружи, и все остальное, пока не высохнет. Ты ведь знаешь, как Аркади относится к своим полам.» Согласное фырканье. Женский голос: «Я тогда просто постою на пороге». Фаун отложила рукоделье и заулыбалась радостно и гостеприимно. Даг выпрямился и с любопытством повернул голову.

Дверь распахнулась, и ввалились дозорные, топя и шумно переводя дух. Ремо был в мокрых носках, из дыр в которых выглядывали его пальцы и пятки, а Барр и вовсе без носков, с бледными и холодными ногами с красными, натертыми ботинками мозолями. У обоих мокрые от дождя волосы прилипли к головам. Их промокшие куртки явно были повешены на крючки за дверь, так что рубашки и жилеты не полностью вымокли, лишь у шей, но зато их штаны были испятнаны глиной, летевшей из-под копыт. Нита в грязных ботинках остановилась на пороге. Она носила практичную шляпу с полями, защищающими от дождя, так что воротник ее куртки оставался сухим. Девушка держала в руках тяжелую ивовую корзину.

— Добро пожаловать обратно, — сказал Даг, удивленный плохим настроением, повисшим вокруг обоих напарников. Нита же, хоть и совершенно мокрая, улыбнулась ему радостно, как весенний цветочек.

— Я не буду входить, — сказала она с порога. — Меня будут ждать в моем шатре. Но дозор хочет, чтоб у вас это было, Даг, — она приподняла корзину.

Он вздернул брови, вставая, чтоб забрать корзину у нее. Внутри был большой копченый окорок и несколько стеклянных банок с чем-то вроде фруктовых заготовок, завернутых в ткань.

— Хм... спасибо дозору от меня, — сказал он слегка удивленно.

Она улыбнулась ему, ее щеки были розовыми от холода. Ее голубые с серебром глаза блестели, как звезды в закатном небе.

— Это самое меньшее, что мы могли сделать для вас, сэр. Мы всегда останавливаемся на том крестьянском рынке в последний день дозора, понимаете, по дороге домой. Это часть традиции. Ну что ж... Не буду напускать вам холода. — Она издала некий звук, который у любой другой девушки был бы смущенным хихиканьем, а у нее получился более похожим на серебристую трель. — Всего хорошего, сэр! — Она пылко оглядела его сверху донизу на

мгновение перед тем, как выйти и позволить двери захлопнуться за ней.

Ремо, хмуро глядящий ей вслед, тяжело вздохнул. Барр фыркнул.

Фаун освободила Дага от корзины и водрузила ее на круглый стол.

— Прекрасный окорок, — прокомментировала она. Ее собственные брови изумленно приподнялись, когда она развернула разноцветные переливающиеся банки, чтоб обнаружить, что они были завернуты в рубашку из хлопка размером на Дага, очень аккуратно сшитую. Даг попытался понять, что он мог сделать для дозора Ниты, чтоб заслужить такую честь, и ничего не вспомнил. Он всего лишь работал с Даром в шатре целителей две недели, у них в последнее время не было каких-то чрезвычайных случаев, и, кроме того, дозора здесь даже не было.

Как бы то ни было, ни один из вернувшихся парней не был похож на молодого человека, успешного в уходе. Дага это удивило. Обычно дозорные по обмену со всем шармом экзотики вокруг них легко попадали в постели к желающим дозорным девушкам — по крайней мере, им было легче, чем местным парням, найти к ним подход, — ведь те не знали их всю жизнь. Это преимущество было одной из многих причин, чтоб пойти на обмен. Все четверо в данном вопросе были здоровы и, насколько Даг знал, свободны. Интерес определенно присутствовал. Даже число совпадало. Но Барр и Ремо явственно не были отдохнувшими, удовлетворенными, глупыми от радости или наслаждающимися любой другой счастливой эмоцией из тех, которые женщины могут вызвать в мужчинах — при этой мысли Даг улыбнулся Фаун.

Совсем наоборот. Если бы Дар можно было сделать видимым, то их превратился бы в личный грозовой фронт вокруг голов.

Даг сказал нейтрально:

— Итак, как прошел ваш первый дозор на юге? — Они не могли найти Злого, сидячего или нет, или основное настроение было бы совсем другим.

— Не хочу говорить об этом, — сказал Ремо. — Бочка Аркади для купаний теплая?

— Этим утром была, — сказала Фаун. — Там есть кучка угля. Вы, наверное, можете подсыпать еще и нагреть.

— Отлично, — проворчал Ремо. — Часами об этом думал. — Он убрел через черный ход.

— Ну конечно, Ремо, конечно, ты можешь пойти первым, — заметил Барр беспечно вслед закрывшейся двери. Даг услышал, как Ремо протопал вниз по наружной лестнице. Барр плюхнулся на плетеный коврик перед очагом и зло уставился в потолок.

— Какая муха его укусила? — спросила Фаун в удивлении. Ее взгляд наткнулся на Барра: — А тебя?

Барр издал невнятное бурчание, если не предсмертный хрип, свидетельствующий о его нежелании общаться.

— Было ли твоё э-э... ухаживание неудачным? — добродушно предположил Даг, вновь занимая стул. Он действительно не понимал, как у них могло не получиться. — И за которой ты ухаживал, кстати? Едва ли я мог бы сказать.

Фаун собрала иголки и уселась на мягкий стул напротив, но не начинала вновь вязать. Аркади положил перо и подпер рукой подбородок, пряча усмешку и бесстыдно слушая.

— Тавия, — вздохнул Барр. Он помахал рукой в воздухе. — Тавия, Тавия, Тавия. Такие мягкие волосы... И остальное ее, — оптимистично широкое движение руки перед грудью, — тоже все такое мягкое. Мужчина не порежется об ее кости, как у той ледяной блондинки, по которой Ремо пускает слюни, хоть это ему тоже ничего хорошего не приносит. — Его руки апатично улеглись на коврик.

— И в чем же неприятность всего этого?.. — подтолкнула Фаун.

— Тавии нравится Ремо. Почему? Почему? Мне она нравится гораздо больше, чем ему когда-нибудь будет. Спорю, я тоже сделал бы ее счастливой... Я ведь такой-всегда-улыбчивый парень. Ирония, ах, какая ирония.

— Предполагаю из этого, что Ремо, э-э, влюблен в Ниту? — спросил Даг.

— Не думаю, что она нашла бы его отталкивающим. — Он не был уверен, стоит ли спрашивать, влюблена Нита в Барра или нет. По-настоящему изобретательный дозорный с достаточно большим одеялом мог бы сделать что-нибудь с этим войском. Он решил не упоминать эту мысль. Не стоит шокировать молодежь.

— О, у него было с ней все хорошо сначала, а я был готов поймать Тавию, как только она отпрыгнет, и тут он сделал большую ошибку и рассказал Ните, кем ты был на самом деле.

— Даг Блуфилд Без Лагеря? Это не секрет.

— Нет, кем вы были раньше в Лутлии. Даг Волверин⁴ из лагеря на озере Пиявки. Желудок Дага сжался.

— О. Но ведь это было примерно поколение назад.

— Нита недавно вернулась из обмена, прожив два года в Лутлии, и полна всем этим. Ты знаешь, что они там до сих пор поют баллады о капитане Даге Волверине на Волчьей Войне?

— Одну балладу, — проворчал Даг. И то его это не заботило. Его жена Каунео должна быть героиней Волчьего Перевала, и ее братья, и сорок с лишним других. Даг был разве что выжившим.

Фаун, тревожно глянув на него, предложила:

— Ты не можешь стыдить народ за то, что они хотят петь песни, которые помогают им помнить их войну.

— Да, ну хорошо. Но я не хочу ее помнить. — Несмотря на то, что старые воспоминания перестали обжигать и всего лишь слабо болели; спасибо времени и Фаун за это. — Кроме того, эта баллада врет. Они режут правду, чтобы уложить ее в строчки. Учат не тем урокам.

Барр застонал с пола:

— Одна баллада? Да там пара дюжин! Целый цикл о Волчьей Войне. И Нита выучила каждую из них, чтоб им провалиться, пока была там. Она их все может спеть. И поет. И с тех пор, как Ремо проболтался о твоём прошлом имени, она не желает слышать от нас ничего, кроме историй о Даге.

Даг уже выдерживал одержимую молодежь, и не такую уж молодежь тоже, раз или два до этого; в лагере Хикори в итоге условились его не беспокоить, или возможно он просто стал слишком старым и скучным. Это всегда было неловким, но до сих пор все оставались в живых. Он мрачно вздохнул, пытаясь вспомнить свои методы взаимодействия с подобным. Они обычно включали в себя Громовержца, посылающего его в следующий дозор, пока все не уляжется. Этот метод здесь он, увы, применить не мог.

— Милая Тавия, — продолжил Барр (провыл, на самом деле), — милая, мягкая Тавия. Тавия, дурочка, смотрит влюбленно только на Ремо. Ремо страстно желает Ниту. Нита одержима капитаном Дагом Волверином, причем я не уверен, что он все еще существует. Сейчас, если только Фаун возжадет меня, круг замкнется — но этого не произойдет, мы это установили. — Он испустил огромный вздох. — Так что здесь я совершенно один плетусь в хвосте поезда любви, глотая пыль...

Даг хотел сказать что-то другое, но остановился из-за жестокого подозрения.

— Это где и когда вы такое установили?

— Еще на «Надежде», — пробормотал Барр. — Очень давно. Очень.

Даг сердито уставился на расprostертую на коврике фигуру, но его жертва была слишком вялой даже для отработки упражнений. Кроме того, если бы Фаун была серьезно оскорблена, уголок ее рта не загибался бы так при напоминании.

— Ремо ушел навсегда, — сказал Барр, наконец. — Пойду-ка я искупаюсь в озере.

⁴ Wolverine — росомаха. Такую «фамилию» носил шатер Каунео. Даг Росомаха смотрелось бы хорошо, но Волверин упоминался в предыдущем томе, да и другие «животные» фамилии здесь не переводятся, например Вейв Черная Черепаха (прим. перев.)

— Так ведь вода холодная! — сказала Фаун.

— Здорово, — свирепо сказал Барр, содрогнулся, встал и вышел, пошатываясь.

Аркади приглушенно хихикнул и уронил руку на стол.

— Полагаю, если мы собираемся над ними посмеяться, нам нужно делать это сейчас, а не в их присутствии.

Даг посмотрел на него, извиняясь.

— Простите, Аркади. Я считал, что у этих двоих уже все должно быть в порядке на личном фронте. — Единственное, что было хуже, чем один страдающий от любви юный дозорный под крышей его шатра, — это два страдающих от любви юных дозорных сразу. Даг задумался, как скоро пара сможет снова отправиться в путь.

Фаун робко спросила:

— А Нита не станет проблемой, Даг?

— Нет. Я просто буду ее избегать. Это не будет трудно; она будет в дозоре, я — в шатре целителей.

Фаун приподняла брови, но не стала высказывать свое мнение об этом плане.

Взгляд Аркади стал серьезней, остановившись на Даге.

— Что за Волчья Война? — спросил он.

— Вы о ней не слышали? Какое облегчение, — сказал Даг. — Это была всего лишь одна из многих северных стычек со Злыми, примерно двадцать лет назад. Там, кроме прочего, это случилось, — он слабо махнул крюком. Финал Волчьей Войны никак не был связан с его нынешними устремлениями; так что у него не было нужды обсуждать это здесь. Он попытался не кричать мысленно «Ура!».

— Извините меня, но — капитан компании? В Лутлии? — продолжил расспрашивать Аркади.

— Это была недолгая карьера.

— Я думал, вы были рядовым дозорным из Олеаны.

— Я и есть. То есть был. Это мне больше подходило, после... — Он снова взмахнул рукой. — Лутлия — тяжелый край, это страна для молодого человека. Когда я перестал быть молодым, я отправился домой.

— А как долго в самом деле вы пробыли там?

— Примерно десять лет. — Он ощутил растущее неудобство под продолжительным взглядом Аркади. — А что?

Аркади помолчал, потом пожал плечами:

— Вы продолжаете меня удивлять, вот и все. Я думал о себе как о более проницательном человеке.

Даг не смог придумать ничего в ответ на это, так что вновь уткнулся в старый журнал и попробовал его читать. Через минуту Фаун вернулась к своему вязанию, а Аркади — к письму. Только все они теперь часто посматривали на окно, глядящее на озеро.

* * *

К тому времени, когда напарники вымылись, натянули сухие вещи, согрелись, вернули нож Дагу и закопались в корзинке с ужином как оголодавшие псы, их настроение улучшилось. К счастью, по мнению Дага.

Фаун посмела спросить:

— Отличался ли этот южный дозор от олеанских?

Барр и Ремо обменялись нечитаемыми взглядами. Аркади жевал и наблюдал с интересом.

— Нет... — сказал Ремо медленно. — И да.

— Да, — Барр кивнул. — Это забавно...

— Что? — спросил Даг.

— Я всегда думал, что мне бы хотелось, чтобы в дозоре было посвободней. — Он

покачал плечами, чтоб проиллюстрировать желаемую расслабленность, потом добавил: — Хотя охота на аллигаторов была приятной. Крестьяне, земли которых мы пересекали, не хотели, чтоб мы охотились на их медведей. Они здесь слишком редкие и ценные, так что они берегут медвежий жир, шкуры и мясо для себя. Но зато крестьяне просто счастливы награждать нас за каждого аллигатора, которого мы сможем найти, чем больше — тем лучше. На диких свиней также нет ограничений. Мы вернулись со стопкой сырых шкур, которые продали на крестьянском рынке. — Он откусил еще один кусок хлеба, густо смазанный абрикосовым джемом из одной из подаренных Дагу банок, и стал блаженно жевать.

Фаун скорчила гримаску:

— Разве они не страшные? Вы охотились на них по ночам? — Она повернулась к Аркади и объяснила: — В Олеане дозоры Стражей Озера пересекают фермы по ночам, чтоб не беспокоить жителей. Обычно никто и не знает о них.

— Нет, — сказал Ремо, — здесь это не годится. Здесь слишком заселенные земли. Ночей вам не хватит. Мы просто ехали при дневном свете. Мы не беспокоили крестьян, и они не беспокоили нас.

Барр добавил:

— Некоторые притворяются, что не замечают нас, это так странно ощущается. Некоторые кивают. У этого дозора налажена цепочка крестьянских амбаров, где можно остановиться, или стоянок в лесах. Крестьяне берут с командира дозора за их пользование пару монет.

— Так значит... крестьяне вокруг не настолько не знают ничего о дозорных, как я раньше, когда жила в Вест-Блу? — спросила Фаун.

Ремо почесал затылок:

— Думаю, нет.

— Это хорошо.

— Не уверен. — Подбодренный жестом Дага, Ремо продолжил: — Казалось, и не было ничего такого, о чем им можно было знать. Мы были всего лишь компанией охотников.

— Больше компанией, чем охотников, — сказал Барр, хмуря брови. — Я не о том, как дозорные Новолуния выскальзывают из лагеря по ночам. Это меня не волнует. Я о том, как они ходят о время дозора. Они шумят. Они все время ломают строй, чтобы поговорить друг с другом. Они поют. Пока идут. Проклятье, ты никогда не заметишь глиняного человека таким образом. Наш командир дозора в Жемчужных Перекатах всегда говорила, что это первый признак того, что Злой где-то рядом, даже если скверны нет. Она бы заколола наши языки вилкой за кашель во время поиска, но здесь они творится настоящий гвалт. — Он посмотрел на Дага: — Все южные дозоры такие или только этот?

Даг проглотил то, что жевал, и запил чаем:

— Я был здесь в дозоре только один сезон примерно четыре года назад. Я понимаю, что земли, где они нашли сидячего Злого за последний век, не такие э-э... свободные, но мне совершенно ясно, что гораздо большая вероятность нахождения Злого сформировала нас на севере.

— Бесформенный... — сказал Ремо. — Да, именно так и ощущается этот дозор.

— Вот почему так важно чтоб дозорные с юга ездили на север, — сказал Даг, взглянув на нахмурившегося Аркади. — Не только, чтоб нам помогали дополнительные руки, но для обучения, которое они привезут домой. Без этого южный дозор развалился бы на кусочки. — «Быстрее». — Нита более ценная, потому что вернулась домой, чем двое добровольцев, оставшихся в Лутлии.

— Не уверен, что она сознает это, — медленно сказал Ремо. — Это был ее первый дозор после возвращения сюда, и она видела его новыми глазами. Она была... как будто... она была единственной, кто понимал, что мы видели. И ей было стыдно за дозорных. И она этого не ожидала.

— А разве ваш командир не обучался на севере? — спросила Фаун. — Я думала, они

должны.

— Он давно вернулся, — сказал Ремо. — Десятилетия назад. У меня сложилось впечатление, что он вроде как сдался. — Он взглянул на Дага. — Дозор, в котором ты участвовал здесь, был таким же?

— Перестал быть таким же после сезона со мной.

Барр фыркнул чаем через нос. Ремо проигнорировал его и сказал:

— Но ведь ты не был командиром.

— А тебе и не надо быть.

Ремо прожевал кусочек жаркого, проглотил.

— Угу.

* * *

Фаун казалось, что слух о новой (или старой) славе Дага распространился по Руслу Новолуния с тревожащей быстротой. Она предположила, что двадцать пять сплетничающих дозорных, рассеянных по двадцати пяти шатрам добавляются ко всем тем людям, которых они встречают в шатре целителей.

Даг уже не был всего лишь своеобразным проектом Аркади, но человеком с несомненно более чем местной славой. Это заставило ее задуматься о том, что еще было в тех балладах, которые распространяла Нита — Фаун слышала только одну, тогда, в Олеане, и в ней не назывались имена.

Она могла сказать, что Даг ее ненавидел. Но, как самый долготерпеливый человек из всех, кого встречала Фаун, он выносил это вежливо, в основном. Он отвечал довольно обескураживающим отказом обычным любопытным, а если это был пациент, которого он лечил Даром, тогда он заворачивал вопросы вежливо. Дети добывали из него прямые, хоть и краткие ответы, но больше этого никто не мог.

Впервые с тех пор, как они приехали сюда, Даг начал получать приглашения посетить шатры в лагере по каким-то другим причинам, нежели медицинский обход Аркади. Тем, что не включали в себя Фаун, он отказывал резко. Тем, что включали — брал на себя труд отвечать, что Фаун установлено быть в доме у Аркади и шатре целителей по приказу совета лагеря.

После чего пришло приглашение, на которое нельзя было ответить отказом.

— Ужин в шатре командира лагеря? — сказал Даг в таком замешательстве, что Фаун поняла: командир дозора Новолуния был членом совета. — Мы оба?

— Мы все. Ваши дозорные мальчишки и я также приглашены, — сказал ему Аркади. — Я думаю, там будет большая часть совета лагеря.

Даг заморгал:

— Думаете, мы должны идти?

— Конечно, вы должны идти. Это может быть вашим шансом.

— Шансом на что?

Аркади помолчал.

— Устроиться получше, — сказал он наконец.

— Я думал, мы прекрасно устроились. Для практических целей.

— Ну, да, — сказал Аркади загадочно.

Они отправились.

Там был жареный поросенок снаружи шатра (на самом деле, здания) командира лагеря, и Фаун для разнообразия показалось, что все совсем как на озере Хикори.

Командир Энтан Булраш и его жена-мастер были пожилыми, а их дети — взрослыми. На ужин собралась целая толпа: трое глав шатров, все зрелые женщины, которые в этом году были членами совета; их супруги, семьи и внуки; и, так как одна из дам-членов совета была тетей Тавии, обе напарницы. Нита казалась особенно радостной. Ужин на открытом воздухе был совсем как пикник крестьянской семьи, с разными дамами, принесшими, как проявление

участия, блюда своего приготовления. Но когда все наелись и дети убежали играть к озеру, а в ветвях повисли фонари, более избранная группа собралась в круг на перевернутых пнях. И начала расспрашивать Дага.

Они спрашивали о командире Даге Волверине времен Волчьей Войны. Получили они разговор о командире Даге Блуфилде из Рейнтри с побочным рассказом о Гринспринге. Волчья Война была безжалостно отодвинута на второй план, хоть она и помогла несколько объяснить, каким образом кампания Дага оказалась способна дойти до Злого из Рейнтри, как горячий нож сквозь масло — на проинформированный взгляд Фаун. Но если альтернативный рассказ имел целью нейтрализовать интерес к командирской карьере Дага, Фаун не думала, что это сработало.

Аркади жевал палец и говорил мало, наблюдая, как его протеже вертится на вертеле и иногда шкворчит. Он изучал лица кворума совета и лишь морщился время от времени. Было ясно, что ему хотелось, чтоб Даг принял более компромиссный тон. Фаун же было ясно, что Даг не собирается упускать настолько пленную публику.

Он, конечно, не говорил сегодня так, будто у него рот набит камнями.

Наконец круг распался, часть его отправилась на поиск десертов. И, судя по склоненным головам, на приватный обмен откровенными мнениями.

Даг пробормотал Аркади:

— Есть ли возражения, если мы с Фаун ускользнем пораньше?

Аркади поджал губы:

— Нет, на самом деле. Это было бы неплохо. Мне нужно задержаться, что поговорить кое с кем.

Даг кивнул. Фаун отказалась уходить, не поблагодарив господу Булраш как следует, но когда эта обязанность была выполнена, позволила себя увести.

Они остановились в штаб-квартире дозора, чтоб проверить своих лошадей, скучающих в деннике, где те ели корм Новолуния со своего прибытия. Потом они пошли дальше по дороге вдоль берега в прохладную темноту.

— Так все же, — сказала Фаун нерешительно, — что все это было?

Даг осторожно почесал затылок крюком:

— Я не совсем уверен. Нас проверяли, это точно. Наверное, они могли бы прийти в шатер целителей для этого.

— Как ты думаешь, они решали, позволить ли нам остаться на два года?

— Может быть, — он пожевал губу. — А может, и больше.

— Даг Блуфилд Русло Новолуния? — Она примерила имя к губам. Названия лагерей не просто сообщали ваше место проживания. Если вы носили его, это отмечало вас как члена некоего большого сообщества, и даже после большей части года, проведенной вместе с Дагом, Фаун не знала всех нюансов, которые оно накладывало. — Это то, хм... чего бы ты желал?

— Странно... — вздохнул он. — В конце прошлого лета это была бы сумма всех моих амбиций. В точности то, чего я хотел от Хохарии. Обучаться целительству вместе с тобой, работая в лагере. Позволить моим уставшим ногам отдохнуть от дозора. Но Хохария не смогла тебя проглотить, и это был конец всему. Я думаю, я дал понять достаточно ясно этим ребятам из Новолуния, что мы будем здесь как напарники или не будем вообще — так что они не сделают ее ошибки.

— Гадаю, какую ошибку они сделают?

Он фыркнул.

— Трудно сказать, Искорка. — Его сильная, сухая рука нашла ее руки, и ее маленькие замерзшие пальчики благодарно воровали у нее тепло. — Я знаю, что Аркади не заинтересован в том, чтоб тратить два года своего времени, обучая меня настройке Дара только для того, чтоб я уехал на север лечить крестьян. Если я — мы — станем членами лагеря, нам нужно будет соблюдать правила лагеря и дисциплину.

— Мы?

Он потянул носом, будто защищаясь.

— Разве это не было бы достижением? Впервые принять крестьянскую девочку как полноправного члена лагеря Стражей Озера?

— А они примут?

— На меньшее я не соглашусь. Надеюсь, я ясно дал им это понять.

Фаун предпочитала думать, что ясно. Она наморщила брови. Фаун ощущала волнение и, по ее подозрению, Даг тоже. Такое предложение — если оно, конечно, будет сделано — не было чем-то, чего она ожидала или на что рассчитывала, но с другой стороны ничто в ее жизни с тех пор, как она встретила Дага, не было тем, что было возможно представить заранее в тот момент, когда она впервые покинула Вест-Блу. «Вся моя жизнь — набор случайностей». Но некоторые из этих случайностей принесли ей счастья гораздо больше, чем она могла мечтать. Она, конечно, выбрала свой и хороший, и плохой путь, когда впервые шагнула на дорогу. «Интересно, а я — тоже величайшая случайность Дага?»

У Аркади Даг зажег фонарь, чтоб разогнать холодный мрак, медленно улыбнулся и заметил:

— Кажется, весь дом в нашем распоряжении.

— Замечательное разнообразие, — сказала она согласно.

Даг сдерживался и не предлагал заняться любовью с тех пор, как вернулись мальчишки-дозорные, частично из-за усталости по причине длинных учебных дней, к которой теперь добавилась выматывающая работа Даром под управлением Аркади.

Напарники расстлали свои постели в гостиной, и между ними была дверь, но деревянные стены не сильно блокировали Дар.

Сегодня же вечером у Дага и Фаун был краткий миг уединения, если, конечно, они смогут им воспользоваться после пива с поросенком. Они быстро вымылись в раковине, и Даг унес фонарь в их маленькую комнату.

Фаун расстелила постель, и помогла Дагу снять рубашку и протез. Он вернул ей услугу, снимая ее блузку нежно, будто это были цветочные лепестки. Они стояли на коленях лицом друг к другу, кожа к коже, прильнув за поддержкой и теплом. Они раньше занимались любовью в самом различном настроении; сегодня Фаун показалось, что в объятии Дага было что-то отчаянное.

— Боги, Искорка, — пробормотал он. — Помоги мне понять, кто я такой.

Она крепко обняла его. Он ослабил свои объятия в пользу ласк, длинными пальцами поглаживая ее спину, зарываясь в ее волосы, и она подумала, уже не впервые, что из-за того, что все эти ощущения приносила ему лишь одна рука, он придает им благоговейное значение. И, как следствие, так же делает она сама.

Она прошептала ему в плечо:

— Кем бы мы ни были, ты всегда сможешь прийти домой ко мне.

Он склонил лицо в ее кудри, вдыхая их запах, безрукая рука обвилась вокруг нее. Он был нежен; ей не было нужды думать о тонущем человеке, хватающем воздух.

— Всегда, — пообещал он.

И они утонули в одеялах своего обиталища.⁵

* * *

Даг медленно проснулся в сером утреннем свете, чувствуя себя безмерно лучше, и улыбнулся, вспомнив почему. Фаун еще спала. Он отнял руку от ее теплого бока, потом перевернулся и открыл второй глаз.

На уровне его лица полдюжины пар крохотных черных глазок уставились на него с

⁵ В оригинале использовано «their bedroll of residence» — игра слов, как если бы в словосочетании «их место жительства» заменить «место» на «одеяло» или «постель» (прим. перев.)

немигающим обожанием.

— Снова вы! — простонал он полевым мышам. — Валите! Брысь!

Фаун проснулась от звука его голоса, привстала на локте и заметила гостей:

— С ума сойти! Они вернулись.

— Я думал, ты вчера говорила, что избавилась от них. Опять.

— Так я избавилась. Ну, я так думала. Отнесла коробку на другую сторону озера и выпустила их в лес.

Даг пристально разглядывал этих оставшихся после его провалившихся экспериментов с щитами мышей. Они все выжили; была ли у них какая-то особенная решимость? Должна была быть — чтобы оббежать половину лагеря Новолуния.

— Я думал, у крестьянской девушки вроде тебя найдутся более беспощадные способы, как избавиться от мышей.

— Ну, если бы они гадили в моей кладовой, то конечно. Но их единственное преступление в том, что они в тебя влюбились. Смерть кажется очень жестоким наказанием за это. — Ее большие карие глаза задумчиво смотрели на него.

— Заколдовались, — поправил он ее строго. — Не думаю, что у мышей достаточно мозгов, чтоб влюбиться.

На ее щеках появились ямочки:

— Никогда не замечала, чтоб для этого были нужны мозги.

— Это точно, Искорка. — Он поднялся на ноги, поскрипывая суставами, затуманенным взглядом окинул комнату, нашел свою коробку, положил ее на бок перед уставившимися на него мышами — их головки поворачивались вслед за его движениями — и загнал их туда. Отнеся их за дверь на открытое крыльцо Аркади, он высыпал их за перила. Они с тихим писком упали в траву, прыгая там неповрежденные, и, выведенные шоком из транса, резво убежали прочь. На некоторое время. Даг потряс головой и поплелся обратно вовнутрь, где сидела Фаун, прелестно нагая, и хихикала в ладошку.

— Бедняжки!

Он улыбнулся и открыл свой Дар навстречу ее, светящемуся, будто нагретому солнцем. И замер, моргая.

Под ее живой воронкой вертелась еще одна маленькая искра. Он узнал ее сразу же — по тому разрывающему сердце почти что месяцу, когда он и Каунео...

У Фаун нет чувства Дара. Это было его задачей — следить, когда изменение блеска в ее Даре просигналил о времени ее плодовитости, и переключиться на другие формы удовольствия. И все восемь месяцев их брака и до того она доверяла ему в этом вопросе. Как он мне упустит сигналы прошлой ночью? Проклятье, он ведь знал, что время почти настало!..

«Нет, не проклятье... ничего такого». Дыхание сбилось в его горле в комок вины, ужаса и радости. Если бы он взял один из скальпелей Челлы и вскрыл себе грудную клетку, его сердце не стало бы в этот момент более уязвимым.

Она может не удержаться... Более половины таких зачатий не происходит, многие из оставшихся обрываются в первые несколько недель, лишь едва откладывая месячные женщины. Это было одно из самых строгих и наименее обсуждаемых общественных правил Стражей Озера — не отпускать замечаний по поводу этого мерцающего знака в Даре женщины, пока она сама не заговорит об этом. Должен ли он сказать что-нибудь до того, как сам будет уверен? И когда это будет? Фаун уже однажды была беременна; как скоро она узнает симптомы?..

Будут ли они такими же относительно ребенка-полукровки? Если эта искра выживет до того, чтобы стать ребенком?..

— Даг? — сказала Фаун неуверенно. — Ты хорошо себя чувствуешь? Почему ты на меня так смотришь?

Он упал рядом с ней на колени, склонился, схватил ее на руки и обнял яростно и как бы защищая. Он чувствовал себя беспомощным, как никогда.

— Потому что я люблю тебя, — сказал он ей.

— Ну, хорошо, — сказала она, несколько потрясенная его пылом. — Я знаю... — И польщенно обняла его в ответ.

«Отсутствующие боги... Что же нам делать теперь?»

Глава 10

— Когда вы собираетесь сказать ей, Даг? — спросил Аркади с любопытством.

Даг поспешно свернул свой тянущийся Дар, тревожно следующий за Фаун вниз по дороге к шатру целителей. Сегодня она ушла раньше, чтоб помочь ученицам травника собрать утренний груз для крестьянского рынка. С того часа нежности в их постели прошло пять головокружительных дней...

Он поднял голову, обнаружил, что мальчишки широко улыбаются ему над чашкой чая и кидальником, и сжал зубы. Он подумал, что сможет выдержать эти ухмылки, обращенные к нему; и никогда не сможет, если они будут обращены к ней. Уже из-за этого он должен сказать ей побыстрее. Или отколотить их, смотря по тому, что произойдет раньше.

— Когда будет понятно... что это не то, что мы проходили... боги. Тот ужас, о котором вы мне рассказывали. Когда она укрепляется в неправильном месте. И мне нужно... Сначала я должен...

Барр и Ремо смотрели непонимающе.

— Это благополучно пройдено, — успокоил его Аркади. Даг выдохнул.

— И другое... как у Тавы Килдир...

— Тоже нет, — сказал Аркади. — Этим утром оно похоже на очень милое зачатие в правильном месте стенки матки, точно там, где ему полагается быть.

И не близнецы, мог добавить Даг. Женщины Стражей Озера почти никогда не рожали близнецов, но когда это случалось, как раньше рассказывал Аркади, то возникали проблемы. К другим неприятностям добавлялся стресс матери, или даже совершенно дикое сращивание детских тел. «И Фаун такая маленькая...» Этого тоже нет, напомнил себе Даг. Ничего этого нет. Целую категорию сложностей он мог отбросить прямо сейчас.

— Знаете, — сказал Аркади, — почти все подмастерья проходят этап, когда они убеждены, что идут вниз с каждой новой болезнью, о которой узнают. Я думал, вы будете выдающимся исключением. Кажется, мне не стоит больше так думать.

Барр захихикал. Даг сумел не рвануться к нему через стол, и на мгновение возгордился от собственного самоконтроля. Прямо сейчас ему были нужны позитивные мысли.

— В этой игре это женское дело, — уверил его Ремо со всей уверенностью полной неопытности. — Они следят за всеми этими штуками, Даг. Расслабься.

— Это не игра, — проворчал Даг. — Отсутствующие боги! Неужели я был таким же идиотом в вашем возрасте? Наверное, был. — Беззаботная реплика Ремо немедленно напомнила ему, что у Фаун здесь нет родственниц, чтоб окружить ее заботой, как неким фамильным одеялом.

Барр потряс головой:

— Никогда не видел тебя в таком смятении, Даг.

«Я никогда не сталкивался с этим раньше, ты, юный дурень!.. Это все в новинку!» В новинку для него, по меньшей мере. И старо, как мир.

— Забавный я, правда?! — отрезал Даг. Он резко встал. — Пойдемте, Аркади. Поговорим на крыльце. Оставим этих двоих с их помоями.

— Это завтрак! — запротестовал Барр с насмешливым возмущением. — Мы не завтракаем помоями!

— Разве что чаем, — предположил Ремо, постучав по кружке.

Аркади пошел за ним без слова протеста. Даг захлопнул за ними дверь, отрезав смех.

Когда он склонился над перилами в спокойном воздухе, стало легче. Солнце было еще недостаточно высоко, чтоб согреть спину Дагу, но зато оно залило золотой дымкой

поверхность озера и дальний берег. Первая слабая зелень пробивалась на деревьях с розовыми всплесками яркого багряника на строгих серых ветвях. И, когда Аркади оказался у перил рядом с ним, Даг не смог выдержать его взгляда.

— Не знаю, как это случилось, — сказал Даг.

Аркади тихо засмеялся.

— Вы ведь не ждете, что я в это поверю.

Руки Дага сжали поручень; он проглотил проклятье.

— Вы ведь знаете, что я не это имею в виду! Я думал... это случится тогда, когда мы будем более устроены. Когда мы будем знать, что будем делать. Когда это свадебное путешествие закончится, хотя оно уже так затянулось, что его лучше называть брачным. Я даже считал — относительно ребенка — что это Фаун нужно выбрать, где и когда. Когда... где... она была бы в безопасности. — Его хватка ослабла. — Я так мало знаю!

— Вы ведь знаете, — сказал Аркади осторожно, — что девять из десяти женщин проходят через это без каких-то особенных проблем. Кто бы они ни были — Стражи Озера, крестьяне или полукровки.

Даг сказал задумчиво:

— Такие шансы принято считать хорошими.

Аркади сказал, глядя на озеро:

— Вы, наверное, понимаете, что Русло Новолуния было бы самым безопасным местом, которое вы сможете для этого подобрать.

— Эта мысль приходила мне в голову, — подтвердил Даг. — Может, даже безопаснее, чем с ее собственной семьей. И в особенности безопасней, чем где-то на севере только со мной, пытаюсь понять как быть.

— Тогда, может быть, пришло время более э... спокойного подхода к людям вокруг, как вы думаете? — мягко предложил Аркади. — Более адаптивного?

— Какой у вас деликатный язык, Аркади, — вздохнул Даг и слегка повернулся, чтоб взглянуть на его профиль. — Хоть вы им кружева плетите...

— Я был бы удовлетворен, если бы смог воспитать хорошего настройщика Дара, — Аркади приподнял кружку, чтоб отдать должное Дагу, и выпил. — Но я думаю, это вы уже знаете.

Даг немного постоял тихо, позволив ароматному воздуху ласкать свою обветренную кожу.

— Вы сможете найти другого ученика. Они всегда к вам идут. Но где на севере найти других Дага и Фаун?

— Услуга за услугу. Человек всегда сможет сделать только свою работу за день, где бы он ни был.

— Достаточно честно. — Так много дорог их жизнью расходилось из этой точки, и так неожиданно нацелены они были в сердце Дага. Странно для таких крохотных искр весить столь много; они могли бы двигать миры.

Пока впустую что-либо доказывать. Даг взглянул на Аркади с новым уважением. Сколько раз он прошел все эти сомнения лишь затем, чтоб его надежды смыло горем? Дагу внезапно стало стыдно.

— Извините за все это беспокойство. Понимаете, у меня это впервые. — Конечно, это была такая же глубокая трансформация Дара, как и все, что он пережил за этот ошеломляющий год, когда впервые стал дозорным Фаун, затем мужем Фаун, командиром, импровизированным магом, затем вообще перестал быть дозорным. Вырванным с корнем странником... новым мастером. И сейчас Фаун вновь полностью его переделала. Отец ребенка Фаун. Когда это произойдет, это будет другой человек.

Как же мучительно это было — начать такое преобразование и затем прервать его, не окончив? Фаун это известно, понял он вдруг. И добавил:

— Челла рассказала мне о вас и Брине.

— А... — сказал Аркади. — Хорошо. — И, после паузы: — Тогда вы понимаете.

Даг кивнул.

— Ну... кое-что. — «Больше, чем те двое хихикающих придурков».

Аркади потер подбородок и уставился в утренний свет, его глаза были похожи на две медные монеты. И тогда он сказал странную вещь:

— Не позволяйте страху поглотить все ваше счастье. Не забывайте радоваться.

Даг сглотнул. Оба их Дара сейчас были почти закрыты; и только голос Аркади подсказывал, сколь тяжело мог стоять ему этот кусочек мудрости, пусть даже слова были невыразительны.

Даг обдумал свой самый тайный страх. Если Фаун от этого умрет, получится, что я ее убил точно так же, как если бы вовлек в бой на перевале против врага, которого невозможно победить. Так был ли этот страх за нее или за себя самого? Он знал двоих мужчин, чьи жены умерли при родах; это не было чем-то, что можно изжить, несмотря на то, что время стирает все. Его боль в этом случае не будет новой. «Но теперь у меня есть привязанный нож. Мне не нужно будет с этим жить. Недолго будет нужно.»

Это был своеобразный довод для придания храбрости.

Боги, он сходит с ума. Лучше рассказать Фаун поскорее, чтоб она могла дать ему дозу своего спокойного здравого смысла и радостного оптимизма. Он мог почти что слышать ее голос: «Это ведь ясно, Даг!»

Ну, однажды она сойдет с ума из-за него. И это будет справедливо. Если она будет кидаться в него вещами, он не станет уворачиваться, решил он благородно.

— Скажу ей сегодня вечером, — сказал он. — Думаю, нам будет много о чем поговорить.

— Хорошо, — сказал Аркади.

* * *

Через час на крестьянском рынке столик целителей уже радовался честной торговле. Была ясная погода и несколько дней прошло с последних дождей, так что дороги подсохли. Нола и Цери думали, что сегодня будет достаточно покупателей, чтоб они распродались пораньше и ушли за несколько часов до заката. Фаун сердечно здоровалась с постоянными покупателями, улыбаясь тем, с кем успела познакомиться. Она даже начала узнавать людей издали, узнав Финча Как-его-там, когда он приехал, по его открытой повозке. Его кобыла была темной от пота и стояла тихо, когда он бросил поводья и спрыгнул на землю.

Он быстро подошел к столику целителей, и его глаза искали, к ее удивлению, именно Фаун.

— Вы здесь, вы здесь, о, благодарение небу! Могу ли я поговорить с вами лично, госпожа Блуфилд?

— Ну, конечно, можно... — Фаун огляделась. — Вон там за деревьями будет достаточно лично?

— Да, как угодно. — Его рука расслаблялась и сжималась, как если бы он хотел схватить ее за руку и поторопить, но не смел. Они остановились на краю леса, на виду у рынка, но за пределами слуха.

И не за пределами чувства Дара, по правде говоря, но она сомневалась, что чувство Дара сможет сделать больше в уговаривании молодого крестьянина, чем она.

Напряженное лицо Финча было мокрым от испарины и красным от напряжения, и это делало его голубые глаза нелепо яркими.

— Скажите, ваш муж все еще намеревается лечить крестьян? — спросил он вдруг. Он наблюдал за ее губами с болезненным интересом, как будто от их движений зависела его жизнь.

— Ну... на севере, конечно, в свое время. Но здесь он всего лишь подмастерье. Ему не разрешают.

Его рука отмела это прочь, едва только он ее услышал. Его слова падали в полной

тишине:

— Это мой племянник Спарроу. Маленький сын моего брата. Ему едва пять. У него столбняк. И это по моей вине! Я позволил ему бегать босиком в амбаре. Там был этот гвоздь, он наполовину пропорол его бедную ножку. Мне нужно было смотреть за ним! Он плакал и плакал, пока мог. Сначала пришел жар. Прошлой ночью началось напряжение. Ужасные крики, но тишина еще хуже, о боги.

— Да, я знаю, что такое столбняк, — сказала Фаун медленно. — Маленький братик Виолет Стоункроп умер от него, о, годы назад. Они были нашими соседями, когда я росла в Вест-Блу. Я не видела, но Виолет потом рассказала мне все. — И эти описания были страшными.

— Может он прийти? Может ваш муж, Страж Озера помочь? — Финч схватил ее за рукав. — Вы можете его спросить... как его звали?.. Пожалуйста? Моя невестка плачет, и мама с ума сходит так, что даже на меня не смотрит. Пожалуйста, вы можете его спросить? — Он тряс ее руку, причиняя ей боль. — Это все настолько ужасно!

— Даг, — сказала Фаун, отвечая на самый простой вопрос и отчаянно пытаюсь думать. — Даг Блуфилд. Он настоял на том, чтоб взять мое имя, когда мы поженились, так, как делают Стражи Озера. Взял крестьянское имя, чтобы быть больше Стражем Озера. Так смешно. — Ей нужно поймать Дага одного, не перед всеми в шатре целителей. Она посмотрела на солнце. Почти полдень — он мог уже вернуться домой на обед.

Или для этого решения она может заменить Дага. Потому что оно будет тяжелым вне зависимости от ответа, хотя, раз дело касалось малыша, у нее не было сомнений, в какую сторону побежит Даг. Она знала правила лагеря так же хорошо, как и он. Она может отослать Финча обратно к его кошмару наяву и не разделять дилемму на двоих. Время сейчас не было хорошим для Дага. Он казался таким напряженным со времени того жареного поросенка. Все время смотрел на нее, как будто гадая — о чем? Например, сожалел о том, как его крестьянская женушка отделяет его от своего народа?

Во всем огромном мире было любое количество людей, болеющих или умирающих прямо в эту минуту, и что значил еще один? Аркади, конечно, запретил бы это, если бы поймал даже дуновение мысли. У Фаун даже уверенности не было, что Стражи Озера могут сделать что-нибудь со столбняком; она не встречала его случаев в шатре целителей. Это может стоить Дагу его обучения. И как дорого это обойдется всем остальным, вниз по цепочке?

Она тихонько выдохнула, зная, что ее выбор вообще не является выбором.

— Я не могу обещать, что он пойдет. Но я его спрошу. Пойдемте.

Финч шумно выдохнул, кивнул и, поняв наконец, что его хватка причиняет ей боль, отпустил ее руку. Она посмотрела вверх и махнула Цери и Ноле, с опасением наблюдавшими за ними через луг. Это ничего не объясняло, но хотя бы сделало вид, что она не прячется. Потом был путь через заросший лесом гребень, который пролегал прямо около дома Аркади, так было гораздо быстрее, чем через ворота. Периметр лагеря, как она уже знала, охранялся вовсе не так строго, как на воротах могло показаться.

Тем не менее, ей лучше не испытывать лишней раз удачу. Когда вода уже почти показалась, она сказала Финчу:

— Оставайтесь здесь, внизу в этой маленькой низине. Дом Аркади всего лишь в паре сотен шагов дальше. Я приведу Дага или... или принесу обратно его слово. Я могу немного задержаться.

Он тихо кивнул и присел на упавшее бревно, чтоб оставаться под прикрытием земляного вала, повернув лицо к пятнам солнечного света с крепко закрытыми глазами. Фаун поторопилась уйти.

Она нашла Дага и Аркади заканчивающими обед; они складывали корзину.

Мальчишки куда-то ушли, это было хорошо.

— Фаун! — сказал Даг, вставая из-за стола в удивлении. — Я думал, ты на рынке. Ты голодна? — Она легонько помотала головой. Он заколебался, глядя на нее своим

некомфортным пронизательным даговым взглядом. Чувство Дара, боги, ее кожа могла бы быть прозрачной как стекло. — Ты в порядке?

— Кое-что произошло, — сказала она ему, не глядя на Аркади. — Могу я поговорить с тобой лично?

— Э-э, хм, — сказал Аркади, его брови непостижимо выгнулись. — Возможно, так даже лучше. Я пойду обратно в шатер целителей, Даг. У тебя есть столько времени, сколько тебе нужно. — Мягко махнув рукой, он забрал корзину с собой, чтоб оставить ее снаружи. Что ж, это было проще, чем она ожидала. Пока. Она не была уверена, что это к лучшему. Фаун подождала, пока его шаги не утихли.

— Фаун, — медленно начал Даг, — есть кое-что...

Но она перебила его, говоря:

— О, Даг, это так ужасно!

— Да? — сказал он с тревогой. — Нет, Искорка, это не может быть так плохо, я буду с тобой каждый...

— Племянник Финча Бриджера! Бедняжка. Он наступил на гвоздь и заполучил столбняк. О, Даг, я знаю, что Аркади это не понравится, но можем мы пойти к нему? Ему только пять!

Даг моргнул. Помолчал. Снова моргнул.

— Кто?

Фаун быстро пересказала то, что Финч рассказал ей.

— Можем мы отправиться к ним? Мы посмеем? Целители Стражей Озера вообще могут лечить столбняк?

Даг ответил мучительно медленно:

— Я читал о нем в одном из журналов Аркади. Они лечат Даром нервы и стараются напоить и накормить больного между спазмами, чтобы дать пациенту выжить, пока не пройдет худшее. Я только два раза его встречал. Один раз с ним пришла женщина на озере Хикори — после родов, боги, здесь другое! — Хохария как-то провела ее через это. Я этого не видел, только слышал слухи в лагере. Другим был дозорный, заболевший на пути домой из глуши в Лутлии, летом. Лечение не удалось. Он принял разделение. Не сразу — когда он и его дозор больше не могли этого выносить.

— Как думаешь, ты сможешь провести это лечение нервов? Несмотря на то, что не видел его?

Даг тяжело вздохнул, почесал затылок:

— Сколько этому малышу, скажи еще раз?

— Финч говорит, пяти нет.

— Отсутствующие боги, — пробормотал Даг.

— Ферма Бриджеров примерно в десяти милях отсюда. У Финча есть тележка. Как ты думаешь, мы сможем попасть туда и обратно до того, как Аркади... хм, явно нет.

Даг потряс головой.

— Лечение от столбняка может отнять дни. Или... нет.

— Я могу упаковать все, что нам понадобится на несколько ночевков — глазом моргнуть не успеешь.

— На самом деле я бы предпочел, чтобы ты осталась здесь.

— И одной объясняться с Аркади? — Она решительно потрясла головой. — Не смей меня ему оставлять! Он из меня фарш сделает. И так будет достаточно плохо, когда мы вернемся. В любом случае, будет сумасшествием отправлять тебя в дом к расстроенным крестьянам без меня, я там тоже нужна, чтоб их успокоить. Чтоб знать, что из обычаев Стражей Озера нужно объяснить и как.

— Бесспорно, так... — Он уставился на нее взглядом, сбивающим с толку. — Ну... столбняк обычно не слишком заразен... Ты не будешь в опасности рядом с ним.

— Конечно!

— Если не будешь подходить слишком близко.

Она озадаченно уставилась на него. «О чем это он?» Не важно. Когда они приедут к Бриджерам, она будет заниматься тем, что нужно делать так же, как всегда. Она облизала губы и мысленно прошлась по всему, что должно быть сказано.

— Еще раз... Ты уверен, Даг? Потому что, если нет, я могу сама пойти сказать Финчу «нет». — В этом она, по крайней мере, в состоянии его заменить. — Это может стоить тебе Аркади.

Он криво улыбнулся ей и провел большим пальцем по ее теплой щеке.

— Если так случится... значит его цена слишком высока, а я слишком бедный и старый дозорный, чтоб позволить себе это.

Она коротко кивнула ему, проглотив комок в горле:

— Тогда нам лучше поторопиться.

Она отправилась в их комнату, чтоб упаковать сумку, а он пошел в рабочий кабинет Аркади, чтоб занять несколько вещей, которые, как он думал, ему могут понадобиться. В общем-то, без разрешения, и Фаун подозревала, что Аркади это тоже не понравится. Она вернулась в гостиную и нашла Дага, набрасывающего для Аркади краткую, честную записку.

Ну, в ней было сказано, что его позвали лечить больного ребенка, и чтоб не ждали его в обычное время. Если он опустил слово «крестьянского» перед «ребенка» — это ведь не ложь. И даже, по всей вероятности, не утаивание.

Она отвела Дага в низину с солнечными зайчиками. Они увидели Финча, сидящего на земле с руками вокруг коленей и опущенной головой. Услышав их шаги, он вскочил на ноги, вытирая рукавом мокрое лицо. Он переводил взгляд с Дага на Фаун, и было видно, что Даг его безмерно удивил.

— Э-э...

— Это Даг, — сказала Фаун, несколько собственнически хватая его за левую руку. Ее глаза резко похолодели. Посмей Финч выразить неодобрение, уставься он на крюк, или если он хоть слово скажет о том, насколько она маленькая и юная или насколько Даг старый...

Даг вежливо кивнул.

— Финч?

— Сэр! — Финч сглотнул. — Вы э-э... — Он поглядел в сторону. И вверх. И обратно на напряженное лицо Фаун. — ...не то, что я ожидал.

— В основном нет, но это не смертельно, — сказала Фаун весьма колко, но потом умерила свою колючесть. У Финча и так достаточно неприятностей; ему не нужно знать, чем они, возможно, пожертвовали из-за него. — Я тут подумала, будет более осмотрительно, если мы сделаем круг и встретим вашу тележку в конце дороги, там, где ее не видно с рынка.

— Не думаю, что от этого будет потом какая-то разница, Искорка, — сказал Даг.

— Все равно незачем напрашиваться на вопросы, споры и задержки.

Финч решительно кивнул, и план был одобрен. Быстрая прогулка сквозь лесок привела их к началу дороги. Вскоре появилась тележка, и Даг помог Фаун забросить их сумки в возок. Она уселась рядом с Финчем, а Даг занял сиденье, смотрящее назад позади них, со вздохом поджимая свои длинные ноги. Финч стегнул кобылу поводьями, побуждая ее поскакать так быстро, как позволяла дорога.

* * *

На взгляд Дага, ферма Бриджеров выглядела не такой уютной и богатой, как ферма семьи Фаун в Вест-Блу. Она была более тесной и беспорядочной, на ее плоском дворе все еще было полно взбившейся грязи от зимних дождей. Но у нее вроде бы было все нужное: большой амбар, хороший лесной участок, постройки разной степени ремонта, загоны с изгородями для коров, свиней и цыплят — правда, от их запаха это не помогало. Некрашеное деревянное здание фермы было квадратным и в два этажа высотой.

Даг прошел следом за Финчем в темный центральный холл с чувством, что они были шумным вторжением; на мгновение тишина показалась мертвой, и он подумал «Слишком

поздно!», не зная, печалиться или чувствовать облегчение. Но стон с лестницы сверху и женский плач излечили это впечатление так же быстро, как его потянувшийся Дар.

Они взобрались по лестнице в тесную угловую комнату. На кровати, которая казалась для него слишком большой, маленький мальчик корчился от боли. Его губы были растянуты в характерной «усмешке» его болезни, шея застыла, а дыхание пробивалось со свистом сквозь крепко сжатые маленькие зубы. Молодая женщина, явственно его обезумевшая мать, гладила его, как будто могла убедить его натянутые мышцы расслабиться. Его мрачная бабушка сидела с другой стороны кровати, держа его сжатую руку, и выглядела изможденной.

Обе они вскочили и уставились на Дага при их появлении. Их глаза были полны страха и отчаянной надежды. Несколькими днями раньше, подумал Даг, это был бы в основном только страх. Даг сглотнул и пустил Фаун вперед себя как некий человеческий щит. Его собственный Дар, казалось, сосредоточился на самом себе, притянутый как магнитом к агонии на кровати.

— Фаун, — пробормотал он, — поговори с ними. Мне нужно взглянуть на него.

Он отпустил ее правое плечо, и она шагнула вперед, отвлекая на себя взгляд женщин. Улыбаясь, Фаун присела в легком реверансе и сказала живо:

— Здравствуйте! Я — Фаун Блуфилд, а это мой муж, Даг Блуфилд. Наверное, Финч рассказал, как мы встретились на крестьянском рынке новолуния. Даг учится здесь на целителя Стражей Озера.

Хорошо, что она прошла это обучение совсем недавно и может предостеречь их, чтоб не ждали таких чудес, как мог, без сомнений, продемонстрировать Аркади. В ответ тонкими голосами были названы имена: мама Черри Бриджер, бабушка — госпожа Бриджер. Мать Финча посмотрела на своего невнимательного сына, который преподнес им это чудо Стражей Озера, новые сомнения ослабили былую ярость.

— Сначала, — оживленно продолжила Фаун, — Дагу понадобится осмотреть маленького Спарроу, взглянуть на его Дар, и потом мы узнаем, что делать. Так что, не могли бы пропустить его, мэм... — Она поджала губы и отстранила бабушку с пути Дага.

— Сначала снимите мой протез, Искорка. Сомневаюсь, что он мне для чего-то здесь пригодится.

Фаун кивнула, закатала его левый рукав и стала расстегивать застёжки. Он склонил к ней голову, но наблюдал за остальными уголком глаза. Этот ритуал, выполняемой миловидной Фаун над страшным, наводящим ужас крюком, всегда, казалось, успокаивал пациентов-крестьян. Даг не был уверен, было ли это отвлечение внимания, проявление его уязвимости, какой-то сигнал или просто зрелище, говорящее «Вы все видели мужчину, закатывающего рукава, чтоб приняться за работу? Вот и смотрите.»

Даг потерял красные отметки, оставленные кожаными полосами на его руке, и проскользнул мимо женщин. Их глаза были широко раскрыты. Он прервал свою попытку поздороваться с испуганным пятилетним мальчиком, когда стало ясно, что мальчика слишком сильно скрутило спазмом, чтобы он мог слышать что-либо или понимать. Он пробормотал Фаун на ухо:

— Сейчас, если покажется, что я ушел слишком глубоко или остаюсь там слишком долго, ударь меня по голове так, как Аркади это делал, ты видела. Так сильно, как нужно. Сможешь?

Она твердо кивнула. Даг опустился на колени рядом с кроватью, видимый мир в его ощущении поблек, а воронка его настоящей сущности поднималась вперед. Позади себя он слышал, как Фаун начинает лекцию для новичков: «А сейчас давайте я расскажу вам о чувстве Дара Стражей Озера...»

Дар ребенка был взволнован. «Глубже и глубже». Вспышка лихорадки была теперь знакома; нехорошо, но это не главная проблема. Глубокий прокол ноги не был вычищен как полагается и был горячим, грязным и ядовитым внутри, несмотря на то, что его покрывала обманчиво здоровая кожа. И, конечно, был сводящий с ума шум вдоль нервов, которые

заставляли мускулы безостановочно сжиматься. Даг послал успокаивающее подкрепление Дара, перекручивающее их ветви, как будто налил краски в поток, и ощутил, как безумие ослабевает.

Он нашел путь наружу до того, как попал в захват Дара, и вернулся, моргая, в комнату, где было ужасающе тихо. Он вновь сел на корточки. Смутно осмотрелся, нашел Фаун.

— Как долго я был?..

— Примерно десять минут. Даг, это великолепно! Ты бы видел, как его бедные маленькие мышцы расслаблялись одна за другой!

Появилась новая фигура, видимо, старший брат Финча, тяжело смотрящий на происходящее. Он крепко держал мать Спарроу за плечи.

— Ему лучше? Он вылезся? — задыхалась он.

— Пока нет, мэм, — сказал ей Даг с сожалением. — Просто временное облегчение. Когда оно пройдет, я повторю его. Но каждое лечение выигрывает немного времени. Для начала нам нужно впихнуть в него столько еды и воды, сколько сможет проглотить такой малыш, чтобы болезнь не убила его голодом. И нам нужно получше вычистить эту рану. Понадобится кипяченая вода — Фаун, присмотришь за этим? И какая-то мягкая, богатая еда, которую легко съесть... я не знаю...

Фаун кивнула:

— Я думаю, овсянка со сливками и медом сгодится для начала.

— Отлично.

Женщины, желая, наконец, сделать хоть что-то эффективное, все вместе подняли суматоху. Отец мальчика — как, он сказал, его зовут? Ларк Бриджер, вот как — уселся на стул, на котором до этого сидела бабушка.

Финч прислонил лоб к высокой спинке кровати и закрыл глаза.

— Папа? Дядя Финч? — тонкий слабый голос.

Ларк схватил мальчика за руку:

— Эй, воробей-чирикалка⁶! — Его голос был хриплым и казался несуразным для такой мягкости. — Как хорошо наконец услышать тебя! Твоя дядя Финч привел этого Стража Озера, чтоб тебе помочь.

— Он странный, — сказал Финч, — но хороший. — Голова мальчика повернулась. Запавшие юные глаза взглянули искоса на Дага. Спарроу должен был согласиться с суждением своего дяди, потому что он не отшатнулся, но неизбежно спросил первое, что произносили все дети, как Стражи Озера, так и крестьяне:

— Что случилось с твоей рукой?

Даг проигнорировал смущенное беспокойство взрослых и дал малышу прямой ответ:

— Волк откусил.

— Ух, — сказал Спарроу. Это прозвучало так потрясенно, как умеют только пятилетние; но потом, вдруг, он заморгал от слез сопереживания. — Тебе было больно?

— Да, но это было давно. Сейчас уже не больно. Эй, ты что, все в порядке, не надо из-за меня плакать. Нам еще тебя лечить, ты знаешь об этом?

Моргание. Подозрение.

— Как лечить?

— Я знаю, ты этого не чувствуешь, но тебе нужно очень много съесть и выпить — так много, как сможешь. Все, что твоя мама и Фаун тебе дадут. Твои мускулы работают сильнее, чем поле в сорок акров перепахать, понимаешь ли, так что тебе нужно много еды. Потом Фаун и я — это моя жена, вот эта красивая девушка, которую ты только что видел — собираемся еще немного почистить твою рану на ноге.

Некоторым образом Даг был благодарен своей задаче; она была видима глазам крестьян, была понятной и обнадеживающей. Хотя, подумав еще раз, он перестал быть

⁶ Sparrow — воробей (прим. перев.)

уверен, что хочет, чтоб Фаун так близко взаимодействовала с раной. Вместо нее он заставил Финча вымыть руки и помогать ему.

— У меня все болит... — простонал Спарроу отцу.

«Спорю, что так».

Первое воздействие Дага уже почти прошло к тому времени, как Фаун пришла обратно с кипяченой водой, мальчика начало вновь скручивать спазмом. Когда она все приготовила, Даг занялся им снова. На этот раз было легче, так как он знал что делал, но также он чувствовал изможденность Дара и начал бояться прихода долгой ночи.

Когда он пришел в себя, Даг поручил его маме убедить его проглотить дозу болеутоляющего порошка; Фаун кивнула ему в знак понимания. Но она явно не понимала, почему он назначил Финча вместо нее очищать рану.

— Нет! — захныкал Спарроу, когда они перевернули его и положили его ногу на полотенца на коленях его дяди. — Это будет больно! Папа, не позволяй им!

— Обещаю, что это будет не так больно, как укус волка, и это чистая правда, — пропел Даг.

Брыкающееся сопротивление стихло, и Даг который раз изумился тому, как этот лицемерный довод работает на малышах. Фаун, уже знакомая с этой уловкой, улыбнулась ему уголком рта.

Даг вбросил подкрепление Дара в маленькую ножку, как можно лучше обезболит нервы и склонился над противной задачей. Одной рукой он снова вскрыл порез одним из острых скальпелей Аркади, а потом вычистил отравленную плоть при помощи спринцовки с кипяченой водой, которую приготовила Фаун и работы с Даром. Вместе с Финчем они забинтовали ногу; работать с ним было более неловко, чем с Фаун, но результат был достаточно хорош. После этого Даг собрал все и отдал бабушке мальчика, чтобы прокипятить или сжечь. Он тяжело думал об Аркади, когда еще раз мыл руки.

И после этого снова настало время успокаивать кипящие нервы ребенка.

Так продолжалось по кругу все время, пока спускались сумерки. Десять минут работы Даром давали двадцать минут облегчения от спазмов, во время которого Спарроу уговаривала поесть одна из женщин или он просто отдыхал. После чего снова начинались болезненные подергивания и полные боли рыдания, и Даг становился на колени, склонял голову и уходил в транс.

Жар оставался высоким, но они давали телу мальчика возможность бороться самому. Еще одно краткое облегчение. И еще одно.

Когда задача стала привычной, Даг нашел возможность внутри нее подумать и осмотреться. Может ли целитель поставить здесь какой-то вид спиральности, заключающей Дар, чтоб успокаивать обезумевшие нервы, что-то что действовало бы хотя бы дольше, чем полчаса? И почему эта болезнь странно напомнила Дагу Дар жертв укусов некоторых змей? Задумавшись над этим интересным вопросом, он был выведен из транса резким шлепком по голове.

Он заморгал в свете лампы и увидел Фаун, которая тревожно хмурилась и смотрела на него.

— Я что-нибудь прервала? — спросила она.

— Нет. Спасибо. Это было правильно.

— Хорошо.

Проклятье. Он думал, что может отправить ее в другую комнату отдохнуть, но похоже было, что ей придется провести эту ночь без сна около него. Больше никто здесь не сможет предположить, когда его транс начнет опасно перетекать в захват Дара.

Они разложили одеяла на полу и спали урывками.

К утру они оба были измотаны. Когда Фаун в следующий раз вывела его шлепком из транса, он только фыркнул на нее, ужасно раздраженно. Склонив пылающий лоб к набитому хлопком матрасу, он закрыл глаза.

— Почему вы его останавливаете? — нервно спросила Черри Бриджер. — Может, если

он продолжит, то сможет вылечить его совсем?

— Потому что, — рыкнула Фаун, — если Даг объединит Дар со Спа... с пациентом, и этот пациент умрет, Даг может умереть вместе с ним. Это случилось с предыдущим учеником Аркади.

— О, — сказала Черри тихо. — Я не знала.

— Теперь знаете. Крестьяне нужно узнать больше о Стражах Озера, так, чтобы не было недопонимания как с ними обращаться. Они жутко нервный народ, знаете ли. Просто как натянутые струны.

Деликатное указание на то, что с Дагом следует обращаться осторожно. Даг не был неблагодарен.

Полдень был плох, а вечер и того хуже. Даг начал раздумывать, не было ли его согласие пойти с Финчем самой страшной ошибкой всей его жизни. Но уже ночью иногда его десять минут сна урывками превращались в двадцать, потом в сорок. Когда Фаун разбудила его, моргающего, через полных два часа, он понял, что они миновали кризис. Эта мысль и добротный крестьянский завтрак достаточно оживили его, чтоб он мог продолжать.

Промежутки между приступами удлинялись, и у Спарроу появилось время в его беспокойных страданиях, чтоб заскучать. Даг рассказал ему все детские истории, которые смог вспомнить из своей далекой юности и баллады Стражей Озера, рассказанные как былины. Хотел бы он, чтоб здесь был Бо. Другие члены семьи мальчика, когда входили и выходили, чтобы помочь, беззвучно слушали.

Когда следующий рассвет превратился в полдень, а затем в ночь, Дагу стало казаться, что он заперт в этой комнате уже эдак тысячу лет.

Как-то решилось — не им — что ему больше не нужно оставаться у кровати, но что кто-то сможет прийти позвать его, когда понадобится его работа, которую сейчас надо было производить через три-четыре часа. Его отвели в другую комнату, где была настоящая постель. С умывальником. И Фаун.

Это была его первая возможность поговорить с ней наедине за целые дни — он потерял счет, как много их прошло. Но разве для такого важного разговора у него не должна быть способность мыслить?

Он был совершенно уверен, что должна. И что сейчас у него ее нет.

Так что он позволил ей натянуть ярко-раскрашенное одеяло поверх них обоих, крепко обнял ее и уснул мертвым сном.

Глава 11

Фаун проснулась, свернувшись клубком под левой рукой Дага. Туманный рассвет был настолько ранним, что на ферме было все еще очень тихо. На Фаун была одна из ее ночных рубашек; Даг во сне был, как обычно, обнажен. Она выгнула шею и прижалась ухом к его груди, чтоб послушать, как бьется сердце; затем взглянула выше. Он проснулся и смотрел на нее.

— Выспался, наконец? — спросила она.

— Да, теперь гораздо лучше. — Его рука прошла по ее щеке, груди, животу и осталась там, с распростертыми пальцами. Выражение его лица стало забавно нежным. Она улыбнулась ему сонно.

— Что?

— Ты меня изумляешь, — прошептал он. — Изумляешь меня каждый день...

Она прижалась к нему плотнее. «Думаю, я не в проигрыше». В этот момент она задумалась, насколько он отдохнул этим утром, и не приподнять ли одеяло, чтоб проверить. У них было мало уединения еще со времен «Надежды», урывая время, приглушая утреннее хихиканье, даря друг другу быстрые поцелуи.

Но лицо Дага оставалось серьезным, и он вздохнул. И при этом не стал подниматься. Значит, разговор? Или, может, сначала разговор, а потом...

— Помнишь ночь после жареного поросенка?

Она поцеловала его в ключицу.

— Да? — сказала она ободряюще, приглушив тревогу. Неужели он, наконец, собрался выложить то, что тревожит его с тех пор? Самое время.

— Я тогда был несколько расстроен... Я был... Боги, Даг, прекращай оправдываться... — Его бормотание стихло. Он набрал воздуха и попробовал снова. — Началось твое плодородное время, а я этого не заметил. Я... Мы... Я сделал... Ты беременна.

Она замерла в изумлении. Его грудь замерла, не дыша. Волна шока, казалось, поднималась от ее ноги через легкие к макушке, и на мгновение она не была уверена, было ли это хорошо или плохо или просто необычайно, потому что весь ее мир обратился внутрь. С писком дикой радости она обняла его и звучно поцеловала.

— О! О!

Он разжмурился; поцеловал ее в ответ, обнял крепче и отпустил; и только тогда осмелился сделать вдох.

— Хорошо. Какое облегчение! Я думал, ты разозлишься на меня, Искорка.

— Вот почему ты выпалил мне это так резко? — Она уставилась на него озадаченно и слегка встревожено. — Ну, действительно, если бы я выбирала место и время, оно было бы другим, но никто ведь не ждет от младенцев, чтобы они появлялись по расписанию. По крайней мере, если есть немного здравого смысла. Разве ты не счастлив?

Его руки обвили ее крепче.

— В экстазе. Ошеломлен. — Он поколебался. — Застигнут врасплох.

— Но ведь мы женаты. Мы знали, что это должно случиться однажды, ведь для этого и есть брак. Конечно, сегодня это сюрприз, но не... но не в целом. — Она наморщила нос. — Полагаю, это что-то вроде охоты на Злых. Они именно то, что вы выискиваете, но найти его именно сегодня — каждый раз удивление.

Низкий смех заклокотал в его груди, и она приободрилась.

— Если бы я выбирал сравнения, Искорка, они были бы другими! — Его смех утих. — Исключая страх.

— Страх? Когда ты отправлялся за ними вновь и вновь? Должна сказать, ты храбрец.

Он потряс головой, его выражение лица стало обращенным внутрь себя, как если бы рылся в воспоминаниях.

— Нет. Это не храбрость, просто такой вид оцепенения. Это было так, будто я потерял сродство с миром. Сейчас же... боги, я чувствую столько, что едва дышу. — Он покрыл ее лицо быстрыми, неистовыми легкими поцелуями. — И я напуган до одури.

Она хотела сказать «Даг, все будет хорошо!», но сложность их нынешнего положения прокралась обратно в ее разум. Вместо этого она сказала:

— Дети, когда они решили появиться, делают это в свое время, а не в твое. А ты просто должен разобраться с задачей как можно лучше.

Она потянулась и приложила палец к его губам, останавливая то, что он собирался сказать, когда ее охватили собственные воспоминания. Мальчик, который был отцом ее первого потерянного ребенка, боялся только из-за угрозы собственному комфорту. Он встретил уже только новость о его существовании с гневом, неприятием и угрозой непростительной клеветы. Поразительный человек в одной постели с ней желал переделать целый мир в безопасную колыбель для ее второго ребенка. Или, по крайней мере, вывернуть свое сердце наизнанку в попытках достичь этого. У нее было тайное подозрение о том, что мудрость можно найти посередине, но в целом она предпочитала подход Дага.

— Ты тоже изумляешь меня, Даг, — прошептала она.

Он повернулся к ней и обнял ее.

Она зарылась носом в волосы на его груди, а затем подумала об еще одном преимуществе быть супругой Стража Озера.

— Эй! А это мальчик или девочка?

— Еще слишком рано, чтоб понять это даже при помощи Дара. Нужно подождать несколько недель до того, чтоб можно было сказать точно. — Он поднял ее выше, чтоб поцеловать, потом добавил: — Девочка сможет носить имя нашего шатра. — Его попытка скрыть заинтересованность и произнести это ровным тоном провалилась.

— Но если она выйдет замуж за крестьянина, то примет фамилию мужа, — почувствовала необходимость указать Фаун.

— Любой мальчик, который женится на нашей дочери, возьмет ее имя и полюбит его!

Она неистово захихикала.

— Ты так сурово это сказал!

Он покраснел.

— Допускаю, я немного забегаю вперед, Искорка.

«Да ладно».

Неуверенность начала подтачивать ее первое радостное удивление. Потому что ее попытки представить рождение натолкнулись на первый вопрос: «Где?» Где-то между гарантированным завтраком этим утром и воздушной мечтой о будущей свадьбе ребенка лежала целая куча повседневной работы. И необходимость все уладить, сгорающая так же неумолимо, как свеча с часовыми отметками. Ежегодные осенние приготовления к зиме научили ее, как нужно планировать вперед и как сделать, чтобы будущее случилось так, как должно. Ну... по крайней мере, показали ей один из способов, решила она. Они не научили ее, как следовать за длинноногим мужем из Стражей Озера через пол-континента; этому ей пришлось научиться в пути. И она все еще учится. На вопрос «Как мы сделаем это?» было не так просто ответить, как ее родителям.

Рука Дага перестала гладить ее живот и нашла более желанное место ниже. Она расслабила бедра, чтоб дать ему пространство, но затем заколебалась:

— Послушай, это безопасно?.. Может быть, надо быть разумней? Многие бы сейчас даже не знали...

— Да, — сказал он твердо. — Я спрашивал.

— У кого?

— У Аркади.

— О. — Она обдумала это, насколько могла это сделать с учетом его приятных прикосновений. — Значит, он знает, что я?.. О. Да. Конечно, он знает, раз ты знаешь... — Она заморгала. — Погоди минутку. То есть, все кроме меня знали? Барр и Ремо тоже? И... — Она его стукнула, но было слишком поздно, чтобы это показалось убедительным.

— Чувство Дара, — вздохнул он. — Смирись. — Он провел языком по ее шее. — Ты улыбаешься.

На самом деле, она подозревала, что улыбается как хомяк с полными щеками.

— Это ужасно для моего достоинства.

— Не забывай радоваться, — прошептал он.

Она вспомнила, что он сказал, когда обдумывал их брачную ночь; что она останется резкой и чистой, когда тысяча других ночей поблекнет. И он оказался прав, хотя тысячи дней у них еще пока не было. Она открыла ему свой разум, сердце и тело, когда он стал убеждать ее, что вместе со всеми другими ее воспоминаниями этого примечательного утра она может вспомнить о том, что любима.

* * *

После того, как они умылись и оделись, Даг пошел к Спарроу провести еще один сеанс лечения. Мальчику стало настолько лучше, что присматривать за ним оставили незамужнюю сестру Финча, девочку пятнадцати лет. Середина утра застала Фаун и Дага одних на кухне фермы. Остальная семья Бриджеров разбежалась по своим беспрестанным крестьянским делам. Фаун подогрела горшок с крупой, оставленный для них и не сильно застывший, и пожарила ветчину и яйца к ней. Они наполовину расправились с едой, когда Даг поднял и

повернул голову в никуда. Это напомнило Фаун кота, смотрящего на то, что больше никто не видит. Стражи Озера... Неудивительно, что народ их все время пугается.

— Что? — спросила Фаун.

— Просто натолкнулся на Дар Ниты кроме прочих людей. Что она здесь делает?

— Нас ищет? — Фаун вскочила.

— Похоже, что так. Сядь, Искорка, она еще едет. Заканчивай завтрак. Тебе нужно поесть. — Он улынулся ей по-доброму.

Она улынулась в ответ. Глубоко внутри ее головы возбужденный голос все еще кричал «Малыш-малыш-малыш, да-нет-даааа!» Она хотела прыгать и бегать, как сумасшедшая, что-нибудь приготавливая, хотя, по правде сказать, пока делать было нечего, особенно здесь. Кроме того, чтобы съесть завтрак. Она проглотила последний кусочек масляной каши, а затем пошла вслед за Дагом на крыльцо.

Нита как раз въехала рысью на двор фермы, грязь хлюпала от копыт ее вспотевшей лошади, которая встряхнула головой, когда та натянула поводья, и встала, тяжело дыша круглыми, красными ноздрями.

— Даг! — вскричала она. — Сэр! Вы живы!

«А были сомнения?» Единственная рука Дага сжала запястье Фаун. Она не была уверена в том, был ли это хозяйский жест или он должен ее о чем-то предупредить.

— Я успела? — добавила Нита, запыхавшись. Она бросила странный взгляд на Фаун, ее светлые брови стали жестче, как будто от смущения, беспокойства или... разочарования?

— Успела к чему, Нита? Думаю, мы еще сможем наскрести вам немного завтрака, — произнес Даг, намеренно растягивая слова. Та беспокойно махнула рукой, отмечая легкомыслие.

— Командир Булраш выедет не более чем через час после меня, а скачет он быстро. Если поторопиться, сможете убраться отсюда.

— Убраться куда и почему? Я не верю, что Энтан Булраш повредился в уме таким прекрасным весенним утром.

— Нет, нет, конечно, нет, но вы все еще сможете вернуться в лагерь. Проскользнуть мимо него. Никто даже не узнает, что вы здесь были. О боги, мне надо было взять еще одну лошадь. Я могу одолжить вам свою, если хотите, а я пойду домой пешком. — Она спешила и взбежала по деревянным ступенькам, одновременно как бы протягивая поводья Дагу.

Даг засунул руку в карман.

— Я полагаю, люди знают, что мы уехали. Разве Аркади не получил мою записку?

— Да, Барр и Ремо сказали. Исключая только то, что они молчали до следующего вечера, когда слухи уже расползлись по всему лагерю.

Тяжелый вздох сорвался с губ Дага.

— Так... ты не хочешь начать с начала, Нита? — Он позволил проскользнуть в его тоне нотке твердости командира дозора — преднамеренно ли?

Возможно, поэтому Нита расправила плечи.

— Да, сэр. Ну, думаю, старый Аркади не был сильно рад, когда узнал, что вы уехали... Это был больной крестьянин?

— Столбняк, — сказал Даг коротко.

Губы Ниты сложились в тихое «О»; она выглядела слегка обескураженной, но продолжила:

— Я не знаю, что там у Аркади было в голове, но следующим утром, когда вы оба не пришли в шатер целителей, он сказал Челле, что дал вам день отдыха. Правда, Нола и Цери пустили слух, что видели, как Фаун отправилась в лес днем раньше с каким-то милым крестьянским мальчиком и не вернулась. Ну, Цери сказала, что не уверена, что это что-то такое, а Нола думала иначе. А Аркади только фыркнул.

— Что что-то такое? — сказала Фаун ошарашенно.

— Что вы сбежали с этим крестьянином, а Даг погнался за вами обоими, — губы Ниты поджались с таким неодобрением, будто она узнала, что так и есть.

Фаун задыхнулась от ярости от подобной клеветы:

— Да я никогда!..

Даг обнял ее, и она умолкла. Он вытащил руку из кармана, но всего лишь потер лицо.

— Продолжай.

— Любые слухи из шатра целителей разносятся по всему лагерю очень быстро. Вечером Барр и Ремо сказали мне и Тавии о вашей записке, но они заставили нас поклясться, что мы будем молчать, что лично я была только счастлива сделать. Я все еще думала, что это мог быть ложный след — если бы вы исчезли с налитыми кровью глазами. Я не знаю, как вся эта искаженная путаница дошла до ушей командира Булраша, но на следующее утро он ворвался в шатер целителей, чтобы узнать, что в действительности происходит. Он сказал, что не собирается позволить разыгрывать в его районе дозоров какую-то дурацкую балладу с убийствами. Он еще больше разозлился, когда мы выложили правду, а еще на то, что Аркади его не предупредил. Я слышала, у них был свирепейший спор. Они решили дать вам время до вечера, чтобы прийти и объяснить, а потом командир собирался явиться за ответами сам. Что он и делает этим утром. О, сэр! — Нита страдальчески протянула Дагу руку. — Мы с Аркади почти уговорили лагерь предложить вам право на шатер! Я думала, вы так старались по поводу вашего обучения... разве оно больше для вас не важно?

— Больше, чем я мог бы сказать.

— Тогда должен быть какой-то способ спасти его. Может, вы смогли бы заставить этих крестьян поклясться, что вас здесь не было?

Фаун видела, что Даг хотел хлестнуть Ниту ровным «Нет» и так и оставить. Но многолетняя привычка воспитывать юных дозорных взяла верх до того, как он смог себя порадовать этим.

— Бесплезно, Нита. Энтан тут же распознал бы правду. Я не стану лгать. Но я охотно поунижаюсь, если вы думаете, что это поможет.

— О! — Нита едва не топнула ногой; она сжала кулаки. — Пожалуйста, разве вы не можете уйти?..

— Пока нет. Я думаю, еще один день лечения нервов будет немного лучше, чем неделя в постели для Спарроу. Вы когда-нибудь видели столбняк, Нита?

Она потрясла головой, ее губы были поджаты.

— Нет. Но слышала, что он ужасный.

— Правильно слышали. — Даг выпрямился и потянулся, как бы готовясь с силами. — Оставьте мне вашего командира, Нита. Это происходит быстрее, чем мне бы хотелось, но эти вопросы когда-нибудь все равно легли бы на стол. Лучше разобраться с ними и закончить с этим.

— Сэр, вы... Вы проклятый дурак, сэр!

— Бриджеры позволят вам воспользоваться их конюшней. Позаботьтесь о лошади, дозорный. — Даг вздохнул. — Вы порядком измотали ее сегодня утром.

— И, похоже, впустую, — пробормотала Нита свирепо. Она размахисто сбежала с крыльца и повела свою гнедую вокруг дома.

— Я бы предпочел, чтоб Аркади не вздумал меня покрывать, — пробормотал Даг. — Я этого не ожидал. Неужели он открыто лгал? О, боги. И снова будет все как в Хикори. Мне так жаль, Искорка.

— Не думаю, что будет так же, — сказала Фаун упрямо.

— Уверен в этом, очень уж напоминает. Проклятье. Если бы только у меня было больше времени, чтобы прижиться, чтоб уговорить... Я думал, проект шатра целителей на крестьянском рынке был первоклассным, или мог бы таким стать с расколдовыванием. Поставить его и проработать в нем два или три года, оставить его за собой как зернышко, когда мы снова отправимся на север...

— Высаживать идеи? — Фаун покатила идею в уме. — Это сработает, только если собираешься остаться поливать и пропалывать их. И собирать гусениц.

— Угу. — Он поцеловал ее в макушку. — Это всегда было не так уж просто, правда,

Искорка?

* * *

Даг ощутил Дар командира Булраша через час. Он отправился ожидать его на верхнюю ступеньку крыльца, прислонившись к столбу. Фаун сидела у него на коленях, подперев подбородок кулачками. Нита развалилась на ступеньках напротив Фаун, нахмурившись и вытянув одну ногу в ботинке. Взрослая часть семьи Бриджеров тоже мало-помалу оказалась на крыльце. Папа Бриджер и Ларк прогуливались у передней двери со скрещенными руками, Мама Бриджер безуспешно пыталась вязать в своем кресле-качалке, Черри и Финч в тревоге сидели на скамье рядом с ней.

— Я думаю, командир Булраш захочет переброситься со мной словом-двумя. Я бы хотел, чтобы вы, ребята, не перебивали его, когда он захочет что-то сказать, — предупредил Даг Бриджеров. — Здесь на кону мое и Фаун места в лагере Новолуния.

Финч повернулся к Фаун, его источнику многих уроков о Стражах Озера за последние четыре дня — исключая этот — и сказал:

— Извините. Я не знал!

Даг сухо улыбнулся ему через плечо.

— А если бы знал, сделал что-то по-другому?

Финч взглянул в направлении угловой спальни, где его племянник лежал в мирном сне.

— Думаю, нет. В самом деле, нет.

— Вот и я нет.

Маленький дозор Стражей Озера проскакал рысью по лужайке. Командир лагеря в самом деле приехал не один; он выбрал напарником для этого расследования своего сверстника Таппа. А также, возможно, свидетелем. Что было неудивительно, сзади него тащились Барр с Ремо. Когда они увидели Дага и Фаун, на их лицах появилось облегчение, а когда Ниту — смущение. Все четверо остановили своих лошадей на грязном дворе перед крыльцом.

Энтан Булраш, сидя в своем седле, был лицом к лицу с Дагом. Он не стал спешиваться, но ослабил поводья и наклонился к луке седла. Его сутулая спина, так же как и почти полностью закрытый Дар, выдавала его настроение: усталое раздражение, сдерживаемое неловкостью и осторожностью. Если бы он был моложе и мерее уставшим, он бы, вероятно, был бы более сердит. Даг понял, что его злость сидит очень глубоко.

Взгляд командира упал на Ниту, и девушка вздрогнула.

— Что вы здесь делаете, дозорный? — проворчал он. Она вздернула подбородок.

— Я не на дежурстве, сэр. И свободна ехать, куда нравится.

— Неужто?

Она благоразумно не стала отвечать. «К счастью». Энтан перевел взгляд на Дага и продолжил:

— Вижу, ваш доносчик оказался быстрее. Так что, северянин, какая из сказок была правдой? Это был побег или жест милосердия?

— Это был пятилетний мальчик со столбняком. Сэр. — Даг дотронулся пальцами до лба в привычном салюте, лишенном настоящего уважения на деле.

К его чести, по лицу капитана пробежала тень сочувствия. Мерцание его Дара расширилось; он поднял взгляд по направлению к угловой комнате и кивнул:

— Понятно. Это тоже проясняет дело, полагаю. — «Даже, если дело было не таким, как он предпочел бы?»

— Я говорил ему, что это не мог быть побег, — пробормотал Ремо.

— А похищение — могло быть, — сказал Барр рассудительно, то ли в шутку, то ли всерьез, с ним всегда было сложно это понять. — Я бы в это поверил.

Резкий взмах кулака Энтана попросил у них молчания.

Папа Бриджер решительно вышел вперед.

— Я думаю, без этого тощего малого и его малютки-жены моего внука сегодня бы хоронили.

Даг повернул левую руку в успокаивающем жесте, который должен был быть ладонью вниз, если бы эта ладонь оставалась у него. Он понял, что смутная угроза от его крюка и напоминание о его жертве были бонусом для Энтана.

Энтан заметил множество глаз Бриджеров, уставившихся на него, и сказал Дагу несколько сквозь зубы:

— Нам бы лучше поговорить без аудитории.

— Это их крыльцо, — заметил Даг. — Вы находитесь на их дворе.

Энтан посмотрел угрюмо, но, на самом деле, ему нечего было возразить.

— Что я думаю, — сказала Фаун, внезапно вставая, — это что сейчас подходящий момент, чтобы познакомить присутствующих друг с другом, чтоб ни у кого не было повода разговаривать друг через друга. — Следующие несколько минут она это делала. Попытка Энтана беспрестанно смотреть сердито на Дага была прервана необходимостью узнавать имена и краткие истории жизни. К тому времени, когда Фаун закончила представление всех, включая Таппа с его недавней проблемой кишечника, стало ясно, что план Энтана провести разговор по своим знакомым правилам — в виде сурового дозорного нагоняя — ушел у него из рук.

Энтан посмотрел на крестьян, потер лицо и ухватился за соломинку:

— Как много людей знают сейчас об этой вашей вылазке, Даг? Только те, кто здесь, или больше — соседи, родственники?

— Соседи, женатые сестры, зятя — кто только не останавливался здесь, чтоб помочь последние несколько дней. Так делается у крестьян, знаете ли, сэр.

— У-гу. Так что нет никакой надежды, что в такой толпе это останется в секрете?

— Боюсь, что так, сэр, — сказал Даг, понимая его идею и ее безнадежность. — Я уже пытался объяснить это Ните. Но я верю, что она думала только о половине этой картины.

Нита взглянула через плечо на всех Бриджеров и тревожно заморгала.

Энтан посмотрел на Ниту взглядом «Я с тобой позже разберусь». Он сказал Дагу:

— Разве Аркади не разъяснил вам, что вся такая деятельность запрещена?

— Он разъяснил, что он считает ее нежелательной, и объяснил почему. — Даг заколебался. — Мне было ясно, что я не смогу отвернуться от умирающего в жуткой агонии ребенка и продолжать смотреть на свое отражение в зеркале во время бритья.

Энтан явно был задет последним доводом — но не достаточно.

— Если повторится история Топориной Топи, мои дозорные примут на себя удар этого. — Он взглянул на Таппа, на Ниту. «Ищешь разбитые головы? Или что-то большее?»

Даг тоже был задет — но не достаточно.

— Плохо выполненная хорошая мысль — вовсе не то же самое, что плохая мысль. Я верю, что с расколдовыванием былой замысел Аркади поставить шатер целителей на крестьянском рынке был бы правильным путем попробовать новое без риска бунтов на ваших воротах. Это бы не было повторение истории Топориной Топи.

Энтан отшатнулся, сидя в седле.

— Значит, вот что за вожжа заехала тебе под хвост?

Даг кивнул. «Боги, разве сейчас подходящее время, место и человек для этого спора? Не важно, продолжай.»

— Потому что однажды, когда все Злые исчезнут — когда это долгое зло не будет больше сформировывать нас — кем станут Стражи Озера? Я видел массу возможностей. Сейчас не слишком рано пробовать что-то новое, особенно здесь. По многим причинам, юг — представление будущего севера.

Энтан стал жестким, как человек, который борется не только против внешнего, но и против внутреннего врага.

— Послушай меня, северянин. Это мое призвание — удерживать Русло Новолунья. Чтоб защищать его от того, чтоб наши традиции и наша кровь не уничтожались дюйм за

дуюмом.

Даг фыркнул:

— Наши традиции? В самом деле? Куда вы ездили по обмену, когда были молодым дозорным, Энтан?

— Южные Морские Врата, — неловко ответил командир лагеря.

— Для севера весьма южные. Так когда Новолуние производило свое последнее перемещение? Я знаю, как выглядит традиционный лагерь, и это вовсе не похоже на Новолуние. Если бы вы были традиционными, вы бы сожгли каждый дом в нем. Потому что традиционные Стражи Озера не защищаются. Мы бежим.

Новолуние стало таким же «сидячим», как его соседи-крестьяне. А вы так сильно сжимаете кулаки лишь потому, что в них осталось так мало.

Энтан посмотрел вниз на поводья и с усилием разжал пальцы с побелевшими костяшками. Он нахмурился, глядя на Фаун.

— Я думал, у вас появились новые причины для того, чтобы защищать то, что перед вами, Даг.

Даг пожал плечами.

— Я был бы очень счастлив вернуться в Новолуние и продолжить свое обучение. — Он уделил взгляд сияющей Фаун, наделившей его таким непоколебимым доверием. «Отсутствующие боги, а буду ли я счастлив...»

— И вы поклялись бы не делать втайне ничего такого, — взмах руки в сторону семьи Бриджеров, — снова?

Тишина. Потом:

— Могу ли я иметь целительский кабинет, чтоб у меня не было секретов?

Более долгая тишина.

— Это называется «поунижаться»? — пробормотала Нита сквозь зубы.

Фаун сидела на ступеньках рядом с ней; Даг расслышал ее ответный шепот:

— В стиле Дага, да. Смотри и слушай.

Даг продолжил более настойчиво:

— Будущее происходит прямо здесь, каждый день. Вы можете плыть или тонуть, но вы не можете выбрать не быть наводнению. Полагаю, настоящее понимание кроется в том, что так было всегда. — Он набрал воздуха. — Я думаю, нам пора учиться плавать.

Энтан отрезал:

— У людей, таких как я и Тапп, тоже есть дети, которых нужно защищать. Всех детей, не только наших.

Даг понимающе кивнул, но обвел рукой вокруг не только Фаун, но и Ниту, олеанских дозорных, Финча и Спарроу и его сестру наверху лестницы.

— Если вы в действительности подразумеваете всех детей, Стражей Озера и крестьян, то я с вами. Потому что они могут быть сложностью сейчас, но потом они станут нашими судьями, когда падут воды.

— Проклятье, — медленно сказал Энтан. — Я думал, вы опасны всего лишь как мягкосердечный дурак. Но ведь вы настоящий предатель, так? В десять раз больший, чем тот бедолага-бандит, которого вы зарезали на Грейс.

— Отлично, сэр. — Что за ответ это был? Точно не отрицание.

— Боги, мне от вас дурно. Если я еще буду сидеть и слушать вас, небось свалюсь с этой проклятой лошади. Послушайте, северянин. У нас не было проблем, пока вы не явились. Безусловно, быстрейший способ избавиться от них — это избавиться от вас. А у меня нет времени.

Фаун смотрела куда-то в пространство, но ее голос был неожиданно резким:

— Моя мама обычно говорила мне: «Что, времени сделать это правильно у тебя нет, зато на переделку найдется?»

Энтан посмотрел на нее холодно и вернул хмурый взгляд к Дагу.

— Вы не мой дозорный, Даг Блуфилд. Отсутствующие боги, вы здесь даже не чей-

нибудь родственник. Если вы настолько погрязли в отношениях с крестьянами, берите их куда хотите — исключая границы моего лагеря. И что бы вы ни начали творить здесь, пусть оно преследует вас не до наших ворот.

— Мое обучение... — начал Даг.

— Вам следовало подумать о нем раньше.

— Я думал.

— Тогда вы сделали свой выбор. Так что, нет ни одной проклятой причины мне сидеть здесь, споря с вами, так? Просто не возвращайтесь в Новолуние. Мы не позволим вам войти снова. — Он повернул коня. Тогда его взгляд упал на Барра и Ремо, сидящих верхом на своих скакунах. — А, — приостановился он, — вы двое. Вы идете со мной или остаетесь с ним?

Губы Ремо приоткрылись в удивлении; он взглянул на Ниту и обратно на Энтана.

— А мы можем остаться в Новолунии, сэр?

— Можете попробовать. Ваш командир дозора сказал мне, что вы исключительно дисциплинированные дозорные.

— О, только не я, сэр! — сказал Барр радостным тоном. — Я слишком долго общался с предателями. Мой Дар полностью порочен, видите ли. Вы не захотите, чтоб я был в вашем дозоре. Что-нибудь беспорядочное может в нем завестись. Например, мозги.

Энтан сжал зубы, и это было совсем не похоже на улыбку.

— Хорошо. Значит, вы сможете принести Дагу обратно его лошадь и вещи. — Его взгляд молнией метнулся к Ремо. — А вы?

Ремо с мучением посмотрел на Барра, Ниту, Дага.

— Я... могу я подумать какое-то время, сэр?

— Можете, пока ваш напарник собирается. — Рука Энтана повернулась к Ните. — Вы идите за вашей лошадью и догоняйте. — Он дернул подбородком, адресуясь к Таппу. — Хватит всей этой дури. Обратно в лагерь.

Когда дозорные повернули своих коней, Барр подвел лошадь к крыльцу:

— Думаю, я вернусь завтра с Копперхедом и прочим. Какие-нибудь сообщения?

— Скажи Аркади... — Нет. Едва ли Даг мог сказать Аркади, что он сожалеет о произошедшем, потому что он не сожалел о нем. Лишь о том, что вернуться не выйдет. — Скажи Аркади, я сожалею о том, как все вышло. Но разве ты не будешь спорить за меня там столько, сколько там еще пробудешь? Потому что Энтан Булраш не единственный авторитет в Новолунии. А твоему рту терять нечего.

Барр по-крысьи ухмыльнулся и ускакал вслед за остальными.

Глава 12

Фаун поднялась вслед за Дагом по лестнице, чтоб понаблюдать, как тот лечит Спарроу. Потом они вернулись в кухню Бриджеров и нашли семейный совет в самом разгаре. Это напомнило Фаун застольные разговоры у нее дома в Вест-Блу. В любом случае, они все отзывались весьма грубо о командире Булраше.

— Ну, верно, но я несколько симпатизирую Энтану, — сказал Даг, когда Черри Бриджер поставила перед ними кружки с чаем.

— Да он разве что за уши вас не оттащит! — сказала Черри. Финч вжал голову в плечи и выглядел виновато.

— Человек старается защитить свой лагерь, — и Даг кратко повторил историю Аркади о трагедии в Топориной Топи.

— Но ведь это было давно, — сказал Финч. — До моего рождения!

— Однако, такие люди, как командир Булраш и Аркади, помнят это так, будто оно случилось вчера, — Даг отхлебнул чай и потряс головой. — Я думаю, Энтан ощущает, что его методы поизносились, но предложить взамен ему нечего, так что ему остается только держаться за них покрепче. Таких людей много.

— Но Даг пытается изменить все это, — вставила Фаун с гордостью.

— Не нагружай чрезмерно мою лодку, Искорка. Один человек не может изменить весь мир точно так же, как не может изменить сторону, в которую дует ветер. Самое большее, на что он способен — это понять, куда ветер дует, и плыть туда же. Думаю, тот, кто сможет это сделать, переправит свой груз с берега на берег в целости. — Он потер лицо. — Боги, послушай же меня. Все эти ветра, воды, прочая чепуха... Неудивительно, что все утекает у меня сквозь пальцы. Искорка, мне нужно немного доброй крестьянской грязи, чтоб укрепить меня. Понимаешь, все дело во времени. Я совершенно не понимаю времени, и чувство Дара здесь не поможет; оно привязано ко времени так же, как и все прочее. — Он оглядел круг непонимающих лиц и склонил голову. — Извините. Слишком много зимних ночей в дозоре, когда нечего рассматривать, кроме звезд. Это делает человека странным.

Фаун подумала, что почти слышит, как Бриджеры называют про себя Дага странным, но никто не сказал этого вслух.

— Тогда что мы делаем дальше, Даг?

Папа Бриджер сказал, подчеркивая слова:

— Вы, двое, если хотите — оставайтесь здесь. Настолько долго, насколько пожелаете. — Ларк коротко кивнул, а Черри и Мама Бриджер пробормотали что-то в поддержку.

Фаун попыталась представить себе это. Могли бы они жить как постоянные гости в комнате наверху? Что делая? Положим, она представляла себе крестьянские заботы; она бы приняла свою долю в них. Но она подозревала, что, если Даг займется целительством среди крестьян столь близко к Новолунию, против этого возникнут возражения. И... с ребенком? В доме какой-то другой женщины? Хотя Черри Бриджер могла бы стать заменой родственницы... По меньшей мере, какое-то время они будут в безопасности.

Финч с серьезным лицом наклонился вперед, поставив локти на стол.

— Фаун, помните тех друзей, о которых я вам рассказывал? Они поговаривали о том, чтоб уехать на север.

— Да?

— Я рассказал им о том, что мне говорили вы о своей стране, и это их подтолкнуло. Мы решили, что когда-нибудь должно наступить этой весной. Мы думали отправиться вместе, потому что Тракт — это не место для одиночек. Мы собирали все нужное по порядку — Сейдж попросил руки у своей любимой, чтоб она отправилась с ним — и должны были отправиться на прошлой неделе, но Спарроу заболел, и я все отложил. Я хотел взять гнедую кобылу и двух вьючных мулов как свою долю наследства, а также свои инструменты и припасы.

Папа Бриджер и Ларк кивнули.

— У Сейджа есть фургон, так что они будут передвигаться медленнее, чем вьючный караван. Я думал догнать их, когда... ну, я планировал так или иначе уехать.

Финч подразумевал, что, если Спарроу умрет, то он сбежит с позором с фермы. Фаун понимающе кивнула. Мама Бриджер вздохнула.

— Я рад, — Финч взглянул на Дага и набрал воздуха в грудь, — что этого не случилось. Но я все еще хочу догнать Сейджа и ребят. О чем я думал... вы ведь были на Тракте, сэр?

Брови Дага взлетели вверх.

— Я никогда не проезжал его из конца в конец за раз. Но проходил пешком и верхом многие его отрезки.

— А я никогда не был севернее Крокодильей Шляпы, — сказал Финч. Фаун уже знала, очарованная названием, что это ближайшая деревня, примерно в пятнадцати милях по Тракту на Север. Ей было любопытно, действительно ли там продают шляпы из аллигаторов.

— Но вы, сэр, — продолжил Финч, — раз вы теперь собираетесь домой... если бы вы поехали с нами сейчас, вы были бы кем-то вроде проводника. Что скажете? — Он взглянул тревожно на Фаун.

— Кем-то вроде... — сказал Даг. Он также взглянул на Фаун с вопросом в глазах. — Я пока не целитель, которым намеревался стать.

Она задумчиво пожевала губу.

— Раньше ты бы и не задумался перед тем, чтоб отправиться в подобное путешествие без обучения и всего лишь с целительством дозорного.

— Я был проклятый дурак раньше. Это просто опасно.

— Весьма удачливый дурак, если так. И ты ведь не стал более необразованным за эти пару месяцев, проведенных у Аркади.

— По моим ощущениям — именно так. Аркади открыл мне глаза на целую новую реальность. Есть перед чем склонить голову. Мастер Вейв тоже — я думал, что знаю все о мастерстве ножей из своих наблюдений за Даром, но стиль Вейв совершенно другой. Между ними двумя я чувствую себя так, будто кто-то взял мой череп и встряхнул его хорошенько, как бутылку сидра — так, что пробку вышибло.

— Тебе не нужно быть лучшим целителей в семи землях. — Хотя, она предполагала, что Аркади можно было бы так назвать. — Конечно, Аркади ставит высокую планку, хотя мне кажется, кое-что из этого в твоей голове — голос твоей мамы. Она сведет тебя с ума, ты же знаешь это, Даг. Единственное, чем ты действительно должен быть — это немного лучшим того, что сейчас есть у людей. И быть с ними.

Даг мрачно потряс головой.

— Может быть, ты сможешь найти другого целителя в Олеане, который примет тебя на твоих условиях. Аркади не может быть единственным хорошим учителем.

Его мрачность немного посветлела.

— Точно, Искорка. — Он почесал затылок, изучая Фаун. — Ты хочешь домой.

По правде говоря, если они собираются в этом году на север, это нужно делать быстрее. Беременность на раннем сроке — это не пикник... Она вспомнила свою тошноту и выматывающую усталость — но беременность на позднем сроке для путешествия еще хуже.

Для нее, как бы то ни было. Да, нам нужно двигаться дальше, пока я не стала слишком круглой. Даг трепетно переживал за ее здоровье — участие, которое она ценила столь высоко после пугающей изоляции ее первого опыта — но еще более ее беспокоило то, что будет дальше. Ее никогда сильно не интересовали чужие дети, хотя ей всегда хотелось своего. Так что... насколько пугающе взять на руки ребенка, которого ты не сможешь отдать обратно?

Ей не нужна замена родственницы; у нее теперь есть настоящая в лице Берри Блуфилд. «Лучшее, что Вит для меня когда-либо делал». Если Фаун собирается родить ребенка в чьем-то доме, то она хотела бы, чтобы это был дом Берри в Клиркрике.

Бесполезно пытаться лгать человеку с чувством Дара, но она хотя бы попробовала:

— Я хочу того, что нужно тебе.

Кривая улыбка:

— Я думаю, мне нужно домой. Нам нужно. — «Нам троим», а не «нам двоим»; она услышала это и улыбнулась ему в ответ. Даг выпрямился. — Отправляться домой и начинать. Аркади ошибся кое в чем; имеет значение, где ты кладешь руку на рычаг. Но мы никуда не поедem без наших лошадей. Посмотрим, что Барр и Ремо — или только Барр — привезут нам.

* * *

Барр привез Аркади.

А еще Копперхеда, Мэгпи и двух тяжело груженных вьючных лошадей. Когда Даг почувствовал их, он выпрыгнул на крыльцо и уставился с открытым ртом на караван. Сам Барр ехал верхом на Копперхеде, но вел в поводу чужую лошадь под седлом с его сумками. Даг тщетно искал Ремо, и сердце сжималось от его отсутствия.

С тех пор, как командир Булраш принял решение об изгнании, прошло два дня.

Даг не ожидал, что Барр вернется раньше вчерашнего полудня. Сотня причин могла его задержать, и в первую очередь надежды возлагались на какие-то уговоры Барра, которые могли бы отменить решение Энтана. И чем дольше Даг ждал, тем более его надежды крепились. Но Барр, конечно, не смог бы упаковать все это всего лишь за краткий визит в Новолуние, и, во имя богов, как он заполучил всех этих лошадей?..

— Это всё — это что? — спросил Даг, потрясенно возвращая Барру приветственный взмах.

Аркади ответил первым.

— А на что это похоже, вы, дурень несказанный? Я ведь говорил вам, что из этого выйдет? Или не говорил?

Внешний вид Аркади был типично утонченным, если исключить измятую в седле одежду и несколько прядей, выбившихся из его прически. Но взволнованность его обычно безмятежного Дара и дикая решимость в его взгляде отчаянно напомнили Дагу кошку, которую заперли в бочке и столкнули со склона.

— Вы нарушили свое слово, данное мне! — продолжил Аркади.

— Я не искал этого, сэр. Проблема пришла ко мне, и я не смог уклониться.

— Да имели ли вы представление, чем бросаетесь? Нет, конечно, нет! Дозорные! Энтан — бык, а вы — осёл. Единственная, кто действительно понимает — это Челла, и даже она не на моей стороне!

— Стороне? — спросил Даг. Его взгляд на Барра не прояснил картину. Барр не то чтобы смотрел в небо и невинно насвистывал, но вполне мог бы.

— Это бессовестно... просто бессовестно!..

Даг восхищался способностью Аркади произносить такие слова, об которые язык можно сломать, даже в приступе ярости, но сейчас он все еще плыл по течению. Если Аркади был послан не для того, чтоб предложить Дагу прощение, то зачем он здесь? Просто для того, чтоб выплеснуть свои чувства?

— ...выбрасывать такой талант, как ваш. И еще хуже выпускать вас в мир обученным на одну десятую и полностью без контроля. Так что раз это стадо дурней не позволяет вам вернуться... — голос Аркади стих, — ...я еду с вами.

Челюсть Дага упала.

— Что?

— Вы меня слышали. — Аркади опустил глаза к земле. — Я отправляюсь с вами. Чтобы продолжить ваше обучение, пока оно не будет закончено к моему удовлетворению.

— Куда?

— На север, полагаю. Вы ведь туда собираетесь, не так ли? Ваша жена будет стремиться домой как голубь — женщинам в ее положении это свойственно, знаете ли. Это было очевидно.

Даг хотел сказать «Не для меня», но вместо этого сказал лишь:

— Аркади, вы хотите поехать с нами верхом по Тракту?

Аркади кивнул.

— Это восемь сотен миль и больше, вы знаете это?

Он снова кивнул, более резко.

— Скажите, на какое самое большое расстояние вы когда-либо ездили за один раз?

Аркади вздернул подбородок:

— Двадцать миль.

— За сколько дней?

Аркади прочистил горло:

— За один.

— И как долго вы когда-либо оставались без ванны?

Аркади посмотрел на него сердито, но не снизошел до ответа на этот вопрос. Он расправил плечи и спешился; Барр последовал его примеру. Целитель несколько рассеянно отдал юному дозорному поводья, а потом поднялся на крыльцо.

— И Новолуние это разрешит? — Скрипящие мозги Дага наконец-то начали работать снова. Если это предложение — правда, он должен упасть на колени и благодарить отсутствующих богов. «Но так ли это?» — Они вообще знают, что вы уехали?

— Узнают, — отрезал Аркади. — Я предупреждал Энтана и прочих слюнтяев на совете лагеря. Если они думали, что я блефую, в следующий раз пусть думают лучше.

— Вы не сможете жить в пути так же, как в лагере. — Даг взглянул вдаль на полосу деревьев вдоль дороги, туманную в послеобеденном влажном тепле, а затем обратно, успев поймать уклончивый взгляд Аркади.

— Похоже, в этой поездке у меня на руках будет больше народа, чем я рассчитывал. Я не смогу быть вашей сиделкой, а Барр — слугой.

— Я не стану после верховой езды падать с седла как куль, благодарю вас, — сказал Аркади сквозь зубы. — Даже после поездки в восемьсот миль.

— Ваша страна — это мир под кожей, но мир снаружи — мой. Моя дорога, мои правила. Сможете ли вы принять это?

— Думаю, не менее успешно, чем это делали вы, — ответил Аркади. Их взгляды встретились с неприятной силой, и никто не отвел взгляда.

— Тогда вы можете начать с заботы о вашей лошади, — сказал Даг, наконец. — Конюшня сзади дома.

Взгляд Аркади вспыхнул. Барр выглядел весьма встревоженным. Но после долгой паузы Аркади сказал только «Хорошо» и взял обратно поводья. Когда он начал обходить дом, он добавил через плечо:

— Когда я вернусь, я хочу проверить, что вы сделали для этого мальчика со столбняком.

Правила определились достаточно четко; Даг согласно кивнул.

Во дворе еще оставался Барр, держащий упряжь пяти лошадей, хотя Дар Копперхеда выказывал признаки глубокого уговаривания; это и десятимильная прогулка мерина этим утром без сомнений объясняли, почему он не пытался оборвать привязь со своими компаньонами прямо сейчас. Даг принял его и Мэгпи из рук Барра. Барр благодарно передал их.

— А где Ремо? — спросил Даг.

Лицо Барра поблекло.

— Он остался.

— А. — «Неожиданный обмен». Даг нахмурился вслед Аркади. — Барр... Аркади блефовал по поводу этого сумасшедшего гамбита? Объявить самого себя заложником, чтоб заставить совет лагеря уступить и принять меня обратно?

Уголок рта Барра пополз вверх.

— Я думаю, он думал, что блефовал. Уверен, они думали, что он блефовал.

Даг кивнул с пониманием и некоторым облегчением, а затем взгляд его стал строже:

— Ну и в чем тогда польза?

— Хм, я его здесь подловил. И решил, что с остальным ты справишься лучше.

— Да?..

Челла — целитель; Аркади — учитель целителей. Фаун бы сказала, что разница между ними такая же, как между зерном и сеятелем. Когда отправляешься покорять новые земли, последнее явно более значимо. Так что было лучше — раскрыть блеф Аркади или совета лагеря? С медленной улыбкой Даг подумал: «Ни то и ни другое. Лучше всего было бы схватить подарок из проросших семян и сбежать, пока первоначальный владелец не стал требовать их обратно.»

— Я скажу Финчу, что мы все готовы выехать на север завтра, — сказал Даг и повел лошадей в конюшню.

* * *

Их отъезд утром задержался, но поскольку до первой намеченной остановки нужно было покрыть пятнадцать миль, то им на самом деле и не нужно было отбывать на рассвете. Даг и Барр снарядили своих лошадей с эффективностью дозорных, а Финч и его мама то и дело вспоминали о чем-то, что надо было добавить в сумки — какие-то нужные вещи, о которых вспоминаешь в последнюю минуту. Это некоторым образом напомнило Фаун ее собственный отъезд — из Вест-Блу после свадьбы, только самой свадьбы не было. Финч тоже был самым младшим ребенком без земли и со скудной долей наследства, и пространство, которое он занимал, было нужно следующему поколению даже больше, чем его рабочие руки.

Его семья не была рада тому, что он уезжает, но они также не спорили с ним об этом слишком сильно. Чувства его матери, похоже, были смешанными.

Его папа, казалось, был рад, что нашелся взрослый проводник, пусть он все еще и находил Дага тревожащим. Аркади и Барр также сбивали с толку Бриджеров несмотря на то, что Барр развлекал семью за ужином рассказами об их путешествии на «Надежде» — хотя, посмотрев на Маму Бриджер, историю о речных бандитах он опустил, к облегчению Фаун. Самые завиральные истории Бо едва ли вызвали бы более широко распахнутые глаза; большая река всего лишь в тридцати милях к западу отсюда явно казалась им экзотическим миром.

«Когда-то я была еще более невежественной». Время, казалось, сместилось, как если бы десять лет перемен упаковались в ее последние десять месяцев. Фаун потрясла головой в удивлении и послала Мэгпи вслед за длинноногим Копперхедом. Финч продолжал крутиться в седле и махать, хотя когда они повернули на дорогу и деревья, покрытые бутонами, скрыли дом, он достаточно живо повернулся лицом вперед.

Барр и Аркади продолжали посматривать назад. Фаун подозревала, что Барр все еще желал, чтобы Ремо передумал и нагнал их, а Аркади имел похожие надежды относительно совета лагеря. Аркади не привык проигрывать в споре, поняла Фаун. Она немного отстала так, чтоб оказаться рядом с Барром, когда караван вытянулся по дороге в мягком весеннем воздухе. Барра обременяли две вьючные лошади, но они, казалось, следовали за ним без протестов.

— Где ты взял этих лошадей и снаряжение? — спросила она.

— Это все Аркади. Я думаю, он едва затронул свой кредит даже после того, как снарядил меня. Хотя целый тюк набит только медицинскими штучками, которые он не хотел оставлять. Я должен был напоминать ему упаковать одежду. — Барр сделал гримасу. — Он сказал, что если не сделает мобильный шатер целителей, совет не поверит, что он это серьезно.

— А он серьезно?

Барр ухмыльнулся.

— Даг серьезно.

— Угу.

День был многообещающим для начала поездки: бледно-голубой цвет поверх их голов, бледно-зеленый по бокам. Когда наступил теплый полдень, Фаун начала клевать носом. Позевывая и сползая в седле, она боролась с тяжелыми веками и соблазнительными видениями того, как можно было бы валяться на одеяле за кустами и дремать.

Она вдруг заморгала, проснувшись в шоке понимания. «Я действительно беременна».

Последние несколько дней на ферме ее усталость имела достаточно других причин, так что Фаун не замечала, как она нарастает внутри. Если бы не чувство Дара Дага, это стало бы ее первым подозрением. Она уставилась со смесью благоговения и тревоги вниз на свой живот, аккуратно обтянутый брюками для верховой езды. «Смогу ли я сделать все правильно на этот раз?»

— Спишь, Искорка? — голос Дага встряхнул ее, и она проснулась.

— Боюсь, так... — пробормотала она. — Может, мне стоит привязать себя к седлу? Ты рассказывал, куры так иногда делают...

— У меня есть идея получше. Почему бы тебе не перебраться сюда, — он показал на свои колени, — и мы смогли бы тогда повторить тот путь, который проделали когда-то в Глассфордж.

Она улыбнулась при воспоминании.

— А Мэгпи?

— Она обучена Стражами Озера. Будет идти следом.

— Ну, если ты думаешь, что получится...

Копперхед пошел рядом, и Фаун завязала поводья узлом на шее своей кобылы и позволила Дагу помочь ей скользнуть к нему. Она устроилась довольно ловко, обвив его руками и прижавшись щекой к сердцу, вдыхая запах чистого хлопка и теплого Дага. «Повезло носу».

— Так мило, — пробормотала она, прижимаясь плотнее. — Только я не буду закрывать глаза. Не хочу пропустить милю Трипойнтского Тракта. — Хотя, пока все мили были весьма похожими — ровные поля перемежались коричневатыми каналами. Но, по крайней мере, все эти видневшиеся вдаль деревья, украшенные понизу фестонами серого свисающего мха, были другими, нежели в Олеане. Болотный кипарис, магнолия, живой дуб... какой сонный полдень...

* * *

— Искорка?

Она расклеила веки от бормотания Дага.

— Что? Что я пропустила?

— Примерно четыре мили ничего. В основном, болот.

— Я спала час? — Она скосила глаза, надеясь, что не закапала слюнками его рубашку. — У тебя, наверное, рука отваливается!

— Потерпит. Но мы подъезжаем к Крокодилей Шляпе.

— О!

Даг остановился, чтобы она смогла слезть, и она ощутила прилив бодрящей силы до того, как заново оказалась в седле у Мэгпи. Они пошли шагом за остальными, и это тоже помогло ее пробуждению.

Крокодилей Шляпа оказалась типичной маленькой деревней из тех, что разбросаны по Тракту. Несколько дюжин деревянных домов с садиками различной аккуратности стояли в стороне от дороги. На некоторых воротах были нарисованы знаки, оповещающие о комнатах и местах в стойлах для усталых путешественников. Крепкий мост стоял над мельничной запрудой. Дорога расширялась в площадь, вокруг которой скопились заведения, обслуживающие как местных крестьян, так и Тракт: пара пивных, аккуратная двухэтажная гостиница со своей собственной большой конюшней сзади, офис деревенского клерка, еще одна конюшня, знаки упряжи и ремонта, фургончика и большой кузницы. Финч помахал рукой и, развернувшись, повел караван во двор кузницы.

Сбоку стоял большой фургон дышлом к земле. Он был свежеекрасен в зеленый цвет с красивыми волнистыми желтыми полосами, а колеса были украшены красным. Под его полукруглой холщовой крышей Фаун заметила фигуру женщины, которая возилась с какими-то корзинами. Двустворчатая задняя дверь в кузницу была широко распахнута, изнутри подмигивало красным сияние, вырывающееся из кузни, рядом с которой стоял, сложив руки на поясе в ожидании, дородный молодой человек. Возле двери, в лучшем свете, высокий, тощий парень держал за голову большого коричневого мула, почесывая ему макушку и бормоча что-то успокаивающее в длинные уши.

Мул не складывал кремовые губы петлей, даже когда закатывал глаза в тревоге. Жилистый парень в кожаном фартуке зажал его заднее копыто коленями, держа в руках молоток, а в зубах — гвоздь.

Он быстро взглянул на Финча, махнул молотком и крикнул, не вынимая гвоздь изо рта:

— Привет вам! — после чего вернулся к успокаиванию мула.

Стук молотка разнесся по двору, гвоздь аккуратно вошел в копыто. Парень отломил выступающую часть гвоздя, забил ее и разровнял. Он отпрыгнул назад, когда отпустил копыто, но мул только вздохнул и наклонился почесать ухо. Двое парней ухмыльнулись друг другу, а потом тощий привязал веревку мула к кольцу на столбе.

Все трое — дородный, тощий и жилистый — вышли во двор. Несмотря на то, что плечи его друзей были шире, казалось, именно жилистый был кузнецом, потому что он приветствовал компанию с видом хозяина.

— Финч! Ты сделал это! — Он подошел к спешивающимся Финчу и остальным и уже тихо, с тревогой спросил: — Как Спарроу? — а затем перевел дух с облегчением, когда Финч ответил, что его племянник поправляется.

Жилистый парень взглянул на остальных с некоторым удивлением, явно гадая, не клиенты ли они, пришедшие с Тракта.

— Что я могу сделать для вас? Подковы, починка?

Финчу, видимо, только сейчас стало понятно, что четверо чужаков и шесть животных — это многовато для того, чтобы влиться в путешествующую компанию его друзей без знакомства. Он поторопился их представить.

— Это Даг Блуфилд, парень, которому мы обязаны жизнью Спарроу. Он целитель из Стражей Озера, который хочет поехать на север в Олеану и лечить крестьян, а это его жена, Фаун Блуфилд, думаю, вот почему. — Он посмотрел на Фаун и явно решил, что нет необходимости добавлять «Она крестьянка». Фаун присела в маленьком реверансе; трое парней уставились на нее, а потом, спустя мгновение, на Дага с уже привычным удивлением. — А это, гм, друг Дага Аркади Уотербёрч, который собирается поехать с ним, и Барр, гм, как, вы сказали, ваша фамилия?..

— «Барра» вполне хватит, — сказал дозорный, разглядывая с интересом этих почти сверстников-крестьян. Барр, который всегда казался щенком рядом с Дагом, вдруг стал старым псом.

— А это мои друзья, Сейдж Смит, — он указал на жилистого парня, — Эш Теннер, — это был дородный, — и Индиго Эйс. — Это был тощий парень с весьма, несмотря на недавнюю зиму, смуглой кожей, длинным лицом и впечатляющим размерами носом.

В это время женщина спрыгнула на землю из фургона и подошла к группе. Сейдж взял ее за руку.

— А это моя жена, Келла, — представил он ее с застенчивой гордостью. — Индиго ее младший брат.

Последнее едва ли нужно было объяснять. Келла Эйс Смит была на полголовы выше, чем ее молодой муж, такая же высокая и худощавая, как Индиго, с той же теплой кожей, удлинённым лицом и птичьим носом. Черные волосы, едва ли длиннее, чем у ее брата, были коротко подстрижены и ложились красивыми завитками вокруг ее головы. Она не была красавицей, но Фаун подумала, что однажды, когда она перерастет свою юношескую неловкость, она станет изумительной. Фаун затруднилась с предположением о том, сколько ей лет, но подумала, что Келла может быть даже младше ее самой, что было бы приятным разнообразием. Исключая только то, что Индиго, как и прочие мальчишки, был в последних юношеских годах, так что Келла должна была быть старше.

— Как поживаете? — спросила Фаун, приседая в еще одном поклоне. — Рада слышать, что в компании будет еще одна замужняя женщина.

— А все они собираются ехать с нами? — спросила Келла, и ее голос вовсе не был радостным. Она холодно нахмурилась, глядя на такую странную пару, как Даг и Фаун. Индиго тоже тревожно посматривал на них.

— Даг знает Тракт, — сказал Финч. — Он уже ездил вдоль него.

— Это наша повозка, — Сейдж с гордостью указал на фургон, казалось, не замечая неприветливости жены, хотя Даг внимательно смотрел на нее. — Как тебе новая раскраска, Финч? Келла рисовала полоски.

— Здорово! — сказал Финч с восхищением.

— Она красивая, но великовата для Тракта. Как вы ее поведете? — спросил Даг тоном дружественного интереса.

— У нас шестеро хороших мулов, — Сейдж указал большим пальцем через плечо на крепкое животное, которое недавно подковывал. — Они и их упряжь были наследством Келлы. Семья Келлы занимается этим. — Келла скорчила слабую гримаску, но Сейдж продолжил с неустрашимым энтузиазмом: — Все мои инструменты внутри, и моя новая наковальня, которую дал мне отец. Раз у кузнеца есть наковальня, значит он сможет себе сделать все прочие инструменты, чтоб делать любые другие вещи, которые вам нужны.

— Шесть мулов — это здорово, пока вы не переехали Кипящую реку, и пока вам нужно только вытаскивать фургон из ям, — сказал Даг. — Но дальше будет по меньшей мере три длинных перехода по горам, на север от переправы, где понадобится больше, чтобы тащить этот вес. Большинство людей, которые берут фургоны на Тракт, едут группами по двое и трое в этих местах, вытаскивая по одному фургону за раз. — Даг осмотрел животных, стоящих во дворе. — Если вы прицепите двух мулов Финча и двух наших вьючных лошадей, и, может быть, возьмете часть груза себе, то получится. Хотя, тогда вам понадобятся дополнительные пары упряжи.

Сейдж воспринял новую информацию с огромным интересом.

— Как хорошо, что мы узнали об этом! У нас только одна запасная пара. Я попрошу у папы еще одну до того, как мы отправимся.

— Вы собираетесь осваивать новые земли? — Фаун приподнялась на цыпочках и взглянула внутрь фургона на кучу инструментов и вещей, аккуратно сложенных внутри. Сейдж показывал дополнительные преимущества своего фургона, включая сложенные перины; Келла нахмурилась в слабом смущении, но не покраснела. — А вы уже знаете, в какую часть Олеаны вы собираетесь попасть?

— Нет, пахота — это не для меня! С этим обращайтесь к Финчу и Эшу. А я отправляюсь в Трипойнт! — Сейдж ликующе набрал воздуха в грудь: — Откуда идет трипойнтская сталь! Я должен это увидеть.

— Правда? Вы сможете хорошо работать там. — Даг высвободил свою левую руку и повернул крюк, который до этого едва не прятал за спиной. — Пара трипойнтских мастеров сделала это для меня.

— О, в самом деле? Когда? А какую сталь они использовали для этого маленького спирального язычка сзади? Умно... позволяет держать под давлением, да? Маленький, но сильный...

Сейдж был первым человеком, которого Фаун встретила до сих пор (кроме полностью лишившихся дара речи от увечья Дага), который спрашивал о протезе, а не о руке. Дага, она видела, это сильно обрадовало, и они оба пустились в обсуждение о достоинствах трипойнтских мастеров, что угрожало затянуться до тех пор, пока кто-нибудь не начнет падать.

К счастью, женщина постарше появилась из дома и позвала:

— Финч, это ты? Будешь ужинать?

Она оказалась мамой Сейджа, миссис Смит, и это снова вызвало представление всех вокруг. Она казалась ошеломленной тем, что возникло пять дополнительных ртов, которые нужно накормить, за час до еды. Даг спешно вызвался увести свою часть компании вниз по улице в гостиницу. Этому, однако, она твердо воспротивилась, особенно после того, как узнала о Спарроу.

Следующим необходимым па в танце, хотя Даг этого не ожидал, было то, что Фаун присела в реверансе и радостно спросила:

— Как поживаете, мэм? Чем я могу вам помочь?

Это вызвало некоторое одобрение во взгляде и приглашение на кухню вслед за Келлой.

Даг притянул ее к себе и прошептал:

— Ты не должна делать это, Искорка. В гостинице нас накормят, а ты отдохнешь.

Она прошептала в ответ:

— Нет, так лучше. Мы собираемся путешествовать с этими людьми следующие шесть недель. Будет лучше, если я погляжу, откуда они вышли.

Он заколебался, затем кивнул с пониманием. Фаун посмотрела на хаотичный, но небольшой дом:

— Хотя, мы можем взять комнату в гостинице позже. Потому что, я подозреваю, все мальчишки собираются улечься в одеялах на чердаке кузницы. Там будет сухо и бесплатно, но не уединенно.

Его губы изогнулись.

— Точно, Искорка. — Он отпустил ее и повернулся обратно к мужчинам, чтоб помочь с кормом и постелями для четвероногих гостей.

Кухня оказалась оборудована железной плитой вроде той, которую Фаун захотела еще на реке Грейс — не доставленная с севера, а домашняя имитация, подаренная Папой Смитом жене после того, как он увидел настоящую в Греймауте. К тому времени, как Фаун были показаны все ее тонкости, она наохалась над ней и уверила маму Смит, что плита так же хороша, как любая трипойнтская работа, лед был на верном пути к тому, чтобы быть сломанным, или, по меньшей мере, подтаявшим.

Но на кухне также прятались незамужняя дочь и две неожиданные невестки, жены старших братьев Сейджа, мальчиков, которым было назначено стать следующим поколением кузнецов Крокодилей Шляпы. Шестеро женщин на одной кухне были, несомненно, слишком большим числом. Как гость, Фаун заняла нижнее место в списке рабочих задач, сместив Келлу, которая была там три недели, неожиданно высоко. Высокая, неуклюжая Келла казалась больше напряженной, чем благодарной.

Мама Смит, ее дочь и обе невестки также выказывали несомненную холодность по отношению к Келле, что удивило Фаун. По правде, в этом доме уже было слишком много женщин, не упоминая Смитов в кузне, но Келла, казалось, сделала многое в поддержку своего юного мужа и его поездки на север. Фаун полагала, что свекровь Келлы должно было бы это смягчить, так как она явно любила младшего сына. Но думам Фаун пришлось подождать, пока они накормят, в конце концов, пятнадцать взрослых и двоих детей в кухне и столовой и переместятся в комнату. И потом начнется мытье посуды.

Даг выскользнул наружу до ужина, чтоб договориться об их комнате в гостинице, так что смог освободить Маму Смит от дилеммы, каких членов семьи куда переместить в ее перегруженном доме, чтоб разместить неожиданных женатых гостей. Как Фаун и предполагала, Финчу, Барру и Аркади было предложено холостяцкое пространство рядом с Эшем и Индиго на чердаке кузни, хотя Фаун заметила, что Мама Смит сомневалась насчет Аркади.

Барр оживил ужин, рассказывая некоторые из своих речных анекдотов, что помягче, когда ему предоставлялось слово. Фаун говорила теплые слова об Олеане. Даг позволил Финчу описать его историю со Спарроу; это сделало его смущенный вид мудрым и загадочным.

Аркади не сказал вообще ничего. Фаун не думала, что любой дом вызывает у него хорошо скрываемый ужас, но чопорная гордость Стража Озера была почти так же хороша. Она гадала, был ли он когда-нибудь раньше внутри крестьянского дома до сегодняшнего вечера. Барр помог ему расстелить постель на чердаке.

Фаун помахала на прощанье в густеющую темноту и позволила Дагу проводить ее через площадь.

Комната в гостинице оказалась маленькой, но милой, чистой и замечательно тихой. Даг гарантировал отсутствие клопов. Фаун обняла мужа за эту новость, а потом с усталым вздохом уложила голову ему на грудь.

— С тобой все хорошо? — спросил он, поглаживая ее волосы. — Это был длинный день для тебя.

— Много нового. Нет, я в порядке. Хотя, продолжаю думать, что происходит с

Сейджем и Келлой. Он мне понравился, но она холодна как рыба. И его семья ее не любит. Но мне никто не изливал чувств. Обычно в такой большой семье есть хотя бы один человек, который расскажет все их жалобы кому угодно, кто согласится слушать. Их просто не заткнуть.

Дак поколебался.

— Как, разве ты не поняла?

— Не поняла что?

— Келла и ее брат оба полукровки.

Рука Фаун без ее желания скользнула на живот, раскинув пальцы в защитном жесте.

— Нет, — сказала она медленно. — Я этого не понимала.

Глава 13

При утреннем отъезде из кузницы было даже больше суеты, чем предыдущим днем. Когда Даг подтянул подпругу во второй... нет, в третий раз и запрыгнул в седло Копперхеда, ловко увернувшись от приветственного лягания, он обнаружил, что его старая привычка командира дозорных проверять Дар всех людей, животных и снаряжения в пределах досягаемости никуда не делась. Результат был ободряющим: молодые, здоровые и целые — в итоге. Ну, с парой исключений в том, что касается молодых, — например, Копперхед. Но с передвижной кузницей и передвижным шатром целителей, вместе с людьми, которые знали как с этим управляться, компания Дага была гораздо лучше подготовлена к пути на Тракте, чем большинство путешественников.

«Моя компания? В самом деле?» К слову о привычках. Потому что, честно говоря, он был уверен, что Сейдж думает о ней, как о своей, и так же Финч, и, из всего, что Даг знал, Эш чувствовал то же самое. Аркади был единственным достоверным исключением. Несмотря на суровые замечания Дага о самоуверенности, Барру, молчаливому конспиратору, удалось добиться того, что Аркади и все его снаряжение было погружено за нужное время, не давая ему повода ни вернуться в Новолуние в панике, ни тащиться в надежде на парламентаров от лагеря.

Вся семья Смитов собралась на улице, чтобы проводить своего младшего сына в его новую жизнь на пугающем севере, с множеством маленьких подарков, закидываемых в фургон в последний момент. Еще пара людей пришла от семьи Эшей. Из-за толпы прошло некоторое время, пока Даг понял, что не было никого, кто провожал бы Келлу и Индиго. Для этого могло быть полдюжины причин, начиная с той, что они могли попрощаться раньше, как Финч. Но разум Дага все равно подметил это вместе с шестью мулами, фургоном, семью всадниками и четырьмя вьючными животными, выезжающими на Тракт и поворачивающими на север.

К счастью, был еще один сухой день. Тракт здесь содержался в хорошем состоянии жителями деревни, которые жили от его щедрот. Глубокие ручьи были забраны крепкими мостами, а мелкие — бродами, которые были почти как мостовые.

Даже грязные лужи сегодня были несерьезными и всего лишь весело хлюпали, а не устраивали ловушек в метр глубиной для колес фургона. Выспавшись, Фаун ехала на Мэгпи с высоко поднятой головой, разглядывая все вокруг. Не ведая, как усердно мерцает в ее животе кусочек яркого Дара, являя собой мастерство высшего разряда. Сейчас в этом была настоящая магия, магия мира.

Через час караван выстроился и вошел в ритм дороги. Путь здесь был широким и прямым. Даг использовал шанс ехать бок-о-бок с Финчем, по пятам за которым шли его вьючные мулы. Фаун с любопытством посмотрела на Дага и пристроилась с другой стороны от Финча. Финч дружелюбно улыбнулся им обоим, упрощая Дагу начало беседы:

— Давно знаешь Сейджа?

— О, годы. Кузница его отца был ближайшей крупной для нас, так что мы отправлялись туда каждые пару месяцев чинить что-то, делать особенные подковы и прочее

такое. Обычно оставались на ночь в Крокодилей Шляпе. И мы мальчишками играли вместе, пока работа делалась. Когда стали постарше, его отец и старшие братья позволили нам вместе работать рядом с ними. Они меня многому научили, — Финч издал ностальгический вздох.

— А Эша?

— Он больше друг Сейджа, чем мой. Живет недалеко от Шляпы. У его семьи небольшой надел под ферму, так что он всегда знал, что ему надо будет искать другой путь. Годами говорил о севере.

— А Келлу и Индиго?

Фаун посмотрела на него через луку седла Финча, сознавая, в отличие от Финча, причину нового резкого интереса Дага к полукровкам. И ее. Даг почти что видел, как она наострила уши.

— Они были соседями Сейджа, когда были моложе. Их семья владела магазином упряжи на площади.

Даг тщательно обдумал свой следующий вопрос. Было ли происхождение Келлы и Индиго известно в их деревне? Полукровки были не в обычае Стражей Озера.

Любой ребенок, рожденный женщиной из Стражей Озера, был полноправным членом ее шатра вне зависимости от того, были ли они с отцом связаны узами или нет. И в случае, если Страж Озера — отец, напомнил себе Даг. Крестьяне уделяли большее значение отцовству, связывая его с наследством. Если эти брат с сестрой были тайным подарком какого-то проезжего дозорного, Даг не хотел быть первым, кто взорвет их жизнь этой вестью. В конце концов он сказал:

— Расскажи мне об их родителях?

Брови Фаун изогнулись; она кивнула ему с одобрением. Он явно сделал это правильно, отлично.

— О, да, вас должно было это заинтересовать, не так ли? — сказал Финч жизнерадостно. — Их отец был Страж Озера, мастер из Мшистой Реки. Он ушел из лагеря, чтоб жениться на их маме и взял ее крестьянское имя так же, как вы взяли имя Фаун. Забавно. Я не уверен в том, как они познакомились; думаю, это что-то связанное с их торговлей.

Даг немного расслабился.

Фаун спросила:

— А что случилось с ними? Они не пришли проводить их сегодня утром, верно?

— О, нет. Восемь или десять лет назад в Крокодилей Шляпе была самая жуткая вспышка желтой лихорадки — они до сих пор называют ее «летом лихорадки». Вся семья Индиго слегла тогда. Его мама и маленькая сестра умерли, но Индиго, Келла и их отец выздоровели.

Глаза Фаун расширились:

— О, Боже. — Она видела юг в его самый идиллический сезон. Даг был настолько же рад тому, что она не подвергнется лету полной силы, когда жара падает вниз как молот, и ты едва не задыхаешься от влажности воздуха, а москиты патрулируют облаками почти настолько же плотно, как в северных болотах Лутлии, и это длится месяцами. И смертельные лихорадки полудюжины видов неумеренно свирепствуют вплоть до первых заморозков.

— А что было потом?

— Ну, их отец долго приходил в себя и был очень несчастлив. Магазин упряжи прогорел.

«От потери работы рук его жены? Или от разбитого сердца дома? И его хозяина, может быть.» Дагу стало тревожно. Пока его работа с Даром могла помочь Фаун в некоторых жутких болезнях, он никогда не представлял себе, что может сам смертельно заболеть одновременно.

— В конце концов, он оставил Келлу и Индиго с сестрой жены и вернулся к своему народу в лагерь на Мшистой Реке.

— Бросил детей? — спросила Фаун негодуя.

— Нет, в самом деле нет. Он приезжал и привозил лошадей их тети и дяди и шкуры пару раз в год и другие подарки для них — деньги, когда они у него были. Индиго и Келла были достаточно счастливы на ее ферме, когда были моложе, полагаю.

Даг с неудовольствием вспомнил историю предателя Крейна. Если бы Крейн имел более сговорчивую свояченицу — или более сговорчивый лагерь — могли бы его постигнуть менее разрушительная судьба? Была ли это проблема жесткости севера или собственного хаоса Крейна? Или и того, и другого?

Фаун взглянула за плечо на фургон, катящийся сзади, может быть, в двадцати шагах с Сейджем и Келлой внутри. Индиго ехал рядом. Сейчас вне пределов слышимости.

— А когда они стали постарше? — спросила она.

— До последнего времени все было хорошо. — Губы Финча сжались. — До последнего года или около того. А потом начались обвинения. Я об этом много не думал. Я хочу сказать, Индиго ладит с животными, но ведь многие ладят. Хотя, Келла приняла это близко к сердцу, по словам Индиго.

— Обвинения в чем? — спросила Фаун.

— Э-э... — Финч посмотрел искоса на Дага. — В колдовстве Стражей Озера. Или в их силе, что ли. Индиго много дрался из-за этого. И потом, конечно, если что-то плохое случилось, ну просто не повезло людям, с которыми он задибался, или которые с ним задирались, то были подозрения, что это не просто так, а Келла что-то сделала, и Индиго опять лез в драку. Защищая сестру.

— Ой, мама, — сказала Фаун.

— В общем, стало так плохо, что их тетя заставила их отца взять их на Мшистую Реку для вроде как проверки. Наверное, им бы разрешили быть Стражами Озера, если бы они ее прошли — в чем бы она не заключалась, но они не прошли ее, и лагерь отправил их обратно. Вы могли бы думать, что слухи на этом кончатся, но не тут-то было.

— Люди... — вздохнула Фаун.

— Проверки? — спросил Даг.

— На магию Стражей Озера, наверное. Плетение чего-то, ну для меня это не звучало как слишком колдовское. Я этого не понимал, когда Индиго пытался объяснить. Не уверен, что он сам понимает.

— Как ты думаешь, плетение свадебной тесьмы? — спросила Фаун у Дага, дотрагиваясь до своей.

— Может быть...

— Плохо, что они не знают о... не важно. А что потом?

— Ну, повезло, что этой весной Сейдж влюбился в Келлу, и все начало складываться. Я слегка удивился, когда она в него влюбилась — она ведь старше на четыре или пять лет. В основном девчонки постарше глядят на тебя как будто ты мучной жук у них в тесте. — Раздался отчетливый вздох. — В общем, Индиго решил, что надо ехать на север, где им не нужно будет каждому рассказывать про их отца Стража Озера, так что больше не будет причин для того, чтоб причинять им неприятности.

Даг обдумал этот план. Он показался ему излишне оптимистичным. Конечно, крестьяне не смогут сказать, что пара является полукровками, но большинство Стражей Озера узнает об этом с первого взгляда на их Дар. А они, конечно, иногда будут встречать Стражей Озера. Но сейчас он сказал всего лишь «М-м...» Фаун сказала осторожно:

— Мне показалось, что семья Сейджа несколько настроена против Келлы. Это из-за ее возраста?

— Не настолько она старше. И много других таких же бедных девчонок вокруг Крокодилей Шляпы. У одной из невесток Сейджа вообще нет наследства. Я думаю, кто-то из его семьи верит тем глупым слухам, хотя по правде, если бы у Келлы были эти силы, так лучше иметь их на своей стороне.

Он не отрицал семейную холодность, отметил Даг. Костяк истории вырисовывался

четко. Всего лишь с одним пропавшим звеном, но это будет легко проверить сейчас, когда Даг знал куда смотреть.

— Что ж, — сказала Фаун, — надеюсь, у них все получится.

«Искренне».

Махнув Фаун продолжать дружескую беседу с Финчем, Даг отправил Копперхеда назад, пока тот не оказался сбоку от фургона. Он слегка поклонился Сейджу, который правил, и дотронулся до лба, смотря на Келлу и Индиго, едущему по другую сторону.

— Прекрасное утро для начала пути.

Сейдж кивнул и дружелюбно ответил:

— Я решил, что это хороший знак.

Келла села прямо и повернула голову к Дагу, наблюдая за ним с таким видом, будто боялась, что тот спрыгнет с Копперхеда и нападет на нее. Даг вспомнил о своем росте, крюке и главном — как там Аркади говорил? — виде голодного бродяги. Ему и в самом деле нужна Фаун рядом, чтоб выглядеть прирученным. Хотя Келла должна гораздо более привыкнуть к Стражам Озера, чем обычная крестьянская девушка. Ее тревога была чем-то более обычным.

Даг слегка улыбнулся им всем и открыл Дар. «Конечно». Дар Сейджа был усеян плохо сформированными уговариваниями, поблекшими, как будто впитавшимися со временем. Однако, тот не выказывал признаков заколдовывания.

«Интересно».

Внимание Келлы обострилось, так же как и Индиго. Оба явственно обладали остаточным чувством Дара, чувство Келлы было заметно сильнее. Скорее не двойное видение мира, которое мог призвать полнокровный Страж Озера, не переливающиеся светом тени, более плотные и честные, чем формы, которые их отбрасывают. Но точно то, что Даг внезапно стал гораздо лучше чувствоваться для них, когда открылся. Понимают ли они, почему? Это точно не должно быть для них ново.

— Что? — спросила Келла резко, сузив глаза. Напряжение дрожало в ее натянутом Даре, как шум от плохо настроенной скрипки. Индиго был менее напряжен, но встревожен.

Может, Фаун сможет помочь Дагу разгадать эту девочку-полукровку? Ведь они обе молодые женщины. Даг почесал затылок для вдохновения и сказал:

— Я вот о чем подумал, Сейдж. Так получилось, что моя жена беременна, частично поэтому мы едем домой именно сейчас. Она пока чувствует себя хорошо, но сильно устает после полудня. Я думаю, ей было бы полегче, если бы она могла прилечь в вашем фургоне, позже, когда поездка начнет ее утомлять.

Лицо Келлы почти что кричало «Нет!», но до того, как она заговорила, Сейдж сказал радостно:

— О, конечно! Мы будем счастливы ей помочь. Она такая маленькая, веса добавит не больше, чем тюк с пером.

— Спасибо вам огромное! Дам ей знать. — Даг сдернул поводья с крюка и поднял левую руку как бы в знак благодарности.

Следом он выпустил на свободу призрачную руку и расширил ее как сеть, пропуская ее через затылок Сейджа, распыляя в ничто истрепанные уговаривания и принимая слабые ответные всплески Дара. Сейдж просто улыбался ему, моргая.

Келла выглядела обеспокоенной, но глубоко неуверенной.

«Как я и думал. Хорошо.» Даг продолжил:

— Ребята, если есть что-то, что я могу для вас сделать — что угодно, — его взгляд сверлил Келлу, — не стесняйтесь спросить. Я помогал обучать толпу юных дозорных примерно ваших лет. Мало такого, чего я раньше не видел.

Если Келла пыталась управлять рудиментарной силой Дара, — явственно казалось, что так оно и есть, — ей понадобится любая помощь, которую она сможет получить.

Проклятье, только она должна была получить помощь раньше. О чем думал ее отец-мастер? Разве что она была поздним цветочком — как Даг — выброшенным, потому что кто-то не разглядел его вовремя?

Но, для начала, она мне не доверяет. Что, вообще-то, не должно было происходить в их первый час знакомства. «Спокойствие, Даг». У них есть недели, совсем как в новом дозоре. Он кивнул и дернул поводьями, направляя Копперхеда прочь.

Аркади и Барр ехали следом за их багажом на достаточном расстоянии, чтобы не попадать под комья грязи, летящие от фургона. По взмаху Барра Даг присоединился к ним.

Аркади спросил, нахмурившись:

— Что это вы делали своим Даром?

— Просто немного прибрался. Вычистил некоторую старую работу из Сейджа. Она бы сама растворилась еще через несколько недель, но я хотел посмотреть что это было.

— Этот мальчик со столбняком... теперь поговорим об этом... ваш Дар, похоже, вернулся обратно в плохое состояние, в котором пребывал раньше.

Даг пожал плечами.

— Боюсь, что так. Не делать ничего — это в наших условиях недостаточно хороший план. Нам нужно попробовать что-то другое.

— Что?

— Я надеялся, вы что-нибудь придумаете, раз у вас стало больше жвачки пожевать. Вы ведь превосходный настройщик Дара. Или нет?

Аркади посмотрел на него со смесью удовольствия и раздражения:

— Не надо применять на мне эти учебные фокусы. Я их изобрел.

— Ну, тогда... — Губы Дага изогнулись в надежде. Два дня без новых проблем, и Аркади уже становится нетерпеливым. Дагу всего лишь нужно передвигать его на север и ждать.

Барр, явно мучимый раздражающим видением Аркади в роли коровы, сказал Дагу:

— Так что ты делал Даром?

— А, — сказал Даг. — Это может повлиять на то, что Аркади называет работой в шатре целителей. То есть, если я тебе объясню, это для помощи кому-нибудь, а не для болтовни.

Барр задумался над этим.

— Звучит так, что ты меня вздуешь, если я буду болтать об этом?

— Звучит так, что ты не будешь болтать об этом. Некоторое время.

Барр раскрыл руки в знак согласия и вернул их обратно на бедра.

— Думаю, Келла пыталась уговорить или заколдовать своего любимого Сейджа, — сказал Даг. — И у нее не получилось, насколько я могу сказать.

— Уговорить его на что? — спросил Барр.

— Похоже, на то, что крестьяне назвали бы любовной магией.

Аркади фыркнул:

— Бессмысленно. Мальчик влюблен в нее.

— Гадаю, понимала ли она это? — Даг вспомнил Фаун в то время, когда впервые встретил ее, загроможденную отчаянными сомнениями. Как могли все те молодые женщины не знать, как прекрасны они были? — Я пока не вижу ясно свой путь, но предполагаю, что если ждать и наблюдать, то все это само упадет ко мне в руки. В то же время у нас тут двое мальцов с более чем проблесками Дара, и нет никого, чтоб проинструктировать их как с ним управляться. Они кажутся... — он взглянул на Аркади и подобрал слово, — поврежденными.

— О? — сказал Аркади, выпрямляясь в седле.

«Зацепил!» Даг повторил рассказ Финча, более или менее, о двух полукровках,двигающихся ощупью между мирами и не находящих ясного пути. Или пути были преднамеренно заблокированы? Любопытство Дага возросло.

Барр сказал озадаченно:

— Но ведь ты встретил их только вчера, Даг. Мы им даже не нравимся. Почему ты вообще задумался о них? — Одинаковые взгляды Дага и Аркади скрестились на его голове, когда он продолжил: — О! Беременность Фаун. Конечно, вы сейчас изучаете полукровок.

Даг набрал воздуха в грудь:

— Поэтому тоже. Но помнишь ли ты время, когда я встретил тебя и Ремо? Почему я задумался о вас двоих?

— Не знаю, — сказал Барр. Вспомнив, он взглянул назад через плечо на пустую дорогу, где, к его явному разочарованию, не было нагоняющего их галопирующего своенравного напарника. — Я... не знаю. — Он обратился взглядом за помощью к Аркади, но тот лишь пожал плечами. — Я также не знаю, как это назвать. Но это трогает сердце и говорит о настоящем мастерстве. Говорю вам точно, что вы не заманили бы меня на эту сумасшедшую дорогу только потому, что Даг может фокусничать.

Даг отсалютовал ему по справедливости — ради взвешенного кивка Аркади, — а затем повернул Копперхеда, чтоб догнать Фаун.

* * *

Фаун обрадовалась приглашению вздремнуть в фургоне, и едва ли ей нужна была подсказка Дага попробовать подружиться с Келлой. Но Тракт так очаровал ее, что она оставалась верхом на Мэгпи всю вторую половину дня.

Ландшафт оставался одинаковым с самого Греймаута — уже более пятидесяти миль позади — последовательность болот, лесов, лесов в болотах, расчищенных полей на возвышенностях и небольших деревень.

Хорошая погода вызвала не только местное движение — крестьянских фургонов и всадников и вьючных мулов — но и активность дорожных команд. Они проезжали мимо больших групп мужчин и мальчиков, разгребающих курганы грязи с обочины, чтоб поднять верхнюю часть над влажной землей, или наполняющих низины вагонами гравия. Казалось, для каждой деревни было делом чести поддерживать знаменитую дорогу в своих окрестностях; Фаун научилась определять сомнительные границы между поселениями по колеям.

Во время полуденного отдыха мимо них прошел караван, о котором Фаун подумала, что это и есть настоящее движение по Тракту. В нем было около сорока движущихся на север мулов, тяжело груженных ящиками с ценным черным чаем. У каждого трех животных прохаживался отдельный погонщик. Грубый вид этих ребят встревожил бы ее до ее поездки на реку, но теперь она видела, что это всего лишь бывшие команды барж, отрабатывающие путь домой. Они разглядывали яркий фургон и ее с Келлой, но не отпускали грубых смешков и прочего такого. Индиго пожаловался, что караван захватит лучшие места для ночевки, а его животные съедят всю весеннюю траву и оставят кучу болезней мулов со страшными названиями на своем вытоптанном пути, но Сейдж дружелюбным тоном заявил, что их компания найдет другие места для стоянок.

Некоторые фермы по краям дороги сдавали для этой цели огороженные пастбища на ночь за плату. С семнадцатью животными на руках, которых надо было кормить, это было искушением, несмотря на по-юношески тонкие кошельки, хотя женская часть семьи Смитов наготовила им достаточно еды для людей, чтобы никто не готовил в первые три дня. Но прямо перед закатом они вышли на открытый луг вдоль русла реки, за который никто вроде бы не спрашивал платы и не объединенный предыдущими визитерами, так что они остались здесь.

Над спокойным, коричневатым каналом нависали увитые плющом кипарисы. Вода была мутной, с загадочными тенями и птичьими голосами вокруг, и Фаун была благодарна тому, что Стражи Озера устроили дозор против аллигаторов перед сном. Они вспугнули лишь семью засуетившихся животных, которые выглядели как нежелательные потомки опоссума с черепахой. Обвиненный Даг отрицал, что древние или настоящие Стражи Озера что либо делали бы с бронированными опоссумами. Когда мальчишки тыкали в них палкой, те сворачивались как мокрицы, вызывая краткий приступ спонтанной игры в мяч, пока животные не разворачивались и не убегали резво в негодовании.

Отупев от усталости, Фаун упала в их одеяла, радуясь возможности узнать, как звучат

ночные песни пересмешника изнутри объятий Дага; следующее, что она ощутила, был утренний свет, щекотавший ее веки.

Начало этого дня было более быстрым, но не таким ярким. Ее тело не было совсем уж одеревеневшим, когда она взбиралась на лошадь снова; Аркади скрипел больше, но так холодно поглядывал на прочих, что они удержались от комментариев. Даг и Барр повторили движения друг друга в серии потягиваний дозорных с аккомпаниментом грубой рифмованной речевки, которая заставила их обоих рассмеяться, зато позволила им запрыгнуть на скакунов без стонов. Индиго смотрел с удовольствием, помогая Сейджу запрягать мулов. Когда он разговаривал с животными, убеждая, умасливая и нахваливая их, Фаун почти что могла представить, что те ему отвечают, или хотя бы подают сигналы своими длинными мягкими ушами. Это не было похоже на обескураживающий эффект, производимый Дагом на мышей — к счастью, так как быть преследуемым полудюжиной мулов в трансе довольно странно — но она вспомнила об этом.

Уже после полудня все очарование Тракта не смогло удержать ее в седле. Она залезла в теплую и скрипящую тень под холщовой крышей фургона со стоном благодарности и не просыпалась до тех пор, пока свет солнца не стал золотым. Во рту был такой вкус, будто она жевала хлопок, но по крайней мере ее конечностям больше не казалось, что они сейчас отвалятся. Вспомнив поручение обзаводиться друзьями, она прошла в переднюю часть фургона. Келла застыла при ее приветствии, но Сейдж услужливо подвинулся, чтоб она смогла присесть с другой стороны.

— Долгая дорога в Трипойнт, — приглашающе заметила Фаун, разглядывая спины запряженных мулов. Ей понравилось, как их уши прядали; это было похоже на то, как покачиваются ветви, когда они быстро проезжают мимо них.

— Да, — согласился Сейдж. — Хотя пока что мы взяли неплохой темп. Если мы сможем его сохранить, то через неделю окажемся в Пустоши, или может через две — сразу после парома на Кипящей реке. А она будет примерно на полдороге, как мне сказали.

Пустошью, как Даг объяснял Фаун, был язык древней скверны в двести миль шириной. Скверна расползлась на восток от Западных Уровней и надолго отделила север от юга. На большую часть тысячелетия единственный путь через нее был в обход, либо вниз по Серой реке, либо вверх на западных морских кораблях. Она стала безопасной для перехода всего лишь несколько сотен лет назад. Злые не рождались на старой скверне, так что Стражи Озера не патрулировали здесь, а крестьяне не пытались вырастить жизнь на ее по-прежнему бесплодной земле. Без лагеря или деревенских рынков люди, пересекающие ее, должны были брать все с собой. Слухи населяли этот район бандитами, которые, как предположила Фаун, появились при отсутствии дозоров.

— Я видела кусочек Пустоши, когда мы плыли мимо нее вниз по Серой на «Надежде», — сказала Фаун. — Пустынная страна, вся песчаная и плоская, и там совсем нет речных городков. Там испытываешь напряжение, но было и облегчение, когда мы проплыли ее и снова увидели зеленую траву.

Это вызвало у Сейджа поток заинтересованных вопросов об их речном путешествии. Конечно, тут же обнаружилась их встреча с ужасными речными бандитами, обосновавшимися на Кривом Локте, но Фаун не слишком уделила этому внимания, больше рассказывая о мечте Дага излечить раскол между ее и его народами. Она думала, что его образ целителя из Стражей Озера, лечащего крестьян, заинтересует Келлу, но молодая женщина продолжала упорно молчать.

Фаун испробовала более прямой соблазн, рассказав, как Даг, она, Хог и Ремо раскусили расколдовывание в тот запомнившийся день на Грейс.

— Это не было чем-то таким, что Страж Озера или крестьянин смогут понять в отдельности. Оно потребовало нас всех, работающих вместе.

И тогда, наконец, от Келлы прозвучал вопрос:

— Твой муж может заколдовывать людей?

— Он может — мог в те дни — не заканчивать работу Даром. У Аркади получалось

еще лучше.

Новость не развеселила Келлу; более того, она выглядела... напуганной?

Фаун никак не могла понять, как девушка, у которой отец — мастер Стражей Озера, может бояться работы с Даром.

— Разве ты никогда не наблюдала, как работает твой папа?

Келла пожалала плечами.

— Я была ребенком. Не могу сказать, чтоб он делал что-то еще, кроме того, что шил кожу.

«О. Верно.» Чувство Дара не развивалось, пока человек не выросстал хотя бы наполовину, и Келла едва ли выросла настолько, когда умерла ее мама и отец оставил ее с родственниками-крестьянами.

Келла добавила спустя мгновение странным тоскующим тоном:

— Хотя, люди всегда хотели купить его работу. Упряжь, седла, уздечки... Они были простые, но почему-то очень красивые. И никогда не ломались. — Она выпрямилась, сжав зубы, будто сожалея о том, что позволила вырваться добрым воспоминаниям.

— Я это помню, — сказал Сейдж.

Еще некоторое время Фаун говорила с Сейджем — но не с Келлой, — заставляя его вспоминать детство в Крокодильей Шляпе, а взамен предложила ему рассказ о Вест-Блу. Затем прискакал рысью Индиго, разведывавший обстановку впереди и уверяющий, что приметил одно из арендуемых пастбищ, слишком хорошее и дешевое, чтобы проходить мимо. Прибыв на место, каждый согласился с ним, и они остановились здесь на ночь.

Сейдж поставил фургон под пекановыми деревьями, которые только начинали покрываться листьями, с видом сверху на искрящийся ручей, слишком мелкий для аллигаторов. Фаун это понравилось. Сейдж отправился найти ферму и заплатить, и Фаун следом за Келлой спустилась на землю, радуясь тому, что она не качается под ногами. На мгновение они оказались лицом к лицу, и Фаун мило улыбнулась.

— Почему вы продолжаете меня беспокоить? — спросила Келла сквозь зубы.

— Мне нравится иметь друзей. У нас долгая дорога впереди. — Почему Фаун чувствовала что-то вроде материнской заботы по отношению к девушке на пять или шесть лет старше ее самой было трудно объяснить, но это было так. «А может не так уж и трудно». — Кажется, у меня появился новый интерес делать полукровок счастливой.

— Если вы действительно хотите, чтобы счастья было больше, не рожайте полукровок, — отрезала Келла и ушла прочь.

Фаун заморгала, несколько обескураженная. «Нехорошо вышло».

«Пока. Продолжай пробовать.»

Она отправилась к менее раздражительному Индиго, который начал распрягать мулов, мысленно расхваливая его заботу о животных.

* * *

Когда стало темно, Даг обошел пастбище по периметру чисто по привычке дозорного, но не ощутил никакой опасности на милю вокруг в любом направлении. Он побрел обратно к ручью и остановился у скалы, слушая журчание воды и чавканье мулов. Появился Копперхед и дотронулся губами до его волос, и Даг потратил мгновение, чтобы отпечатать в мерине еще раз мысль о том, что сегодня ночью не будет случайных нападений на его товарищей по пастбищу. Мэгпи, будучи более женственной, в таких уговорах не нуждалась.

Две лошади побрели прочь вниз по течению в поиске травы послаще.

Дага стало беспокоить, более или менее, что за ним по пятам кто-то шел. Тонкая фигура появилась из теней так же осторожно, как охотник, выслеживающий медведя или рысь или другое опасное животное, которое может повернуться и напасть. Он сел тихо и стал ждать.

Спустя долгое время хриплый голос Келлы спросил:

— Что вы хотите?

— Извини?.. — спросил Даг.

— Что вы хотите такое, что вы могли бы принять за то, чтоб уйти и оставить меня в покое?

Брови Дага изогнулись.

— Госпожа Смит, я искренне не понимаю вопроса.

— Не издевайтесь надо мной! — Ее голос был резким, но с дрожью в конце.

Он считал, что год совместной жизни с Фаун должен был сделать его более разбирающимся в женщинах. Он уже мог сказать, что это один из тех самых разговоров.

— Мэм, я не издеваюсь над вами. Я принял бы как честь помочь вам. И вашему брату, хотя явно, что в чувстве Дара вы одарены более. Кто-то для этого должен взять вас в свои руки.

— Нам не нужна помощь. Нам не нужны Стражи Озера. — Ее голос стал тише и, если это было возможно, злее. — Мы не нужны Стражам Озера.

— Может быть, не на Мшистой Реке, но не все Стражи Озера думают подобным образом. Что был за тест, о котором говорил Финч — вплетение вашего Дара в шнур?

— Вы о чем?

— Вы должны были его пройти.

Ее голос стал еще тише.

— Индиго не прошел. Так что и я не стала.

Брови Дага приподнялись.

— Вы намеренно провалились?

— Они бы разделили нас. Оставили меня и выбросили бы Индиго прочь. Кто угодно еще оставили бы нас вместе, так или иначе. Я не собиралась проделывать это с ним снова.

— И чья идея была отправиться на север? Ваша, его или?..

— Мальчишки всегда говорили об этом. Но это был только разговор. После Мшистой реки я хотела уйти от всего очень сильно, но ехать самим было слишком опасно. У меня достаточно магии, чтобы нацелить нас, но не защитить. Мы должны были обзавестись остальными, должны.

— Мысль кажется мне разумной, — сказал Даг осторожно.

— Пожалуйста... — ее голос надломился. — Не забирайте их у нас.

Даг держал свой Дар широко открытым в надежде, что она может почувствовать, что он не лжет.

— Вы говорите о ваших попытках уговорить Сейджа?

— Вы их почувствовали? — Резкий всхлип. — Не трогайте их, вы!.. Я дам вам... не знаю что... У меня не много денег, но немного могу вам дать.

— Отсутствующие боги, я не хочу ваших денег!

Длинная пауза.

— Кроме них у меня есть только одно. — И из хруста плеч можно было заключить, что это не то, в чем она была бы рада принять участие, не с ним.

Даг вскочил, ошеломленный и более чем немного обиженный:

— Отсутствующие боги! Нет. Знаете ли, ты достаточно молода, чтоб быть моей дочерью.

— Так же как и ваша жена. — Хрупкая пауза. — А, чистокровные... Вы ведь, должно быть, старше, чем выглядите. Тогда внучкой.

— Сейчас ты заходишь самую малость далеко! — Он не знал, ужасаться ему или смеяться.

Келла стояла, выпрямившись.

— А может, это у вас такая одержимость. Молоденькие женщины.

Даг сказал строго:

— Фаун и я — это долгая история, о которой вы сможете узнать больше, если будете слушать, а промеж тем не надо болтать несведущую чепуху. Фаун заслужила каждую

частицу верности, которую я к ней питаю. — Его голос замедлился. — Так что у нас происходит честный обмен.

Келла вздрогнула. И все, наконец, стало на свои места. «О боги, какой же я тупой».

— Я так понял, что вы считаете, что заколдовали юного Сейджа, чтобы он женился на вас и забрал вас с братом на север?

— Вы знаете, что я это сделала, Страж Озера. Его семья это подозревает. Его сестра сказала мне в лицо, что Сейдж без того не посмотрел бы дважды на такую кучу костей с лошадиной мордой.

Даг начал говорить, заколебался и переменял порядок:

— А вы думаете, ваши заклинания еще держатся? Он не переменялся к вам за последние пару дней? — Это был безопасный вопрос, и ответом на него были два счастливых Дара в пуховой перине прошлой ночью вместе со слабым, но различимым скрипом фургона, который их скрывал.

— Конечно, держатся. Или он уже выкинул бы меня.

— Так вот и нет. Если бы вы были обучены так, как должно, вы бы знали, что такой род уговаривания впитывается со временем и должен обновляться, чтобы продолжать работать. Ваша работа Даром ослабла недели назад. В любом случае, я вычистил остатки из Сейджа вчера утром.

Слабый вскрик, всхлипы. Она дрожала как молодая лошадка, которая собирается понести.

— Спокойно! — Даг использовал свой старый командирский тон; она застыла. — Выпрямись, девочка, и подумай головой, с которой родилась. Я не утверждал, что твое начальное уговаривание не заставило Сейджа посмотреть на тебя второй раз, потому что я думаю, так оно и было. Но то, что он увидел, заставило его остаться. Он любит тебя не потому, что ты его заколдовала, — голос Дага смягчился. — Он любит тебя потому, что тебя есть за что любить.

Доброта едва не сломала ее так, как жесткость никогда бы не смогла; и снова Даг вспомнил Фаун. Слезы прорвались в ее всхлипы, но она успокоила дыханием. И слушала; боги, сейчас она слушала всем своим сердцем. Вот он, твой шанс, старый дозорный; вперед и будь осторожен.

— Говоря больше, — продолжил он, — Сейдж никогда даже частично не был тобой заколдован. По той же причине, почему моя работа с Даром не заколдовывает Фаун. Твое сердце полностью ему открыто, так что оба ваших Дара текут свободно в обе стороны, и он никогда не подавится дисбалансом.

Так что, раз он любит тебя и раз тебе он тоже нравится достаточно сильно, — и оба ваших Дара доказывают это — нет причины по всем огромном мире, по которой вам нельзя быть вместе так же замечательно или лучше, чем любой другой женатой паре. Ты могла поместить уговаривания в любого другого юношу в Крокодильей Шляпе. Ты выбрала хорошо, когда выбрала Сейджа. Думаю, ты это знаешь.

— О!..

— Хотя, ты можешь позаботиться о том, чтоб разрядить атмосферу признанием. Тогда вам обоим будет проще, и не нужно будет хранить этот бесполезный секрет. И это выправит твой Дар для следующих уроков по работе с Даром.

— Он меня возненавидит!

— Ну... — Даг картинно почесал затылок, — я не хочу сказать, что он не будет малость расстроен, но он ведь знал о твоей силе раньше, и она его не отпугивала. И, может, ему это польстит. Высокая, красивая, — скользкий момент, — девушка старше него выбрала его из всех остальных парней... может, он даже загордится.

По ее неподвижности он мог сказать, что это была для нее совершенно новая мысль.

— И если у него есть какие-то вопросы, он может прийти с ними ко мне или Аркади. Я это хотел сказать, когда говорил, что помогал обучать толпу молодежи управлять их Даром. И, поверьте, некоторые из них были даже более колючими, чем вы. Возможно, вам не нужна

Мшистая Река — на самом деле, похоже, Мшистая Река была именно тем, что вам не нужно — но вам нужен кто-то, кто покажет вам, куда двигаться дальше.

Она придвинулась достаточно близко к нему, чтобы он мог ее увидеть; она стояла, обхватив руками голову.

— Но я не хочу этого. Этих сил.

— Тогда вы можете выбрать не использовать их. Но вы не сможете выбрать до того, как обучитесь ими управлять. До этого вы будете бродить вокруг в темноте, спотыкаясь обо всё и причиняя себе боль — и, может быть, другим — из-за незнания.

Впервые тишина стала задумчивой, а не только лишь испуганной.

— Я могу... выбрать не быть?..

— Если достаточно обучитесь. И то, что я не смогу преподать, сможет Аркади. Удача принесла вам выигрыш в этом путешествии. Отсутствующие боги, девушка, хватайте его. Я это хочу сказать.

Келла издала слабый, смущенный звук, и Даг пояснил:

— Аркади мой учитель.

— У вас есть учитель? В ваши годы?

Даг предпочел не заметить вторую часть реплики.

— Да. И Фаун тоже учит меня. Она за последний год научила меня большему, чем я мог представить возможным. Весь мир учит меня новому каждый день. Сейчас тому, что это она сделала меня вновь живым для этого. Вы меня учите.

— Чему это я вас учу? — Келла уставилась на него в изумлении.

— Тому, что нужно полукровкам для начала. Полагаю, когда мы начнем, здесь будут еще сюрпризы. — Он поднялся со своего камня, отвешивая ей свой мягчайший салют. — Едва могу дождаться этого. Доброй ночи, миссис Смит.

— Э... доброй ночи, мистер Блуфилд.

Он проследил ее обратный путь до фургона и ожидающего ее мужа. И вспомнил, что у него есть свое одеяло, согретое ожидающей его женой, но пошел в обход через ближайшие деревья. Длинная бледная тень отклеилась от пекановых стволов, когда он приблизился.

— Как вы думаете, у нее есть талант мастера? — спросил Даг у Аркади.

— В некотором небольшом практическом виде — несомненно.

— Надеюсь, вы не возражаете, что я привлек вас, сэр.

— Нет... — Задумчивая пауза. — В общем, это было хорошо проделано.

От Аркади, который обычно предварял свою более мягкую критику репликами вроде «Вы бестолковый, безрукий недоумок!», это была огромная похвала.

— Надеюсь, так, сэр, — сказал Даг. — Действительно надеюсь.

Глава 14

Следующие несколько дней Фаун радовалась, видя, как Аркади часто разговаривает с Келлой. Обычно он ехал рядом с фургоном, а иногда даже сидел на козлах. Барр помогал Индиго с животными. Пристроив каждого из полукровок под крылышко подходящего Стража Озера, Даг ехал в одиночестве, когда Фаун дремала из-за усталости. Она с любопытством наблюдала из-за задней стенки фургона за тем, как он вертит в руке грецкий орех и размышляет над ним. «У него что-то получается».

Болотистая Крокодилья Шляпа осталась в сотне миль позади, когда они впервые попали под дождь, и даже тогда им пришлось всего лишь раз вытянуть фургон из грязи и дважды — перетащить его веревками через разбухшие броды. Когда они достигли последней полосы крестьянских земель к югу от Пустоши, Эш Теннер увел их вбок на несколько миль к запланированной остановке на ферме его дяди, где их радушно приняли, несмотря на неожиданное дополнение к компании. Животных выпустили поpastись на денек, а люди занялись пополнением своих запасов.

Во второй половине дня Даг и Фаун вылезли из одеял, в которых нежились в самом

уединенном уголке чердака теннеровского сарая — хотя, по подозрению Фаун, их товарищи предполагали иную причину.

В любом случае их оставили совершенно одних, что как нельзя больше подходило для целей Дага.

Спустившись вниз, Даг оставил ее, чтоб найти Барра и Аркади. Навес на подпорках с одной стороны сарая защищал рабочую площадь от дождя с туманом. Барр разложил их седла и упряжь на козлах и чистил их. Если Аркади делал что-либо кроме того, что составлял Барру компанию, это не было заметно Фаун; но они прервали какой-то разговор, когда она и Даг вышли из-за угла.

Даг поставил ее перед собой, положив руку ей на правое плечо, а деревянную чашу протеза — на левое.

— Вы двое нужны мне на минутку, — сказал он Стражам Озера.

Барр положил щетку с тряпкой; Аркади, прислонившийся к столбу со скрещенными руками, поднял брови.

— Что, во имя неба, вы сделали с Даром Фаун? — спросил Барр. — Он весь... светится. — Он закрыл глаза для того, чтобы — по предположению Фаун, лучше увидеть, хоть это и не звучало разумно. Почувствовать этого она, конечно, не могла, но легкий дискомфорт наполнил ее оттого, что она оказалась в фокусе сверхъестественного внимания. Что касалось Аркади, она не делала даже попытки прочесть глубочайшее спокойствие на его лице.

— Ну, — сказал Даг, — это именно то, что мне нужно проверить с вашей помощью. Барр, попробуй поместить уговаривание в Дар Фаун.

— Э-э... какого рода?

— Того, который у тебя лучше получается. Оно не должно быть хорошо сформированным.

— К счастью, — пробормотал Аркади.

Даг посмотрел на него успокаивающе:

— Я удалю его, если у него получится. Просто что угодно.

Колеблясь, Барр приблизился и провел рукой по ее груди вдоль ключицы, глядя на Дага. Он нахмурился, увидев орех, который висел у Фаун на груди, удерживаемый шнурком, сплетенным из ее волос. Орех не был проколот; вместо этого он лежал в сплетенной сетке, которая превращалась в шнурок, обвивающий ее шею, не прерываясь.

— Ого! — сказал он через мгновение. — Я чувствую ее Дар — он на самом деле не закрыт, но воздействие скатывается с него, как дождь по стеклу.

— Хорошо, — Даг повернул ее; она послушно повернулась кругом. Он убрал руку и сказал: — Сейчас вы, Аркади. Попробуйте вырвать ее Дар. Тем способом, который я применил в день нашего знакомства на воротах.

Аркади встряхнул рукой и сделал короткий жест. Ничего не произошло.

Он заморгал, подошел ближе и взял ее руку в свои. Его палец прочертил линию по тыльной стороне ее руки. Фаун ощутила боль, похожую на покалывание, когда замерзнешь.

— Интересно, — сказал он нейтральным тоном. — Ее Дар, кажется, проваливается в яму, когда я пытаюсь его вырвать.

— Даг, неужели мы сделали это? — сказала Фаун, едва дыша. — Сделали щит Дара для крестьян?

Он неуверенно вздохнул.

— Может быть. Его достаточно, чтобы защитить тебя от обычного уговаривания или заколдовывания, и от того вырывания Дара, которое я... некто может делать. Но Злой гораздо более силен, и я не знаю, как это проверить. Не использовать же тебя как приманку.

— Может быть, кто-то, — она взглянула на Барра, — сможет получить дозор, чтоб где-то взять крестьян-добровольцев и проверить его. На севере, может, где Злые встречаются чаще. Или, хотя бы, проверьте его на детях.

Даг помотал головой:

— Я все еще не уверен, что этот щит сработает на Даре Стражей Озера. Они слишком активны.

— Так попробуй его на Барре и выяснишь.

Барр сглотнул.

— Э-э... хорошо. Звучит разумно.

Фаун сказала:

— Плохо, что у нас нет ребенка Стражей Озера, чтобы проверить. Может, позже.

Даг сказал радостно, обращаясь к Аркади:

— По крайней мере, мы решили проблему как его выключать. Все что Фаун нужно сделать — это снять ожерелье, и связь с ее Даром прервется. Правда, ей нужен я, чтобы заново привязать его к ней. В идеальном дизайне крестьянин снимал бы и надевал его по желанию. Но, по меньшей мере, я разработал его принцип.

Аркади посмотрел на него задумчиво:

— Не думал, что вы сможете зайти так далеко. — Нахмутив брови, он снова взял руку Фаун и провел по ней пальцем; она вздрогнула, ощутив пощипывание. — Стесняюсь спросить, как вам это удалось.

Даг внимательно следил за его рукой.

— Это сжатие каким-то образом похоже на естественную реакцию. После того, как Злой в Рейнтри почти что вырвал у меня Дар, Мари сказала, что мой Дар был сжат так сильно, что никто не мог помочь мне. Пришлось поверить ей на слово... я был без сознания. Она сказала, что никогда не видела, чтобы кто-то был настолько похож на труп и все еще дышал.

— Даже если он не защитит крестьян от Злых, он защитит их от Стражей Озера, — сказала Фаун. — Как горшки-шлемы Барра, только настоящие. Это кое-что меняет... Хм... — Она взглянула на Барра и Аркади. — А что насчет того, что ма... кое-кто на озере Хикори однажды сказал мне, что оттого, что крестьяне не могут закрывать свой Дар, они все равно что голые для Стражей Озера. Он делает что-нибудь с этим? И не нужно быть вежливыми, — добавила она резко. — Скажите мне правду.

— Когда закрываешь Дар, — Барр поднял руку и повернул ладонь боком, — это как если бы Дар Стража Озера медленно становился тоньше и тоньше, пока не исчез. Изнутри это выглядит так, как будто Дар мира делает то же самое, как будто вновь становишься ребенком и не можешь его чувствовать. С этим же частота твоего Дара все еще присутствует, но он как будто находится под водой. Я не могу рассмотреть детали. Понимаешь?

«Что ж, быть одетой в тоненькое платье лучше, чем расхаживать в чем мать родила». Фаун удовлетворенно кивнула. Ее рука обвилась вокруг ореха. Каким необыкновенным подарком на день рождения он обернулся!

— Нужно ли мне продолжать носить его? — спросила она у Дага.

— Да, я хочу посмотреть как долго продержится эта спиральность. Разделяющие ножи живут срок длиной в жизнь, но меньшая работа ослабевает раньше.

— Спорю, ненадолго ее хватит, — сказал Аркади. Фаун спрятала орех в вырез блузки.

— Интересно, а как работать с Келлой и Индиго? Как с крестьянами или как со Стражами Озера?

Глаза Дага сузились.

— Хм. Хороший вопрос, Искорка. — Его рассеянный взгляд уткнулся ей в пояс. — Если они однажды станут мне достаточно доверять... я попрошу их позволить мне попробовать. Позже. Не сейчас. У меня займет несколько дней восстановиться от этого.

— Поговорите с Келлой до того, как предложите такой щит Сейджу, — посоветовал Аркади. — Не хочу, чтобы она поняла это неправильно. У меня, конечно, получилось прикормить ее с рук, если можно так выразиться, но она все еще нервничает. — Он помолчал. — Прошло много времени с тех пор, как я учил начинающих. Я дам ей это — по меньшей мере, плохое обучение не будет иметь последствий, которые мне надо будет устранять.

Даг понимающе кивнул. Лукавая улыбка скользнула по его губам и исчезла. Фаун предположила, что он был рад тому, как серьезно Аркади относится к своим новым ученикам.

* * *

Через несколько дней болотистая страна крокодилов осталась позади. Деревни стали беднее и реже, поверхность дороги — хуже, с редкими мостами и плохими бродами. В тех местах, где земля была мягкой, дорога просела широкой полосой между земляными валами, которые поднимались выше головы. Фермы сменились сосновыми лесами. Когда становилось теплее, деревья источали тонкий, странно северный аромат, который заставлял Дага улыбаться — без причины, думалось Фаун, но она была этому рада несмотря ни на что.

Движения на дороге здесь было мало. Их компания стала единственной, отправившейся на дальнейшее расстояние. Большинство направлялось на север, потому что реки извергали своих путешественников на Тракт только в Греймауте. Они обогнали команду речников, отправившихся домой, а их самих обогнал на более быстрых лошадях караван, в числе которого было несколько Стражей Озера, осуществляющих торговлю между лагерями. Они несколько дней играли с чайным караваном в чехарду, и, когда Фаун, Даг и Барр выказали знание речных словечек, то познакомились в итоге с несколькими погонщиками.

Последняя деревня перед Пустошью, если ехать на север, или первая — если на юг, обслуживала паром, уменьшенную копию того, который Фан видела на Грейс. Толпа желающих перебраться через реку задержала их на полдня. С другой стороны реки дорога снова стала выше. Сосновые леса стали более потрепанными и грустными, затем поредели и превратились в лес, где жили только мыши, ястребы, кролики и дикие свиньи.

Жара на участках дороги без тени навевала головную боль. Стало сложно отыскать местечко вдоль дороги с водой и пастбищем, так как выючные животные предыдущих путешественников съели весь скудный корм далеко по сторонам.

Прошло два дня в Пустоши, и ее новизна поблекла для Фаун, заслоненная тошнотой от беременности. Это продолжалось до тех пор, пока она однажды утром не убежала от костра, чтоб спрятаться в кустах, и Аркади с невероятно самодовольной ухмылкой не извлек из своего багажа бутылку с лекарственным сиропом Стражей Озера. За это он всего лишь заставил Дага немного попресмыкаться. Вечерами Аркади отводил Дага в сторонку для создания проекции Дара и тренировки чувствительности, а Даг отвечал тем, что заставлял Барра и Аркади выполнять тренировку дозорных по закрытию Дара. Результат последнего заставлял его хмуриться.

Однажды вечером они остановились на стоянку вместе с дружелюбными матросами, которые бывали в Клиркрике, и обменялись большинством речных слухов, включая искаженный пересказ ужасных событий на Кривом Локте. Даг, Фаун и Барр постарались их поправить. Даг полечил одному матросу болячку на ноге и ухватился за возможность выступить со своей лекцией для начинающих про Стражей Озера; Фаун не была уверена, что именно из этого заставило Аркади потирать лоб. Но, по меньшей мере, это был задумчивый жест.

Отсутствие пастбищ оказывалось хуже, чем они предполагали. Зерновой корм, который они так старательно паковали на ферме Теннеров, стал уменьшаться, затем кончился. Но однажды, ближе к вечеру, Эш, чья очередь была нести разведку впереди, прискакал обратно рысью весь возбужденный. Плодородная долина, которую он описал, казалась слишком замечательной, чтобы оказаться настоящей — но несколькими милями дальше, в низине, где бежала река между высоких каменных стен, петляя, они обнаружили раскинувшийся широко луг, испещренный полевыми цветами, который светился зеленой травой на ярком свете. Дюжины кизилых цветов облепили ветви, как белые цветочные фонтаны. Молодые листья, поняла Фаун, были не просто бледно-зелеными, но с оттенком бронзы и красной меди. И люди, и животные замерли, испустив одинаковый радостный вздох.

Блаженство продолжалось до тех пор, пока Сейдж, который ушел в заросли, окаймляющие луг, чтоб набрать валежника, не прибежал назад, размахивая окровавленным топором и крича:

— Змеи! Их сотни! И все они гремучки!

Фаун, которая собиралась расседлать Мэгпи, взлетела обратно в седло и натянула поводья:

— Что?

— Не может быть, чтоб их были сотни, — заявил Финч. — Змеи не путешествуют стадом, Сейдж. Ты просто паникуешь.

— Да, как много ты на самом деле видел? — спросил Эш. — Двух? Трех? — Говоря это, он серьезно распаковывал еще один топорик на длинной ручке из своего багажа.

— На самом деле... — сказал Даг, медленно поворачиваясь кругом и проверяя каменистые склоны.

Установилась тревожная и внимательная тишина, нарушаемая только пыхтением Сейджа. Все взглядом следовали за Дагом, как заколдованные мыши.

— ...там их сотни, — продолжил Даг. — Вон в тех выступах настоящее змеиное логово. Понимаете, они там свернулись клубками, чтобы переждать холодные времена. Они только выходят из зимней спячки.

Финч внезапно залез на козлы фургона рядом с Келлой.

— В крупном логове вы можете занять пару сотен гремучек за раз... — добавил Даг небрежно.

Индиго смотрел на зеленую траву. Все уставшие, голодные животные опустили головы и рвали ее.

— Мы все могли бы спрятаться в фургоне, полагаю, но... они могут покусать мулов и лошадей?

— Могут, — сказал Даг. — Хотя обычно они просто уползают. Но с таким их количеством вокруг шанс несчастного случая очень велик.

— А вы, Стражи Озера, не можете их, ну, уговорить оставаться подальше? — спросила Фаун нервно. — Раз вы можете призывать своих лошадей, может, вы можете, ну, отозвать змей?

Эш поднял топор:

— Если мы все будем работать вместе, спору, что мы сможем вычистить их отсюда навсегда.

Аркади заметил как бы в воздух:

— Обычно жертвы укусов змей, которых я лечу, — это молодые люди. Часто присутствует пиво. В основном, укусы приходятся на руки, но один парень умудрился быть укушенным за ухо и одну... ну, я думаю, это случилось, когда он спал. Потому что иначе потребовалась бы просто прорва пива.

— Спал?.. — спросила Фаун.

— Змей привлекает тепло тела, — объяснил Даг. — Им нравится прижаться к тебе под одеялом. В тех районах, где много змей, дозорные учатся просыпаться очень осторожно.

— Точно, — пробормотал Барр. — Особенно если вокруг другие дозорные.

Широкая усмешка, витающая на губах Дага, не уверила Фаун ни на мгновение. Их одеяла должны были сегодня лежать на траве...

— Даг?.. — Это прозвучало недостаточно громко для стенаний, но, тем не менее, довольно жалко. Он отогнал какие-то мысли, о которых она решила не спрашивать, пока они не будут в милях отсюда, и помахал Барру и Аркади.

— Пойдемте. Давайте покажем этим крестьянским мальчикам и девочкам, как дозорные танцуют со змеями.

Аркади вздохнул так, что это прозвучало примерно как «И я тоже?..», но не спорил, когда Даг назначил его на другую сторону речушки. Он поднялся, перешел через нее и выбрался на противоположный берег.

— Келла, Индиго — хотите посмотреть как это делается?

— Нет! — сказала Келла.

— Э-эм... — сказал ее брат.

— Это может быть полезным фокусом, если вы обнаружите змею на пороге вашего дома. До того, как это сделают ваши дети, — заметил Даг.

На лице Келлы появилось затравленное выражение. После краткого молчания она кивнула и присоединилась к Дагу. Еще через мгновение Индиго неохотно пошел следом за Барром. Сейдж сглотнул, сжал топор и пошел следом за Келлой. Голос Дага растаял вдали, становясь то тише, то громче в ритме лекции командира дозора, когда он увел их вверх по течению и под углом в заросли.

Фаун оставалась верхом на Мэгпи. Если я на пороге найду змею, буду звать Дага, решила она твердо.

Сначала она их не замечала, но потом увидела шевеление в траве: здесь, затем там, и там, а потом, казалось, везде. И она слышала треск, становившийся громче. Затем, у края воды появились извивающиеся тела в коричневых и грязно-белых ромбах с острыми головками. Сначала по одной и по две, а затем уже дюжинами гремучие змеи скользили в пенящуюся воду и уплывали вниз по течению, извиваясь спутанными клубками, как ветви деревьев.

На противоположном берегу змеи Аркади приближались аккуратным строем по десять и заползали в воду с синхронностью, которая, к сожалению, вскоре разбивалась, когда они встречали камни и змей Дага. Даг и Аркади через воду подвергали друг друга грубой критике за стиль выпаса змей. Фаун решила, важнее, что все они уходят.

Даг, Барр, Аркади и их неохотные ученики двигались вниз в долину широкой неровной линией, теряясь из вида из-за изломов реки. Примерно через час они вернулись. Большая часть компании наконец-то расседлала лошадей и освободила от упряжи мулов. Эта задача несколько осложнялась тем, что каждый нес длинную палку.

— Мулы могут пастись в безопасности, — радостно возвестил Даг. — Ко времени, когда эти бедные змеи вылезут из воды, они достаточно охладятся и ночью будут едва ползать. У них займет несколько дней на то, чтоб найти путь домой.

Барр, оперев руки в бока, наблюдал за долиной в свете садящегося солнца. Он потряс головой:

— Знаешь, если кто-то остановился лагерем вниз по течению от нас, у них будет крупный сюрприз.

* * *

Они выехали из Долины Гремучих Змей (как называла ее Фаун про себя) поздно утром, чтобы дать животным время наесться про запас. Фаун была рада оказаться в дороге до того, как вернутся первые мокрые и сердитые ее обитатели.

Когда день клонился к вечеру, она, наконец, стала замечать, что они покидают Пустошь. Вода стала встречаться чаще, деревья стали выше и богаче — они уже выбирались подальше от воды и снова покоряли возвышенности. Здесь еще не было ферм, хотя Даг сказал, что бродячие пастухи весной пригоняют сюда свои стада. Спорная земля; южане называли ее северной, а северяне — южной.

Еще один день, уверил ее Даг, и Тракт начнет длинный спуск к долине Кипящей Реки, самого большого западного притока Серой к югу от Грейс. После этого они скоро достигнут парама — а потом Даг обещал ей зеленые горы, похожие на огромные катящиеся волны. Фаун оставалась верхом весь день просто от возбуждения при этой мысли.

Они проехали первый перекресток за сотню миль и вскоре после него — еще один, с явственными колеями, оставленными фургонами. Фаун ехала впереди, между Аркади и Дагом, чтобы глотать поменьше дорожной пыли. Она заметила возвращение движения на дороге: несколько всадников и пешеходов, не обремененных грузом, фургон или два,

относящихся к фермам, мужчине, мальчика и собак с несколькими овцами. Прохожие смотрели на них и несколько раз оборачивались, и Фаун вспомнила, что не каждый будет столь дружелюбен к смешанной компании крестьян и Стражей Озера, как речники. Как и реки, дорога проходила через разные места, не принадлежа им, она не была ничьей родиной и родиной каждого, местом, где путникам приходилось быть друг с другом, хотели они того или нет.

Фаун предположила, что сегодня вечером им нужно послать вперед Барра и Финча разведать где остановиться на ночь, просто на всякий случай, когда Аркади повернулся в седле. По легкому склону к фургону приближалась пара всадников из Стражей Озера. Они, возможно, были напарниками, подумала Фаун. «Наверное, курьеры». Нельзя сказать издали по одежде женщина дозорный или мужчина, но, когда они приблизились, Фаун увидела, что в паре присутствовали оба, высокие и стройные с волосами, заплетенными в косу. Женщина была одета в длинный темный кожаный плащ для верховой езды, широко распахнутый из-за жары и расходящийся на спине. Черная коса, которая раскачивалась у нее за спиной, была толщиной с руку Фаун в том месте, где она была обрезана, чтобы не мешаться на луке седла.

Коса ее напарника только миновала его плечи, утончаясь на конце в печальный хвостик. Лицо женщины обратилось к ним с любопытством, когда их лошади проезжали мимо; у нее была медная кожа настоящей северянки, а ее глаза отблескивали золотом.

— Прекрасные волосы, — пробормотал Аркади. Даг уставился тоже; Фаун гадала, заметили ли мужчины ее спутника.

— Я знаю этот плащ! — Даг привстал в стременах, вглядываясь. — Может ли это быть?.. — Он поднял руку ко рту и крикнул:

— Сумах!

Женщина натянула поводья столь сильно, что ее лошадь почти села на задние ноги, повернувшись кругом тем же движением. Она тоже привстала в стременах. Даг перебросил поводья и помахал крюком.

Золотые глаза женщины расширились. Таким же удивленным голосом она закричала в ответ:

— Дядя Даг!

* * *

Даг улыбнулся, когда его племянница подскакала к нему и остановила свою лошадь. Он резко дернул поводья Копперхеда, когда мерин попытался ее укусить.

— Повежливей с нашим семейством, парень. Редвинги слишком редкие, чтобы ими бросаться.

Глаза Сумах заблестели от смеха:

— Я смотрю, ты все еще едешь на этой ужасной лошади!

— А я смотрю, ты все еще носишь этот ужасный плащ. — На самом деле, он ей подходил по размеру менее, чем ее старшему брату, когда-то давно — но старший сын Дора во время своей дозорной юности был тощим щенком. Плащ достался по наследству Сумах, а затем ее младшему брату; Даг думал, что он был потерян.

— Можешь спорить, что ношу. Я заставила Уинна отдать его обратно, когда он приехал домой из своего последнего обмена. Тебе это понравится, взгляни. — Она изогнулась, сидя в седле, и подняла свою толстую косу. — Видишь эту царапину поперек спины?

— Это свежая? — Царапина была темно-красной, едва видимой на черной коже.

— Эдак с год назад. Мой дозор устроил засаду на Злого, который только перестал быть сидячим, рядом с Орлиными Водопадами. Глиняный человек выдернул у одного из моих дозорных кабанье копые. Которого я потом заставила землю есть — ты бы мной гордился. Нконечник копыя должен был пройти насвозь через грудь и испортить мне новую рубашку, но вместо этого всего лишь скользнул по спине. Я позволила ему сбить меня, ушла в

перекат, затем поймала ножом и аккуратно разделала.

Даг унял сердцебиение и выдал соответствующую усмешку безбашенного дозорного. Она не рассказывала об этом дома, или он услышал бы эту историю раньше. С упреками.

— Впервые вижу, чтоб это старая рваная одежда окупилась. Я верил, что это случится, после всех тех лет, что таскал ее сам.

Их прервал фургон, прокатившийся мимо. Даг помахал озадаченному Сейджу, Келле и мальчикам с вьючными животными. Барр поглядел через плечо, передал веревку Эшу и подъехал рысью к ним.

Глаза Фаун расширились, когда она разглядывала через луку седла Дага высокую Сумах.

— Это и есть твой старый волшебный плащ, который должен был отводить стрелы, Даг?

Взгляд Сумах скользнул по маленькой Фаун с неменьшим любопытством.

— Стрелы я не пробовала. Только дождь и копья. Я к нему очень привязалась, потрепанный он или какой. Заплатила Торри Бивер горшком монет, чтоб она подновила на нем работу с Даром, когда последний раз была дома, хотя она предлагала мне сделать новый за ненамного большее. Я попросила ее оставить царапину, чтобы хвастаться. Э-э... ты ведь не хочешь его обратно, дядя Даг?

— Я — нет. Ты его храни. Мои дозорные дни закончились.

Сумах покрутилась в седле, прекрасные губы поджалась, затем сомнение в ее узких глазах сменилось весельем.

— По правде, я едва узнала твой Дар. Я очень старалась его распознать.

— Ну, прошло ведь около года с тех пор как мы перекрестили пути? Когда ты была дома последний раз?

— Этой осенью. Мне сказали, прошел месяц с тех пор, как ты уехал.

— Значит, ты слышала о... хм... обо всем.

— И во многих разных версиях. — Ее голос замедлился. — Так значит... это и есть твоя печально известная крестьянская жenuшка, дядя Даг?

Даг на мгновение опустил веки, затем открыл глаза.

— Сумах Редвинг Хикори, познакомься с Фаун Блуфилд, моей женой. Можешь проверить нашу свадебную тесьму, если желаешь.

Сумах повернула голову, дважды моргнула.

— Кажется, Дирла и Громовержец были правы насчет этого.

Она могла бы сказать «Кажется, папа и бабушка были правы насчет этого». Даг вздохнул свободней. Или, может быть, Сумах просто была вежливой. Он верил, что ее последние несколько лет в дозоре в качестве командира под руководством Ворона Громовержца научили ее некоторому такту лидера, однако в основном она всегда презирала неискренность.

— Это сделало меня Дагом Блуфилдом э-э... Без Лагеря в настоящее время, — продолжил он.

Ее черные брови изогнулись, но она продолжила:

— Так значит... миссис Блуфилд... полагаю, ты теперь моя тетя Фаун, а? — Обе молодые женщины разглядывали друг друга во взаимном созерцании этой абсурдной ситуации. Сумах встряхнула головой. — Дядя Даг. Кто бы мог подумать? — И, после еще одной паузы: — Что, во имя богов, такого с ее Даром?..

— Ничего. Это мой маленький эксперимент. Щит Дара для крестьян.

— Работа Даром? Твоя?

— Это долгая история.

Фаун вставила:

— Даг учится на целителя. Аркади, который едет с нами, учит его. Он настоящий уважаемый настройщик Дара с юга.

Потрясенные губы Сумах выдохнули «Целитель!..»

Аркади дотронулся до лба в почти что даговском салюте:

— Аркади Уотербёрч Русло Новолунья, к вашим услугам. — Когда он слушал все эти семейные сплетни, его лицо было невыразительным, но сейчас его губы слегка изогнулись.

— Мастер Уотербёрч, — Сумах вернула любезный кивок с сильно смущенным видом. Барр прочистил горло.

— И Барр из лагеря Жемчужных Перекатов, наверх по Грейс, — добавил Даг. — Барр, хм... со мной.

Барр солнечно улыбнулся. Большинство молодых людей так и делали, когда их впервые познакомили с Сумах. На самом деле, большинство всех мужчин так и делали. А плакали уже позже.

Сумах покивала всем и представила своего напарника — или последователя.

— А это Рейз из лагеря Новый Вяз. Я забрала с собой возвращающегося дозорного по обмену вниз в Новый Вяз прошлой осенью, потом осталась там немного, чтоб потренировать их молодежь. Рейз возвращается вместе со мной в Хикори, потому что поехал в свой первый дозор по обмену.

— Надеюсь увидеть знаменитого Ворона Громовержца, — доверительно сказал Рейз Дагу.

Даг подавил импульс сказать что-нибудь лишнее мужества и вместо этого выбрал:

— Вас хорошо примут. Мы посылаем больше дозорных, чем возвращается обратно. — «Мы?» Как легко вернулась эта старая привычка говорить так. — Громовержец также освободит вас от вашего хвоста, но для вас это будет хорошо.

— Надеюсь на это, сэр, — Рейз живо кивнул.

«Проклятье, дозорные-новобранцы с каждым годом стновятся все моложе и моложе...»

Полуоткрытый Дар Дага заметил заряженный нож в сумках мальчика.

«Он хотя бы едет подготовленным».

Собираясь повернуть и вывести их снова на дорогу, Даг последовал за загнанным взглядом Фаун к колену Сумах и впервые заметил букет из пары дюжин свежих шкур гремучих змей, свисающих с ее седельных сумок — видимо, для просушки. Похожая связка свисала с другой стороны, хвостами вниз. Они свободно раскачивались и интересно гремели, когда она ехала. Барр хихикнул. Аркади изогнул бровь. Даг решил не быть первым, кто прервет молчание и спросит.

Индиго прискакал к ним рысью.

— Даг? Ты едешь, или нам тебя подождать, или что?

Даг помахал ему.

— Мы едем.

Глаза Сумах поднялись к удаляющемуся разрисованному зеленым фургону.

— Ты с ними? — сказала она. — Но они же крестьяне!

— Это еще одна долгая история. Мы вскоре станем лагерем — присоединишься к нам?

Она взглянула на своего напарника и на дорогу впереди.

— Мы планировали доехать до... не обращай внимания. Конечно. Я ни за что не упущу эту историю.

Даг позволил Фаун представить ее — отсутствующие боги! — новую племянницу и Рейза Индиго, который ускакал, чтобы рассказать остальным что случилось. Барр разговорился с Рейзом, который был не сильно моложе, чем он сам; Даг, Сумах, Фаун и Аркади поехали в ряд легким шагом.

— На самом деле это твоя вина, что я провела всю зиму в Новом Вязе, дядя Даг, — сказала ему Сумах доверительно.

— О? Я так и... не здесь.

Она улыбнулась:

— Когда это кого-нибудь останавливало от того, чтоб тебя стыдить? Нет, это все твои брачные приключения натворили. Конечно, бабушка всегда давила на меня, чтоб я привела домой мужа, чтоб поддержать шатер, и ты знаешь, как она любила меня, когда я уезжала в

дозор.

Даг кивнул с полным пониманием последней саркастической фразы. Из всех его грехов вдохновить племянницу остаться в дозоре был тем, который больше всех раздражал семью. И ведь он даже не делал этого нарочно.

— В последнее время даже папа перешел на ее сторону, или, по крайней мере, не остался на моей, хотя не то чтобы он раньше был на моей, но ты ни за что не догадаешься, кто следующий взмахнул веслом.

— Омба? — С ее старшим сыном, благополучно связавшим себя узами, и ее двумя младшими детьми, учащимися на мастеров и счастливо влюбленными, Даг не думал, что его сестра по шатру будет столь заинтересованной в этом.

— Уж конечно не мама! Ты ведь знаешь, когда Редвинги начинают спорить, она просто выныривает и уходит возиться с лошадьми. Так она и выживала все эти годы. Это был Громовержец. Громовержец! — Сумах потрясла головой от такого предательства. — Я шутила около него о том, что когда следующее место командира будет вакантно... Ну, наполовину шутила, наполовину серьезно, знаешь вот так, когда ты пытаешься вытянуть информацию из Громовержца — и он выдал мне, что я должна быть первым кандидатом на это место — как только вернусь в дозор после материнства. А потом пошел искать Массап и бабушку Мари.

— А, — сказал Даг.

— И тебя не было, чтобы спрятаться за твоей спиной. Похоже было, что я новая главная цель для свих Редвингов.

— Ну, тебе ведь назначено быть следующей главой шатра Редвинг.

Она дернула подбородком, заставляя свою тяжелую косу взлететь:

— Почему бы не маме?

— Боюсь, Кумбия всегда думала о твоей маме как о некоем заместителе.

— Я давно замышляла, что, когда бабушка уйдет, я изменю свое имя обратно на Уотерстрайдер. Просто чтоб ей показать... хотя, полагаю, в то время я уже ничего не смогу ей показать.

На дальнем конце ряда внимательно слушающий Аркади издал вопросительный звук.

Фаун повернула к нему голову и любезно пояснила:

— У мамы Дага, Кумбии, было только два сына, Даг и Дор. Она уговорила Омбу Уотерстрайдер сменить ее имя на Редвинг, когда та вышла замуж за Дора, чтобы если у нее будет девочка, она могла унаследовать шатер. Это примерно как усыновление, полагаю.

Сумах потрясла головой:

— Мама была самой молодой из шести девочек, уж чего нет недостатка на озере Хикори, так это в Уотерстрайдерах. У меня, наверное, тысяча кузин Уотерстрайдер. А бабушка проживет еще сорок лет просто из упрямства, полагаю, к этому времени меня это уже не будет заботить. Но иногда она выводит меня из себя. Дядя Даг для нее никогда не мог ничего сделать правильно.

Не то чтобы он хотел разочаровать одного из своих немногих партизан, но Даг собрал всю свою возможную зрелость и возразил:

— Жизнь Кумбии никогда не была легкой. И она не слишком вознаграждалась. Или не теми наградами, которых она желала.

Сумах пожала плечами и вздохнула:

— Я знаю. Ой, из всех способов, которыми бабушка выводит меня из себя наихудший — это когда я в конечном итоге говорю о ней что-то вроде этого. Не слушай, Даг.

«Нас обоих, малышка».

— Как поживают Каттагус и Мари? — спросил он, чтоб вернуть ее настроению былую легкость. Она посветлела.

— Все скрипят и ссорятся. Люблю дедушку Каттагуса. Я так Громовержцу и скажу, что если бы я могла выйти замуж так, как Мари и Каттагус, или как он и Массап, это бы было наполовину менее плохо.

— Хм, э-э... — сказала Фаун (это должна была быть Фаун), — а где ты взяла все эти змеиные шкуры, Сумах?

Глаза той широко распахнулись.

— О, это была самая странная вещь, которую я когда-либо видела! Мы немного заехали в Пустошь, чтоб добраться до Тракта, и пересекали речку, и нашли всех этих утонувших змей!

— Наполовину утонувших, — поправил сердитый голос сзади. Даг взглянул через плечо на Рейза, который, казалось, вспомнил о чем-то неприятном.

— Я тебе говорила использовать Дар, — сказала Сумах совершенно без сочувствия. — В любом случае, насобирали их столько, сколько могли. Шкурки принесут нам несколько полезных монет у парома, думаю.

Рейз сказал:

— Это задало нам загадку, с чего всем этим гремучкам понадобилось там купаться. Я думал, что там было внезапное наводнение, но Сумах сказала, что там не было никакого его следа. Пустошь еще более странное место, чем я думал, — он потряс головой в удивлении.

Даг мягко улыбнулся.

* * *

Лагерь этим вечером был оживленным от обмена историями. Даг в конечном счете сознался в змеях. К облегчению Дага Фаун и Барр взяли на себя рассказ о Рейнтри и их речном приключении. У Сумах было меньше того, что она могла предложить, но зачарованным крестьянским мальчикам ее слова, описывающие спокойные зимние дозоры за пределами Нового Вяза, казались такими же экзотическими. Новый вяз был лагерем в каких-то сорока милях от Тракта к западу; он накрывал большую часть территорий между Пустошью и Кипящей Рекой. Рейз тренировался в ее дозоре и выказывал все признаки обычной безнадежной страсти, которую Сумах, как правило, порождала в молодых мужчинах. Даг тоже не стал тратить жалость на его бедственное положение. Если в нем есть что-то хорошее — а так оно, несомненно, и было, иначе она не стала бы забирать его к Громовержцу — то одна из молодых девушек Воронов точно приберет его к рукам.

Так или иначе, а парень мог никогда больше не увидеть родной лагерь вновь. Даг задушил усмешку.

Наблюдая за племянницей через языки пламени костра, Даг обнаружил, что любопытно расстроен. Она была для него как глоток бодрящего северного воздуха, как песня о его потерянном доме. Он не сожалел о своем изгнании. Одного взгляда на Фаун было все еще достаточно, чтобы его сердце поднялось к горлу в изумлении.

Он отрезал груз своего прошлого, как будто перерезал буксировочный трос, и у него не было желания тащить снова эту баржу. Но. Тем не менее. Все еще...

Сумах кидала в ответ любопытно расстроенные взгляды. С тех пор как Даг вернулся из Лутлии покалеченным и странным, когда ей было четырнадцать, она сделала из своего единственного дяди Редвинга нечто вроде героя. В отличие от Ниты у нее было мало иллюзий насчет него — она, конечно, видела его в его худшие времена, много раз — но все в семье знали, что она выбрала дозор, а не обучение на мастера ножей, которое предлагал ей отец, именно из-за него.

Всю ее взрослую жизнь он был тем же самым сухим дозорным, единственным родственником, который никогда не критиковал ее выбор, так же прочно посаженным, как ее любимое дерево. Она не могла бы более удивиться, если бы дерево хикори вдруг поднялось, отряхнуло землю с корней и убежало с крестьянской девушкой. Оставив концы гамака, который она к нему привязала, сиротливо лежать на земле.

Несмотря на весь сумбур в ее сердце, она была вежливой и даже дружелюбной с Фаун. Когда отзвучали истории о Злых и речных бандитах, целительстве и ореховом колдовстве, Даг подумал, что она поняла, что Фаун была его напарницей, а не ручной зверушкой. Она

принесла сдвоенные, но искренние поздравления, услышав новость об их ожидаемом ребенке, и блеск злой радости в глазах, который был ей свойственен, был совершенно искренним, когда она сказала:

— Не могу дождаться, когда расскажу об этом дома!

* * *

Когда Даг совершал свой привычный дозор по периметру их лагеря этим вечером, Аркади пошел следом.

Голосом, примечательно нейтральным даже для него, Аркади сказал:

— Какая интересная женщина ваша племянница.

— Она такая.

— Сколько ей лет?

Даг поднял бровь. Он думал, что Аркади проницательнее в различении человеческого возраста, чем кто-либо другой, кого он знает.

— Дайте подумать. Мне было примерно двадцать два, когда она родилась, потому что это был год, когда я обходил дозором Великий Северный Путь. Так что ей должно быть... хм... почти тридцать пять сейчас. Она вторая родилась у Дора, видите ли. Должен сказать вам, ее появление было отпраздновано в шатре Редвинг с большим облегчением и радостью. Кредит Омбы у нашей мамы безмерно вырос.

— Она не связывала себя узами?

— Нет.

— Помолвки?

— Насколько я знаю, нет.

— Кто-то мог бы задуматься, почему нет. У нее не было трагедий?

— Я не уверен, что она сказала бы. У нее, конечно, были серьезные женихи. Омба называет их «узы тел».

Даг мог почувствовать, как Аркади медленно моргает в темноте.

Даг отставил честное искушение подразнить Аркади и сказал серьезно:

— Вы тонкий человек, когда доходит до внутренностей человека. Если вы сможете понять и сказать нам, шатер Редвинг был бы вам признателен. Я был с ней в дозоре раз или два. Она не ненавидит мужчин, она не предпочитает девушек. Конечно, первые ее несколько простодушных женихов были разбиты Дором, но они в любом случае были не ее класса. В действительности, после этого она старалась держаться от них подальше.

— Действительно.

— Некоторое время назад семья перестала беспокоиться, что она совершит ошибку. Сейчас, я подозреваю, семья начала подумывать, что может быть ошибка была бы лучше, чем ничего. — Думать, что Омба должна была бы знать, было несправедливо. Родители Сумах были верными друг другу, даже если Дор был трудным человеком.

— Она более сложная, чем кажется с первого взгляда.

— Угу.

— Так же, как и ее дядя. Хм. — И Аркади ушел в темноту.

Даг наблюдал, как он уходит. «Да уж, конечно».

Глава 15

Сухие дни хорошей погоды закончились громким шумом грозы, начавшейся перед рассветом. К тому времени, как все успокоили перепуганных животных и собрали обратно разбросанные ветром вещи, занялся серый рассвет, но отправились они сквозь зарядивший дождь только через несколько часов, потирая заспанные глаза. Фаун позволила Дагу уговорить ее ехать в фургоне; сам он и Барр были защищены речными дождевиками, которые Фаун раздобыла на «Надежде». По крайней мере, бурлящие коричневые ручьи в

этой более ухоженной стране были по большей части перегорожены мостами.

Фаун не была уверена, нужно ли удивляться тому, что Сумах со своим напарником решила ехать вместе с ними со скоростью фургона «до переправы». Когда утих дождь, Сумах скакала между Дагом и Аркади, оживленно общаясь. Фаун предположила, что у нее с Дагом найдется много общих тем для беседы. Аркади, казалось, не говорил много, но он не пришел в фургон в этот день, чтобы продолжить заниматься с Келлой.

Барр и Рейз следовали за ними с некоторой печалью, вытесненные своими начальниками с первых позиций у стремен Сумах.

Лагерь этим вечером не был совсем уж таким промокшим и тоскливым, как ожидала Фаун. Финч и Индиго нашли полуразрушенный сарай, отданный владельцем застигнутым ночью путешественникам с Тракта. Крыша протекала, и старые доски скрипели от бури, но ее порывы всего лишь заставляли всех под фургоном прижиматься крепче друг к другу.

К следующему полудню, когда они подъехали к краю долины Кипящей Реки, такой же широкой, как долина Грейс, облака превратились в едва заметную влажную дымку. Блестящая лента реки вилась между по-весеннему зеленых лесов и полей, над которыми поднимались паром недавние дожди. Когда они осторожно спускались вниз по скользкой от грязи дороге, Фаун заметила первые признаки города при паромной переправе, который носил захватывающее имя Рубленая Баранина, и самого парома, который казался таким знакомым из-за барж, перетаскиваемых с берега на берег канатным кабаном. Только здесь две большие лодки работали параллельно, одна переправлялась, а другая собиралась это делать.

Вода была шире, чем представляла Фаун, больше полумили, а Рубленая Баранина оказалась самым большим поселением, которое она видела за недели — не маленькой деревней, а оживленным речным городом. Когда они приблизились, она смогла различить верфь и товарные склады, отели и конюшни, пивоварни, пекарни, кузницы, канатную и дубильную мастерские, торговца лошадьми; она изумилась, насколько знакомым и удобным все это показалось ей сейчас. Еще там была, обнаруженная при приближении к речному берегу, очередь к переправе, собравшаяся между двумя жилыми кварталами. Кроме местных фургонов, всадников и кучи пешеходов там был знакомый чайный караван с сорока мулами, каким-то образом снова оказавшийся впереди них.

Такое сборище явно было ожидаемым, потому что весь путь до посадки был усеян ларьками и разносчиками, продающими еду, напитки и товары для скучающих, ждущих путешественников. Фаун привстала на стременах и вдыхала заманчивые запахи: мясные пироги, жареный «хворост», пиво, медовый чай.

Еще звуки — кто-то играл на скрипке так же хорошо, как это делала Берри, быстро и красиво. Скрипач начал играть старую речную песню, музыка, танцуя, поднималась и падала, и сердце Фаун было очаровано. Она командовала Мэгпи приблизиться.

Скрипачом оказалась тонкая, высокая женщина, стоящая на пне в стороне у дороги, отставив локоть, ее светлые волосы были забраны назад в тонкий конский хвост, поблескивающий на солнце...

— Берри! — закричала Фаун в изумлении.

Берри посмотрела вверх и широко улыбнулась через головы толпы, собравшейся вокруг нее, набрала воздуха перед тем, как помахать смычком в воздухе, и продолжила играть. Похоже, она удивилась гораздо меньше Фаун. Готорн стоял у ее ног, держа в руках старую бесформенную шляпу Бо. Он повернул голову и заметил Фаун, уронил шляпу к приплясывающим ногам сестры и стал пробиваться через толпу. Когда он оказался рядом, Фаун уже соскользнула с седла и смогла сердечно его обнять, от чего он даже не отстранился в мальчишеском смущении. «О, боги! Он выше меня!»

— Что вы здесь делаете? — спросила Фаун.

— Частично ждем вас. А в основном ждем, пока Вит закончит возиться со своим маленьким караваном.

«Каким еще караваном?..»

— Все в порядке?

— О, конечно. Только мой енот сбежал на полпути к Серой. — Готорн нахмурился при воспоминании об этой потере.

Фаун сочла, что такая уверенность обманчива, но отставила попытки вытрясти все из него, потому что Берри закончила мелодию и закричала:

— Перерыв на обед! Попробуйте здесь рядом лучшие в долине пироги Мамы Флинтридж с сушеными персиками!

Она соскочила с пня, сложила скрипку в футляр, схватила шляпу и пошла сквозь толпу к Фаун, собрав еще несколько монет по пути. На этот раз объятия были взаимными.

— Берри!

— Сестричка! У вас получилось! Мы подумали, если у нас получится перекрестить пути, то это должно случиться здесь.

— А где Вит и остальные?

Берри махнула рукой по направлению к реке.

— У Вита день работы на кабестане на одной барже парома, а у Хога на другой. Бо приглядывает за лошадьми и вещами в местечке у реки. Подальше от таверн.

Даг и Барр спешили и протиснулись к Берри — живей, чем это делала Фаун, как раз, чтоб это услышать. Люди, увидев высоких Стражей Озера, в основном попятнулись, а затем застыли с открытыми ртами, когда те обменялись радостными объятиями с улыбающейся скрипачкой.

— Как бы все тут оказались? — спросила Фаун. — Я думала, вы подрядились в лодку, которая идет в Трипойнт.

— Верно, только, думаю, работа на ней оказалась шоком для Вита — он думал, что он на ферме тяжело работал. Как бы там ни было, наш дурак-капитан ухитрился получить плавником пробоину в корпус прямо над устьем Кипящей. Мы выволокли ее на берег и отремонтировали в деревне рядом, но было ясно, что лодка некоторое время никуда не пойдет, не говоря уж о том, что мы потеряли половину ее груза из-за воды. Ну, мы там услышали, что лед в верховьях Грейс еще стоит, а Кипящая уже очистилась. Так что мы нашли места на другой лодке, которая шла в Рубленую Баранину, это было самое высокое место, куда мы могли доплыть на лодке.

Рубленая Баранина отмечала место на Кипящей Реке, куда можно было доплыть кораблями. Тракт пересекал Кипящую здесь не случайно, по предположению Фаун, так как выше в каких-то тридцати милях начинались непроходимые мели и пороги, давшие реке ее имя. По легенде когда-то там, выше по течению в узком, высоком месте стоял мост и город, но оба они пали в тумане времени, похороненные буйными лесами.

Фаун кивнула.

— Вит всегда сомневался, стоит ли плыть по реке или лучше воспользоваться дорогой, — продолжила Берри. — А так мы получали и то, и другое. Я была согласна, потому что поняла, что дорога домой станет короче на три или четыре недели. А если мы построим до осени новую баржу, нам пригодится это время.

«А мы могли бы попасть туда вовремя, чтобы засадить огород...»

— А вы получили письмо, которое я отправила вам в Греймаут?

— Ага, спасибо.

— Вы ведь не проделали весь этот путь только затем, чтоб был шанс встретить нас, правда? Потому что мы вовсе не были уверены до последнего, что вообще поедем домой в этом году.

— Нет, но мы все равно вас высматривали. Мы поспрашивали на пароме и знали, что вы не уехали вперед нас — Даг запоминается сам по себе, а вас двоих люди и по давню замечают. Не стану говорить, что мы не задержались тут чуточку в надежде, но я вскоре собиралась на север. До того, как твой братец купит еще лошадей. — Она скорчила гримаску.

Паром остановился у пристани с криками и грохотом, когда легли сходни. Путники и

фургоны хлынули на берег, и толпа задвигалась: новые пассажиры спешили занять свои места.

Пока некоторые мулы из чайного каравана, что были помоложе и поживее, сопротивлялись предложенной поездке на борту, Готорн ринулся вниз сказать Виту о встрече. Вит примчался, улыбаясь как сумасшедший, обнял Фаун и едва не вывихнул руку Дагу:

— У вас получилось! Я на это надеялся! Эй, спорим, я смогу пропихнуть вас на паром прямо сейчас!

— Спасибо, но мы не одни, — сказал Даг. — Мы путешествует с другими людьми. Молодые поселенцы. Вон там их зеленый фургон.

— Сейдж — кузнец, собирается искать работу в Трипойнте, — добавила Фаун.

— Еще лучше. Тащите их всех! У меня столько всего есть вам показать... — Вит оглянулся на заполняющийся паром; крупный человек, охраняющий сходни — явно хозяин парома — сердито смотрел в его сторону. — Но сейчас мне надо обратно на работу. Не могу уйти в середине дня, это было бы неправильно. Поговорю с вами еще, когда будете на борту, а то окажетесь у Хога, и он вам все выболтает. Берри или Готорн проводят вас к нашему жилью, наверное. А где Ремо?

Барр немного погрузнел.

— Остался в Новолунии.

Вит заморгал.

— О. Почему?

— Из-за девушки, — сказала Фаун, выбрав самый простой ответ. Его было достаточно, пока хозяин парома не добавил к своему сердитому взгляду еще и ругань. Вит помахал и умчался на лодку.

Казалось, он одновременно изменился и одновременно остался тем же. Он точно раздался в плечах. И явно прикладывал свой в чем-то тревожащий энтузиазм к новым условиям; если его способность доводить тяжелую работу до конца улучшилась с женитьбой, это было к лучшему. Так как Даг увел их всех, чтобы представить Берри и Готорна компании, Фаун решила приберечь свою главную семейную новость для более уединенного момента.

Паром Вита протащился весь путь через реку и обратно, пока настала их очередь карабкаться на борт. Фаун уже думала, что лодка сидит в воде тревожаще низко, когда хозяин парома, наконец, прошел на борт. Вит и мальчишки с юга, кажется, тут же подружились: Вит оттого, что был дружелюбным парнем, а остальные — потому что слышали столько о нем, будто знали друг друга всегда. За исключением Серой в тридцати милях от их дома, Кипящая Река была самой большой, которую они когда-либо видели, и они сгорали от любопытства. Это приятно обрадовало хозяина парома, и под его приглядом им было разрешено несколько раз провернуть кабестан для четырех человек.

Внимание Дага в основном уходило на то, чтоб удержать Копперхеда и не позволить затеять драку со всеми чужими лошадьми, собравшимися вокруг них. Некоторые другие путешественники подозрительно поглядывали на Стражей Озера, но паромные рабочие явно видели достаточно их, чтобы не отпускать комментариев, или, хотя бы, не вслух. Ну, на Сумах посматривали украдкой, но даже если кто-то из мужчин думал что-то грубое, Стражи Озера, без сомнения, держали свой Дар закрытым в такой толпе, так что вреда это причинить не могло.

Когда Фаун повела Мэгпи по рождающим эхо сходням на северный берег, она подумала с глубоким волнением «Мы уже на полпути домой!»

* * *

Даг не удивился, когда Берри отвела их на еще одну ферму с полуразрушенным сараем в двух милях от Тракта, недорого сдающимся внаем из-за некоторого отдаления от дороги.

Там было хорошее пастбище, но важнее оказалось то, что их толпа голодных животных присоединилась к шести лошадям, которыми обзавелся Вит.

С тех пор, как Вит начал свое предприятие с единственной парой лошадей и одеждой на себе, это казалось неплохим прогрессом, исключая только то, что его новые животные едва не валились с ног. Но при более близком рассмотрении его выбор оказывался более практичным.

Большинству этих передвигающихся мешков с костями нужно было всего лишь вывести глистов, отдохнуть и получить еды, и все это Вит им уже предоставил. Пара отметин предыдущего плохого обращения были зашиты, залатаны и замазаны.

— Все кобылы, — указал Вит Дагу, когда пришел с паром на закате. — К тому времени, когда мы будем в Клиркрике, я уже буду знать, каких я отбракую, а каких оставлю для разведения. Как ты думаешь, мамин жеребенок Черныш сможет покрыть их следующей осенью? — Свет коневодства засветился в глазах Вита.

Он пришел в восторг, когда узнал, что Сейдж — опытный кузнец, и они быстро объединили усилия над проблемой корректирующих подков для одной из кобыл.

Животным отряда давно не хватало отдыха, и они также получили дополнительный день на пастбище и кров от владельца фермы в обмен на обещание подковать одну из его лошадей. Дагу казалось, что на Сейджа падает неожиданный груз забот, но молодой кузнец охотно взялся за это, и остальные ребята помогали ему чем только могли.

Он не боялся запачкать руки, что было похвально для любого мужчины, с севера или с юга. Аркади же терпеливо сносил все поддразнивания о своей опрятности, когда вносил свою долю, выполняя проверку Дара новых приобретений, чтоб отсортировать серьезные проблемы от излечиваемых. В результате, Вит отвел одну из своих кобыл обратно на рынок в Рубленую Баранину и вернулся с другой. Так что только к вечеру Вит смог похвастаться своей новой находкой.

Это был арбалет с плечами из пружинной стали и рычажным механизмом взвода работы некоего трипойнтского ремесленника.

— Я его выменял у лодочника, застрявшего на Серой, — радостно объяснял Вит, вертя арбалет в руках, показывая его примечательные особенности, из которых, казалось, состояло все его устройство. Мальчишек-крестьян тянуло к арбалету, как к горячим яблочным пирогам. Каждый хотел немедленно опробовать его, исключая разве что Сейджа, который желал разобрать его и посмотреть, сможет он скопировать механизм или нет — эту операцию Вит пока не разрешил.

— У меня для него только семь болтов, — объяснял Вит. — Было восемь, но один я уже потерял, потому что со мной не было Стража Озера, чтоб помочь найти пропажу. — Он сделал грустное лицо.

Фан нахмурилась, вертя в руках один из коротких болтов со стальным наконечником:

— Полагаю, я не смогу сделать таких стрел. Думаю, Сейдж сможет.

— Хм, на самом деле я надеялся, что ты сможешь сделать мне деревянные болты для тренировок. Не хочу больше терять вот эти отличные стальные просто потому, что захотелось потренироваться.

Фаун обрадовалась.

— Конечно. В любом случае, я могу попробовать.

Они все отправились поставить мишень на пастбище, потом отошли на расстояние выстрела и стали бросать монетку кому стрелять первому. Стражи Озера прислонились к изгороди, наблюдая, по крайней мере, до тех пор, пока не остынет первый пыл. По перестуку трещоток Даг мог сказать, что Барр, Рейз и Сумах изнывали попробовать новую игрушку.

Аргади был менее впечатлен:

— Сыроват. Дальность короткая, скорострельность малая. Мастер-лучник из Стражей Озера сможет сделать гораздо лучше.

Даг поджал губы:

— Прекрасный нерушимый длинный лук, да — примерно за две недели и еще неделю

на отдых. Но я видел эти ремесленные лавки в Трипойнте. После того, как они налажены, они могут легко выпускать по одному арбалету в день. Более чем одному, если постараются.

Аркади фыркнул:

— Быстро и дешево.

— Верно, но раз они могут выпускать двадцать против нашего одного, не слишком большое значение имеет, если несколько сломается или не попадет в яблочко. Они смогут просто заменить их и по-прежнему быть на мили впереди. И это вовсе не дрянь — они настолько же хороши, как мой лук-протез, который продержался долгие годы, требуя только мелкого ремонта. — Даг говорил о специально приспособленном луке, сделанном таким образом, чтоб вкручиваться в его протез вместо крюка. Этот лук превратил его в сносного стрелка после его увечья. И весь его протез, сделанный в Трипойнте, вновь подарил ему жизнь дозорного.

Он полез в карман, нашел медную монету и передал ее Аркади:

— Поглядите-ка на это.

Аркади удивленно взял ее.

— Если бы вы нашли это где-то здесь, не зная что это, как бы вы оценили работу по металлу?

— Ну... рельефный рак сделан весьма хорошо. И буквы, конечно, маленькие, но их легко прочесть... — Аркади прищурился: — Монетный двор Серебряных Перекатов, один рак. И делать идеально круглые изделия, полагаю, тяжелее, чем кажется.

— Ага. Только мы все заехали на монетный двор в Серебряных Перекатах, когда плыли вниз на «Надежде». Там была машина, которая штамповала их по сотне за раз. И каждый из этих кружков был маленьким произведением искусства. Десятки тысяч их... это становится магией крестьян.

Аркади поднял брови; Даг же продолжил:

— Это фишки; память о торговле и труде, которую человек может положить в карман и пронести через весь континент. Они заставляют двигаться. С моим Даром я могу призвать свою лошадь за милю. Когда их достаточно, люди из Серебряных Перекатов могут отослать чайный караван в сорок мулов за восемьсот миль. И частота Дара и сложность такого большого речного города, как Серебряные Перекаты — это мастерство, которое само по себе имеет значение.

— Ты рассматриваешь крестьянский город как мастерство? — спросил Барр. Его лоб сморщился при этой новой мысли.

— Да.

— А лагерь Стражей Озера тогда что?

— Тоже, конечно.

Аркади протянул монету обратно, но Даг улыбнулся и сказал:

— Оставьте ее у себя. Есть гораздо большее, что можно извлечь оттуда. — Он выждал паузу, вслушиваясь в треск, звуки попаданий и смех, доносящиеся со стрельбища, и его улыбка угасла. — А теперь представьте такой город, как Серебряные Перекаты или Трипойнт. Он выпускает такие луки так же, как выпускает монеты, и вкладывает их в руки тысяч крестьянских мальчиков, таких же, как наши вон там. И следом представьте, как такой город, и все эти мальчики и все их луки попадают в руки Злому. Проклятье, вы даже не сможете этого представить. Я видел, как Стражи Озера в Рейнтри прошлым летом убегали от толпы крестьян, гораздо хуже организованной и снаряженной. Злой из Рейнтри впустую растрачивал свои войска направо и налево, не зная, как их использовать, но он смог бы обучиться лучше, если бы мы дали ему больше времени.

Сумах наклонилась над изгородью, приблизив к нему свое лицо с холодными прищуренными глазами:

— Вот оно что. Значит, когда ты уехал из лагеря Хикори, это было больше чем просто вожжа, попавшая тебе под хвост из-за того, как шатер Редвинг обошелся с твоей женой-крестьянкой, не так ли, дядя Даг?

Аркади моргнул при этой грубом, но живом вопросе, но по тому, как сжались его губы, было ясно, что он поддерживает довод.

— Я бы не узнала этого у папы, — продолжила Сумах. — Он говорил, что ты просто потерял голову. Думаю, Громовержец подсказывал мне, что там было что-то большее. И Мари.

— Громовержец говорил со мной о глобальных проблемах прямо перед тем, как я уехал, — сказал Даг. — Он понимает. Мир изменяет свою форму прямо под нами, и мы не можем продолжать спокойно стоять и не падать при этом. Найти новую опору — это не задача для одного человека, но, разумеется, задача одного человека — начать ее искать. — Он набрал воздуха в грудь. — Не знаю, делаю ли я что-то правильно, но я знаю, что иду в правильном направлении.

Рейз не сказал ни слова, но он слушал.

«Хотя бы так».

* * *

Свистящие квакши, самые шумные лягушки, которых знал Даг, размером всего в полдюйма, завели свой раздражающий уши хор на пруде и в лесу у фермы, когда он заворачивал за угол сарая, совершая вечерний дозор. Он резко остановился, когда донесся крик Вита, перекрывающий шум:

— Подожди, Даг! — Его брат по шатру, размахивая фонарем, обрушился перед ним. Вит почесал затылок, вслушиваясь в лягушачьи песни. — Кажется, сегодня буду закладывать уши ватой. Жутко рад, что мне не пришлось ухаживать за Берри, опуская голый хвост в лужу и вереща часами, пока она не сжалится.

Даг подавился смехом:

— Ты только запихнул эту картинку в мою голову, так? Может, поэтому леди-квакши выбирают себе друга? Чтоб заткнуть их, наконец.

— Знаешь, звучит убедительно.

Даг пошел дальше, но снова остановился, когда Вит сказал:

— Даг... Фаун обижена на тебя? Она какая-то не такая радостная, как обычно.

Задумавшись, Даг повернулся к нему лицом.

— Она такой тебе показалась? Видя ее каждый день, я могу не заметить тонких изменений. И, конечно, ее Дар сейчас такой яркий и занятой в своем мастерстве, он перекрывает все остальное. Я думал, с ней все по-настоящему хорошо, но раз ты считаешь иначе, может, мне следует...

— Э-э... — сказал Вит. — Мастерстве?

— Разве она тебе еще не сказала?

— Не сказала что?

— Ну... — Дан прикинул, что у него равные права на эту новость. — Мы ждем ребенка... — Будет ли выпрашиванием лакомого куска у судьбы сказать «нашего первого ребенка»? — ...ранней зимой. Фаун говорит, что надеется подгадать к моему дню рождения, хотя я думаю, что может немного раньше.

Вит отступил назад на шаг, его глаза и рот широко раскрылись до того, как он засмеялся в изумлении.

— Ух ты! Я стану дядей! А Берри — тетей! Как насчет этого? Ух, не могу дождаться, пока расскажу им там, дома. — Его черные брови взметнулись вверх. — Погоди-ка минутку. А что все те фокусы, о которых ты мне говорил до того, как я и Берри поженились, чтоб это отложить?

Даг надеялся, что Вит не разглядит его пылающих щек в сумерках.

— Ну, никто ведь не говорил, что они безупречные. Случайности случаются даже со Стражами Озера, знаешь ли.

— Похоже на то!

— Я был... э-э... рассеян.

Вит, чтоб ему, захихикал. Даг проигнорировал его со всем возможным достоинством и еще раз попытался уйти. Вит пошел следом.

— Ну, раз она в положении, значит в этом дело, — сказал Вит, удовлетворенный тем, что его загадка разрешилась. — Спорю, он тоже вспыльчивый, хех.

— Едва ли, — проворчал Даг.

После этого несколько минут они шли в тишине.

Случайность? Или, на деле, это случилось намеренно? Даг надеялся, что его собственный разум не играет с ним игры. Какую угрозу Русло Новолуния представляло для него, в конце концов, чтоб заставить его захотеть предъявить свои права на жену настолько бесповоротно именно в этот момент? Угрозу или покой? Он должен признать, предложение такой жизни как мягкая, защищенная полезность Аркади было настоящим искушением, искушением из-за полезности не менее, чем из-за защиты. Но не там, не на юге.

Даг мысленно прикинул время. Все те недели и мили, оставшиеся позади, а крохотный огонек внутри матки Фаун не ослаб и не стал колебаться, крепко держась с упрямой, такой же как у Искорки, решительностью. Может, это будет девочка, позволил он себе мысль. Сильная, как ее мама. Может, в конце концов, можно позволить себе начать думать об этой новой искорке как о реальной личности, оригинальной и изумительной. Может быть. «Мое сердце... Ему почти больно оттого, что оно растянулось так далеко от своих бывших безопасных, тайных, сморщенных пределов.»

И какой бы случайности они не были обязаны этим, пока что он не сожалел о том, что стоит на этом пути.

* * *

Пять дней спустя Даг заново обдумал это убеждение.

Оно не было ошибочным, разве что слишком уж бесхитростным. Оно не было похоже на возвращение на север по пятам за весной, которые представилось ему, когда он и Фаун уезжали из Хикори — видение, для воспоминания которого потребовались некоторые усилия — только их двоих, затянувшейся весной, и кучу времени, проводимого вместе под одеялом. Пока что главная цель этого путешествия была получить свежие впечатления, потому что старые, казалось, не годились под новые задачи, стоящие перед ними. Едва ли он мог жаловаться, потому что его план прекрасно сработал.

Он повернулся в седле и оглядел кавалькаду. Шестнадцать человек и двадцать пять животных были почти что полноразмерным отрядом, разве что необученным. Он не был уверен в том, как именно он был выбран командиром. Правда, он продолжал использовать свою старую систему — выдавать как можно меньше распоряжений, потому что каждый раз, когда вы это делаете, люди начинают ожидать приказов, затем клянчить их, а после им становится трудно сделать без них любое движение. Таким образом, здесь эта система подошла очень хорошо.

Это скопление разнообразных людей смешалось лучше, чем он надеялся.

Речная команда привыкла иметь дело с чужаками, и это помогало менее опытным ребятам из Крокодилей Шляпы. Сумах приняла Блуфилдов как родственников по шатру своего дяди, к которому питала уважение, без особенных сложностей, и Рейз не смел что-либо возразить ей, так что помалкивал. Аркади сохранял свою обычную манеру вести себя, но Даг знал, что он все подмечает.

Берри, Келла и Фаун без промедления организовали женское братство, и только сейчас, наблюдая, как они равномерно делят задачи и помогают друг другу, как смеются вместе над разными женскими шуточками, Даг понял, как мучительно одинока Фаун была в Русле Новолуния. Шатер целителей принял ее ради Дага, но ни одна женщина из Стражей Озера по-настоящему не приняла ее, чтобы показать ей методы их мира. Это наблюдение привело его к весьма неожиданному размышлению о Сумах как женщине, оставшейся одинокой в их

компании, не будучи ни крестьянкой, ни мужчиной-дозорным. Может быть, поэтому она ехала так часто рядом с таким же одиноким Аркади.

А глаза Фаун становились все больше от удивления, когда их отряд забирался день за днем в настоящие горы, и это стоило всех усилий. Склоны холмов становились все выше и круче до тех пор, пока она не заметила с тревогой жителя равнин, что небо уменьшилось вдвое, как если бы кто-то украл его половину. Крошечные ручейки потекли со скал, как прядильные нити, спрятанные в разломах и прикрытые розовыми всполохами горного лавра. Резные головки папоротников развернули тонкие листья вокруг темных, глубоких родников.

Под зелеными, высотой до щиколотки, зонтичными яблоками прятались клайтони и лапчатки, а белый и розовый триллиум, благодаря которому называли маму Фаун, спускался волнами со склонов. Каждый знакомый северный цветок заставлял ее улыбаться от узнавания.

— Теперь я понимаю, почему ты не позволял называть горами те холмы около Глассфорджа, — сказала она Дагу.

— У северных Морских Врат есть горы выше этих, — сказал Даг. — Такие высокие, что на их вершухах круглый год зима, и снег и лед никогда там не тают.

— Вы нас разыгрываете! — воскликнул Финч.

— Нет. Видел их своими глазами, — сказал Даг. — Они плыли мимо, пики и скалы, полностью белые на фоне летнего голубого неба — как будто во сне.

— Интересно, можно ли сделать денег на этом льду? — сказал задумчиво Вит. — Паковать его и спускать вниз летом, чтобы продать.

— Это должно быть очень трудно — забраться в горы так высоко, — сказала Фаун в сомнении. — А лед тяжелый. Может, если бы он как-то соскользнул вниз...

— На самом деле, — сказал Даг, — люди в тех краях нарезают лед зимой на озерах и хранят его в погребе упакованным в солому. Он хранится лучше, чем вы думаете.

— Это звучит гораздо более практично, — сказала Фаун.

— Угу, — сказал Вит. — Чего только не узнаешь, путешествуя. Я ж могу попробовать это дома.

Раз уж он подробно рассказал с чем им придется столкнуться, Даг позволил крестьянским мальчишкам разделиться самим для того, чтобы преодолеть первую большую гору. Этим утром четверо вьючных животных были разгружены и добавлены к упряжке фургона, а груз его был уменьшен. Бо оставили у подножия горы охранять скарб, потому что он вовсе не так оправился от раны в живот, полученной осенью, как выказывал, а Хог остался охранять Бо. План был к середине дня дойти до вершины и спуститься до первой же хорошей стоянки, а затем отправить обратно кого-то из ребят и разгруженных вьючных мулов обратно к Бо на ночь. Другая половина отряда отдохнула бы, дожидаясь их на следующий день, а затем продолжила терпеливый спуск, используя камни и бревна как тормоза для фургона, чтоб он не разбился, внезапно укатившись. После чего должно было быть еще четыре дня относительно легкого путешествия по еще одной длинной долине до того, как им снова придется напрячься.

Все шло по плану до тех пор, пока они в полдень, поднявшись наполовину, не встретили еще один фургон, заблокировавший дорогу.

Даг, сопровождаемый по пятам Индиго, объехал вокруг него и увидел странную картину.

Фургон тянуло трое мулов и тощая лошадь, запыхавшиеся и покрытые вперемешку мокрыми и белесыми сухими пятнами пота. Один из трех мулов, коренной, упал на колени, запутавшись в упряжи. Женщина стояла на коленях рядом с ним, рыдая, с пылающей головней в руках.

Хриплый, слабый голос донесся из глубин фургона, скрытых полотняной крышей:

— Подпали ему его проклятый хвост! Живо вскочит!

— Миссис, что вы делаете с этим бедным мулом? — закричал Индиго в негодовании.

Она повернула к нему красное, заплаканное лицо, перечеркнутое прядями каштановых

волос, выпавших из ее прически в неразберихе.

Ей могло быть сколько угодно лет: может быть, измученные двадцать, может быть, не менее измученные тридцать. Ее рубашка была покрыта пятнами пота, а юбка была грязной.

— Он упал, не поднимется и не станет тянуть.

— Вижу, — сказал Индиго. — Если вы дотащили эту повозку сюда всего лишь с этими хромоножками, это более чем возможно. Вы с ума сошли, если хотите поднять фургон такого размера по этой дороге всего лишь с четверкой! У нашего фургона десять животных, и они едва справляются.

— Это все, что у нас есть. Один мул умер два дня назад, так что мы запрягли вместо него лошадь. Они должны дотащить нас наверх. Это все, что у нас есть...

— С кем ты там разговариваешь, Вио? — снова донесся хриплый мужской голос. — Не разговаривай с чужаками!.. — Под плотным холстом заплакал ребенок.

Даг неохотно открыл Дар, когда на козлы на коленях выполз мужчина. Его лицо было белым, как рыбе брюхо, его руки тряслись, когда он опирался на них. Он подозрительно огляделся вокруг. Кроме мужчины, в фургоне было двое детей. Наполовину взрослая девочка, тоже больная, лежала на тюфяке. Маленький мальчик внутри был привязан чем-то вроде упряжи, явно для того, чтобы он не упал под колеса, и он был сердито раздражен из-за пут. Он явно орал до того и собирался заорать снова, но именно сейчас он готовился к следующему заходу.

Взгляд женщины переместился к Дагу. Она сжалась:

— Гресс, помоги! Здесь на дороге Страж Озера!

— Где? Что?.. — мужчина, шатаясь, скрылся внутри, а затем вновь вывалился на козлы, сжимая в руках кабанье копые. — Вали прочь, ты! Ты наши кости не получишь!

— Он псих? — пробормотал Индиго.

— У него лихорадка, я думаю, — сказал Даг. «Хотя, с равным успехом он может быть психом».

Он отвел Копперхеда подальше от качающегося наконечника копыя и закричал, обернувшись назад, туда, где замер фургон Сейджа, а остальные всадники собрались вокруг него:

— Фаун! Берри! Вы нужны мне здесь!

Две женщины подъехали и спешили, рассматривая происходящее. Даг немного попятился, чтобы перестать тревожить обезумевших путешественников. Вио ударилась в иступленные рыдания при виде дружелюбных женских лиц. Мужчина упал на колени за козлы, перегнувшись через сиденье и по-прежнему сжимая в руках копые, которое едва мог поднять. Под успокаивающее бормотание Фаун и резкие вопросы Берри их история быстро вышла наружу.

Басвуды были бедной парой без семейного надела из деревни к югу от Кипящей Реки, которые сбежали, чтоб спасти свою жизнь от тяжелой рутины в надежде на ничейные земли в Олеане. Сейдж и Финч оставили своих лошадей и подошли поближе вовремя, чтоб услышать большую часть этой грустной истории. Фаун подозрительно осматривала их ветхую упряжь.

— Вы недостаточно экипированы для того, чтоб основать хозяйство. Там хорошая земля, это верно, но для нее требуется много тяжелой работы — больше года, обычно, до того, как вы можете рассчитывать на ней поселиться. Хотя, я думаю, если вы сможете сделать это в долине Грейс, то вы сможете найти там поденную работу и строить хозяйство.

— Это как раз та жизнь, которую мы оставили! — сказала Вио.

Гресс проворчал, не вставая:

— Не вернусь. Ни за что не вернусь, чтоб меня дразнили и высмеивали!

— Что ж, — сказала Берри, бывшая корабельная хозяйка, которая, несмотря на свой вид юной блондинки, не выносила дураков, — раз вы не можете вскарабкаться наверх и не можете отправиться назад, похоже, вам останется только сесть и помереть с голоду на этой горе. Что, конечно, сэкономит вам сил. Но не надо прижигать этого глупого мула огнем. Он

никак не сможет втащить вас на эту гору.

— Будет лучше, если вы повернете назад, — сказал Даг, не желая привлекать внимание к собственной покрытой шрамами стражеозерной персоне, но чувствуя, что Берри необходимо поддержать. — Даже если вы каким-то образом заберетесь наверх, дальше по Тракту есть еще два перевала, которые ничуть не лучше. У вас ничего не выйдет.

— В любом случае, вам нужно убрать фургон с дороги, чтоб другие могли проехать, — сказала Берри твердо.

Рыдания Вио усилились. Дети внутри фургона, Плюм и Оулет, услышав горе своей матери, тоже расплакались.

Даг увидел сочувствие в глазах Фаун и задался вопросом, что случится дальше.

— Сейдж, — сказала она, — мы отправим половину наших животных вниз. Что, если ты со своей командой вернешься сюда и затащишь его вместе с ними? Их животные отдохнут, пока будут ждать. В семь пар этот фургон взлетит на гору за минуту.

Индиго почесал затылок.

— В самом деле, если мы будем вместе на следующем перевале, то мы сможем затащить фургоны наверх по очереди на мулах, и нам не надо будет возиться разгружать лошадей.

Вио прекратила сморкаться и посмотрела наверх с надеждой:

— А вы могли бы?.. И мы бы?.. О, пожалуйста, скажи да, Грусс!

Человек с лихорадкой пробормотал что-то вроде «Поубивают нас в постелях», но его жена проигнорировала это, уставившись на Индиго.

— Грусс будет более разумен, когда эта болотная лихорадка попустит. Еще один день, обещаю, и он будет на ногах. О, пожалуйста... это так жестоко, вы не должны были этого говорить, если не намереваетесь в самом деле!..

Вот почему этим вечером они заночевали на вершине перевала в прохладном тумане, а не в более приятном месте ниже. Даг и Аркади под нажимом попробовали вылечить болотную лихорадку полусумасшедшему человеку, который боролся с ними за каждую малость. Ужас Грусса, в основном, принял форму проклятий и оскорблений. Его жена была беспомощна перед лицом этого, но Берри приложила руку и тон, и это успокоило его не хуже, чем пьяного матроса. Аркади не остался в стороне, и это было неожиданно для Дага; его прежний опыт с трудными больными крестьянами, казалось, был шире, чем должен был быть.

Даг обходил лагерь по периметру, проверяя, не собирается ли кто-нибудь упасть в обрыв, бегая в кусты, и гадая, есть ли у Аркади в запасе какое-нибудь средство от головной боли. Сильное средство...

Он остановился, ощутив приближение лошадей и всадников сзади. У честного народа было мало причин выезжать на Тракт после наступления темноты, и разумные так не поступали. Слабый свет полумесяца только размывал туман. В таких безлюдных местах скорее бандиты нападут на путешественников. Он в тревоге расширил свой Дар.

И ощутил соприкосновение с другим, очень знакомым.

Даг выбежал на дорогу как раз вовремя, чтоб увидеть троих всадников, вынырывающих из молочного тумана. Ремо. И Нита. И Тавия.

— Отсутствующие боги, Даг! — раздраженный голос Ремо странно прозвучал во влажном воздухе. — Наконец-то мы тебя догнали, разрази тебя гром!

Глава 16

В этот вечер Дагу удалось улизнуть от конфронтации, так как Аркади уже спал, завернувшись в свое одеяло. Вместо этого Нита и ее маленький отряд утром загнали их с Аркади в угол. Хотя было бы слишком оптимистично называть это время «утром»; уместнее было бы сказать, что туман посветлел. Водяные капли собирались на одеялах, упряжи, на волосах у каждого, мокрые и промозглые. Потрескивающие языки костра, разведенного

дозором для завтрака в зоне слышимости крестьянских фургонов, казались бледными и тусклыми, совсем как люди, собравшиеся вокруг. В этом оранжево-сером свете даже Аркади выглядел небритым, потрепанным дорогой и изможденным.

— Я думала, мы догоним вас перед Пустошью, — обстоятельно объясняла Нита. — И догнали бы, если бы нам позволили выехать раньше.

— Мы потеряли первые пять дней из-за попыток Энтана Булраша переупрямить и дождаться тебя, — сказал Ремо Дагу. — Я говорил ему, что Аркади, может быть, и блефует, но ты не станешь. Когда он, наконец, позволил мне поехать на ферму Бриджеров и проверить, вы уже четыре дня как были в пути.

— Точно, — сказала Нита, — а потом мы потеряли еще два дня, споря обо всем этом. Совет лагеря, в конце концов, переубедил капитана. Нам нужно было скакать следом так, как это делают курьеры, меняя по пути лошадей, но Энтан этого бы не дозволил.

— Нам повезло с дорогой и погодой, — сказал Даг. «И я нас гнал вперед». Он желал, чтобы у него было еще несколько дней, чтобы подгонять отряд; чем дальше — тем лучше.

— В любом случае, — сказала Нита, — вам нет нужды больше ехать на север. Мы победили!

Аркади с любопытством покосился на нее. Барр, прячущийся за его плечом, нахмурился.

— Я обещал себе и своим родственникам по шатру Блуфилд отправиться на север, — сказал Даг. — И вся та крестьянская молодежь рассчитывает, что я буду их проводником на дороге, которую они не знают. Я более или менее пообещал довести их хотя бы до долины Грейс. — Он украдкой посмотрел на Аркади. — На самом деле, я надеюсь, что Аркади поедет с нами. Я даже не начал показывать ему все, что может предложить север. Там еще много что можно увидеть и узнать.

— Нет, сэр, вы не поняли! — воскликнула Нита. — Я хочу сказать, мы победили полностью. Дагу разрешено вернуться в лагерь, и ему будут даны права лагеря несмотря на девушку-крестьянку, а еще шатер целителей на крестьянском рынке! Целительница Челла на самом деле очень заинтересована в нем после того, как вы показали ей ваш фокус с расколдовыванием.

Аркади заморгал. И Даг.

Барр огляделся:

— У меня есть мысль получше. Почему бы вам всем не поехать на север вместе с нами? Хотя бы ненадолго. Мы более чем на полпути туда, а мне прошлой осенью было сказано не возвращаться без тебя, Ремо. Подозреваю, что в Жемчужных Перекатах сказали бы то же самое обо мне самом, но предпочитаю закончить это как положено, прежде чем начинать... что-либо еще. Ты тоже мог бы.

Ремо потряс головой:

— Ты не понимаешь. Я нашел для себя новое место — место, где меня не считают грязью под ногами. Я не должен возвращаться и ползать на животе, чтоб выбить место в хорошем дозоре. Новолуние в самом деле хочет меня!

Сбросить свои воображаемые грехи, как змея сбрасывает свою кожу, отбросить прошлое и свою критикующую семью... Даг мог понять привлекательность южного лагеря для юноши.

— Хочет — это не то же самое, что нужен, — сказал Барр. — В Русле Новолуния достаточно дозорных. Нет лагерей к северу от Грейс, которые могли бы сказать то же самое. — Он со значением посмотрел на Тавию, которая дотронулась до губ в сомнении.

Нита высоко подняла голову:

— Барр может заканчивать свои дела сам. Нас послали сопроводить Аркади и Дага домой. — Даг заметил, что она не добавила Фаун в список. — Как бы то ни было, — она повернулась к Аркади, — в вашем возрасте, сэр, у вас и без того полно жизненных трудностей. Мы можем проводить вас напрямик до вашего уютного дома. Он остался за вами.

Аркади потер рукавом глаза:

— Боги... Не могу думать, когда я покрыт дорожной пылью.

Даг не заметил, чтоб Аркади был грязнее, чем любой другой, но он прикусил язык вместо того, чтоб сказать об этом. Фаун и Сумах вместе готовили чай. Сумах приподнялась и молча протянула первую подслащенную чашку Аркади. Он принял ее с выражением благодарности на лице и отпил немного. Сумах довольно холодно взглянула на Ниту.

— Сегодня никто никуда не поедет, ни вперед, ни назад. Раз нашим животным нужен отдых, вашим скакунам должно быть еще хуже, раз они покрыли то же расстояние за две трети времени. Даг не может оставить свой отряд разбросанным по десяти милям дороги — в дозоре назвали бы это отвратительной операцией. В самом крайнем случае нам нужно, чтобы все безопасно спустились с перевала. Так что у нас много времени, чтоб подумать обо всем этом позже. После завтрака.

— Согласен, — сказал Даг.

Аркади оглядел круг лиц и пожал плечами:

— Даг — командир отряда.

Нита, без сомнения, почувствовала, что ее обошла в маневре женщина старше ее самой, но не смогла найти разумных возражений, так как по поводу лошадей была сказана чистая правда. После напоминания о завтраке спор прервался дружно бурчащими желудками и был защищен от продолжения суматохой в лагере.

Даг подслушал, как Сумах прошептала Аркади:

— После ланча, когда мы спустимся, я покажу вам фокус дозорных, который они исполняют, чтоб найти теплую воду и вымыться.

— Было бы неплохо, — вздохнул Аркади.

У них ушел целый день, чтоб взобраться наверх, но спустились они с другой стороны всего лишь за полдня. Возможно, помогло то, что сварливый Грасс оставался в постели в своем фургоне, а его жена была более разумной половиной пары. Эш и Индиго помогли ей спуститься. Им удалось спустить вниз фургоны так, что ни один не свалился с извилистой дороги, хотя пришлось убирать с нее два упавших дерева и небольшой камень. Когда они нашли новое место для стоянки в долине между туманным пиком и холмами внизу, был мягкий, теплый весенний день. Последовала суэта, чтоб накормить четверых парней-южан и Вита и отправить обратно за перевал переправлять Бо, Хога и остаток их пожиток; хотя те явно желали бы отложить обратный путь до следующего дня.

Когда Даг в конце концов отправился искать Аркади, того нигде не было.

Даже в зоне чувствительности его Дара.

— Ты видела, куда пошел Аркади? — спросил он Фаун.

— Хм... — сказала Фаун.

— Что?

— Сумах увела его в лес, чтоб обеспечить теплую ванну. Так она сказала.

Даг приподнял брови.

— Ну, Аркади взял свое душистое мыло, полотенца и бритву. — И добавила после паузы: — А Сумах — одеяло, которое, наверное, нужно после ванны. — И после еще одной смущенной паузы: — Думаешь, они ушли охотиться на белок?..

Даг набрал воздуха в грудь:

— Не уверен.

Фаун взглянула на него, встревожившись:

— Ты ведь не думаешь, что должен идти их искать? Из-за того, что Сумах твоя племянница.

— Чтобы мне откусили вторую руку? Нет. Сумах — взрослая женщина. А Аркади... вовсе не неподходящий ухажер. — Родословная целителя Аркади явственно была прекрасной настолько, насколько это возможно, а разница в возрасте у них не была чем-то, против чего Даг осмелился бы возразить.

Фаун вздохнула с облегчением.

Губы Дага медленно сложились в улыбку, когда он представил, как Аркади мог бы связать узами себя с шатром Редвинг, если б Сумах притащила его домой в качестве приза. Даг не сомневался, что Аркади сможет держаться стойко — проклятье, да Дор не продержался бы против него и пяти минут. И Кумбия... ну, Аркади был бы, без сомнения, изысканно вежлив с Кумбией. Но она не сбила бы его с выбранного пути ни на дюйм.

«Не забегай вперед головы, старый дозорный». Аркади и Сумах — оба сложные люди и могут еще подойти или не подойти друг другу. Они не приоткрывались глубоко перед Дагом; Аркади, казалось, был рад слушать воспоминания Сумах и Дага. Скрывая свое уязвимое сердце? Мужчина должен быть мудрым, чтоб иметь дело с Сумах, а Аркади был мудрым человеком.

А еще... Сумах и Рейз намеревались покинуть отряд несколько дней назад, еще на Кипящей Реке, и были бы сейчас на сотню миль ближе к озеру Хикори. Возможно, объединение со старым добрым дядей Дагом было не единственной причиной ее задержки?

А затем появилась Нита, принеся горячее дыхание конкуренции — в некотором роде. Даг подозревал, что Сумах не привыкла к соперничеству за мужчин — ей редко приходилось с ним сталкиваться, потому что они все бродили за ней по пятам как утята. Хотя, как командир отряда, она привыкла быстро думать и действовать в чрезвычайных ситуациях. А если Аркади отправился бы завтра на юг, вряд ли они могли бы перекрестить пути еще раз...

— Бедные белки, — пробормотал Даг. — У них нет шансов.

Фаун улыбнулась ему:

— Может, мы должны пойти и сами поискать? Если Сумах может найти теплый ручей в этих лесах, то, думаю, ты тоже сможешь.

— Прекрасный план, Искорка.

— Я принесу мыло.

— И одеяло. А в каком направлении нам искать?

— В любом, только не на севере. Я думаю, в этом направлении уже есть хорошая защита от беличьей угрозы.

— Точно.

Когда Даг, улыбаясь, отправился найти Барра и предупредить его об их дневном запланированном отсутствии, он нашел рядом с ним Ниту и Тавию.

— Вы видели Аркади? — спросила Нита. — Я должна поговорить с ним серьезно.

— Он отправился купаться, полагаю.

— Куда?

— Я не видел, — сказал Даг совершенно честно. И немного менее честно добавил: — Вниз по течению, может быть, как вам кажется? — Ручьи здесь бежали в юго-западном направлении.

— Пойдем, Тавия, — сказала Нита. — Аркади не должен прогуливаться один в этих лесах. Это небезопасно.

— Не думаю, что он ушел далеко, и сомневаюсь, что ему нужно ваше общество, — заметил Даг. — Он ценит уединение.

Тавия испугалась тревожащей мысли помешать мастеру Аркади купаться. Они спорили, сидя на бревне, когда Даг и Фаун шмыгнули прочь по своим собственным делам. На запад.

* * *

Томный полдень был всем, о чем мечтал Даг еще тогда, когда рассматривал это путешествие как свадебное. Глубоко в лесу они с Фаун нашли ручей, текущий тонкой струйкой в залитый солнцем пруд, настолько теплый, насколько позволяла весна. Рядом с ним они расстелили еще более прогретое одеяло поверх испещренного солнцем скопления мягких зеленых хвощей. Вокруг в изобилии цвели дикие горные цветы.

Но, невзирая на отсутствие торопливости, когда они прибрегли обратно в тихий лагерь,

Аркади и Сумах все еще отсутствовали.

Горный хребет, который они недавно пересекли, рано закрыл собой солнце, отбросив на лес холодную тень под все еще светящимся небом. Тени густели, когда Даг, наконец, увидел, как Аркади и Сумах появились из-за деревьев. Он мог бы подумать, что у них обоих появился свой собственный внутренний свет, пробивающийся сквозь наполовину прикрытый Дар. Они остановились и разъединили руки, затем Аркади повернулся, чтоб поправить, пропустив сквозь пальцы, свободные сохнувшие волосы Сумах, упавшие ночной тенью ей на плечи.

«Повезло им...» У Дага заняло несколько мгновений понять, что же изменилось в Аркади — не считая очевидного. Его серебряно-золотые волосы больше не были собраны в скорбный узел, а были заколоты на затылке и затем спускались прямой волной на плечи. В северном стиле... работа Сумах?

Тем не менее, никто из них не сделал никаких интересных объявлений — совершенно сводящим с ума образом. Они проскользнули обратно в рутину приготовления ужина в стихшем лагере почти по отдельности. Бассвуды были особняком, а Фаун, Келла и Берри совместно жарили форель, которую Ремо и Барр добыли из шумевшей недалеко реки. Нита наблюдала за Аркади с беспокойством, но у нее хватало такта не допрашивать его, либо же она была слишком занята вечерними обязанностями лагеря и уходом за лошадью, чтоб приступить к этому.

Даг, гадая, должен ли он спросить Аркади о его намерениях, решил, что это был бы неверный конец палки. И когда зажглись звезды, он загнал в угол Сумах:

— Приятный был денек? — добродушно спросил он.

— Очень. А твой?

— Подозреваю, что так же. Не любопытствую.

Он мог почувствовать ее усмешку в тени высокого цветущего тюльпанного дерева, за которым они прятались.

— Ты ж умираешь от любопытства.

— Ну... Я чувствую определенную ответственность за своего напарника.

Сумах высоко подняла голову и заметила, как если бы не обращаясь ни к кому:

— Мне нравится мужчина с чистыми руками. Кто знает, что можно сделать с ними.

— Нужно ли мне спрашивать тебя, честные ли у тебя намерения?

— Намерения — это как желания. Ты не всегда можешь их достичь.

— Аркади... очень чувствительный человек. Даже если он силен на своем собственном пути. Ты можешь... если... — Даг замялся в поисках нужного слова. — Ему может быть больно.

— Я это сознаю. — Ее поблескивающие в темноте глаза, наконец, стали серьезней. — Мы говорили об этом.

— Говорили... — Даг попытался представить разговаривающего Аркади. Ему потребовалось приложить усилие. — О чем?

— О многом. Например, о том, что у нас есть общего.

— Вроде чего? — спросил Даг. Они не были парой с очевидно схожими интересами несмотря на то, что он подозревал более тонкую их сочетаемость.

Снова эта сумрачная улыбка.

— Думаю, мне не стоит говорить об этом. Но ты был прав — внутри человек порочен.

Даг прочистил горло:

— Он, хм... рассказал тебе что-нибудь о своем первом браке?

— С Бриной? О, несколько дней назад.

— О, — Даг запнулся. — Неделя — это не так долго, чтоб принять решение после пятнадцати лет ожидания... чего бы ты ни ждала.

— Да, я несколько задержалась на старте. И он беспокоится, что может повториться история с горем его и Брины. Он думает, что может быть будет лучше, если мы не будем связывать себя узами до того, как будем уверены, что все получается. Так что я не покину

дозор и не переверну свою жизнь вверх тормашками ради пшика. Хотя, мы оба были бы рады твоему благословлению.

Мгновение Даг пытался понять, почему кому-то его благословление нужно больше, чем рыбке зонтик. Он представил это: Значит... да... Аркади во что бы то ни стало постарается, чтоб моя племянница забеременела! Семья будет в экстазе! Исключая то, что они вероятно были бы в экстазе уже сейчас.

— Видишь ли, пришло время, — сказала Сумах просто. — Спустя пятнадцать лет у меня было столько практики в рассортировывании того, чего я не хочу, что узнать то, что я хочу, не должно занять много времени. Даже если я никогда раньше его не видела. Сколько времени у вас с Фаун ушло на то, чтоб решиться друг на друга?

— Э-э... Несколько недель. — Он подумал и честно признался: — Ну, два дня. И несколько недель, чтоб набраться храбрости.

Мелькнула лисья улыбка.

— Ну, что ж, — она набрала воздуха в грудь. — Когда мне было двадцать, я знала все о своем будущем. Сейчас я не знаю ничего. Но я знаю, что твой напарник отправится на север, когда отправлюсь я. Так что ты можешь сказать «Спасибо, Сумах».

— Спасибо, Сумах, — покорно повторил Даг. И добавил более мягко: — Желаю всю радость огромного мира для вас двоих.

Ее губы сложились в самую мягкую улыбку, виденную им на этом суровом лице. Она благодарно кивнула.

* * *

Сумах оказалась права в утверждении о выборе направления Аркади.

Нита, однако, не сдалась и не повернула обратно — частично из-за того, что Ремо пустился в споры, волнуясь и колеблясь из-за слов Барра. Тавия говорила мало. Когда объединенный отряд, в конце концов, выехал на Тракт и снова взял курс на север, он раздулся до двадцати трех человек и целого табуна лошадей и мулов. Что ж, заключил Даг, это сделало его более сложной мишенью для бандитов.

Спустя три дня путешествия тракт привел их к узкому проходу между непрерывными горными гребнями, которые вздымались вокруг огромными, зелеными, закрывающими небо горбами. Людей здесь почти не было.

Несколько деревень, расположенных на небольших равнинных участках, предложенных долиной, пополняли свои скудные доходы, помогая путешественникам.

Грусс, оправившись от приступа лихорадки достаточно, чтоб держать поводья, жадно ел глазами земли вокруг, но каждая долина с ручьем явно была уже занята.

Само собой, Вит заметил грецкий орех, висящий на шее его сестры, и узнал в нем подарок на ее день рождения. Таким образом, вместо того, чтоб уговаривать своего брата по шатру стать его следующей жертвой, Даг нашел в нем оживленного добровольца. Даг сначала собирался поискать для пробы некое уединенное местечко вокруг, а затем вспомнил шоу, которое он учинил вокруг Крейна и создания своего первого разделяющего ножа. Воспоминание было тревожащим, и ему не нравилась мысль заниматься сложной и зависящей от удачи работой с Даром при зрителях, но эта толпа была восприимчивой и, в основном, дружелюбной. Его собственные слова пришли ему на память: «Никогда не упускай шанса подружиться и обучить чему-то».

Так что, этим вечером около костра Даг приступил к своей следующей крупной работе с Даром.

Первые несколько минут они решали, чьи волосы использовать для Вита, его жены или его сестры, вместо его собственных слишком коротких кудряшек.

Они выбрали волосы Берри. Та скорчила рожицу, когда Фаун отрезала у нее густой светлый локон. Более толстые пальцы Вита оказались менее ловкими, чем у Фаун, когда он плел шнур. Особенно, когда его кровь сделала перепутанные волосы скользкими. Все

столпились вокруг. У Стражей Озера были более удивленные лица, чем у крестьян, когда Даг перешагнул через бревно позади Вита и помог ему вплести его Дар в удлиняющийся шнурок.

— Так вот как они сделали свои свадебные браслеты! — пробормотала Тавия.

Индиго нахмурился, будто от неприятных воспоминаний, шевеля пальцами, как зачарованный.

Мешочек черных грецких орехов, уложенный на дно седельных сумок и забытый во время речного путешествия, ездил с Дагом еще с озера Хикори. Вытащив сейчас один, он покатал его между пальцами, ощущая неожиданную дрожь от этого напоминания о доме. Он взглянул на Сумах, наблюдающую из-за плеча Аркади, и подавил улыбку. Любой крепкий орешек подошел бы для того, чтобы принять в себя спиральность, но Даг был рад именно этому.

Аркади опустился на колени с другой стороны, пристально наблюдая за тем, как Даг, сняв крюк, положил свои длинные руки вокруг рук Вита, а подбородок уложил на плечо парня. Его пальцы из плоти вместе с пальцами Вита укладывали орех в сетку из волос в то время, как его призрачные пальцы сформировывали спиральность из своей же субстанции, ловя Дар Вита и обвиваясь вокруг него.

— Лучше вам остановиться, Даг, — пробормотал Аркади ему в ухо. — Вы вывернетесь наизнанку, если полезете глубже.

И верно, ведь мастер Вейв тоже обвиняла Дага в перегруженности его работы с Даром; Даг расслабился. Они с Витом вместе приподняли сплетенное из волос ожерелье над головой Вита, и орех-кулон лег ему на грудь в вырез рубашки. Даг раскрыл призрачную руку и выпустил спиральность, сжав зубы от режущей боли.

Его желудок сжался и ноги похолодели. Аркади резко выдохнул сквозь зубы; губы Сумах поджались. Ремо прошептал: «Оу». И мягко, как разбрызгивающееся пятно, мерцающий щит Дара проявился сквозь кожу Вита по всему его телу. С головы до пят. «Да».

— Ну, что дальше? — спросил Вит, трогая орех пальцем.

— Ты ничего не чувствуешь? — спросила Сумах.

— Ничего особенного, — Вит посмотрел вверх и заморгал: — Что? Мы уже все сделали?

— Ага, — Даг выпрямился, потянулся и сжал пальцы, гримасничая в то время, как напряжение покинуло его спину. Вит подпрыгнул и затанцевал вокруг костра, требуя, чтоб Барр и Ремо описали, что они видят Даром.

Грусс Бассвуд, явно все еще ожидающий начала человеческих жертвоприношений и каннибалистской части, заморгал и сказал разочарованно:

— Вот и все? Он же ничего не сделал!

— А теперь Берри! — сказал Вит в припадке энтузиазма. — И Готорн.

Готорн шумно возликовал; Бо отвесил ему подзатыльник.

Хог заколебался, неуверенно улыбаясь:

— А я?..

Берри схватилась за волосы и напряженно засмеялась:

— Я так полысею!

Аркади посмотрел на то, как Даг свалился на бревно, и сказал:

— Могу я попробовать сделать следующий?

Даг вскинул голову и удивленно прищурился; Аркади кивнул ему. Сумах ободряюще сжала плечо Аркади, посылая его вперед. Барр подал Дагу руку; Даг зашатался и мгновение стоял, уперев руки в колени, пока не прошло головокружение.

Аркади сглотнул, занимая место Дага на бревне. Фаун повторила действие над волосами Берри своими ножничками, затратив некоторое время на женский спор о том, где отрезать так, чтобы потом лучше отрастало.

— Вы, Стражи Озера, должны потом мне полечить этот порез на пальцах своим Даром, — сказала Берри непреклонно, усевшись и разложив перед собой пучки волос, —

чтоб я могла играть на скрипке.

Хор добровольцев выразил согласие, она удовлетворенно кивнула и приступила.

Окровавленный шнур получался у Берри явственно аккуратней и мягче, чем у Вита.

Аркади поймал ее Дар со второй попытки — Даг был поражен — и вплеп его в свою спиральность с кажущейся легкостью. Аркади в своей работе время от времени творил сложные и искусные спиральности; Даг подумал, что любой мастер по ножам или главный целитель должны быть почти так же опытны и сведущи. Его надежда воспряла духом. Если другие мастера, кроме Дага и по общему признанию исключительного Аркади, смогут выучиться этой технике, она станет гораздо более чем просто фокусом. Может быть, это даже станет решением. Хотя даже Аркади задохнулся, отпуская сформированную спиральность, и его лицо стало истощенным.

Сумах схватила его за руку и держала его прямо до тех пор, пока его дыхание не выровнялось.

— На сегодня лучше остановиться, — сказал Даг. — Теперь у нас три разных образца для изучения. — Работа на каждом немного отличалась, и Даг не был уверен, какой был самым хорошим. Когда он улучшит свое умение, решил он, то вернется и сделает щит Фаун заново. Хоть он и не считал, что ее щит перегружен; если бы он мог, он сделал бы его еще вдвое сильнее, для нее и для ребенка (как он сейчас предпочитал думать, их будущей дочери, хотя из-за щита трудно было быть уверенным), потихоньку растущему внутри нее.

— Смотрится он неплохо, — сказала Вио, рассматривая Берри.

— Это лишь то, что они позволили нам видеть, — проворчал Грасс.

Затем Берри и Барр смутили друг друга, когда он попробовал подкрепить ее Дар в кровотокающих пальцах, но его подкрепление спадало. Они позвали Аркади.

— Что ж, щит отталкивает работу с Даром, все верно, — сказал Аркади, проводя пальцем по руке Берри и нахмурясь. — Его не интересует, направлено воздействие во зло или во благо. Вы можете выключить щит, если снимете его, но я предпочел бы, чтобы вы пока этого не делали.

Берри изучила его слегка осунувшееся лицо и понимающе кивнула.

— Право слово, да, это было бы как утопить корабль, который только что спустили на воду. Я просто промою пальцы и перевяжу их на ночь. Это всего ли маленькие порезы. К утру все будет в порядке.

Даг поймал взгляд Аркади:

— Понимаете теперь, почему он не будет закончен, пока я не пойму как сделать щит чем-то таким, что крестьянин мог бы снимать и надевать?

— Подумать об этом, конечно, стоит, — плечи Аркади поникли от усталости, как после срочного целительского вызова, но его медные глаза блестели от возбуждения.

— Чего я не понимаю, — сказал Грасс, — это зачем вы, Стражи Озера, хотите сделать что-то, что мешает вам что-то делать?

— И впрямь, это кажется бесполезным, — пробормотала Нита.

— Не от Стражей Озера мы хотим защитить крестьян, — сказал Даг. «Или, по крайней мере, не только от них». — Хоть я и ожидаю, что могут быть интересные последствия. От Злых. Зловредных привидений.

Грасс поморщился. Еще один крестьянин, который толком не верит в угрозу, которую никогда не видел и о которой едва слышал — или не рвался бы так на север, понял Даг. Вио выглядела более встревоженной.

Зрелище закончилось, и отряд разошелся укладываться по своим одеялам.

Когда ночной ветерок вздыхал в деревьях, Даг обнял Фаун покрепче.

Она прижалась к нему под одеялом и сказала:

— Это было хорошо проделано, Даг.

— Разве что хорошо начато. До «проделано» мне видится еще долгий путь.

— М-м... — сказала она. — Но остановись и подумай о том, как далеко ты ушел в сравнении с этим же временем прошлого года.

Едва ли ему нужно было чувствовать ее клубящийся Дар, чтобы ощутить поток воспоминаний, волну напряжения, прошедшую по ее спине под его единственной рукой.

— Хм?..

— Как далеко ушли мы оба, — продолжила она тише. — В это время в прошлом году... Я уже сотворила свою глупейшую ошибку и как раз сбежала из дома в панике. Ну, точнее говоря, не в панике. В отчаянии, может быть.

Он позволил своим пальцам поискать напрягшиеся мускулы на ее спине и растер эти напрягшиеся струны. «Отчаяния больше не будет, Искорка. Если я буду в силах помешать этому.»

— А я... дай-ка подумать. Думаю, был в своем тысячном дозоре, до того, как курьер от Чато вызвал нас в Глассфорд. Я провел слишком много лет, запутавшись в единственном ночном кошмаре и изо всех сил избегая того, чтоб броситься в него и разделиться... и я по-настоящему устал от этого состояния ума. Я помню это.

В свою очередь ее тонкие маленькие пальчики изгнали плохие воспоминания из его мышц.

— А мог бы ты представить нас, здесь, сейчас? Мог бы представить такое мастерство, как делал сегодня вечером?

— Боги. Нет. И никакое другое мастерство. Даже в самых дичайших мечтах. Понимаешь, мои мечты, в основном, не были хорошими.

— Тогда продолжай в том же духе, — ее губы прижались в теплом поцелуе к его ключице, а затем их уголки приподнялись. — Я так понимаю, преимущество того, что ты мрачный парень — это что все твои сюрпризы оказываются радостными.

Он захихикал:

— Точно, Искорка.

* * *

Следующий день привел их к подножью второго перевала, где они пораньше остановились лагерем, чтоб выработать самый эффективный план понятия фургонов наверх. Даг надеялся, что, если подняться на рассвете, то весь отряд сможет оказаться внизу на другой стороне к завтрашнему вечеру.

Эта долина, труднопроходимая и почти такая же безлюдная, как Пустошь, была последней, где земля приподнималась, как складки на одеяле великана; тропинка в своем начале привела бы их, ныряя вверх и вниз, в заселенные земли, приближаясь к долине Грейс. Даг ощущал странный холодок внутри при этой мысли.

«Искорка, я и наш малыш едут домой. Этот дом надо будет построить, вырезать его из незнакомой земли, и пусть даже для этого явно придется рубить деревья и корчевать пни.»

Обходя дозором ночной лагерь по периметру, Дага обеспокоило то, что за ним следом пошла Нита. Может быть, ему стоит разнообразить свои привычки; а иначе на него слишком легко устроить засаду. Он неохотно замедлил шаг и позволил ей догнать его, не тревожась о том, что спор о выборе направления вновь будет открыт.

— Прекрасная ночь, — заметила она.

— Ага. — Небо было усыпано звездами, а прохладная тьма источала зеленые ароматы весны, оживающей под песни жуков и лягушек.

— Знаешь, — она дотронулась до его рукава, и ее улыбка потеплела, — я приглашаю тебя пойти со мной.

Неужели ее вдохновила хитрость, примененная Сумах? Она что, думает соблазнить его и развернуть на юг? Что такое случилось со всеми этими прелестными молодыми девушками в этом году? «И где они все были, когда мне было двадцать два, и я мог сделать с этим что-то?» Удручающий ответ «еще не родились» оказался довольно неизбежным. Сначала Келла, теперь Нита... хотя, Келла едва ли этого желала. А вот предложение Ниты было более запутанным.

— Нита, как бы это ни было лестно для человека моего возраста, но знаешь ли, я связан узами, — он дотронулся пальцами до шнурка, обвивающего его левую руку повыше протеза, как бы случайно убирая свою правую руку из ее хватки.

Приглашающая улыбка Ниты не дрогнула:

— Она крестьянка. Она не узнает.

Не сможет прочитать изменений в его Даре, она имела в виду.

— Это не повод. — Ему нужно было пресечь это в зародыше резко и быстро, и, возможно, жестоко. «Прости меня, Каунео, за то, что использую воспоминания о тебе таким образом...» Но Каунео сама была командиром дозорных и поняла бы его. — Видимо, ты не понимаешь, так что я объясню. Только один раз. Я любил женщину-дозорную очень сильно...

— Ты сможешь снова.

— Нет. Никогда снова. Никогда, пока я еще дышу, я не обменяюсь сердцем с женщиной, по отношению к которой у меня была бы обязанность приказывать, причиняя ей вред.

— Ты говоришь о Волчьем Перевале, не так ли? Это была великая трагедия, но великая битва. — Сочувствие загло ее взгляд звездным светом.

— На самом деле, это была очень глупая битва. В течение двух недель после нее я был слишком слаб от потери крови, чтоб встать, и у меня была куча времени, чтоб лежать там и думать о том, как можно было это сделать лучше. И одно я там понял — если бы я смог повторить все это, я бы пожертвовал целым отрядом, ее братьями и всем, без сожалений или угрызений совести. Это неподходящий выбор для командира отряда или капитана. Вот почему я больше никогда не брал на себя по собственной воле эти обязанности.

Она начала говорить; он перебил ее:

— Одно из того, что я больше всего люблю в Фаун, это то, что она не из дозора, никогда не могла бы в нем быть и никогда не будет. Она является противоположностью Каунео во всем. Маленькая ростом, а не высокая; с волосами темными, а не цвета ягод остролиста; карие глаза вместо серебряных; не похожа на меня ни возрастом, ни чувством Дара. Крестьянка вместо Стража Озера, куда же дальше? Я могу смотреть на нее дни напролет и не затронуть ни одного болезненного воспоминания. — Исключая искорку в ее Даре; в этом отношении две его жены были ужасно похожи. Он сглотнул при этой мысли и задумался, отчего он никогда не позволял себе подумать об этом раньше. — Давай оставим это, Нита. Ты только будешь смущать себя и меня без какого-то успеха. Для тебя найдутся молодые люди получше.

— Молодые идиоты, — фыркнула она.

— Со временем они станут старше. — Вырастут в старых идиотов? Это было очевидно.

Она выпрямилась. Даг в отчаянии гадал, как еще он мог бы сказать что-то вроде «Ты прелестная, молодая милашка, но твоя тактика прозрачна, и я не дотронулся бы до тебя даже палкой» без того, чтоб раздражить ее и обидеть.

Конечно, он не был самым декоративным добавлением к постели любой женщины. Он предпочитал думать, что Нита до недавнего времени не размышляла о нем в таком качестве — более того, когда они встретились впервые, до того, как она узнала его историю, она смотрела на него как на майского жука, раздавленного каблуком. Но ореол героя создал дилемму.

К счастью, до того, как он мог бы запутаться еще хуже при помощи собственного языка, она мужественно вздернула подбородок, повернулась и ушла. Она была слишком гордой дозорной, чтоб убежать, так что это принесло ему лишь некоторое облегчение. У Дага появилась надежда, что ему удалось отбить охоту к такому способу решения спора о направлении их движения навсегда, хотя в голове мелькнула мысль, что у Ниты остается возможность отправить в следующую атаку напарницу. Он понадеялся, что у Тавии больше ума.

Потому что у Ниты была проблема, более тяжкая, чем мужчина, которого можно или

нельзя было затащить в постель. Даг не был уверен, какой величины шоу она устроила в Русле Новолуния, чтоб Аркади разрешили вернуться, а им — отправиться следом за ним, но не сомневался, что вернуться назад в лагерь без Настройщика Дара было бы для нее значительным унижением. Еще более худшим, если ей придется возвращаться одной, потому что Ремо и Тавия решат отправиться на север (хотя Даг подозревал, что Энтан будет очень рад, если она вернется без Дага и Фаун). Мог ли командир лагеря запланировать ее провал? Неприятная мысль, хотя Даг мог представить Энтана, который поддался искушению одновременно прекратить травлю со стороны юного дозорного и преподать ему тяжелый урок — тем более тяжелый, что нанесла бы его она себе сама.

Так что, обдумав все это. Даг не был удивлен, найдя в утреннем тумане Ниту и ее маленький отряд седлающими лошадей для того, чтоб одолевать следующий перевал вместе с ними. К счастью, это был длинный и трудный день, и к тому времени, когда всем пришлось, скооперировавшись, решить дюжину задач, им удалось вести себя так, будто предыдущей ночной беседы никогда не случалось. Сердце ее, с виду, не было разбито, и Даг едва ли мог винить ее за решимость, пусть это и не принесло ей какой-либо пользы.

* * *

Начало следующего за тяготами перевала дня было поздним из-за проливного дождя. К полудню потрепанные серые облака разошлись, выглянуло солнце и горячая, яркая, парящая тишина заполнила окрестности. Кавалькада вытянулась вдоль топкой дороги, слегка обгоняя первые выводки москитов, зудящих в лесной тени. Во влажном воздухе даже тихие голоса отражались эхом от скал. Даг обнаружил, что скачет вместе с Фаун, Витом и Берри в голове отряда, и ноги у всех них болтаются рядом со стремянами. Несмотря на ленивую жару, он был рад заметить, что Фаун сидит прямо и живо оглядывается вокруг, вовсе не такая уставшая, какой она была в последнее время.

— Как много людей живет в Клиркрике, как думаешь? — спросила она у Берри.

— Может быть, семьсот в деревне и пара тысяч во всей долине.

— Я задумалась, какое место было бы нужного размера для Дага — сейчас уже Дага и Аркади — чтоб устроить их пробный шатер целителей. В слишком маленьком не будет достаточно пациентов, чтоб они были заняты, а в слишком большом их перегрузят работой. Думаю, Серебряные Перекаты были бы слишком крупными для начала. Не знаю по поводу Трипойнта.

— Он больше, чем Серебряные Перекаты, — сказал Даг. — Не знаю, будет ли у нас время этим летом съездить туда и показать тебе город.

— Это было бы чем-то вроде того, как проехать весь Тракт от Греймаута до Трипойнта, — согласился Вит. — А еще я хочу свозить Берри в Вест-Блу, так что, думаю, у нас всех не будет времени.

Вит явно желал похвастаться молодой женой перед своей семьей. Как ему и положено, подумал Даг.

— У меня уже мозоли на заду от Тракта, — сказала Фаун. — Хотя, вы могли бы привезти обратно мою кобылу и ее жеребенка. И мою сумку с ушами кидальника, которую тетя Нетти хранит для меня.

— О, а я думал, мы отправимся все вместе, — сказал Вит немного разочарованно.

— Ну, посмотрим. Как далеко ваша земля от реки, Берри?

— Немного больше мили вверх по Чистому Ручью⁷. Мы каждый год строим наши баржи прямо в воде на нашей земле.

— Так... вы и в самом деле почти в долине Грейс. А лодки — и матросы — приходят с

⁷ Clear Creek — Чистый Ручей. Эта деревня (и долина) явно названы по названию притока реки Грейс (прим. перев.)

реки? Как в речном городе?

— Вроде того. Причал Клиркрик, который поставили в устье ручья, превратился в деревню правее — самостоятельную, если не считать того, что ее смывает наводнениями. Ты думаешь о торговле для Дага? Точно, что моряки сами себе причиняют массу вреда время от времени без всяких лихорадок.

— И это, — сказал Даг, — и кое-что, что Фаун сказала однажды. Что река — это как деревня в одну улицу шириной и две тысячи миль длиной. Иногда я думал, что, если я захочу рассказать всем вокруг о том, что я делаю, то речники станут для нас курьерами.

Берру кивнула, подтверждая; если Даг и не был речным человеком, то люди, живущие на реке, явно были по ее убеждению следующими в списке лучших.

— Нам бы с Готорном помогло, если бы вы, Фаун и Аркади оставались в доме, пока мы бы плыли вниз на ежегодной барже — если, конечно, мы построим баржу к осени. Виту надо еще немного поучиться до того, как я буду готова назначить его капитаном и заняться управлением складом. Я хочу еще хотя бы раз проплыть вниз по реке перед тем, как осесть на берегу, как Фаун. — Она подбородком указала на середину своей сестры по шатру.

Вит невинно улыбнулся.

— Не думаю, что у тебя там есть пруд, Берри? — спросила Фаун.

— Почему же? На деле он есть.

Фаун посветлела:

— Правда?! — Даг будто видел, как в ее уме вырастают кидальники. Очертания лагеря Клиркрик, Олеана становились больше и четче с каждым днем. Он начал думать, что неплохо бы управился с ним.

— Право слово, странное место, — сказала Фаун, оглядываясь. — Куда делись все деревья? Здесь ведь не было скверны, Даг?

Лес и впрямь закончился, здесь было лишь несколько высоких красных дубов, растущих в буйстве зеленых кустарников. Кора деревьев была изрезана черными шрамами.

— Нет, это был лесной пожар, — сказал Даг. — В этой долине несколько лет назад была большая летняя засуха. Похоже, все довольно хорошо приходит в норму.

Фаун вгляделась, приложив ладонь ко лбу, в новую растительность, взбирающуюся по склонам долины:

— Должно быть, неплохо горело.

Вит прищурился, вглядываясь в туман:

— Хм... Там странный парень у нас на пути. Эй! Он ведь голый?

Даг взглянул в направлении его взгляда, раскрывая свой наполовину прикрытый Дар. Большой, лохматый человек со странной пятнистой кожей шел, прихрамывая посередине дороги на юг. Дыхание Дага прервалось, его спина выпрямилась, ноги нашли стремяна, а ум взорвался сразу в двадцать сторон, как выводок вспугнутых перепелов.

— Проклятье, это глиняный человек!

Он приподнялся в седле и рывкнул назад через плечо:

— Барр! Ремо! Мы нашли глиняного человека! Готовьте копьё! Сумах...

Проклятье, где Сумах? И Аркади? Их не было в зоне доступа его Дара. Если здесь на дороге живой глиняный человек, то его хозяин-Злой может быть совсем рядом. Недостаточно далеко... Но Даг, напрягшись, пока не мог его почувствовать. Он понял — боги, где были его мозги? — что за все утро им не встретилось никого, едущего с севера. А всю предыдущую ночь? И как долго?

— Фаун, — паника окрасила мир Дага в красный цвет, — скачи к фургонам, останови их, собери всех крестьян вместе и оставайся там. — Одна пролетающая мимо мысль успела уронить перо. — Объясни несведущим, что происходит.

Фаун натянула поводья прежде, чем Вит справился с полуоткрытым от изумления ртом.

— Хорошо, — сказала она просто и развернула Мэгпи.

Даг повернулся в другую сторону, намотал поводья на крюк, вытащил стальной нож и

пнул каблуками мерина.

Копперхед рванулся вперед в неподвижный свет.

Глава 17

К тому времени, когда Фаун доскакала до фургона Бассвудов (он был первым в караване), каждый дозорный в отряде промчался мимо нее, спеша на помощь Дагу и размахивая оружием. Барр и Ремо среагировали быстрее всех, но Нита, Тавия и Рейз ненамного отстали от них.

Вио Бассвуд стояла на козлах, держась за холщовую крышу фургона и уставившись в ужасе на Грусса, который натянул поводья и резко остановил скрипящую повозку. Ее лицо вытянулось, и она кричала:

— Он его убил! Боги, он просто сбил этого беднягу с ног и убил его!

Фаун повернулась в седле и изогнула шею. Позади, в мареве, Даг верхом на Копперхеде кружил вокруг упавшего глиняного человека.

Она внезапно поняла, что Вио подумала о том, что увидела — как мрачный, крюкорукий Страж Озера, муж Фаун внезапно сошел с ума и грубо, беспричинно атаковал невинного, невооруженного (не упоминая о том, что голого) путника.

— Нет! — закричала Фаун. — Это был не человек! Он не человек, он глиняный!

— Глиняный кто? — сказал Грусс, вглядываясь и хватаясь за свое копье.

— Злые делают их из животных и глины с помощью Дара... магии. Я видела ямы, из которых они выходят. Они придают им форму человека, чтобы они были их рабами и солдатами, и они ужасно опасны. Вы не сможете их в чем-либо убедить, даже если Злой дал им речь. Они полностью теряют разум, когда их хозяин убит... не важно.

Грусс вытащил копье, но направил его не в ту сторону — на Фаун и на Берри, которая в этот момент подъехала, запыхавшись,

Фаун думала, что Вит находится сзади, но вместо этого он повернулся и отправился вслед за дозорными эдакой осторожной рысцой. Внутри фургона Бассвудов от всех этих воплей малыш зашелся плачем.

— Глиняные люди едят детей, — добавила Фаун в отчаянии. — После них остается ужасная бойня. — Нужно ли Вио знать об этом? Возможно. Ей не нужно было пугаться еще больше — она, казалось, была близка к обмороку, но бояться ей нужно было верного врага.

Рейз и Нита галопом прискакали обратно.

— Он мертв? Другие там есть? — закричала Фаун.

Рейз придержал коня достаточно, чтоб пропыхтеть:

— С этим разобрались! Других в зоне чувства Дара нет. Даг отправил нас найти Сумах и Аркади, — он пришпорил коня.

Пара в последнее время отставала более чем однажды, но Фаун не заговаривала с ними об этом — по крайней мере, не об их безопасности. Сумах и Аркади были отлично защищены от любых хищников, обитающих в этих холмах — волков, медведей, рысей или гремучих змей. Банда глиняных людей — это было немного другое.

Все другие крестьяне в отряде собрались на дороге, тараща глаза и раз за разом требуя объяснений. Замученная, Фаун в конце концов сказала:

— Послушайте, вряд ли я смогу объяснить вам глиняных людей. — Ей и верили, и нет. — Просто пойдете поглядим на эту тварь, разве мы не можем этого сделать?

Она повернулась и повела их, фургоны и все остальное вверх по дороге к месту кровопролития. Даг и Вит были там спешившись. Даг отпустил поводья Копперхеда и поддел тело ног; Вит выглядел так, будто собирался с духом, чтоб сделать то же самое.

— Проклятье, — сказал Даг, — эта местность должна была хорошо патрулироваться. — Он взглянул вверх. — Фаун, я сказал тебе держаться сзади!

— Нет, Даг, — сказала она твердо. — Эти люди должны увидеть, так же как и твои молодые дозорные.

— О, — он поскреб рукой щетину. Тряслась ли она? — Да.

Фаун соскользнула с кобылы, схватила слегка упирающуюся Вио за руку и потащила вперед; толпа пошла следом.

— Посмотри на него, ты видишь? Взгляни на челюсти, это почти морда, и на мохнатые уши, и на все эти грубые волосы... похоже, это был медведь, как думаешь, Даг? — Она старалась не смотреть на кровоточащее горло, разорванное одним взмахом боевого ножа Дага, доставшего цель со всей силой его руки и напора Копперхеда.

— О да, черный медведь, — согласился Даг рассеянно.

— Он... он голый, — сказала Келла, смутившись.

— Что голый — это хорошо, — сказал Даг. — Это значит, он еще не убивал людей и не крал их одежду.

Фаун взглянула на приоткрытые рты и поняла, что это был первый увиденный ими глиняный человек, живой или нет, и для большинства молодых дозорных тоже. Даг указал — также, носком ботинка — на наиболее отталкивающие черты, а потом взглянул на всю смешанную аудиторию.

— Этот настолько грубо сделан и похож на медведя потому, что является работой Злого до первой линьки. Может быть, этот Злой еще даже сидячий, что для нас было бы хорошей новостью. Когда Злые проходят линьки и становятся сильнее и умнее, глиняные люди у них получаются лучше, вплоть до того, что вы едва ли сможете на глаз отличить глиняного человека от настоящего. А вот чувство Дара Стража Озера различит их сразу. Их Дар, он... он просто неправильный.

Парни проталкивались вперед, чтоб рассмотреть получше, Готорна пропихнули вперед. Фаун позволила Вио отойти. Вио дрожала и плакала от того, что увидела, от запахов, крови, и ее маленькая дочка, которая вылезла из фургона и уцепилась за ее юбку, тоже ударилась в слезы следом за нее. Малыш, привязанный в фургоне, орал, не переставая. Грасс сжимал свое копьё и выглядел отчаянно напуганным, его мир внезапно наполнился новыми опасностями, но не дал явной цели для атаки. Он повернулся к жене и рывкнул:

— Заткни их!

Это казалось неприятным, но Фаун признала, что Вио стала лучше держать себя в руках, вытерла слезы и сопли и занялась детьми, отставив эмоции. Фаун подумала, что Вио начала учиться чему-то, уже хотя бы тому, что мир оказался не таким, каким ей казался.

Бо не рвался вперед и не выглядел сильно удивленным, но его покрытое шрамами лицо задумчиво нахмурилось. Его взгляд неодобрения был направлен не на отряд Стражей Озера, а на окружающие их холмы.

Даг также отошел от толпы подальше и посматривал то вверх, то вниз на дорогу, прикрыв свои золотые глаза. «Проверяет ее Даром?» Небольшое облегчение отразилось на его лице, и он пробормотал:

— О, хорошо, там Аркади.

И в самом деле, через пару минут прискакали потерявшиеся. Сумах спрыгнула с седла и размашисто подошла к Дагу.

— Извини, что мы отстали. Мы просто разговаривали.

По их аккуратному виду Фаун решила, что это, скорее всего, правда. Хотя они оба обладали достаточной силой духа, чтобы быть невозмутимыми даже будучи полураздетыми.

Аркади с расширившимися глазами спешил и подошел к телу. Он схватился за живот, а его лицо исказилось, как будто бы он глотал что-то.

— Это... самое гротескное мастерство, которое я когда-либо видел.

— Угу, — сказал Даг. — Попробуйте представить мощь работы Дара, которая смогла превратить медведя в... ну, в это, примерно за две недели.

На лице Аркади боролись заинтересованность и тошнота.

— Могу ли я препарировать его?

— Сейчас? Вы с ума сошли?

— Нет, конечно, не сейчас! Позже.

— Посмотрим, — сказал Даг.

— При некоторой удаче ты сможешь выбрать лучшего из помета, — сказала Сумах. — Я притащу тебе всех глиняных людей, которых пожелает твое сердце.

— Не уверен, что мое сердце желает их в целом, — признал Аркади. — Но это... отсутствующие боги, но это существо настолько неправильное!

— А вы их едите? — спросил Эш, усаживаясь рядом в увлечении. Этот вопрос заставил всех присутствующих дозорных подавиться. Кроме Дага, который только сказал:

— Нет. Их плоть испорчена.

— Стражи Озера иногда выделывают их шкуры, — сказала Фаун, вспомнив определенный подарок на свадьбу.

— Не для того, чтоб использовать шкуру, — сказал Даг. — Просто... в особенных случаях.

Фаун заподозрила, что тогда, когда боль слишком велика, и одной лишь победы недостаточно для мести.

Даг посмотрел на Сумах, а та — на него. Они оценивают друг друга?

Сумах прервала молчание и спросила напрямую:

— Ну, что делать, командир?

Фаун подумала, что почти видит, как вес ответственности лег на плечи Дага, как стофунтовый мешок с зерном. Он вздохнул.

— Идти в разведку, полагаю. На север, как думаешь?

Сумах поджала губы:

— Тварь могла бежать домой. Но мы не заметили ни знака скверны к югу отсюда. У нас недостаточно дозорных, чтоб разбиться и пройти достаточным паттерном.

— За весь день с севера не было движения на дороге, — сказал Даг.

— Не было и с юга, — указала Сумах, — но я согласна, север кажется лучшей ставкой. Нужно ли нам отправить курьера за помощью? Ближайший лагерь — это, должно быть, Лавровое Ущелье. — Она повернула голову и спросила: — Кто-нибудь еще был в Лавровом Ущелье?

Остальные дозорные пробормотали что-то отрицательное. Сумах прошептала:

— Проклятье. Не хотелось бы, чтобы пришлось мне, но, возможно, придется.

— Пока не нужно, — сказал Даг. — Прямо сейчас мы посредине неизвестно чего, ничего не знаем, этого мало для доклада.

Глаза Сумах блеснули:

— Несомненно.

— Открой мне свой Дар.

Она приподняла брови; слабый румянец окрасил ее высокие медные скулы. Но она, очевидно, подчинилась.

Даг осмотрел ее сверху донизу и кивнул без выражения:

— Выбери напарника и обследуй дорогу наверх. Не более пяти миль. Посмотрим, найдешь ли ты любой признак скверны. Я попробую организовать, — взгляд Дага скользнул по отряду, — все здесь. — Он вздохнул.

— Хорошо, — Сумах запрыгнула на лошадь, оглядела — не дозорных, но их скакунов, и, явно решив, что лошадь Барра самая быстрая, сказала: — Барр, за мной!

Рука Аркади приподнялась, когда Сумах рванулась прочь, и упала обратно незамеченной.

Двое разведчиков понеслись по дороге, грязь летела из-под копыт их лошадей.

Фаун заинтересовало, что за диалог случился напоследок между дядей и племянницей.

«О. Конечно.» Даг, перед тем, как отправить ее, убедился, что Сумах не беременна. Не просто общая предосторожность; Фаун на собственном мучительном опыте знала, что беременные женщины были самой лучшей добычей для Злого на пороге линьки. Естественное творение женщины делало из нее сигнализирующую ходячую приманку. Новый щит Дара возможно защищал Фаун и Берри — она дотронулась до ореха, висящего на

груди — но как же Вио и Келла? Стражи Озера бы знали, даже если пока не знали женщины, уверила она себя. Они бы приняли меры предосторожности. Дети были следующей любимой закуской Злого — она взглянула тревожно на фургон Бассвудов, плач из которого стих.

— Хорошо, — сказал Даг, повышая голос, чтобы его услышали, — все поднимаемся вон к тому броду. — Он указал на мелкий ручей, пересекающий дорогу сотней шагов выше. — Нам лучше воспользоваться случаем напоить лошадей. Возможно, нам понадобится внезапно бежать.

Кроме того, они отодвинутся от беспокоящего вида и запаха мертвого глиняного человека, что тоже хорошо, подумала Фаун. Подавая пример, она подобрала поводья Мэгпи и живо пошла вдоль дороги.

* * *

Четвертью часа позже Даг обнаружил себя разговаривающим с Сейджем.

— Нет, ты не сможешь взять с собой свою наковальню! — Он взъерошил свои волосы в раздражении. — Если Злой близко, наш лучший шанс сбежать — это бросить фургоны и бежать в горы. Если он поймает вас, крестьян, в зоне силы своего Дара, то поработит вас, и тогда вы даже представить не можете, насколько ужасной станет действительность. Сначала спасите друг друга, затем оружие и животных, затем еду, если есть время. Но ничего больше. Отсутствующие боги, каждый ребенок Стражей Озера выучивает это назубок еще в пять лет!

— Фургоны — это все, что у нас есть, — закричал Грасс.

— Вы не можете останавливаться, чтоб защищать вещи.

— Но моя наковальня! — проговорил Сейдж. — Это все для меня.

Даг сурово посмотрел на него.

— Больше, чем Келла?

— Э-э... — Сейдж примолк.

— Если что-то не лезет в седельные сумки, оставь его.

— Есть надежда, — сказала Фаун, — что мы сможем вернуться позже и забрать наши вещи. Если выживем. А если мы не выживем, нам они больше не понадобятся, верно?

Сейдж все еще выглядел обеспокоенным. Вит любезно добавил:

— Сейдж, твоя наковальня будет последним предметом, который украдут воры. Нужно двое парней, чтоб ее только приподнять!

— Нет, если она будет в фургоне. Им нужно будет просто забрать всю повозку.

— Мы заберем мулов, — сказала Фаун. К счастью, не упоминая, что Злой может впрячь своих рабов — глиняных людей — и утешить ее. Умница. Даг отвесил ей признательный кивок.

Сейдж заколебался, затем смирился и отправился вместе с Индиго распрягать своих мулов. Даг заторопился к Ремо и Ните, вернувшимся из разведки, в которую они ушли пешком по направлению к другим гребням.

— В зоне чувства Дара на моей стороне — ничего, — доложил Ремо.

— И на моей тоже, — сказала Нита. — И никаких физических признаков. Только следы зверей и лагерей давних путешественников.

Даг с неудовольствием оглядел возвышенности, окружавшие их; то, что там сейчас не было шпионящих вражеских глаз, не означало, что их не было час назад или в любое время за утро.

— Нужно ли нам накормить людей, пока это возможно? — спросила Фаун.

Она была задумчива, как всегда. Даг сказал:

— Бутербродами. Не зажигайте огня.

Все ждали Сумах и Барра. На деле, отряд был ближе к крупному поселению скорее впереди, чем сзади, а перевалы с обеих сторон были примерно одинаковыми. По меньшей мере, обратная дорога была сейчас известна крестьянам. Но до тех пор, пока они действительно не засекут местоположение Злого, вопрос о том, какое направление

безопасней, остается открытым.

Если Злой окажется сидячим, он отправится за ним с четверкой дозорных не сомневаясь, решил Даг, но если он будет более взрослым, то разум требовал, чтоб они отправлялись не на юг, не на север, а напрямую на запад в Лавровое Ущелье просить подкрепления. Или все же... Даг представлял, как тащит всю эту толпу крестьян более пятидесяти миль по нехоженой земле, с глиняными людьми на хвосте, и кусал себя за губу. Он бы мог, конечно, отправить пару дозорных курьерами вперед. Уменьшив охрану детей-крестьян на двоих... Он вернулся к более непосредственным расчетам.

— Рейз, дай-ка взглянуть на твой разделяющий нож.

Мальчик уже вытащил его из седельных сумок и повесил на шею, хорошо. Он вытащил его за шнурок из воротника и продемонстрировал; Даг провел рукой над ножнами. «Хорошая работа».

— Кажется дельным, — сказал он вслух. — Если мы пойдем на Злого, ты будешь в центре атаки. Это тот опыт, за которым ты едешь на север; он всего лишь начался немного раньше, чем ты ожидал, вот и все.

Ноздри Рейза задрожали от гордости и страха.

— Да, сэр.

— Смерть чьего сердца в нем?

— Моего прадеда. Он умер около двух лет назад.

— Понятно. — Даг дотронулся до лба в уважительном салюте. — Ты умеешь закрывать Дар? Тренируешься? — Под командованием Сумах Рейз точно должен был делать это.

— Да, сэр!

— Хорошо. У меня тоже есть заряженный нож, но я придержу его в резерве.

— Повезло, что у нас два ножа в отряде, — сказал Рейз.

— Это не удача, это подготовка. Пойми разницу. Подготовку ты можешь контролировать. — Он ободряюще пожал плечо юному дозорному, что заставило Рейза застенчиво улыбнуться.

Вспомнив, Даг ушел, чтоб порыться в собственных вещах.

Он достал первым свой новый, привязанный к нему нож, перекинул его богато вышитый шнурок через голову и опустил темные ножны в вырез рубашки. Следом, порывшись глубже, он достал свой заряженный нож — свою рискованную, первую и никем не контролируемую работу. Сама хранимая ножнами кость легко лежала у него на груди, но вес отвратительных воспоминаний, которые она несла, тянул, как наковальня Сейджа. Что ж, если за жестокую смерть предателя Крейна ему полагалась расплата, то это была она.

Он обернулся и увидел Фаун, которая наблюдала за ним, ее темные глаза были печальны. Ее губы шевельнулись, как если бы она начала говорить, но замолчала; вместо этого она указала вниз по течению ручья:

— Хм... что случилось с Аркади?

Целитель сидел на берегу ручья в середине зарослей хвоща, его голова склонилась к коленям.

— Глиняный человек, возможно. Тренированная чувствительность, которая нужна хорошему мастеру, также делает их неподходящими для дозора. Следы Злого слишком сильно бьют по ним.

Фаун нахмурилась.

— Вы ведь делали упражнения на чувствительность с Аркади последние два-три месяца. И что будет с тобой?

Даг вздохнул.

— Боюсь проверять. Посмотрим.

Она подошла ближе; ее маленькая рука поднялась и дотронулась до ореховой кожи ножен, прячущихся под рубашкой.

— Полагаю, тебе нужно его носить. Просто не нужно... не сделай с ним чего-то глупого, хорошо? Помнишь, ты мне обещал.

«Пока я сама не похоронена и дышу», отдались ее слова эхом в его уме.

— Я не забуду.

Она мрачно кивнула. Внезапно, он подхватил ее, обнял, закружил и поцеловал в лоб.

— Что это с тобой? — выдохнула она в приятном удивлении, поправляя одежду, когда он поставил ее обратно.

— Ничего. Просто так.

Она уверенно наклонила голову.

— Это хорошая причина.

Крестьяне спорили друг с другом и дозорными, но все вместе неуклонно продвигались к тому, чтоб рассортировать животных для отступления, так что Даг не вмешивался. Седла для груза были наскоро переделаны для всадников, опустошены от их груза и укомплектованы одеялами

Конечно же, предположил Даг, у так называемой верховой лошади Бассвудов нет седла. Он задумался, будет ли лучше разделить двух детей между родителями или между лучшими ездоками, которыми была бы пара дозорных. При условии что все едут в одном направлении.

Он предвидел еще один спор об этом. «Ой-ей». Его сознание снова проделывало эту сумасшедшую штуку с ним, безостановочно проигрывая разные возможные и невозможные сценарии несмотря на то, что он на собственном неприятном опыте прекрасно знал, что мир никогда не оправдывает его ожидания.

Фаун принесла ему кусок сыра, обернутый в холодный поджаренный хлеб, оставшийся с утра. Он проглотил его вместе с несколькими глотками пресной теплой воды из своей фляги, обходя узкий периметр вдоль мутного ручья и вокруг слишком шумного лагеря, его Дар тянулся вдаль. И все же Аркади, а не Даг первым поднял голову от колен и повернул лицо к северу. Даг подпрыгнул и присоединился к нему — а Аркади уже стоял на дороге и смотрел вдоль нее.

Рот его приоткрылся в ужасе, а сам он позеленел больше, чем когда впервые увидел глиняного человека. Лошадь Сумах галопом скакала к ним. Стремена свободно свисали с пустого седла и били ее по бокам.

Каждый дозорный поблизости попытался остановить ее бег, призвав лошадь к себе, так что бедолага, не выдержав этого, повалилась на колени. Она поднялась и стояла, дрожа, а ее ноги и плечи были покрыты белой пеной.

Даг подбежал, ища следы крови или раны, пытаясь судорожно вспомнить, надела ли Сумах свой кожаный плащ, когда уезжала в жару. Он не был привязан позади седла...

Аркади дотронулся до пустого седла и простонал:

— Нет...

— Она — Редвинг, — сказал Даг сквозь зубы. — Она приземляется на ноги, как кошка. Мы всегда выживаем... — Он круто обернулся и закричал: — Вит! Фаун, Берри! Сажайте на коней этих проклятых крестьян! Дозорные, ко мне!

Люди забегали, закричали, затопали. Заспорили. Дозорные собрали коней и построили их неровной линией, ожидая приказов. Агонизирующим голосом, Аркади сказал:

— Отправляйтесь!

Даг посмотрел на север. На расстоянии мили внезапно появилась лошадь, несущая двух седоков, выскочив одновременно в зоне действия его Дара и зрения.

— Погодите, — сказал Даг.

Аркади повернул голову, следуя за его взглядом. Казалось непривычным наблюдать так мучительно разоблаченное выражение того, как последняя надежда человека возвращается к нему.

«Боги, Сумах», подумал Даг, «если кто-нибудь из нас двоих не получит сердечного приступа до того, как это все закончится, это будет не твоя вина». И тогда уже она унаследует свое командирство, умная девочка. Мучительные минуты проходили, пока нагруженная лошадь подошла рысью ближе.

Как только они оказались на расстоянии крика, Барр возбужденно закричал:

— Мы нашли Злого! Он совсем рядом наверх по дороге!

Волна пробежала по дозорным, как напряжение сквозь толпу лошадей, топчущихся в начале забега.

Барр остановился среди них. Сумах более или менее упала прямо в руки Аркади с того места, за которое цеплялась сзади седла Барра. Утопающий не мог бы сильнее обнять бревно, чем он ее. Ее коса растрепалась, завитки черных волос прилипли к ее вспотевшему, покрасневшему лицу.

Напряженные линии боли обрамили ее рот и глаза, она тяжело дышала, но ее золотые глаза горели огнем. Она оттолкнула Аркади достаточно для того, чтоб стать на ноги, но не отбрасывала ни его встревоженной руки, поддерживающей ее за локоть, ни нежной, обследующей ее макушку, хоть и вздрагивала. На ней был, спасибо отсутствующим богам, кожаный плащ; так что на ребрах должны были быть только синяки, и только шишка на затылке выросла до размеров куриного яйца.

— Злой выглядит так, будто только что из логова, — прохрипела она. — Он движется вниз по дороге с охраной из двадцати двух глиняных людей, но двигаются они медленно.

— Уже семнадцать, — сказал Барр.

— Ни у кого из них нет одежды или оружия, исключая камни и палки.

— И численность, — пробормотал Даг. — И Злой. Скорей они останутся с нашим оружием и вещами.

— Подумай еще раз. Даг, мы сможем их одолеть! — сказала Сумах.

— Больше похоже, что они почти одолели тебя.

— Хм, ну... — Она отбросила волосы назад в пародии на женский жест и широко улыбнулась. — Не припомню худшего подзатыльника, и тебе надо взглянуть на других его собратьев. Уверю тебя, этот Злой — мерзкий.

— И странный, отсутствующие боги, он странный, — сказал Барр.

— Это первый Злой, которого ты видел, — сказал Даг. — Как ты это понял?

— Ну, Сумах сказала, но даже если бы... Он огромный, Даг, по меньшей мере семи футов ростом, страшный как глина, но едва двигается из-за огромного вывалившегося наружу живота. Все время, пока мы, опрометчиво влетев в толпу его охранников, прорубались обратно, он переминался с ноги на ногу. Он не сможет покрыть больше чем две мили в час. Так что они будут здесь только через два-три часа.

— Глиняные люди могут двигаться быстрее, — Даг указал большим пальцем через плечо. — Как мы видели по их, полагаю, разведчику.

— Злой выглядит как сидячий, который собрался линять, исключая только то, что он на дороге. Значит, я никогда раньше не видела Злого, настолько близкого к расщеплению, — сказала Сумах.

— Нам повезло, если он неуклюж, но его угроза таится в силе его Дара, а не в псевдотеле, — Даг пожевал губу. Ему оставалось очень мало возможностей для выбора, пока он не направит все безвозвратно в какое-либо действие. — Рейз, ты готов встретиться со своим первым Злым?

— Да, сэр!

Даг кивнул, мрачно ухмыляясь, застарелое возбуждение растекалось теплом по его венам. «Я думал, ты устал от этой игры, старый дозорный?» Живой Злой никогда не был всего лишь учебным упражнением, но, отсутствующие боги, это звучало близко к тому, что было ему нужно. «Так что давай-ка научим эту молодежь нескольким трюкам». Лучше пусть они будут живы однажды, когда Дага здесь не будет, а Злой не будет настолько податлив.

Вит подошел вместе с Фаун к краю толпы, когда прибыла Сумах. Сейчас он пробился вперед и сказал:

— Даг, я могу поехать с тобой? — он дотронулся до ореха, висящего на шее.

Даг сказал автоматически:

— Нет. Ты нужен мне, чтоб повести крестьян.

— Это могут сделать Берри и Фаун! Зачем было делать этот щит Дара, если мы не будем его пробовать?

«Конечно, это создавало некоторую проблему, если мы продолжим делать щиты для людей, которых любим...»

— Проклятье, Вит. Если я когда-нибудь сделаю щиты для Рида и Раша, я буду счастлив привязать их к дереву как приманку. Но не тебя.

Фаун сказала:

— Если твои щиты когда-нибудь сделают в ваших глазах крестьян партнерами Стражей Озера, а не просто детьми, прячущимися за вашу спину, то это должно когда-нибудь начаться. Сдается мне, ты сказал слово или два о человеке, который начинает идти с того места, где он есть. Ну, мы есть здесь.

Она процитировала Дага ему самому... Он дрогнул.

— Думаю, — сказал он, — кому-то надо будет держать лошадей.

— Спасибо, сэр!

— Будь осторожен, Вит, — сказала Фаун сурово. — Не оборачивай все это в наиглупейшую штуку, которую можно выдумать. Я не желаю объяснять это Берри. Или маме.

— Ладно, сестричка! — Вит обнял Фаун и убежал за своей лошастью.

— Аркади отправится с крестьянским отрядом, конечно, — Даг сузил глаза, глядя на целителя, который, к его чести, не протестовал. — И ты, Сумах.

Сумах открыла рот, колеблясь.

— Ты все еще едва на ногах держишься от удара по голове, твоя лошадь выдохлась, а если все пойдет мрачно, нужно, чтобы кто-то знал, как отправить этих крестьян в Лавровое Ущелье. И, кстати, Барр, смени лошадь на свежую.

Барр засуетился. Чудесным образом Сумах не спорила, позволив вместо этого увести ее обеспокоенному Аркади. Она моргала несколько затрудненно, будто бы ее зрение двоилось.

Несколькими минутами позже Даг вел пятерых дозорных и одного парня из Вест Блу рысью по дороге, пока Берри и Фаун заставляли остальных скакать на юг. Даг хотел увеличить дистанцию между атакой и Фаун настолько, насколько мог, чтоб дать крестьянам наилучший шанс на тот случай, если он им понадобится; ну а если нет, то один из молодых дозорных сможет побыть курьером и покрыть разрыв достаточно быстро. Группа глиняных людей верхом могла бы сделать то же самое, но пока что они все передвигались пешком. Лучше бы так и оставалось.

Безопасная схема Дага, состоящая в том, чтоб оставить своего брата по шатру с лошадьми немедленно рухнула, наткнувшись на арбалет Вита. В его небольшом отряде было слишком мало лучников, чтоб отказываться от оружия или от наиболее опытного его владельца. Он снова подправил план атаки в уме под плавный шаг Копперхеда.

— Барр! — позвал он, перекрикивая стук копыт. — Найди последнее хорошее укрытие перед тем, как мы выскочим на них. — И это будет скоро; Даг мог чувствовать уже, невзирая на закрытый Дар, ощущение сухого шока в теле, говорящее ему о том, что живой Злой был рядом.

— Смотря по тому, насколько они передвинулись с тех пор, как мы напали, — крикнул Барр в ответ. — Прямо здесь, я думаю. — Он указал на небольшую скалу, почти нависающую над дорогой, хвост отрога с западного горного хребта, укрывающий крохотный ручеек. — Вокруг не слишком много деревьев, и огонь спалил все кусты и ежевику. Если нагрянут неприятности, мы увидим их заранее.

И Злой увидит тоже, подумал Даг, но махнул крюком в подтверждение.

Они нырнули в защищенное пространство и нашли там следы того, что раньше его многократно использовали для стоянки предыдущие путешественники. Дозорные спешили и стали вооружаться.

Даг соскочил с Копперхеда и вскарабкался по крутому склону к хребту, сопровождаемый по пятам Барром. Стоя на коленях, он раздвинул крюком заросли ежевики

и ядовитого плюща и взгляделся в жаркий зеленый полдень.

Дорога образовывала углубление, заполненное восстанавливающейся низкой порослью; она шла вниз до пересечения со следующим потоком и затем вверх, открывая пространство в добрую милю. В четверти этого пути тащилась по направлению к ним группа Злого. Даг ясно видел эти создания, головы и плечи выдавали в них глиняных людей. Их тела были весьма массивными, с огромным брюхом, а походка — неповоротливой и странной.

— Все еще на Тракте, — пробормотал Даг. — А я-то думал, вы с Сумах побудите их спрятаться. И, кстати, уложили вы пятерых или нет, я вовсе не благодарен вам за то, что вы научили их бояться Стражей Озера и показали как с ними драться. Сумах должна бы знать, что разведка не означает поднять тревогу.

— Мы налетели на них гораздо быстрее, чем ожидали, — как только сделали поворот. Сразу за следующим подъемом. Тогда они были более рассредоточены, — прошептал Барр в ответ. — Они с тех пор прошли всего лишь примерно милю.

Даг взгляделся в дрожащее марево, пытаясь пересчитать глиняных людей, сдался и сказал Барру:

— Посчитай их. Количество осталось прежним?

Более молодые глаза Барра пытливо сузились; его губы зашевелились.

— Сейчас их двадцать шесть. Эй! Этого быть не может.

Даг не думал, что Сумах могла промахнуться в подсчете.

— Они могли вернуться из своей разведки для защиты и чтоб заменить павших. Это не так плохо.

Так близко к Злому Даг не смел открыть свой Дар чтоб проверить, но он не видел, чтоб глиняные люди подбирались к ним с флангов через кустарник. А более отдаленные глиняные люди не стоили пока тактических размышлений.

Враг сокращал разрыв со скоростью едва ли быстрее шаркающего шага. Отлично, позволим им пройти побольше. Даг соскользнул обратно в укрытие. Лошади были стреножены в стиле дозорных — поводья закреплены, чтоб не тащились по земле, а на самих лошадей было наложено суровое уговаривание оставаться вместе. Потому что вы не захотите связывать физически лошадь, которую позже вам может понадобиться призвать, и нет риска оставить бедное животное беззащитным, если никто не вернется их освободить. Он еще раз проверил Копперхеда, затем обернулся, чтоб вполголоса отдать распоряжения своему отряду.

— Все хорошо. У нас здесь из-за подъема преимущество, которое я хочу сохранить. Когда Злой и его глиняные люди будут на расстоянии выстрела, если, конечно, они не заметят нас первыми и не сбегут, я, Вит, Тавия и Барр постараемся уложить столько, сколько сможем, пока стрелы не кончатся. После этого начнется охота на кабанов с копьями и ножами, исключая лишь то, что кабаны недостаточно разумны, чтоб объединить силы против вас, а глиняные люди — вполне. Стараемся не разделяться и не превращаться в мишени, помогаем тому, кто все же ей стал. Не останавливаемся, чтоб прикончить глиняного человека, если он достаточно ослаблен и не может двигаться, но помните, что они будут продолжать кидаться на вас даже если ранены, пока жив Злой. И помните, что глиняные люди — это всего лишь показная диверсия; единственная цель, с которой стоит считаться — это Злой и то, чтоб Рейз и его нож его достигли. Попробуй зайти к нему сзади, Рейз.

Дозорный сглотнул, затем расправил плечи и кивнул. Заставил руку, сжимающую нож, висящий на груди, разжаться и опуститься.

Даг перевел дух и быстро продолжил:

— Я изменяю ваши привычные пары. Нита и Ремо оба идут напарниками к Рейзу, охраняя его с флангов как привязанные, потому что у них лучшая защита Дара для того, чтоб подходить к Злому так близко, и у Ниты уже есть некоторый опыт.

Нита улыбнулась нервной, но довольной улыбкой и кивнула.

— Так что Барр остается с Тавией, а Вит — со мной.

Это точно обрадовало Барра. Вит заморгал с застенчивой гордостью.

Если бы Даг не взял с собой Вита, то он бы пошел в напарники к Рейзу, ведя его к его первому убийству. Вит убивал бандитов; глиняные люди не потрясут его чрезмерно. Но если щит Дара не выдержит, парень рискует тем, что его Дар будет вырван или — возможно, еще хуже, — разум поработен. Если случится последнее, Даг надеялся, что ему придется лишь оглушить своего брата по шатру, приложив покрепче по затылку и убрав таким образом со своего пути до тех пор, пока Злой не будет убит. Но это была не та задача, которую он посмел бы перекладывать на кого-либо. Он не говорил об этом риске, чтобы не выбивать Вита из колеи.

— Мы не должны беспокоиться о том, чтоб окружить Злого до тех пор, пока он не приблизится к нашей позиции. Он движется так медленно, что, когда все глиняные люди будут убраны с пути, мы почти что будем способны его обогнать. Но — слушай внимательно, Вит, именно здесь кроется отличие от охоты на кабанов — убить Злого больше похоже на атаку на большого медведя, и не на одного из тех милых черных мишек, которых ты находил вокруг, но большого северного медведя-гризли. Он сильный, он быстро поворачивается и может отбросить человека на тридцать футов, если подпустить его близко. Лишь разделяющий нож убьет его. Так что сконцентрируйтесь на глиняных людях и оставьте Злого Рейзу и его напарникам. Все ясно?

— Да, сэр, — сказал Вит с расширившимися глазами.

— Хорошо. Выпейте воды или сходите в кусты, если вам нужно, держите Дар крепко закрытым и с этой минуты не разговаривайте. Тавия и Барр, найдите наилучшую позицию для стрельбы. Вит, оставайся со мной.

Даг пошел к Копперхеду и забрал свой адаптированный лук и стрелы.

Он закрепил колчан за спиной, выкрутил из деревянной чаши протеза крюк и бросил его в кожаный мешок на запястье, на его место поставил лук и закрепил его. Даг проверил тетиву: она была сухой и звенела. Пришел Вит, занятый размахиванием арбалетом, и Даг додумался прошептать ему:

— Не взводи эту штуку, пока я не выстрелю в первый раз. Шумная трещотка.

Вит понимающе кивнул. Исключая случайный слабый лязг оружия или всхрап лошади, импровизированный дозор Дага двигался в совершенно жуткой тишине. Сейчас ему было нечего делать, кроме как найти хорошую линию обзора из укрытия на скалистый подъем, притаиться и ждать, когда дела пойдут хуже.

Глава 18

Злой остановился, когда до них осталось едва ли две сотни шагов, несколько правее — там, где дорога начинала изгибаться вокруг скалы. Он, казалось, принохивался, поворачивая свою большую безволосую голову вперед и назад. Он был по меньшей мере семи футов ростом, и по его синеватой, пятнистой коже Даг предположил, что его первичное логово должно было быть где-то в серых скалах. Это ненамного сузило бы поиски; в этой долине были тысячи лощин, трещин, пещер и навесов. Злой выглядел очень странно, стоя голым на залитом солнце зеленом пространстве.

Ему надлежало прятаться в холодных тенях, куда не заглядывает весна и где задерживается лед — там его монструозность была бы хорошо спрятана.

Даг не знал, как много эти поблескивающие, слишком уж человеческие глаза, прячущиеся под бровями — так же, как они сами прятались под известняковым выступом, — видят в этом освещении. Он молился, чтоб остальные дозорные держали свой Дар закрытым так же плотно, как он сам. Прикрытый щитом Вит будет неясно светиться в его чувстве Дара, как что-то туманное; живое, но ускользающее. Скорее Злой мог почувствовать лошадей, тревожно переминающихся за скалой.

Он явно что-то ощутил, так как фыркнул, и дюжина его глиняных людей покинула дорогу и начала продираться к укрытию сквозь кустарник высотой в пояс. Даже глиняные

люди дрогнули, наткнувшись на прошлогодние шипы на сухих ежевичных кустах, издающие громкий треск, когда в них вламывались. Угол между позицией Дага и Барра с Тавией был не настолько широк, как он бы желал для перекрестного огня, но высота была превосходной.

«Да, прекрасно. Подходите ближе, звери-бедолаги, да.»

Даг держал свою стрелу со стальным наконечником у тетивы и ждал. Вит наблюдал за ним, сжимая арбалет и держа наготове болт, и его глаза становились все шире и шире, как бы крича «Сейчас? Сейчас?.. Ну, сейчас?»

Даг неторопливо стал на колени, осуществляя свой первый и последний шанс на отличный выстрел. Он выбрал для пристрелки приближающегося... человека-опоссума? Или это когда-то мог быть кролик. Своеобразное облегчение охватило его; так бывает, когда все решения приняты, — как тогда, когда стрела уже выпущена, но еще не нашла свою цель. Кстати о стреле...

Он натянул тетиву. Успокоился. Отпустил стрелу. «Да!», прошипел он. Прямо в голову; человек-опоссум только пискнул, упал, забившись, и затих. Даг натянул тетиву и прицелился снова, когда механизм взвода арбалета Вита судорожно затрещал позади него. Вторая стрела Дага ушла в воздух прямо перед первой стрелой Вита.

Брови Дага приподнялись при звуке сухого щелчка, который раздался, когда тяжелый болт Вита ударил глиняного человека в руку. Выстрел в брюхо или голову был бы лучше, но он мог бы поклясться, что кость сломалась.

На расстоянии своей малой дальности снаряды этого оружия впечатлили силой выстрела. Уголком глаза он видел, как вылетели еще стрелы. Два выстрела, следом за которыми раздался рев и вой. Глиняные люди рванулись вперед, с хрустом карабкаясь как сумасшедшие по склону, который был просто превосходен, пока у них оставались стрелы.

Следующий треск-и-хруст Вита оказались чистым промахом, но зато потом было четкое попадание, которое сбilo с ног мохноухого лисчеловека, который покатился по склону вниз.

У Дага еще оставались стрелы, когда несколько оставшихся на ногах глиняных людей стали убегать — или были призваны своим хозяином. Даг не трудился пересчитывать упавших, только боеспособных. У некоторых стрелы торчали из тел под странными углами, они скулили от боли, но они не спотыкались настолько, чтоб их вычеркивать.

Злой в этот момент опустился на колени, его огромное брюхо легло на дорогу меж колен, но он вновь поднялся прямо, и дюжина его оставшихся стражей сплотились вокруг него. Даг вывинтил из протеза лук и взял свой боевой нож.

— Все в порядке. Лучше уже не будет.

Лишившийся болтов, Вит начал снимать арбалет, но Даг сказал:

— Повесь его за спину. Тебе может повезти найти те, которые не попали в цель. Или попали.

Вит перекинул лямку арбалета через грудь и взял копьё с ясеневым древком, которое одолжил у Сейджа. Парень заорал в возбуждении, когда они побежали, затем заметил, что все остальные сохраняют мертвую тишину, и плотно захлопнул рот. Даг позволил ему вырваться вперед и выплеснуть свой энтузиазм, проделывая путь через колючий кустарник. Раскачивающееся копьё оказалось неожиданно полезным.

Барр и Тавия пробирались по склону справа, а троица с разделяющим ножом — сразу следом.

Они разбежались вокруг Злого; его глиняные люди отвечали им, бросая в них камни, которыми эта земля была укомплектована даже излишне хорошо.

Сила их снарядов была огромной — камни свистели в воздухе, — но, к счастью, прицельность была в основном плохой, только раз Ремо вскрикнул, когда один стукнул и отскочил от его плеча. Злой поворачивался снова и снова, ужасно рыча, но не отступал. Осторожно подбираясь ближе, Даг использовал две из последних четырех стрел со стальными наконечниками, чтоб уложить двоих глиняных людей. Еще двое бились перед ними; один наскочил на копьё Вита, выдрал его из его рук, но затем упал, пронзенный в

суматохе. Боевой нож Дага вскрыл его глиняного человека от паха до грудины. Вит воспользовался случаем и выдрал обратно один из своих болтов, засевший в ногу упавшей твари, отерев с него запекшуюся кровь.

Размахивающий дубиной глиняный человек, атакующий Рейза, сбил с ног Барра. Даг быстро выстрелил в него. Троица пыталась обойти Злого, а тот продолжал поворачиваться лицом к ним. Воодушевленный, Вит поднял арбалет и послал свой возвращенный болт в Злого. Тот ударил с чавкающим звуком прямо в левое плечо твари. И исчез.

Злой закричал и развернул свое неуклюжее тело. На левой стороне его груди серая кожа разошлась; болт вышел из отверстия и упал прямо в подставленную руку Злого. И в то время как Злой размахнулся и метнул болт как дротик, кожа пошла волнами и сомкнулась вновь. Он не попал; Даг заслонил собой Вита, который тараторил:

— Ты это видел? Он просто выплюнул его, как лимонную косточку! Он же через сердце ему прошел!

Даже сквозь свой крепко закрытый Дар Даг мог чувствовать, как Злой потянулся, чтоб вырвать Дар его брата по шатру. Сила его через какое-то время должна была взломать щит Вита как ракушку моллюска. Что, конечно, было также справедливо в отношении закрытого Дара. Огромная рука сжалась...

Выстрел Вита был бесполезен как удар, но превосходен в качестве отвлечения.

Воспользовавшись тем, что Злой в это ужасное мгновение отвлекся, Рейз с побелевшим лицом метнулся к его спине, зажмурился и вогнал в него бледное лезвие своего разделяющего ножа.

Слабый хруст расколовшейся кости и высвобождение его запаса смертности в Злого были самым сладчайшим звуком, какой Даг мог представить.

Крик Злого становился все выше и выше до тех пор, когда он ощущался уже как горячие иголки, воткнувшиеся в барабанные перепонки Дага. Вит согнулся и хлопал руками по ушам, открывая и закрывая рот, говоря что-то, чего Даг не мог разобрать.

Рейз, Нита и Ремо отступили назад; Рейз, которого задела смертельная аура Злого, согнулся и его начало рвать. Сам же Злой медленно, начиная от макушки своего гребенчатого черепа стал распадаться на кусочки, которые опали как снежинки, крутясь отвратительным облаком.

Разрушение спускалось по спирали вниз, быстрее и быстрее. Затем оно замедлилось, когда дошло до торса, куда пришелся удар. Останки существа — бога, человека, монстра или некоего комка из всего этого — просели в кучу в середине дороги. Семьсот фунтов склизких камней. Внезапная тишина была благословением за пределами воображения.

Даг смотрел на большую бесформенную кучу, затем вытащил свой заряженный нож из кожаных ножен, висящих на груди, и приблизился с тревогой. Он собирался на волосок приоткрыть свой Дар, чтоб проверить ее, и тогда уж сожалеть. Пахло весьма отвратительно. Мучительная неправильность взорвалась внутри Дага с силой кусачего лутлианского зимнего ветра; его желудок завязался в узел, а рот невольно наполнился слюной. Но новое тело Злого, формирующееся внутри старого, было мертво также или никогда еще не было живым. Даг вновь сжал свой Дар и челюсти, убрал нож и тяжело сглотнул, препятствуя тому, чтоб его поздний завтрак немедленно сбежал.

Вит трясся, но стоял на ногах. Барр сидел на земле, сжимая кровоточащую голову; Тавия с ярко-красными метинами на лице, которые вскоре станут темно-синими синяками, стояла на коленях подле него, пытаясь убрать его руки, чтоб осмотреть рану. Рейз стоял на четвереньках и его рвало, Ремо склонился над ним с участием, а Нита наблюдала с тревогой.

— Вит, Нита, — позвал Даг. — Мы еще не закончили. Нужно зачистить всех глиняных людей, кого найдем.

До них было рукой подать. Только двое созданий убежали с дороги, пытаясь укрыться на речном берегу или в кустарнике на дальнем гребне. Сейчас они были безумны — или, скорее, неразумны, и это было еще более пугающе — вернуться к своему животному разуму, запертому в теле, похожем на человеческое. Они бы умерли сами, но только после

длительной агонии. Тот, что еще был жив в переломанных ежевичных зарослях, издавал отвратительнейшие звуки, животный визг, смешанный с почти человеческими всхлипами. Даг приостановился, чтоб снова заменить лук на крюк, после чего взял нож. Упавшие глиняные люди были все еще опасны, поэтому они шли втроем: двое удерживали глиняного человека, а один наносил рану в эти достойные жалости горла, приканчивая то, что никогда не должно было появляться на свет. Это было настоящее милосердие, и Даг ненавидел каждую его несчастную минуту. Но молодежи не нужно было этого видеть, так что он в тысячный раз устроил методический и доскональный пример. Они собрали все стрелы, которые смогли найти.

Даг убедился, что Рейза не рвет кровью, а затем поручил Ремо оттащить его к лошадям, подальше от останков Злого. Тавия поддерживала впечатляюще окровавленного Барра — раны в голову всегда кровоточат как ключи, — но его череп был цел. Даг назначил Ните съездить верхом за крестьянами и вернуть их.

— Скажи им, встречаемся у фургонов!

Когда быстрый стук копыт ее лошади стих, Вит обошел вонючую кучу в середине дороги, в изумлении трясая головой.

— Эта тварь, должно быть, весила шесть или семь сотен фунтов. Скажи, Злой Фаун выглядел так же, как этот? — спросил он Дага.

— В основном. Исключая только, что Злой из Глассфорджа был более опасным, так как не был на грани линьки. — А еще у Злого из Глассфорджа была речь; у этого же — вроде бы нет, что давало надежду, что за ним не стояло ни одной человеческой жертвы.

— Как эти линьки работают? Вы так говорите о них, будто это что-то плохое.

Даг пожал плечами:

— Ты понимаешь ведь, как делаются глиняные люди, верно? Злой помещает живое животное в землю и заменяет Дар животного, чтоб побудить его тело вырасти в человеческую форму.

— Я слышал, как Фаун описывала тех, что видела в Рейнтри. Я бы не поклялся, что понял, но думаю, что общую картину я ухватил.

— Дар — это основная истина мира. Злой оборачивает ее в ложь или, как минимум, в что-то еще, и материя начинает меняться, чтоб соответствовать ему.

Вит выглядел еще более озадаченно; Даг быстро оставил тему теории творения.

— Таким же образом Злой использует собственное тело как глиняный горшок, чтоб вырастить новое. Новее, лучше, более развитое, обычно более похожее на человека. В зависимости от того, каких людей или животных Злой сумел поглотить. Вырвать их Дар. Злые используют чужой Дар, чтоб научить свое новое тело как расти.

Вит наморщил нос:

— Значит, Злые рожают сами себя?

— Есть причина, почему мы называем это линькой, а не родами. Достигнув полного размера, Злой покидает старое тело, которое умирает вокруг нового, а новое, э-э... выдирается с боем из старой кожи. Новое тело обычно почти такого же размера, как старое, так что Злой на пороге линьки «сидячий» — неподвижный. Он прячется на дни или недели и не двигается до тех пор, пока процесс не закончится. В этом состоянии они довольно беспомощны и их легко — ну, легче — убить.

— А когда они становятся более человеческими, как тот, который был в Рейнтри? Ты еще говорил, что он был очень красивым.

— Тот же самый процесс. Более грязный, полагаю. Они стараются линять реже, так как нападают.

Вит уставился на кучу гравия и почесал затылок:

— Хм. Думаю, ты бы не хотел, чтоб Фаун видела это прямо сейчас.

Верный Вит выпалил то, что лучше было бы оставить невысказанным. Даг не знал смеяться ему или вздыхать.

— Нет, — согласился он. — Конечно, не хотел бы.

Но Вит уже гнал за другой мыслью.

— Так значит... тогда, когда вы двое встретились возле Глассфорджа, Фаун сделала то, что сейчас сделал Рейз, более или менее?

— Да. Она ударила Злого заряженным разделяющим ножом. Именно так.

Вит молчал довольно долго.

— Моя сестренка... — сказал он в конце концов.

Его тон не выражал чего-то особенного, но Даг подумал, что это, возможно, удивление. Или благоговение. «Хм».

* * *

Для Фаун было облегчением стать лагерем на ночь прямо на том мелком ручье, где они оставили фургоны, несмотря на изнуряющий переход, который они проехали, чтоб достигнуть их вновь. Гресс был не единственным крестьянином, который ворчал о двенадцати милях вниз по дороге, преодоленных лишь затем, чтоб вернуться на двенадцать миль — просто самым громким.

— Целый день работали, чтоб вечером оказаться ровно там, где были утром. Ну и чего мы достигли?

— Тренировки, — отвечала Сумах без сочувствия. — Практика лишней не бывает.

Как только Фаун убедилась, что Даг не ранен, она стала рассматривать торжествующих, но потрепанных дозорных со всей озабоченностью, которая у нее оставалась. Вит уверил ее, что Барр орал гораздо больше, когда Аркади зашивал ему голову, чем когда глиняный человек угодил в него камнем. Ремо двигался неуклюже и не мог поднять правую руку выше плеча, но не жаловался. Все, включая Тавию, казалось, думали, что синяки на лице Тавии были больше заметными, чем серьезными.

Рейз, не задетый ни одним ударом, был гораздо более больным. Фаун с радостью разделила с ним свой уменьшающийся запас лекарства от тошноты, но успешно выпить глоток воды он смог только после заката.

Даг не казался встревоженным, но убедился, что мальчик лежит в постели.

Все Стражи Озера согласились, что Рейз заслужил надлежащих веселушек, вечеринку дозорных, чтоб отпраздновать свое первое убийство Злого, но говорить об этом стоило тогда, когда он придет в достаточную форму, чтоб порадоваться. А Даг сказал, что на это понадобится неделя.

Дозорные собрались вокруг огня после ужина, чтоб сложить вместе использованный Рейзом нож и осторожно завернуть обломки в импровизированный тряпочный саван до тех пор, когда их можно будет отправить в Новый Вяз для захоронения.

Они не казались Фаун достаточно мрачными, чтоб назвать это ритуалом, не казались и достаточно радостными, чтобы назвать праздником, но Сумах завела песню, которую Фаун узнала с веселушек, на которых была в Глассфордже — на этот раз не на костяной флейте, а лишь голосом. Слова, как оказалось, были не о Злых, смерти или жертве, а о саде на берегу озера, где встречались двое любовников. Это должно было звучать лирично, но почему-то выходило похоже на гимн. Фаун не могла сказать почему, но почувствовала, что мелодия должна быть очень старой.

Берри, когда куплеты дошли до кульминации, извлекла из сумки свою скрипку из дерева хикори и, несмотря на еще не зажившие пальцы, сыграла мелодию с извилистыми напевами даже красивее последней. Мерцающий костер высветил следы слез на лице Рейза, когда он слушал ее из своего одеяла, и когда она закончила, он очень искренне пробормотал «Спасибо». Фаун задумалась, насколько близок был юному дозорному его прадед.

Берри подняла всем настроение, сыграв быстрый рил⁸ и вдохновив Плюм привести к

⁸ В оригинале быстрый шотландский танец (прим. перев.)

костру своего маленького братца Оулета в храброй попытке станцевать. Они раскачивали руками, сцепив их, больше с энтузиазмом, чем грацией, и Оулет пищал от радости, когда Плюм крутила юбками.

По теплой погоде Оулет бегал одетым только в рубашку, подходящую ему по размеру как платье; из-под подола рубашки торчали его коленки в ямочках и маленькие голые ножки, вымазанные в грязи, и, глядя на него, улыбались даже Бо и Даг.

После того, как Берри встряхнула руками и отложила скрипку, Бо рассказал пару историй. Обе были возмутительно неправдоподобными, и это вызвало поток воспоминаний у дозорных, о правдоподобности которых судить было сложно. Несколько припасенных бутылок передавали из рук в руки. Вклад Аркади вызвал наибольшее уважение; один глоточек, который Фаун посмела сделать, обжег ее как жидкий огонь. Его отхлебнул даже Грасс.

Когда взошла луна, Фаун лежала в одеяле и слушала, как пасущиеся животные жуют траву и приглушенно фыркают, разбредшись вдоль русла ручья. Наблюдая, как Даг ел свой ужин, она подумала, что он несколько разделил в Рейзом тошноту, но уверенности у нее не было. Как он чувствовал себя после Злого из Глассфорджа? Тогда ей самой было слишком плохо, чтоб это заметить. Может, Рейз недостаточно тренировал закрытие Дара, или может однажды он тоже станет мастером? Этим вечером Даг обходил лагерь дозором по периметру очень широко; прошло много времени до того, как он присоединился к ней. Они улеглись в хорошо знакомую позицию, сплетя ноги под одеялом, лицом друг к другу в серебристой тьме.

— Скажи, сегодня было трудно? — спросила она, водя пальцем по его нахмурившемуся лбу и накручивая на пальчики непослушные завитки его волос, в которых пока еще не поблескивало серых нитей.

— Нет. Так же просто, как с любым другим сидячим, по правде сказать.

— А щит Вита работал хорошо?

— Насколько я мог видеть. Ну, я не знаю, как долго он продержался бы против серьезной попытки вырвать его Дар, но он защитил его от порабощения разума. Если только потому, что сделал Дар Вита таким размытым, что Злой не мог понять что это такое. А мы не дали ему времени, чтоб разрешить проблему.

— А твои дозорные хорошо дрались?

— О, да.

Фаун сказала осторожно:

— Не уверена, что они знают, что ты так думаешь. Ты сегодня вечером был несколько мрачным и угрюмым.

Его брови приподнялись:

— Молодежь очень хорошо справилась. Вит тоже. Он свою долю работы выполнил, и они это видели. Смею сказать, они больше не будут смотреть на крестьян как раньше, — на мгновение он умолк.

— Меня беспокоит Злой.

— Почему?

Он вздохнул и продолжил медленно:

— Не знаю. Просто... придираюсь. Все Злые похожи, пусть даже каждый из них немного отличается. Зачем он был на дороге?

— Может, он просто менял свое логово? Искал место получше для линьки?

— Возможно... — Тон Дага не был убежденным. — Но этот казался еще и ужасно агрессивным для того, который собрался линять. Обычно они в этом состоянии просто ложатся и позволяют своим глиняным людям приносить им жертвы.

— Может... Я не знаю. Может он вырвал Дар какого-нибудь бешеного животного?

— Не думаю, что это бы сработало так, — он потряс головой, обняв ее крепче, когда она чуть повернулась, чтоб прильнуть к его телу плотнее. — Но несколько добрых слов молодежи завтра скажу. Они их заслужили.

Рассвет следующего дня был ясным; отряд поскрипывал, но оказался готов к тому, чтоб отправиться сразу после него. Рейз чувствовал себя достаточно хорошо, чтоб сесть на лошадь, хоть он и позволил Индиго оседлать ее, а двое товарищей помогли ему забраться наверх. Они проехали четыре мили по дороге и приостановились — потому что каждого, кого не было на поле битвы, просто протащили через нее детальным описанием сражения, удар за ударом теми, кто там был. Фаун наблюдала с седла Мэгпи, самую чуточку беспокоясь о том, какой эффект возможные остатки скверны произведут на ее ребенка. Она нетерпеливо ожидала первого шевеления внутри своего живота. Она даже Дагу не признавалась в своем ни на чем не основанном убеждении, что если ей удастся перенести свою беременность через момент времени, на котором прервалась предыдущая, это станет для нее знаком надежды, как если бы проклятие было снято. Встреча со Злым прямо сейчас разбудила настолько горестные воспоминания, что это потрясло ее более, чем она могла себе позволить.

Наконец, Вит и дозорные закончили трепаться о каждом выстреле, и они все двинулись дальше.

Поздним утром они оказались в том месте, где Злой, по словам Дага, должен был впервые выйти на дорогу. Даг повел смешанный отряд дозорных и мальчишек-крестьян к западному гребню, чтоб найти логово. Сумах осталась у фургонов, чтоб наблюдать за Рейзом; Нита видела логова в Луглии, и поэтому осталась помогать ей. Бо также отказался, и Хог, как обычно, повторил за ним.

Берри, улыбаясь, перегнулась через луку седла и прошептала Фаун:

— Я думала, у Бо с головой хуже. В полночь он клялся, что видел, как на фоне луны пролетели летучие мыши размером с грифа-индейку.

— Это, наверное, что-то вроде тех колесных змей, о которых он рассказывал, будто южане их используют вместо колес для фургонов? — спросила Фаун. — Или как аллигаторов запрягают помногу в лодку, чтоб плавать по болотам? Или как дождь шел так сильно, что он видел, как сом плыл по дороге над головами и парни поймали его шляпами?

— Полагаю, так. Хотя, сом не кусался.

Фаун захихикала и пришпорила Мэгпи. Она бы не удивилась, если бы Бо увидел грифов; непогребенные тела глиняных людей воняли и могли вскоре привлечь падальщиков. Могли стервятники искать падаль в лунном свете?

Пожар охватил мили леса, и Фаун попробовала представить размер пламени, которое уничтожило эти леса. Как быстро ветер подгонял оранжевую стену смерти? Она вспомнила, что Злые были не единственной опасностью в мире, о которой стоило думать. Она не видела особенного выбора между тем, оказаться сожженной или оскверненной. Хотя шрамы от огня заживали годами, а не десятилетиями или веками, и с точки зрения ежевичных зарослей и иван-чая были почти что благословением.

Ее размышления омрачились, когда они остановились пообедать у ручья, пересекающего то, что явно было выгоревшей деревней, разрушенной тем же самым трехлетней давности пожаром. Отсутствие жителей в долине оказалось внезапно объясненным. Она прошла мимо остатков домов и сараев, которые чернели из зеленых зарослей, как кости, прорвавшие кожу.

— Мы могли бы остаться здесь, — сказал Грасс, жадно разглядывая участок плоской земли вдоль ручья, который, без сомнения, привлек людей из сожженной деревни.

— Я не останусь на этой проклятой земле! — сказала Вио резко. — Монстры, и огонь, и люди-медведи и кто знает что еще... — ей пришлось прерваться, побежать и спасти своего малыша Оулета от решительной попытки свалиться головой вперед в старый колодец. Когда он оттащивала его от смерти, а он протестующее сопротивлялся, она взглянула вниз и закричала.

Фаун рванулась к ней, так же как Сейдж и все остальные, кто ее слышал.

Солнце над головами осветило колодец, открыв взглядам кучу смешавшихся костей на дне. Плоть исчезла, но некоторые обрывки волос и одежды все еще были видны.

— Они, должно быть, нырнули в воду, чтоб уйти от огня, — сказала Сумах, заглянув вниз, — и задохнулись, когда им все накрыло.

— Или они утонули, — высказал мнение Бо, — если взбирались друг на друга.

Фаун сглотнула и быстро отошла. Там внизу были кости разного размера. Семья? Пара семей, может быть.

— Неужели здесь никого не осталось, чтоб похоронить их? — спросила Келла.

— Может, выжившие решили, чтоб колодец стал их могилой, — предположил Сейдж. — Не хотели больше использовать его как колодец.

После некоторого спора было решено оставить колодец-могилу в том виде, как он был найден. Фаун потеряла аппетит и была рада уйти от места с привидениями.

Экспедиция, отправившаяся на обследование логова Злого присоединилась к ним несколькими милями дальше. Даг говорил Аркади, что тот пожалеет, если отправится с ними, и по его виду было понятно, что так дело и обстояло — его лицо было потным и бледным как у Рейза. Сумах рванулась помочь ему, но тот лишь потряс головой. Два отряда обменялись одинаково мрачными описаниями сгоревшей деревни и логова Злого, и на этот раз Бо не предлагал рассказать глупых сказок, чтоб увенчать их.

После обеда Фаун ехала между Дагом и Финчем во главе отряда. Каждый начал присматривать хорошее место, чтоб стать лагерем на ночь. Даг сказал, что поздним утром они, вероятно, окажутся у перевала в начале этой длинной долины. Завязался спор о том, когда лучше отдохнуть животным — день до перевала или день после. Фаун подумала, что большинство выскажется за то, чтоб отдохнуть позже. Никому больше не нравилась эта земля.

Финч был все еще полон впечатлений от логова Злого:

— Никогда бы не поверил! Все мертвое и серое на двести шагов вокруг. И эти дыры, откуда вылезли глиняные люди, совсем такие как ты рассказывала, Фаун!

— Там было сильно плохо? — спросила Фаун.

Даг помотал головой:

— Ничего такого, чего ты не видела, Искорка. Даже менее того. Это меня все еще удивляет. — Он повернулся в седле и нахмурился. — Хотел бы я увидеть сегодня какое-нибудь движение на дороге. В любую сторону.

Сумах ехала за ними вместе с Аркади, которому было лучше, но он все еще был тих.

— Кстати, Даг, — заметила она. — Нам надо бы отправить рапорт в Лавровое Ущелье. Они должны были вычистить этого Злого до того, как мы его нашли.

— Написать дозорный рапорт, о, да, — сказал Даг. — Будет просто замечательно с твоей стороны научить молодежь как это делать.

Она показала ему язык.

Он, не смущаясь, широко улыбнулся, но добавил:

— Мы можем оставить его на курьерской точке сбора в Черноводной Мельнице, когда будем там. Нет нужды сбиваться с пути.

— Хотя я б хотела знать, где их дозор бродит, — сказал Сумах. Даг скорчил гримасу.

— Угу. — Вернулась его озадаченная мрачность.

Вдохновенная, Фаун выпрямилась в седле:

— А что, если Злой не атаковал нас, Даг? Что, если он от чего-то убежал?

— От чего может убежать Злой? — спросил Финч. Фаун слегка посветлела.

— Дозорные! Может, дальше по дороге мы встретим дозорных из Лаврового Ущелья.

— А они не разозлятся, что мы как браконьеры убили их Злого? — спросил Финч. Его, конечно, не было там, когда убили Злого, — не более, чем Фаун, — но каким-то образом Вит как представитель крестьян отбросил отраженную славу на всех мальчишек. Фаун не думала, что это плохо.

— Спустя некоторое время, — сказал Даг, — ты узнаешь, что их вокруг еще множество. Мы их не пасем, знаешь ли.

— Хотя я думаю, — сказала Сумах, — что дозорные из Лаврового Ущелья будут смущены. На самом деле, дядюшка Даг, я думаю, что напишу этот отчет. Просто чтобы убедиться в этом.

Улыбка Дага вспыхнула, но снова угасла.

— Не думаю, что этот Злой убегал от дозорных. Во-первых, он был настолько свежевылупившийся, что еще не знал о них, и, во-вторых, Злые относятся к нам, как к мясу на ножках. Это как убегать от своего ужина. Мы стараемся сделать разделяющие ножи сюрпризом для них.

Фаун представила забавную картину того, как ее следующая еда спрыгивает с тарелки, хватая ее нож и нападает на нее. Она вытряхнула ее из головы. Ей не хотелось пытаться вообразить о чем думают Злые; она боялась того, что у нее может получиться. Может, ей стоит отдохнуть. Она взглянула на Дага, и ее живот свело холодом. Его лицо было совершенно без выражения, как если бы та мысль, которую он обдумывал, его нисколько не заботила.

— Если только не... — пробормотал он.

«Если только не что, любимый?»

Огненные ожоги, наконец, уступили пятнам здоровых деревьев. Четвертью мили выше по дороге Фаун увидела приближающуюся полосу чистого леса. Может, внезапный дождь спас ее? Или перемена направления ветра... Солнце краем дотронулось до западного хребта, восточный склон которого был уже весь в тени. Краем глаза она увидела движение на обочине дороги в густой тени под деревьями.

— Голосую за первый пригодный ручей между деревьями для сегодняшнего лагеря, — сказал Финч, также вглядываясь. — Хм. Что это? Похоже, у грифов вечеринка.

Полдюжины темных, хлопающих крыльями силуэтов окружили тушу животного.

— Козел? — спросила Фаун. — Или собака?

— Может, олененок? — предположил Финч, хихикая от ее раздраженного взгляда.

Даг внезапно резко остановился, уставившись.

— Это не козел. Это мул.

— Не может быть... — усмехнулся Финч. — Тогда бы те птицы имели десять-двенадцать футов размаха крыльев.

— Это не птицы. Сумах? Одолжи мне глаза. И чувство Дара.

Сумах коленями послала лошадь вперед, вглядываясь вместе с Дагом. Ее дыхание стало свистящим.

— Что за... Даг, что это за мерзость?

— Глиняные... люди? — Его голос звучал весьма неуверенно. — Глиняные... летучие мыши? Без перьев. Суставы не как у птиц. Крылья как у летучих мышей.

— Злые могут делать людей-летучих-мышей? — сказал Финч озадаченно? — Почему ты раньше не говорил?

— Я никогда не видел таких раньше, — сказал Даг. — Людей-волков и огромных волков — да. Почему бы не летучих мышей?

Фаун могла бы придумать дюжину отличных причин «почему бы не летучих мышей?», начиная с «почему бы не аллигаторов?». Нет, брр, фу-у.

— Отсутствующие боги, они огромные, — сказал Аркади, который подъехал посмотреть. Его голос дрожал, что было на него совсем не похоже.

У туши мула один силуэт оказался отеснен своими пирующими друзьями. Он раскинул длинные кожистые крылья и издал резкое рычание, напоминающее звук заевшей лесопилки.

— Тоже выжившие? — спросила Фаун. — Как те, которые, ты говорил, ушли за реку? — Она отчаянно надеялась, на то, что это были выжившие. Потому что альтернативой было...

От чего во всем огромном мире может бежать Злой?

Ни от чего.

Исключая лишь еще более худшего Злого.

— У них крылья заканчиваются руками? — спросила Сумах. — С... когтями?

— Проклятье! — сказал Даг. — Фаун, Финч, скачите назад и остановите фургоны. Сумах, собирай дозорных. Мне нужно взглянуть поближе.

— Один не поедешь! — сказала Сумах резко. — Аркади, предупреди дозорных.

Аркади, сглотнув, кивнул и развернул лошадь. Фаун неохотно отправилась следом за ним, неловко оборачиваясь в седле и заглядывая через плечо.

Когда Даг и Сумах подъехали к туше, мышетвари отпрянули от нее, издавая те же пилящие звуки. Они были неуклюжими, когда ползали по земле и их крылья тащились как наполовину сложенные пологи шатров. Двое, цепляясь когтями, добрались до ближайших деревьев. Остальные полезли на кучу камней, цепляясь друг за друга, чтоб забраться повыше. Еще одна повернулась и закричала, ярясь и хлопая кожистыми крыльями как кукарекающий петух; лошади Дага и Сумах испугались, развернулись и попытались умчаться. Даг не смогу заставить Копперхеда подойти достаточно близко, чтоб дотянуться до них своим ножом, но уговорил его вертеться и лягаться обеими задними ногами. Подкованные копыта достали цель; Фаун услышала хруст костей.

Мышетварь закричала снова и хлопнулась на землю, таща за собой сломанное крыло. Копперхед дико отскочил.

Мышетвари, забравшиеся на кучу камней, снялись с нее одна за другой с громким шумом хлопающих крыльев и стали, едва не задев за землю, подниматься в воздух. «О нет, они могут летать!» Их тела были грубо слеплены в форму летучей мыши с плоскими, странно прямоугольными телами как у белок-летяг; их головы были большими с острыми, кончиками к спине, ушами. Фаун не видела отсюда форму их ртов. Что было еще хуже, летали они хорошо. Набирая высоту, кошмарное трио пронеслось над деревьями.

Сумах жестикулировала и говорила что-то; Даг кивнул. Они оба понеслись к фургонам.

— Все назад! — пропыхтел Даг.

— Только не снова!.. — взвыл Грасс.

— Даг... — заколебалась Фаун. — Позади нас мили открытого пространства. Если эти твари могут упасть на нас из воздуха, — а по всему выходило что так оно и есть, — может, нам лучше держаться деревьев, в них они будут путаться крыльями?..

Он уставился на нее расширившимися глазами, открыв рот.

— О, — присвистнул он, — точно.

— Хотя бы, — закричала Сумах, чья перепуганная лошадь все еще билась под ней, — спрячьтесь под деревьями, пока мы не проведем разведку и подсчеты. Ножи против этих тварей не годятся. Нам нужны копья и луки.

— Топоры тоже, — предложила Фаун. «Те, что с крепкими длинными рукоятками».

Все, кто ехал верхом, подъехали, сбились вокруг и слушали; Сейдж оставил поводья Келле и тоже прибежал послушать. Он пронизательно прихватил свой молот на длинной ручке, хоть его руки и тряслись, когда он его сжимал.

Фургоны снова рванулись вперед. Фаун оказалась рядом с фургоном Келлы.

Все дозорные, кроме Рейза, и половина мальчишек-крестьян поехали вперед, чтоб сделать еще одну попытку убить глиняных летучих мышей. Они быстро приблизились к упавшей; когда толпа рассеялась, силуэт ее лежал спокойно, как упавший шатер. Оставшиеся двое, казалось, запутались в ветвях деревьев. Всадник мог бы достать их копьем, но лошади отказывались подходить близко; Вит уже спешил. Фаун слышала стрекотание его арбалета при взводе и видела, как он обменивается жестами с Сумах об угле его выстрела.

Таким образом, у Фаун был прекрасный вид того, как черное облако из примерно пяти десятков мышетварей сорвалось с восточного хребта и закружилось над ними.

Она в жизни не визжала и не издавала других пищущих звуков, как другие девчонки, но сейчас она закричала. Реакция Мэгпи на огромные хлопающие крылья была такой же, как у

других скакунов — она рванулась и унесла Фаун от фургонов в попытке галопа, чуть не выкинув ее из седла. Если бы только кобыла бежала к деревьям, Фаун позволила бы ей нести. Фаун натянула поводья, пытаясь повернуть голову Мэгпи и надеясь, что тело последует за головой.

Вода струилась из глаз Фаун и сметалась с ее щек ветром, когда она подпрыгивала в седле. Она едва дышала от ужаса при мысли, что может упасть и потерять ребенка, до тех пор, пока не поняла, что на такой скорости она скорее сломает себе шею; эта мысль была странно освобождающей. Она изо всех сил обхватила лошадь ногами, с каждым жестким прыжком чувствуя, что соскальзывает, затем бросила поводья и вцепилась в луку седла.

Каждое животное в отряде умчалось или попыталось сделать это. Фургон Бассвудов затормозил, потому что двое ведущих мулов запутались в построениях, а фургон Сейджа и Келлы застрял за ним. Гресс, очевидно, свалился с козел, но подпрыгивал за повозкой, пытаясь достать копьём глиняных мышей наверху. Вио забралась на козлы, одной рукой держась за каркас крыши, а другой размахивая железной сковородкой. Фургон был покрыт тучей мышелюдей так же, как они клубились над мертвым мулом.

Они использовали свои крылоруки, чтоб держаться, но, по большей части, раздирали на полосы холщовую крышу ногами-лапами с когтями, пытаясь дотянуться, будто чувствовали что-то внутри. Вио колотила по сжимающимся когтям сковородкой как молотом, и это заставляло их отдергиваться; она била других глиняных мышей по лицам и телам — везде, где могла достать. Она согнала нескольких, но на их место пришли другие.

Крики Вио оборвались, когда мышетварь захлопала крыльями и начала подниматься, сжимая в когтях ее малыша. Ротик Оулета стал квадратным от ужаса и боли, когда они поднимались в воздух. Низ его рубашки, трепеща, обвивался вокруг брыкающихся ножек. Уголком глаза Фаун видела, как одного из молодых дозорных, она не была уверена кого именно, стащили с лошади. Три могучих взмаха крыльями, и он освободился — затем, чтоб упасть со слишком резко оборвавшимся криком и одуряющим хрустом ломающихся костей. Рука, нога, шея? Мэгпи дернулась в сторону, и Фаун не увидела, куда он упал.

Вонь и горячий воздух ударили Фаун в спину, и внезапно когтистая лапа схватила ее за плечо. Ее крик боли превратился в протяжный вопль «Прочь! Прочь! Прочь!», в то время как она колотила тварь руками — лишь затем, чтоб быть схваченной за другую руку, пока огромные крылья хлопали снова и снова. Когти ее были как железные, а тонкие мускулы — как канаты. Не держась за луку, она начала подниматься с седла. Фаун лихорадочно обмотала одну ногу стремненным ремнем. Галопирующая Мэгпи тянула их за собой, как будто мышетварь была воздушным змеем, а Фаун — его бечевкой. Если тварь отпустит ее и она упадет, то ее потащит по земле за лодыжку, но если отпустить стремя, то ее утащут, как Оулета...

Копперхед, то идя галопом, то брыкаясь, появился справа в поле зрения Фаун. Даг каким-то образом держался, задыхаясь, его золотые глаза были как у сумасшедшего. Его стального ножа не было видно, но он неистово размахивал крюком и дотянулся по меньшей мере раз, вырвав полосу из кожистого крыла, ударившего его по лицу. Глиняная мышь завопила и вытащила потемневшие от крови когти из правого плеча Фаун.

При следующем взмахе Дага глиняная мышь получила крюком по лапе, отпуская и левую руку Фаун тоже. Она схватилась за седло, обломав несколько ногтей, когда свалилась вниз, но выпутала лодыжку из ремня и упала на землю на ноги, а не на голову, катясь в мокрой земле и траве. Она встала на колени, тревожно оглядываясь вокруг и пытаясь снова увидеть Дага.

Мэгпи унеслась в сторону. Копперхед, обезумев от крылатых монстров над головой, наклонил голову и выдал могучее лягание, которое подкинуло его седока в воздух даже без помощи глиняной мыши. Внезапно вторая глиняная мышь появилась рядом.

— Хватай за ногу! — проскрипела первая, пока Даг вырывался, пинался и бил кулаком. Вторая глиняная мышь запустила когти в один из его ботинков, а затем железной хваткой вцепилась второй лапой в лодыжку Дага. Каким-то образом ухитрившись лететь в паре так,

чтобы их крылья не мешали друг другу, они поднялись выше.

«Они говорят! Они разумны! Они действуют сообща! О нет, нет...» Фаун пошатнулась под крылатой тенью. Она думала, что кричит, но из ее сухого как кость горла не вырвалось ни звука.

Высоко наверху вертелся, извивался, ругался Даг. Фаун вспомнила упавшего дозорного и закричала наверх «Даг! Не дерись с ней, пока не приблизишься к земле!»

Он дико уставился вниз на нее, казалось, только сейчас поняв, насколько высоко его уволокли, и внезапно замер. «Он услышал, он понял, о, спасибо!» Все еще свободными руками он схватился за горло. Рванул кожаный шнурок, на котором висел нож Крейна.

— Искорка, возьми нож!

Она уставилась на него сбита с толку, открыв рот. Нож в кожаных ножнах упал, переворачиваясь в воздухе, в заросли, где отскочил, неповрежденный, от мягкой земли.

Она взглянула вверх и увидела, как Дага поднимают выше, еще выше...

На некотором расстоянии воющего малыша несли на восток; за ним мышетварь, хлопая сумасшедшее крыльями, несла Тавию, борясь за высоту из-за ее большего веса. Фаун не думала, что злобные создания могли весить больше сорока фунтов, с крыльями и прочим, но самые большие, кажется, могли унести сотню. Фаун весила меньше. Она скорчилась в грязи, найдя хорошо укорененное деревце, чтоб держаться за него, когда прилетят мышетвари — но они, казалось, не могли схватить свою жертву так низко без того, чтоб не запачкать крылья об землю. Сев же, они становились неловкими и от них можно убежать даже ей, подумала она.

Она снова подняла голову. Фургоны и всадники достигли укрытия под деревьями, оставляя на своем пути след из мертвых и раненых глиняных мышей.

Бойня была безутешной. Лошадь Тавии лежала на земле с распоротым, кровоточащим животом, издавая ужасные звуки. Несколько мышетварей были привлечены ее беспомощностью и вились над ней, как раньше над мертвым мулом, но большинство выживших поднялось в воздух и направилось за своими товарищами, уносящими пленников. Они издавали искаженные визги, в которых отчетливо слышалось «Полетели!» по отношению к голодным отставшим.

У кромки леса с востока Фаун заметила Сумах, которая прищпоривала свою лошадь, то скрываясь за деревьями, то показываясь, в слабой попытке догнать улетевших.

Фаун поползла вперед и подобрала разделяющий нож, сжав его дрожащими, окровавленными пальцами.

Вит прискакал к Фаун галопом из-под деревьев, соскользнул с седла, забросил ее наверх и забрался сам. Она едва дышала, заикаясь и задыхаясь, но убрала нож под рубашку, когда они ее раз рванулись к деревьям. Когда они, наконец, достигли защиты от ветвей, она соскользнула с седла и упала на колени; ее слишком трясло, чтобы она могла стоять. Она хотела бы упасть в обморок, чтоб сбежать из этого ужасающего момента, но ей никогда не удавался этот фокус.

Так что ей пришлось подняться и разбираться со всем, что бы ни было дальше.

— Он дал тебе свой нож! Почему он бросил тебе свой нож? — прохрипел Вит. — Вот уж чего не стоило!..

Прибежала Нита, с диким взглядом, вся в царапинах:

— Я видела. Сумасшествие! У Дага такой же хороший шанс использовать его, как и у нас... даже лучше! Отсутствующие боги, это ведь единственный разделяющий нож, который у нас остался!

Фаун уставилась со страхом сквозь листья на светлое пустое небо и подумала «Нет. У него есть еще один».

Глава 19

Люди мечтают о полетах, слышал Даг. У него же, наверное, будут о них кошмары в

будущем, если он выживет. Прямо сейчас они не выглядели настолько...

...особенно если посмотреть вниз! Он судорожно вдохнул воздуха. Мир дико крутился под ним, как огромная зеленая живая карта. Хлопающие крылья глиняной мыши напоминали шатер, который сорвало бурей. Лошади с такого ракурса казались странными — безногими, круглыми, с опущенными как у ищеек головами. Копперхед и Мэгпи бежали без всадников и брыкались. Фаун упала? Где? Вон там. Она неподвижна? Нет — она рванулась, побежала и нырнула под деревце, которое казалось слишком маленьким для того, чтобы прикрыть ее.

Жива. Все еще жива.

На следующем витке он заметил Сумах, смотрящую вверх, погоняющую лошадь, то выскакивающую, то прячущуюся за лесной опушкой. Она осталась позади. Глиняные мыши накренились и внезапно развили ужасающую скорость, которой ничто не мешало.

Нет, неверно. Глиняные мыши изо всех сил старались одолеть восточный хребет.

Даг отогнал мысль о ноже в ботинке и вместо этого ухватил рукой другую лапу глиняной мыши, вцепившейся в его крюк. Теперь она по собственной воле его не сбросит... глиняная мышь затрясла лапой и издала сердитый скрипящий крик, но в этом положении она была почти так же беспомощна для того, чтоб отбиться, как Даг. Ощущение паники, раздражающее его голову, несколько ослабло из-за этого несомненно ложного чувства контроля.

Фаун сразу поняла проблему, пока его голова все еще шла кругом. Если он освободится на такой высоте (он представил размытое падение и горячий хруст удара), даже Аркади не смог бы собрать его заново. «Проклятье, это ведь только кажется, что я знаю, что делаю, потому что слишком много было этих дел за последние сорок лет.» По-настоящему новое приоткрывало его слабости. Вот как сейчас, когда он отчаянно хотел вниз — но не настолько быстро...

Он напряг шею и попробовал посмотреть в другом направлении. Большинство выживших глиняных мышей махало крыльями впереди, а нагруженные — отстали. Плачущий малыш — о, я тебя слышу, маленький брат, и полностью с тобой согласен — был недалеко от него, несколько впереди и выше. По крайней мере, глиняная мышь Оулета, видимо, обхватила когтями его тонкую детскую ручку, а не проткнула ее жестоко как та, что схватила Фаун за плечо.

Тавия боролась впереди. Она была ниже. Она также ухватила за лапы своего похитителя и извивалась и пиналась в воздухе, как бы подтягивая свою глиняную мышь ближе к хребту, который вырос под ними. Серые скалы выглядели костлявыми и смертельно опасными, деревья были похожи на колья на дне волчьей ямы. Сможет ли Даг заставить мышей спуститься похожим образом без того, чтобы они упали или уронили его? Когда они перевалят через вершины, земля снова начнет отдаляться. Это лучший шанс.

Если бы он мог как-нибудь избавиться от глиняной мыши, держащей его правый ботинок, то другая, вероятно, не смогла бы нести его вес. Он лягнул ногой — без какого-либо эффекта, кроме мерзкого шипения и еще более крепкой хватки, поднявшей его правую ногу под еще более неловким углом.

Как близко был Злой? Глиняные мыши вытянулись в линию, которая указывала за следующий перевал в добрых четырех милях от них. Пока еще. Даг посмел приоткрыть свой Дар и потянулся вперед внутрь тел глиняных мышей как если бы проверял страдающего пациента. Тонкие стенки их грудных клеток раздувались, а сердца стучали с большим усердием.

Их Дар был ужасен, но он это проигнорировал. Он сфокусировался на второй глиняной мыши, ближе и глубже, глубже... Перевал быстро приближался. И совсем не было времени для... ни для чего не было времени.

Он организовал проекцию, потянулся и вырвал крошечный кусочек Дара из большой артерии, выходящей из сердца летучей мыши. Три взмаха крыльями, три грохочущих удара сердца, и сосуд разорвало на куски. Рот глиняной мыши приоткрылся в мучительном крике, глаза закатились и она свалилась вниз, а ее когти бессильно соскользнули с ботинка Дага.

Она свалилась в деревья. Оставшаяся глиняная мышь Дага заметалась в удивлении, удвоив усилия. Глиняная мышь Оулета повернулась и подлетела поближе, выкрикивая в замешательстве «Полетели! Полетели!»

Или бедного малыша съест Злой, или... У Дага однажды едва не вырвал Дар Злой; это была бы настолько мучительная смерть, что между ней и разбиться о скалы особого выбора не было. Даг потянулся снова, в полную силу. На этот раз он отправился в большую вену, входящую в сердце. Может, медленное воздействие поможет?.. Он ощутил толчок, когда вырывал фрагмент резко... Глиняная мышь Оулета закричала, задыхаясь, ее крылья замедлились... она начала снижаться по спирали вниз... врезалась в ветви.

Плач Оулета прекратился слишком внезапно.

Глиняная мышь Дага тоже падала. Она отпустила его крюк, пытаясь стряхнуть его. Свобода вернула Дагу оружие. Он махнул крюком, разрезая кожу на лапе твари, раздирая в ключья нижний край кожистого крыла. Ярко-красная кровь окатила его ливнем.

Они с шумом и хрустом влетели в ветви бука. Изгибающиеся крылья глиняной мыши снова и снова пытались схватиться за что-то; вместе, мышь и ее жертва, спускались с риском сломать шею в потоке листьев и веточек. Тут Даг понял, что его следующей величайшей опасностью станет глиняная мышь, упавшая сверху, и он разжал потную руку, вцепившуюся в окровавленную лодыжку, и упал вниз.

Он попытался приземлиться на полусогнутые ноги и перекатиться, но растерял все свое преимущество на крутом склоне; корень, крепкий как трос, поймал петлей его правую лодыжку и жестоко ее повредил. Но зато он прекратил его падение с горы вверх тормашками.

А затем на него свалилась глиняная мышь. Угрожающе рыча.

В мире за пределами боли Даг вырвался из удушающего черного конверта ее крыльев. Его рука сжалась на первом прочном орудии, какое смогла найти — на сломанной ветке. Он размахнулся и стал неистово молотить им по тонкому черепу твари.

На третьем ударе он впервые заглянул в большие карие глаза, моргающие перед ним.

— Оу, — сказала она грустным голосом. — Больно. — Человеческий голос, глаза животного и недоумение ребенка, не понимающего почему с ним должны происходить все эти ужасные события.

Глиняная мышь содрогнулась, захрипела и умерла.

Даг попытался вдохнуть, согнулся и его вырвало. В его желудке было немного. Невеликое удовольствие.

«О, боги, боги». Он свернулся бескостной кучкой. Его лицо было мокрым и склизким; он решил, что плакал — хотя что-то из этого могло быть кровью. Его это не волновало. Он сжал голову руками и закричал.

* * *

Через несколько минут он уже мог снова дышать и думать. Слово «перенапряжение» недостаточно хорошо описывало его состояние ума. Тело тряслось, как Грасс в приступе лихорадки. Он приподнял правую руку, нашел свадебный браслет, обвившийся вокруг левой, и сжал его через потрепанную ткань рубашки. Жива, Искорка жива. Он нужен ей. Благодаря этому утверждению он смог встать.

Или хотя бы... сесть. Его поврежденная лодыжка пульсировала в ботинке. Он оглядел ее с неудовольствием, обращая свое чувство Дара на самого себя, хоть это и вызвало у него еще один приступ тошноты. Он был уверен, что лодыжкам не полагается ронять его набок, как вот эта только что сделала.

Он расшнуровал ботинок и с трудом извлек из него погнувшийся стальной нож, уставившись на него в изумлении. «Вот почему кость не сломалась». Да, нож помог ему не тем способом, который ему представлялся, но все же спас его. Он снова зашнуровал ботинок, пока сустав не распух, чтоб тот поддерживал его.

Фрагменты Дара, которые он вырвал у глиняных мышей, оставили грязное пятно в его Даре — Аркади, без сомнения, этого бы не одобрил — но не нашпиговали его отравленной черной скверной как тогда, когда он вырвал Дар у Злого. Загрязнение сделает его на несколько недель неподходящим для подкреплений Даром, но в этом не было ничего страшного, так как прямо сейчас он сам бы от них не отказался. И, по крайней мере, он не обменял быструю смерть на медленную. Пока что.

В отдалении, где-то внизу по склону, заплакал ребенок.

Слабо, приглушенно. Даг остался сидеть. Он открыл свой Дар, потянулся...

Живой. Малыш пережил падение!

Даг ощупал землю вокруг себя, нашел длинную, крупную палку и обрубил с нее веточки гнутым ножом. Опираясь на нее, он поднялся и пошел вниз по склону. Так быстро, как мог идти, соблюдая осторожность — он не думал, что еще одно падение окажется ему полезным. Серый сумеречный свет прятал детали, хотя небо сквозь крышу из листьев все еще просвечивало, переливаясь розовыми оттенками в высоких облаках. Плач становился громче, когда он скатывался от дерева к дереву.

Вон там.

Черный силут упавшей глиняной мыши лежал, как сброшенный плащ, наполовину обернувшийся вокруг ствола дерева хикори. Рыдания исходили откуда-то из складок. Даг прислонил палку к стволу, потянулся и отбросил тушу вбок, чтоб открыть Оулета, который свернулся и дрожал. Малыш взглянул на Дага и зашелся в рыданиях.

Чувство Дара Дага тревожно встрепенулось. Руки не сломаны, ноги, шея, спина. Оба глаза моргают. Легкие явно в рабочем состоянии.

Множество царапин и ушибов, ухо оторвано и кровоточит.

Даг уселся с мучительным всхлипом. Ребенок отдернулся.

Воспоминание о втором разе, когда он встретил Искорку, промелькнуло в сознании Дага. Внезапное спасение от жестокого насилия; она была слишком сбита с толчку, чтоб отличить друга от врага, накинута на него и едва не выцарапала ему глаза.

— Я, наверное, не слишком ободряюще выгляжу, — сказал он сокрушенно Оулету. — Но я хороший.

Вой приостановился, возможно, от удивления. Затем начался снова, пусть и не так громко.

— Отсутствующие боги, — прошипел голос Тавии. — Ты можешь заткнуть этого ребенка? Он приманит каждого глиняного человека на милю вниз. И вверх. И повсюду.

Тавия спустилась по склону, цепляясь за деревья, и, запыхавшись, упала на колени рядом с Дагом. У нее, явно, тоже не было переломов; зато были синяки, порезы, царапины, оставленные ветками. Темно-рыжая прическа разлохматилась, одна прядь была вырвана и кожа кровоточила. Медно-карие глаза были расширившимися, дикими и пульсировали. Даг предположил, что его глаза были такими же.

— Поздравляю с приземлением, — пробормотал он. — Рад, что получилось одним куском.

— Отсутствующие боги, — сказала она. — Никто не говорил, что на севере будет полно гигантских летучих мышей. — Она взглянула на Дага, как будто здесь была в чем-то его вина. Даг подавил желание извиниться.

— Для меня это тоже было сюрпризом. Что случилось с твоей глиняной мышью?

— Когда она не смогла одолеть перевал, она сбросила меня в заросли кизила и улетела. — Ее челюсти сжались от разочарования. Но она, кажется, приземлилась мягче, чем он — к счастью.

— А, хм... как у тебя с малышами?

— Я была самой младшей в семье, — ответила она немедленно, разглядывая плачущего ребенка с тревогой. — Ничего не знаю о маленьких детях. Крестьянских или каких еще.

— А, — Даг вздохнул и протянул руку. — Ну-ка, Оулет... — Малыш сжался. — Эх...

Тавия была права по поводу шума. Неохотно Даг открыл Дар и сформировал

уговаривание для шокированного мальчика. «Все уже хорошо. Я не причиню тебе боли. Ты хочешь пойти к Дагу и позволить ему сделать хорошее.» Он оставил и заколдовывание — для вящего блага.

— Ма-ма-ма-ма, — загулил Оулет.

«Извини, единственный человек здесь, похожий на маму, играть не хочет. Она просто еще маленькая, знаешь ли. Боюсь, придется иметь дело со мной. Иди сюда.»

— Ма-ма-ма... — Но отползать Оулет прекратил.

Даг дотянулся и затащил малыша к себе на колени. Оулет внезапно поменял свое мнение, икнул и закопался потным личиком в рубашку Дага, вцепившись в нее, как детеныш опоссума. Даг подумал, что теперь уже это не причинит ей особого вреда.

— Как ты это сделал? — спросила Тавия. Шепотом, на самом деле — возможно, под воздействием внезапно наступившей тишины.

— Схитрил, — сказал Даг.

— А, — Тавия взглянула со страхом наверх, выискивая черные движущиеся пятна.

— Не открывай Дар, — предупредил ее Даг.

— Нет, нет. Но что, если они смогут увидеть нас в темноте?

— Только не через деревья. А еще лучше бы камни. Ты и я можем закрыть Дар, но малыш не может. Он будет светиться как маяк.

— Думаешь, эти мышетвари имеют чувство Дара?

— Возможно... — Он глубоко задумался. Их хозяин-Злой должен был поглотить человека — или людей, — иначе он не был бы способен наделить своих созданий даром речи. Поглотил ли он уже Стража Озера, крал ли более глубокие способности?

— Скоро взойдет луна. Пока мы еще видим хоть что-то, нам лучше найти расщелину или выступ, чтоб спрятаться. С водой поблизости. — Взрослые могли обойтись без ужина, но Дага мучила жажда после запоздалого приступа паники, и Оулета, вероятно, тоже.

Тавия посмотрела на ногу Дага.

— Как твоя нога?

— Не слишком хорошо.

— Тогда я на разведку.

— Угу.

Тавия ускользнула лучшим дозорным образом; Даг подождал, рассматривая свою новую обузу. Оулет сейчас лежал на боку, головой устроившись на колене Дага, как на подушке, в притворном спокойствии. Истерика все еще пряталась под ним, как рыба, ходящая кругами подо льдом замерзшего озера.

Тавия, к счастью, вернулась довольно быстро, и они пошли сквозь сумерки по крутому горному склону. Карнизов и расщелин было очень много. Отыскать воду на этой высоте было труднее, но Тавия нашла заросший мхом ручеек, который, без сомнения, становился речкой ниже. Ручеек скорее сочился, чем тек, но зато он собирался в естественной каменной чаше перед тем, как бежать дальше. Они по очереди опустили к нему головы и напились.

Оулета было трудно уговорить на этот новый способ питья, но он, наконец, понял идею, а затем начал играть в лужице, так что его пришлось унести и запихнуть глубоко в расщелину.

Даг хотел занять позицию снаружи, но Тавия явно желала увеличить расстояние между собой и злосчастным крестьянским малышом.

С навесом сзади, расщелина была заблокирована от зрения и чувства Дара с пяти из шести сторон. Мenee Даг был уверен, что она защищена от вторжения глиняных мышей — они весьма хорошо могли сложить крылья, когда не запутывались в ветвях. Но создания с когтями на руках и лапах, даже будучи опасными сами по себе, казались не предназначенными для того, чтоб носить оружие... хотя, вовсе не обязательно разведчики у Злого должны были быть исполнены в одном и том же дизайне.

Блокированное восприятие, к несчастью, не работало в обе стороны. Даг желал, чтобы они приземлились по ту сторону хребта, с видом на Тракт. Если бы он был один, он бы

поднялся и уже был бы там, с больной лодыжкой или нет.

— Откуда взялись эти ужасные мышетвари? — спросила Тавия, нервно выглядывая в узкую щель между каменными стенами их временного убежища. На полосе пурпурного неба Даг видел одну-единственную звезду.

— Это были глиняные люди. Их сделал Злой. Не тот, которого мы убили вчера.

— Это я и могу сказать.

Даг несколько раз зажмурился и открыл глаза, чтоб в глазах перестало двоиться.

— Прошло более тридцати лет с тех пор, как я был по обмену в этих местах, и это продолжалось только один сезон. Но весь регион отсюда и на север к Грейс состоит из известняка, пронизанного провалами, пещерами и кавернами. И в некоторых из этих каверн живут летучие мыши.

— Тысячи мышей?

— О, нет, не тысячи.

Она с облегчением расправила плечи.

— Миллионы.

Рот Тавии приоткрылся. Тонем, средним между надеждой и неодобрением, она сказала:

— Это одна из сказок Бо... не так ли?..

— Нет. Самые большие каверны с летучими мышами весьма опасны. Когда они собираются в таких количествах, их помет отравляет воздух — это кроме риска заполучить бешенство, переносчиками которого являются некоторые мыши. Люди, которые проваливались в большие пещеры, задыхались и умирали от испарений. Правда, еноты и скунсы лазают в пещеры, чтоб поохотиться на мышат в полной темноте — никто не знает, как они это делают.

Лицо Тавии искривилось в растущем ужасе.

— Местный дозор сейчас обыскивает пещеры, но только расположенные близко к поверхности. Глубже идти опасно, хоть они и говорили, что там целые галереи и пассажи, простирающиеся на мили под землей. Но из глубоких пещер еще не появлялось Злых — может, потому что их яйца никогда не падали туда, может, потому что там нет жизни, из которой они могли бы вырасти. Исключая... я так думаю... что если бы Злому в конце концов повезло оказаться рядом или прямо внутри в одной такой крупной пещере с летучими мышами, то он попал бы на пир, ждущий его с самого начала. Он бы очень быстро развивался, и это может объяснить, как его пропустили между дозорами. Такова моя наилучшая версия, по крайней мере.

Тавия осторожно дотронулась до пореза. Она могла наложить швы там и сям — они все могли, в общем-то — но сейчас ни один из них не кровоточил. Лечение должно было подождать. Она взглянула наверх:

— Что у этого ребенка во рту?

Даг огляделся. Оулет выглядел очень неряшливо и потрепанно; он сидел с выражением ужаса на лице, а его челюсти двигались и слюнки стекали с губ.

— Пф, — заметил он. Даг оттопырил мизинец и отправился на разведку.

— Пяденица, — заключил он, сжав свою зеленую добычу. — Ну, на деле в треть пяди.

— Фу!

Даг улыбнулся. Он ощутил некоторую странность в лице, как будто бы сухая кожа потрескивала.

Но это стоило поприветствовать. Он порылся в кармане и вытащил темную полоску.

— Держи, малыш. Пожуй вот это.

— Что это? — спросила Тавия, взглядываясь в темноту.

— Сушеный кидальник. У меня всегда есть несколько полосок в кармане. Когда они начинают казаться вкусными, невзирая на песок и прочую дрянь, налипшую сверху, значит пора их съесть.

Оулет осмотрел кидальник с куда большим подозрением, чем гусеницу, но вскоре передумал и начал его грызть. Даг подумал, что его притворное спокойствие стало

заменяться настоящим, так что удалил начальное уговаривание у того из уха. Когда же ребенок приполз обратно ему на колени, это было так же успокоительно, как держать на коленях мурчащую кошку. Настроение было заразительным и, казалось, распространялось более чем в одном направлении; вот почему командир не должен был никогда проявлять слабость перед своими дозорными.

Он был благодарен за то, что Тавия не нашла его раньше.

Прислонив спину к теплomu камню, Даг метался между нервозностью и опустошенностью. В конце концов он выбрал нервозность, потому что если опустошенность поглотит его, то он не поднимется и через неделю. А им нужно двигаться быстрее. Он нащупал свой свадебный браслет для уверенности — она была жива. Но, конечно, Злой соберет свои силы для еще одной атаки... Тракт должен казаться ему движущимся пикником. Пока дозорные из Лаврового Ущелья будут предупреждены и выдвинуты, давление будет распространяться к северу отсюда.

Здесь была некоторая надежда. И не пустая надежда, между прочим, но... он обдумал весомую разницу между «прибыть в конце концов» и «прибыть вовремя».

— Нам нужно придумать какой-то способ, чтоб нести малыша, — сказал он Тавии. — Он не сможет взобраться на эти скалы в темноте или под луной. Я думаю, мы могли бы соорудить что-то вроде перевязи из моей рубашки и твоего жилета и подвесить ее мне на плечи.

— Как твоя больная лодыжка?

— Ну, думаю... одному из нас нужны обе руки на случай неприятностей, и это точно не я. — Он заколебался. — Нам не нужно охотиться на Злого, но он, без сомнений, будет охотиться за нами. Если он нас поймает... — он перевел дух, — просто чтоб ты знала, мой привязанный нож висит у меня на шее.

Она уставилась на его горло, затем на свои руки.

— Если придется так поступить, то только в самый последний момент, потому что... ну, потому что. Но это означает, что ты не должна колебаться. Ты сможешь выполнить необходимое?

— Я... не знаю, — ответила она честно. Он кивнул.

— Сможешь, если придется. — Он сделал свой голос уверенным, обыкновенным и постарался, чтоб тот не дрожал. Такие ситуации уже случались раньше, конечно, хотя больше в легендах, чем на деле. Впервые он задумался о том, был ли среди всех этих злосчастных героев тот, который настолько же не желал разделяться, как он прямо сейчас. Возможно. Год назад это было бы легче — отдать свою будущую бесплодную и скудную скорбь. События, казалось, происходили с ним своим чередом.

Например, отцовство. Он хотел наблюдать за своей маленькой, такой запоздалой девочкой как ее живой папа, а не как мертвая легенда. И даже не как живой, но отсутствующий, каким был его собственный отец. «Я хочу видеть, как пишется ее история...» Внезапная мысль о том, как она зависела бы от чужаков так же, как Оулет сейчас был на его попечении, заставила его сердце опустеть.

Не стоит нагружать Тавию всеми этими размышлениями, нет, и обременять последними словами тоже не стоит.

— Злой, — сказал он, — придаст тебе столько инициативы, сколько понадобится. Поверь мне.

Она кивнула с несчастным видом.

* * *

Прошло больше часа, прежде чем Сумах вернулась. Вит чуть ее не застрелил.

Фаун поглядывала сквозь маленький костер, за которым она пыталась помочь попыткам Келлы помочь Аркади с Барром. Когда зловещая фигура возникла из темноты и двойной блеск оказался отраженным ее глазами, Вит опустил дрожащий арбалет:

— Отчего ты без предупреждений? — выдохнул он.

— Я соприкоснулась Даром с Нитой, — сказала Сумах ровным тоном. Нита была где-то в лесу, пытаясь охранить самостоятельно весь их периметр. Волосы Сумах были взлохмачены, ее лицо — исцарапано ветками и напряжено. Она добавила непреклонно:

— Этот проклятый огонь видно за сотню шагов сквозь деревья. И запах его тоже ощущается. Затухните его!

— Пока нельзя, — сказал Аркади приглушенно из глубины транса, в котором пребывал. — Нам нужна кипяченая вода...

Сумах огляделась. С некоторым неудовольствием, подумала Фаун.

Барр лежал на одеяле, со снятым правым ботинком и срезанной штаниной, а его больная нога лежала на полотенце у Аркади на коленях. Руки Аркади накрывали кровавую мешанину. Ужасающие розовые концы кости, прорвавшие кожу раньше, уже вновь скрылись под ней, подчиняясь самой сильной настройке Дара Аркади. Целитель не казался потрясенным переломом — худшим из всех, которые Фаун видела или могла представить, но горько жаловался (когда снова смог говорить) на грязь, в которой должен был работать. Лицо Барра было бледным, и его вид говорил о том, что он бы предпочел потерять сознание снова, как уже делал пару раз. Ремо сжимал его руку с побелевшими костяшками и стирал мокрой тряпкой пот с его лба.

Остальная часть отряда собралась под деревьями, охраняя животных и друг друга. Когда последняя из глиняных мышей скрылась за восточным гребнем, потрясенный отряд убежал еще на четверть мили в глубокий лес, а затем свернул с дороги на ручей и двигался по нему так далеко, как смогли пройти фургоны.

Мальчишки затолкали два фургона под развесистые дубы так глубоко, как смогли; Фаун сомневалась, что этого достаточно.

Сумах ощупала свою голову там, где у нее были вырваны пряди волос:

— Если вы... о, проклятье. Ладно, оставляйте огонь. Никто с чувством Дара не пропустит нас со всеми этой толпой крестьян с незакрытым Даром и стадом скота, в темноте за деревьями или нет. Проклятье, просто вечеринка с танцами.

— Я пас, — сказал Барр слабо с одеяла.

Это была почти что шутка; хриплый лай, который она вызвала у Сумах, был почти что смехом. Смех угас, когда она встретила тревожный взгляд Фаун.

— Я не смогла их поймать... не смогла подобраться к ним поближе, — сказала она. — Другой берег реки, вверх по склону, там камни в в десять и двадцать футов высотой. Никакого способа на мили в обе стороны забраться туда верхом. Фаун, прости.

Барр зажмурился.

Безмолвно Фаун подняла левое запястье, обмотанное свадебной тесьмой. Губы Сумах раздвинулись; она обежала вокруг костра и сжала его.

— О боги, он все еще жив!

— Да. Ремо и Аркади сказали мне. Мы продолжаем проверять.

— Отряд всегда клеймил Дага проклятым котом, но это!.. Как он смог... где же они должны были...

Внезапный плач прервал ее речь, когда Вио выбежала из темноты:

— Мой малыш! Вы нашли Оулета?

Судя по спазму ее руки, Сумах едва удержала себя от того, чтоб отшатнуться. Она отпустила руку Фаун и повернулась к отчаявшейся женщине:

— Нет. Я потеряла их за гребнем. Не смогла пройти следом.

— Как могли вы потерять их?! Вы ведь Страж Озера, вы можете колдовать!

Сумах застыла:

— Проклятье, я не умею летать!

Фаун заставила себя встать между ними, зацепившись оторванным краем юбки. Опершись левой рукой при этом, так как правая все еще работала не слишком хорошо. Поскольку Аркади был полностью занят срочным переломом, Фаун должна была подождать

своей очереди, так что Берри сделала что могла, чтоб вычистить глубокие раны с обеих сторон ее плеча, и обмотала его куском ткани, оторванным от одежды. Пока что он держал. Фаун не собиралась жаловаться на пульсирующую боль, когда Барр лежал, стиснув зубы от гораздо худшей боли.

— Мы думаем, что Даг еще жив, — сказала Фаун. — Если это так, он присмотрит за ребенком, если сможет. — Если, конечно, его не уронили на скалы, как Барра, и не оставили умирать в переломах и агонии.

— Откуда вы знаете? — спросила Вио.

— Потому что... потому что это Даг.

Вио поджала губы.

— Мы можем послать людей на поиски?

— Вы с ума сошли? — спросил Ремо.

— Я отправлюсь сама, если никто из вас, больших мужчин и Стражей Озера, не пойдет!

Грусс, возникнув позади нее, сказал:

— Не глупи, Вио.

Малышка Плюм топталась на месте — тощая, с запавшими глазами и темными редкими волосами. Ее обезумевшая мама раньше кричала на нее, чтоб не позволяла упрямитесь своему братцу; ее бешеный папа ударил ее за плач. Сейчас она была очень тихой, снова вцепившись в мамины юбки — потому что, как бы плохо ни было, что же еще должна делать пятилетняя девочка?

Вио сурово посмотрела на мужа:

— Я не вижу, чтоб кто-то еще вызвался добровольцем, значит иду я?

Фаун сказала тихо:

— Мы все потеряли кого-то. Нита напарницу, Сумах дядю, я, ну... А если Барр сохранит ногу, это будет чудо.

От Аркади донеслось протестующее ворчание. Что это было, в его обычае совершать чудеса?

— Если тут конкурс, не думаю, что будут призы, — закончила Фаун, проигнорировав последнее. — Что нам нужно — это работать сообща.

Вио ядовито уставилась на нее:

— Вы не знаете, что это такое — потерять ребенка!

В списке бесполезных ответов, которые можно было бы произнести, «Знаю» стояло достаточно высоко. Так что Фаун ничего не сказала и обрадовалась, когда Вио произнесла тихо:

— Оулет еще такой маленький...

Сумах было почесала лицо, затем вздрогнула и дотронулась до царапин:

— Мне ясно одно — Даг бы хотел, чтобы я вернулась и присмотрела за вами всеми. — Она взглянула на Фаун так, что та поняла: «Особенно за тобой».

В попытке быть практичной затем, что это было кому-то нужно, Фаун сказала:

— Мы нашли еще одного мертвого мула дальше по дороге. Я не знаю, было ли у вас время заметить это, но ни с одного из тех мулов не сняли упряжь. Если бы они умерли своей смертью, погонщики из чайного каравана не оставили бы ни груза, ни шкур. Это говорит мне, что они должны были быть атакованы и отбиты или же убежали. Но человеческих тел мы пока не нашли.

Сумах нахмурила брови:

— Хорошо, звучит так, будто проблема на севере. Поскольку нет никакого движения, спускающегося вниз, мне особенно не нравится то, что мы не встретили никого, убегающего с нашего пути.

— Кроме первого Злого, — сказала Фаун.

— Да, — Сумах скорчила гримасу. — Двигаться вперед кажется плохой идеей. Возвращаться не лучше. Мы будем прекрасными мишенями в этой выгоревшей местности.

Остаться здесь также не лучше. Мы крепко ударили по глиняным мышам. Нет сомнений, что они вернутся за добавкой. Но я знаю, что самым наилучшим будет забиться в лес без какого-либо, проклятье, плана действий!

Остальные мало-помалу собрались вокруг спора у костра, выглядя более упрямыми, чем их мулы.

— Нам нужно готовить оружие, — сказал Эш.

— Нужно, — согласилась Сумах, — но нас слишком много, чтоб спрятаться, и слишком мало, чтоб оказать сопротивление.

— Думаю, — сказала Фаун, — что те погонщики могли быть поработаны. — Она оглядела множество лиц, — некоторые были непонимающими, — и объяснила: — Это пугает меня больше, чем глиняные люди. Я говорила с людьми из Глассфорджа и Рейнтри, которые прошли через это. Это похоже на то, как если бы вы сохраняли свой разум, свою личность, но вам внезапно захотелось бы того, что от вас хочет Злой. Если он захочет, чтобы вы атаковали своих друзей, или съели ваших детей, вам это покажется прекрасной идеей. И потом вы об этом помните. Самое важное, что бы мы ни решили делать, — это держаться подальше от Злого.

Сумах кусала кулак, вероятно, для того, чтобы собраться и говорить своим самым уверенным тоном. Без сомнения, это был тон командира дозора:

— Хорошо. Это то, что мы должны делать. Раненые не могут бежать, их нельзя нести. Их нужно будет спрятать в скалах на этой стороне долины. Заляжьте до тех пор, пока не подоспеют спасатели. Я говорю о Барре, Аркади и Рейзе.

— Я могу драться, — сказал Рейз дрожащим голосом. Фаун скорее показалось бы, что он едва может стоять.

— Отлично, — бессердечно произнесла Сумах, — потому что если вас найдут, то придется. Мое самое лучшее предположение — что логово Злого находится к востоку отсюда. Так что мы отправляемся на запад. Так случилось, что лагерь Стражей Озера располагается почти точно на западе в Лавровом Ущелье. Так что мы выпускаем животных, берем еду и оружие, сколько сможем унести — и веревки, нам понадобятся веревки — и улепетываем пешком на запад через хребет. Сегодня ночью. — Ее голос стал медленней. — Возможно, лучше оставить Плюм с Аркади.

— Нет! — взвыла Вио.

— Это ваше решение, — сказала Сумах. — У вас есть один час на то, чтоб обдумать, через что ей придется пройти в бегстве. И кто будет нести ее пятьдесят или шестьдесят миль через горы на бегу. — Она повернулась на каблуках, оглядывая остолбеневший отряд. — Нам нужно убедиться, что все луки и стрелы находятся у людей, которые умеют ими пользоваться.

— Лук Тавии сломался, когда ее лошадь упала, — сказала Фаун. — А Нита нашла свой колчан.

Сумах кивнула:

— Ремо сможет взять лук Барра. Нита может забрать мой. Вит, у тебя свой есть.

Она раздает оружие, которое бьет на расстояние, заметила Фаун, исключительно в руки тех людей, которые могут закрывать свой Дар или были закрыты щитом, чтобы уберечься от порабощения.

— Мы можем драться с этими тварями! — сказал Финч. — Мы уже раз прогнали их прочь!

— Говори за себя, мальчик, — прорычал Бо. — Мне вот показалось, что они улетели, потому что им стало скучно.

— Но мы не сможем драться с их хозяином, — сказала Сумах. — Для этого нужен дозор Лаврового Ущелья. Проклятье, для этого нужен каждый лагерь Стражей Озера в этом краю!

— У меня заряженный нож Дага, — сказала тихо Фаун. — Он бросил его мне. В последний момент.

Брови Сумах приподнялись.

— Ну, — сказала она, — теперь у тебя целых две прекрасные причины держаться ко мне поближе.

Фаун сглотнула.

— Даг может вернуться, разыскивая нас. Или, может быть, Тавия.

— Тогда они смогут присоединиться к группе Аркади, — предположила Сумах. — Спрячутся до тех пор, когда мы сможем прислать помощь.

Фаун подумала, что Сумах эта мысль утешает больше, чем ее.

Аркади посмотрел вверх, скосив глаза, и простонал как из-под воды:

— Иглу. Перевязки. Шины.

Келла и Фаун поспешили к нему, Фаун стала копаться в тюке с лекарствами.

— Ты в порядке? — спросила Сумах таким голосом, который для нее был поразительно робким.

— Буду в порядке. Только не приносите мне еще таких в следующие три дня, ладно? — он скорчил гримасу.

— На тот случай, если ты не слышал, мы собираемся уложить твой шатер целителей поспать в скалах. Твоей задачей будей сохранить им жизнь до тех пор, пока мы не пришлем дозорных выковырять вас обратно из норы.

Он кивнул. Не сожалея, решила Фаун, о том, что Сумах вменила себе в обязанность бежать отсюда со скоростью, с которой она сможет вести свою группу крестьян.

Сумах спровадила забинтованного Барра на импровизированные носилки, которые несли Ремо и Вит, а Аркади вел вьючную лошадь, на которую погрузили медицинские принадлежности. Рейз, пошатываясь, плелся следом. Вио не отправила с ними Плюм. И снова Фаун заметила, что никто не будет знать, где они будут прятаться кроме тех, кто закрывает Дар или закрыт щитом, так что они не смогут предать их даже под уговариванием Злого.

Отряд рассеялся, чтоб собраться в дорогу.

Глава 20

Через два часа после заката взошла неполная луна, чтоб искупать хребет, глядящий на восток, в молоке и чернилах. В обычных условиях Даг решил бы, что он хорош не менее, чем при дневном свете. Но не сегодня ночью. Он шатался, его единственная рука была занята посохом; он пытался разглядеть что-то поверх корчащегося груза — Оулета, привязанного к его груди, а лодыжка его верещала на каждом шагу. Достигнуть вершины заняло у Дага вдвое больше времени, чем он рассчитывал. Он чувствовал, как нарастает беспокойство Тавии.

— Может, мне стоит понести ребенка, — сказала она, когда они одолели вершину, и Даг запыхался и согнулся.

Он махнул рукой с признательностью.

— Минутку.

Даг смотрел на долину, отыскивая внизу серебряную ленту реки и слабую линию Тракта. Ничто не двигалось по дороге. На севере также не поднималось завитков светящегося дыма. Он посмел открыть Дар, потянуться... но он был в добрых двух милях над долиной, за пределами зоны действия своего чувства Дара в самой лучшей форме. Фаун была жива, говорил ему его свадебный браслет, но где она?

Прохладная влажность черно-бело-серого мира, фальшиво-безмятежная, липла к его вспотевшему лицу. Что-то неожиданно укололо его чувства... не внизу, а к северу, вдоль гребня. Тонкая нить...

— Тавия, открой Дар и проверь вдоль горы справа. Может быть, в полумиле.

— Вдоль горы справа от меня или?... погоди-ка. Дозорный? Не из наших?..

— Я не узнал его Дар. Думаю, он ранен.

Она кивнула; они стали пробираться сквозь траву и низкорослые кусты, обходя выступающие камни.

Растения, пострадавшие там, где они шли, остро пахли зеленью в темноте. Деревья вздымались вокруг них в то время, как сами они спускались ниже, сгущая тени, хоть и давая Тавии опору. Даг выяснил, что цепляться крюком за ветви больше мучительно, чем полезно. Его левая рука была повреждена и ныла, культя распухла и чувствовала себя неудобно в деревянной чаше протеза, но он не смел снять его из-за страха, что не сможет надеть вновь.

Тавия обогнала его; когда он догнал ее, она склонилась и разглядывала свернувшийся человеческий силуэт, лежащий у подножия двадцатифутового обрыва.

Сухой, хриплый голос донесся снизу:

— Кто-то... там. наверху? Помогите!

— Мы тебя видим, — крикнула Тавия. — Мы спускаемся.

— Думаю, у меня спина сломана, — ответил голос.

— Не двигайся!

— Проклятье... да я и не могу двигаться!

Они проползли вдоль обрыва, пока Тавия не нашла крутой трудный спуск. Даг был вынужден пройти еще немного и затем вернуться.

Дозорный, верно. Даг увидел это, когда прихромал ближе. Худощавого сложения, среднего роста; нити серебра поблескивали в его темных волосах, разметавшихся вокруг головы из развалившейся прически. Он лежал лицом вверх, его ноги были безвольны, а руки — сжаты. На запястье левой руки был потрепанный и выцветший свадебный браслет. Его губы были сухи, покрылись трещинами и кровоточили. Порванная рубашка была заляпана темной засохшей кровью; Даг уже узнавал следы когтей глиняной мыши. Он был прав по поводу своей спины. По меньшей мере два позвонка посередине позвоночника были сломаны.

— Воды... — прошептал он Тавии, когда она нагнулась над ним. — Пожалуйста... — Он ощупью нашел кожаную флягу у своего пояса, пустую и дряблую, и протянул ее Тавии.

— Даг? — спросила она неуверенно.

— Да. Он опасно обезвожен. Осторожно снимай ее.

Она отвязала шнурок фляги с его шеи, выпутала его из волос и ушла. Даг с ворчанием сел рядом. Спящий Оулет забормотал что-то протестующее; Даг снял ребенка и перекатил его на бочок, где он на сухой земле свернулся, и его сжатые кулачки вновь расслабились во сне. Вот как малыши это делают — превращаются из извивающегося волчка в мягких маленьких тряпичных кукол за мгновение?

— Вы кто? — прошептал раненый. — Дозорные? Не наши... Помощь с других краев?.. — он покосился на Дага в краткой надежде, оглядел его потрепанную внешность, протез на руке, палку и ответил на собственный вопрос разочарованным: — Нет...

— Мое имя Даг Блуфилд Б... — Даг проглотил «Без Лагеря». — Я путешествую на север со смешанным отрядом крестьян и Стражей Озера. Нас атаковала перед самым закатом стая этих летучих... тварей. Глиняных мышей. Они попытались унести меня, Тавию и малыша через хребет, но мы отбились. Мы пытаемся вернуться к нашим, но я не вижу, куда они ушли.

— Повезло. Я... упал... — Глаза мужчины беспокойно метнулись к Тавии, появившейся из лунной тени. — О, пожалуйста...

— Ты можешь помочь ему приподнять голову, — сказал Даг, — но не приподнимай его плечи и не трогай спину.

Тавия кивнула и следующие несколько минут старалась напоить из полной фляги отчаянно изнуренного жаждой человека без того, чтобы он захлебнулся.

— Ах, — сказал он, когда она вновь опустила его голову. — Так хорошо. Боги. Больно...

— Как давно вы здесь? — спросил Даг. Мочевой пузырь мужчины опорожнился из-за паралича достаточно давно, и его штаны уже успели высохнуть. На деле это было плохим знаком, но вода должна была это поправить.

— Не уверен. Я терял сознание, а затем приходил в себя все еще живой. Это меня удивляло. Один день, два? Было темно, затем светло и темно...

— Вы откуда? С Лаврового Ущелья?

— Ага. Мой дозор... мы получили странный рапорт, отправленный из начала долины и начали проверять, когда на нас с неба свалились эти сумасшедшие твари.

— Значит, к северу от нас. А как далеко?

— Может, десять или пятнадцать миль? Там был сильный западный ветер... ну, не важно. Этот кошмар, что утащил меня, поднимался вверх вдоль этой стороны. Он попытался пересечь хребет вслед за остальными, но не смог и поэтому забирал все дальше и дальше на юг. Все ниже и ниже. В конце концов он устал и просто... отпустил меня. — Потрясенный вздох. — Поначалу я подумал, что мне повезло, но затем я увидел эти скалы и неудачно, слишком жестко упал.

— Вы что-нибудь чувствуете ниже талии?

— Странные вспышки боли иногда, но в основном нет.

— Кто-нибудь из вашего дозора отправился предупредить ваш лагерь?

— Боги, я надеюсь на это.

Значит, Лавровое Ущелье должно быть уже предупреждено, если, конечно, кому-то удалось сбежать и последовать проклятой процедуре дозорных, чего сам Даг часто не делал. Он ощутил внезапную новую теплоту по отношению к правилам.

— Похоже на то, что глиняная мышь пыталась утащить вас в логово Злого, так же как и нас. — И это предполагало, что Злой был все еще в своем логове. Обнадеживающая мысль. — Оно где-то к востоку отсюда, полагаю. Они поймали кого-то еще?

Если Злому удалось вырвать Дар Стража Озера, он становился непомерно более опасным; но глиняным мышам явно было трудно транспортировать такую большую жертву, как полноразмерный дозорный.

— Не уверен. Тварь поймала меня в самом начале драки. Я не видел ничего, кроме... боги. Обычно мне нравились виды с высоты.

Даг скорчил гримасу понимания.

— Вы ведь... не находили пока других из моего дозора?

— Нет, извините. Вы первый.

— Если бы у меня был заряженный нож, — голос мужчины стал тихим, — эта тварь могла бы отнести меня к Злому по моей доброй воле. А если бы я не оставил мой собственный привязанный нож в моих идиотских седельных сумках, где бы они сейчас ни были, я бы уже принял разделение. Это, должно быть, менее мучительно. С такой спиной я мертвец, раньше или позже. Вы никогда не сможете доставить меня вниз живым.

— Может, ваша удача еще повернется лицом, — сказала Тавия. — Даг — целитель.

Глаза мужчины расширились.

— С одной-то рукой?

— Я только подмастерье. Моя жена помогает мне, когда мне нужны две руки, но она... — Даг поднял голову, вглядываясь сквозь деревья, но не смог увидеть многого. — ...там, с остальными. — Он добавил: — Как вас зовут, дозорный?

— Пакко. Пакко Санфиш Лавровое Ущелье.

— Хорошо. — Даг открылся, падая глубже и глубже.

Перелом был во всех деталях страшен именно так, как предполагал Даг при первом осмотре, два позвонка треснули и сместились. Спинальный мозг был скручен, кровотечение и опухоль сжимали нервы и создавали мучительную боль. Одно неверное движение с достаточной силой, и нервы могли оборваться. Предсказание Пакко было верным.

Похоже, самое лучшее, что они могли сделать для него — это доставить его домой, чтобы он там умер. Даг не был уверен, что это добро. Его собственный отец принял разделение, когда заболел в дозоре, и он был похоронен там, где умер, и ничего не отослал домой к семье, кроме чистого костяного лезвия. Было бы его возвращение только лишь напряжением для его шатра, горем и беспомощным гневом с тем же итогом? Милосердия в

этом не было. Милосердия не было нигде, в конце концов. Но у Пакко не было его ножа, и Даг был почти рад этому. Хоть и не ради самого Пакко.

Даг поднялся и вышел вновь из своего погружения. Он обнаружил дозорного, глядящего на него расширившимися глазами. Чувство Дара... Тот, кого ты видишь, видит тебя.

— В нашем дозоре есть лучший целитель, настройщик Дара. Если мы сможем привести его сюда, думаю, мы сможем спустить вас вниз. — Даг не обещал «спасти вашу жизнь». Но он едва смел предполагать, что сможет сделать Аркади с этой мешаниной.

Даг бы попробовал что-то сделать в одиночку, если бы все оказалось достаточно плохо — однажды он проделал грубую настройку Дара человеку с разорванным горлом, зная меньше, чем сейчас — но с водой и кем-то, кто мог бы ухаживать за ним, Пакко не выглядел так, будто сейчас умрет. Даг был уверен, что сможет поддерживать человека достаточно долго, чтоб дать ему шанс разделиться. А Аркади мог бы вернуть его обратно в его лагерь и дал бы возможность ходить достаточно хорошо, чтоб жить и работать, если не ходить в дозор, еще на долгие годы. Сорок или пятьдесят лет человеческой жизни были слишком многим, чтобы рисковать ими из-за беспокойства самого Дага.

Он взглянул в сторону на спящего клубочком Оулета. «Не ответственности я желал бы прямо сейчас.» Но она оказалась вручена ему.

Он вздохнул.

— Тавия... Мне нужно, чтоб ты наполнила флягу, а затем помогла мне перенести Пакко дальше под вот этот навес без того, чтоб причинить его спине давление или напряжение. Я останусь здесь с ним и малышом. Попробуй найти Аркади и остальных и прислать нам помощь.

Некоторое время Дагу казалось, что он слышит ее дыхание. До этого Тавию приводила в бешенство необходимость подстраиваться к медленному хромому шагу Дага. Но с другой стороны... возможно, он отправляет ее в смертельную ловушку. Здесь не было хорошего варианта действий. Был только менее глупый.

Она кивнула и стала забираться наверх. Даг мрачно смирился с мыслью, что сегодня не сможет пройти дальше.

* * *

Сумах была права насчет скал. Не было никакого способа протащить лошадь по этим местам, а Фаун дополнительно сомневалась насчет толпы перепуганных крестьян. И перепуганных Стражей Озера. Их дозорная мрачность могла скрыть тревогу от прочих, но она слишком долго была рядом с Дагом, чтобы ее это обмануло.

Заставить их всех двигаться в одном направлении — разорганизовать для бегства, как едко выразилась Сумах — заняло мучительное количество времени по стандартам дозорных, и Фаун обнаружила, что думает так же. Сумах лишилась речи, когда увидела, как Сейдж закрепляет цепь вокруг дерева и цепляет ее к оси своего фургона, чтоб защититься от возможного вора. Но поскольку половина остальных еще также не была готова, она не стала возражать. Индиго, плача, выпускал мулов и свою скаковую лошадь.

— Если вернемся живыми, — сказал Ремо, — я помогу тебе снова найти их.

— Но что, если их съедят эти глиняные мыши?

— Лучше уж их, чем нас.

Индиго не выглядел убежденным.

Они протопали пять миль на север через лес, чтоб оказаться ближе к седловине хребта — Сумах решила, что здесь они смогут подняться.

Плюм шла, спотыкаясь, с ними первую милю, а затем начала плакать. Следующие две мили ее нес отец, все еще слабый после болотной лихорадки, затем Вио и, в конце концов, когда семья стала отставать, ее передали на руки большому Эшу. Фаун придумала чередование: Эш, Сейдж, Финч и Вит могли по очереди нести ребенка по скалам.

Сейчас парни могли занять свои силы. Но что потом? Оставалось надеяться, что у них будет это «потом».

Луна поднялась выше, освещая их путь, какой бы он ни был. Цепочка из семнадцати людей ползла по забирающему вверх склону. Нита и Ремо были впереди, разведывая дорогу глазами и Даром, протаптывая тропинку и отсекая тупики и обвалы. Сумах, напряженная и тревожная, была в конце. Фаун плелась прямо перед ней.

Когда она нагибалась и карабкалась, разделяющий нож раскачивался и бился об ее грудь на шнурке, так что она засунула его за пазуху, под ореховый кулон. Тогда появилась другая помеха: ее грудь была потной, шнурок стал скользким, и ножны терлись о живот, напоминая о другой ноше. Такой желанной... до нынешнего времени, когда все ее страхи, казалось, удвоились. Ее беременность исчерпала свободу принимать на себя риски, о чем она раньше едва ли думала. Обычаи Стражей Озера, связанные с жертвами ножа, были столь осторожны в отношении привязывания и согласия.

Ее собственное положение казалось странно вывернутым наизнанку, привязывая ее не к смерти, но к жизни. Когда она легла со своим мужем, то сделала бесповоротный выбор и не могла сейчас вернуться к нему вновь.

Она дотронулась до свадебного браслета. Где же Даг? В неволе, ранен, сбежал?..

Может, он старался вернуться к ней в то время, как она удалялась от него? Эта мысль ранила ее сердце, быстро и сильно бьющееся в груди.

Фаун взглянула наверх и увидела отряд, растянувшийся зигзагом по открытому пространству — то ли выгоревшему недавно, то ли всегда пустовавшему, она не могла бы сказать определенно в этом молочном свете. Тени пошли волнами по заросшему склону, как рябь по воде. А затем еще раз. Фаун быстро заморгала, гадая. Не теряет ли она сознание из-за нехватки воздуха при подъеме. А затем она поняла, что видит, и повернулась, вглядываясь в высокий голубой лик луны. Еще одна тень пролетела по нему, и звезды помаргивали.

— Они вернулись, — просипела она. Глиняные мыши, дюжина их. И конечно, они могут летать в темноте.

Сумах проследила за ее взглядом.

— Проклятье! — проскрежетала она. Подняв голову, она закричала вверх по склону: — Лучники, внимание! Всем укрыться под навесом! Грасс, отдай это проклятое копьё тому, кто его поднимет! — Грасс в основном использовал его как посох, помогая своим трясущимся ногам забираться наверх. — Обменяйся с Эшем, заведи обратно своего ребенка!

От криков и карабканья Плюм снова начала плакать.

Люди бросили тропу и начали карабкаться на скалу в двадцать пять футов высотой, серебристо-серую в бледном свете, что обещало некоторую защиту. Хог и Готорн подперли плечами Бо и тащили его наверх. Сейдж схватил за руку Келлу, та — Индиго, и они растянулись цепочкой по трудному подъему. Ремо, Нита и Вит соскользнули вниз к Сумах, размахивая луками.

С неба пугающе тихо спустился огромный силуэт и уселся на навес, нависая над ними. У него был размах крыльев вдвое больше, чем у прочих глиняных мышей. Он распахнул крылья-руки в стороны, как черные паруса, затем снова сложил их... Его душок, который нельзя было спутать, запах сухого погребя... осознание потрясло Фаун.

«Это не глиняная мышь. О, боги, боги...»

Злой повернул к ним свое темное точеное элегантное лицо. Огромные глаза блестели в лунном свете, а заостренные уши наострились на черепе с небольшим гребнем. Мягкий, похожий на мышиный мех покрывал его тело; его ноги заканчивались лапами с когтями и были длиннее и более похожи на человеческие, чем у глиняных мышей.

Вес его взгляда был как боевой молот.

Фаун видела Злого из Глассфорджа лицом к лицу при ранней линьке, страшного как грязь. Злой с Волчьего Перевала, как ей говорили, обладал странной формой человека-волка перед своим концом. Даг говорил, что Злой из Рейнтри был красив так, что дух захватывало — он имел фигуру высокого воина исключительного шарма.

У этого Злого также была его собственная ужасающая красота. Фаун уставилась наверх в трансе от ужаса.

Сумах, замершая рядом с ней, издала странный, слабый возглас, который должен был быть ругательством, но получился более похожим на благоговение. Она смогла только прошептать:

— Он летает...

Но ее слова выдернули их обеих из состояния шока. Фаун уже рылась за пазухой, когда Сумах прошипела:

— Нож, дай мне нож!

И когда Фаун наощупь вложила его ей в руки, Сумах подогнула ноги и прыгнула вверх по склону, обходя скалу.

Три лука поднялось, бесполезно целясь в силуэт главного, уставившегося на них с легким любопытством. Ремо так трясло, что он едва не выстрелил понапрасну, но в последний момент повернулся и нашел вместо Злого кружащую глиняную мышь. Его стрела угодила в крыло; тварь завопила и свалилась вбок.

Еще несколько глиняных мышей появилось неподалеку и отлетело обратно. Фаун подумала, что они ищут жертвы не столько затем, чтоб стащить их со склона, сколько чтоб согнать их ближе к их хозяину. Расползшийся по всем направлениям отряд стал собираться вместе.

Фаун заметила начало этого первой, до Ниты и Ремо. Эш, выше по склону, повернулся и поднял копьё. Но нацелил он его не в Злого или глиняную мышь.

— Ремо, пригнись! — закричала она.

Тяжелое, со стальным наконечником древко свистнуло, улетая вниз. Ремо едва успел пригнуться; острие задело его плечо вместо того, чтоб угодить в его горло.

Копье простучало по каким-то камням внизу. По крайней мере, Эш выкинул свое оружие... временно. Он выглядел смущенным, моргал и тряс головой. Финч, Сейдж и Индиго выстроились рядом с ним. Только Келла попыталась отшатнуться, дернувшись как упирающаяся лошадь, но потом упала на колени.

Наверху Сумах вырвалась на навес. Злой просто раскинул крылья и соскользнул прочь, когда она сделала резкий выпад. Два удара крыльями, и он вновь поднялся вверх. Сумах свалилась с края, завершив падение в кустах, растущих в скалистых трещинах, с душераздирающим треском. Она бросила костяной нож в Злого, но тот лишь слабо поднялся и по дуге ушел вниз. Фаун, задохнувшись, с хрустом ветвей рванулась ближе к ножу, чтоб найти его, когда он упал и провалился в куст волчьих ягод. Вит, после момента колебаний, побежал за ней, размахивая арбалетом на бегу.

Сумах оказалась на земле вместе с кучей листьев и покатила вниз мимо мальчишек-крестьян, затем встала на ноги и дальше двигалась, цепляясь руками за кустарник. Сейдж с озадаченным лицом встал на колени, подобрал камень и бросил в нее. Финч и Индиго спустя мгновение сделали то же самое. Хог и Готорн повернулись, чтобы присоединиться к ним.

— Готорн, нет! — закричала Берри в испуге, когда он тоже нашел снаряд и запустил его, прицелившись лучше. Камень задел ухо Ремо.

Лук Ниты колебался, поочередно нацеливаясь на крестьян.

— Нет! — заорала Сумах, задыхаясь и все еще судорожно сползая вниз. — Мы не можем сражаться с ними! Убегаем!

Ремо едва не упал; Сумах поймала его, огляделась и заметила Фаун, пробирающуюся через волчьи ягоды за ножом.

Цепочка глиняных мышей двинулась на Сумах, одна за другой, и она резко свернула, ныряя под низкое укрытие кустарника. Все мыши кружили над тремя Стражами Озера, которые отступали к югу.

— Берри, сюда! — заорал Вит. Белое лицо Берри повернулось, она увидела его; она дернула Готорна за руку как раз вовремя, чтобы избежать надвигающихся на нее Эша и Сейджа и спрыгнула со склона перед ними. Вит поймал ее, когда она уже почти пропрыгала

мимо; орех взлетал и бил ее по ключицам.

— Злой, — сказала Фаун, исцарапанная до крови, пряча нож на своей тяжело вздымающейся груди. — Злой похитил их разум. — Она уставилась на своего брата и невестку, те смотрели на нее в ужасе. — У всех, кроме нас... — В умытой луной темноте сновали глиняные мыши; их хозяин парил над ними, так близко и так вне досягаемости. — Сумах права. Нужно бежать.

— Но... Готорн... — задыхаясь, сказала Берри, оглядываясь, в то время как Фаун повернула на север к ближайшим деревьям. — Бо...

— Мы не можем сейчас им помочь, — пропыхтела Фаун через плечо, а Вит схватил Берри и поволок ее следом. — Они тоже кинутся на нас. Единственная надежда всем выжить — это дожидаться, пока местные Стражи Озера не придут и не убьют Злого. — Но ожидал ли этого их дозор? Знают ли они вообще о ночном ужасе, творившемся на Тракте? Что, если остальные из их отряда начнут драться с ними? Дозорные из лаврового Ущелья ведь не посмотрят, как Сумах и другие из их отряда, на то что это околдованные друзья, а воспримут их как опасных врагов... Слезы текли вниз по лицу Фаун при этом видении, но она закусила губу и продолжала пробираться дальше. Земля обваливалась под ее слабеющими ногами, развевающиеся нити волос попадали в рот... Берри, бегущая рядом с ней, выглядела совсем как дикарка.

Они, спотыкаясь, забились в укрытие в деревьях и стали смотреть назад. Стражи Озера исчезли с южной стороны открытого пространства, в паре сотен шагов от них, но Фаун подумала, что могла бы сказать, где они находятся, по глиняным мышам, летающим вверх и вниз над деревьями. Злой, казалось, последовал за ними. Остатки их отряда стояли сбитой с толку кучкой, временно оставшись без указаний своего нового хозяина.

— Бежим дальше, — сказал Вит, закидывая арбалет на плечо и освобождая руки для нового рывка — или, может, одну руку чтоб сражаться с подлеском, а другую чтоб мертвой хваткой держать за руку Берри; она уцепилась за него с такой же силой.

Фаун страстно желала, чтобы у нее тоже была рука, за которую можно было бы ухватиться — «лишь одна, но это все, что мне нужно» — но Даг сейчас казался таким же далеким, как луна в небе. Она, сглотнув, кивнула. Они втроем потащились по горному склону на север.

* * *

Даг вглядывался в ночь. Скала, простирающаяся под их навесом, давала широкий обзор на верхушки деревьев. От вида кружилась голова, и подходить ближе к краю он не решился. Луна была достаточно полной, чтобы наполнить долину голубым свечением, но недостаточно яркой для того, чтоб ясно видеть то, что находилось вдали, даже без поднимающегося тумана.

Самый широкий размах чувства Дара Дага не мог сказать ему, что происходит на расстоянии восьми или десяти миль, и звук также не разносился так далеко. Но ему показалось, что на той седловине на дальнем перевале крутятся злые точки.

Если только, конечно, у него в глазах не плавали пятна как тогда, когда его скинул Копперхед... но, прислушавшись к противному холодку в желудке, он решил, что нет.

Глиняные мыши были вне своих убежищ, и они нашли новую жертву. Фаун с остальными? Или каких-то других злосчастных путешественников на Тракте?

Слабое жужжание живого Дара Искорки в его свадебном браслете не помогало. Потому что если оно угаснет, будет уже слишком поздно...

Его рука сжалась в кулак, он стиснул челюсти и беспомощно зарычал. Даже если он безжалостно оставит Пакко и Оулета друг на друга — а прямо сейчас он был достаточно безжалостным — у него займет четыре, пять, шесть часов, чтоб дохромать отсюда туда. Что бы там ни происходило, оно уже закончится или место действия переместится куда-нибудь, а он будет разбит и полностью обессилен, а не как сейчас — лишь наполовину. Видела ли это

Тавия? Она могла сейчас пересекать реку, но если она была под деревьями — а она должна была быть под ними — то они заслонят ей обзор...

Каждая струна его сердца трепетала. Тем, что осталось от его разума, он приказал себе оставаться.

«Я сойду с ума, пока закончится эта ночь.»

* * *

Фаун сидела, тяжело дыша, на грязном полу их убежища. Крошечные пятна лунного света лежали на ее коленях, как капли пролитого молока; она, Вит и Берри отползали от них, будто бы луна была неким злым глазом, который мог бы заглянуть внутрь и увидеть, где они прячутся.

— Думаешь, этого достаточно? — прохрипел Вит, оглядываясь; Фаун видела только блеск его глаз в густой тени.

Они пробежали на север около двух миль, забирая вниз в пользу скорости, до того, как Фаун поняла, что если они спустятся еще, то удалятся от скал, и вместо этого стала искать расщелину.

— Чувство Дара не может проникнуть сквозь толщу камня, — сказала она. Но чувство Дара Злого всегда было сильнее, чем у Стражей Озера... Фаун старалась быть оптимистичной, потому что альтернативой была паника, которой они могли поддаться. — Полагаю, Сумах спрятала Аркади и Барра с остальными в каком-то месте вроде этого. Не думаю, что ей хочется рисковать Аркади.

Вит выдохнул неохотное согласие с этим, слегка расслабившись.

Берри кивнула, ее светлые волосы блестели во тьме.

Фаун провела рукой по двум шнуркам, висящим у нее на шее; ее рука сжала орех, висящий в сетке из волос, подарок на день ее рождения.

— Они работают! Вы поняли? Щиты Дара Дага работают! — По меньшей мере достаточно долго, чтобы они смогли убежать от Злого, отвлеченного другими событиями. Но достаточно ли долго, чтобы суметь рассказать об этом? — Мы убежали!

— А остальные — нет. — Голос Берри был ровным — не из осуждения, подумала Фаун, а просто чтобы остаться спокойной.

Вит почесал подбородок.

— А почему этот Злой просто не вырвал Дар у всех прямо там?

— Он охотился за дозорными, — сказала Берри. — Наверное, он уже вернулся. — На последней фразе ее голос задрожал.

— А может, и нет, — медленно сказала Фаун. — Злой, которого вы, парни, убили недавно был похож на Злого из Глассфорджа, грузного при первой линьке. А этот кажется больше похожим на того, которого Даг видел в Рейнтри, развитого, только он ел в основном мышей вместо людей, поэтому развился так... странно. Он был четкий и красивый и выглядел так натурально... Если он только из линьки, может, он совсем недавно научился летать и выбрался наружу. Может, он не собирается начинать следующую линьку прямо сейчас, особенно потому что из-за этого начнет больше весить и не сможет летать. Может, он захочет, ну, сохранить своих жертв до тех пор, пока не будет готов.

— Как паук? — сказала Берри. Фаун будто видела выражение ее лица. Она нахмурилась, размышляя.

— Если он в основном ел летучих мышей, он, вероятно, пока не слишком умен. — Летучие мыши не делают запасов еды, насколько она знала. Будет ли Злой размышлять как летучая мышь или как человек? Сумасшедший человек. — Она просветлела. — Но он не сможет удалиться далеко от своих пленников. Помните, что рассказывал Форд Чикори тогда в Рейнтри, как он и его приятели насканивали на армию Злого, хватали людей и увозили их за зону действия, и те приходили в себя? Наверное, этот Злой захочет собрать всех пленников в одном месте, только потом он будет к нему привязан — если он улетит слишком

далеко от них, то они придут в себя и сбегут.

— Думаешь, он погонит всех в свое логово? — спросил Вит, также размышляя.

— Может быть. Хотя этот, кажется, больше не привязан к своему логову.

— А что нам теперь делать? — спросила Берри. — Если б у меня было добрых шесть футов под килем, я бы все понимала, но я совсем не знаю этой сухопутной страны. Может, нам стоит вернуться к Аркади?

Вит потряс головой:

— Мы не будем там в большей безопасности, а пока доберемся дотуда — нас поймают.

Фаун подумала о бледной вспышке костяного ножа, взлетевшего из руки Сумах в воздух в последней слабой попытке, и позволила своей руке обвиться вокруг его ножен.

— Вит, у тебя остались болты для арбалета?

— Всего три.

— Дай мне один.

Вит пошуршал чем-то, достал болт из короткого колчана и передал его ей. Он блеснул в полосах лунного света. Фаун взяла болт и провела по нему пальцами, проверила баланс и оперение. Извлекла костяной нож, сравнила длину, диаметр, вес.

Вит сразу уловил ее мысль.

— Хм... если бы это работало, разве не изобрели бы уже Стражи Озера разделяющие стрелы? Или, например, разделяющие копьа?

Фаун потрясла головой:

— На самом деле, Даг говорил, что дозорные иногда приделывают разделяющие ножи к древку копьа, в поле, но не часто. В тесном пространстве пещеры или леса копье не удобней ножа, и они все справедливо боятся сломать его.

— Как бедолага Ремо, — согласилась Берри. — Он так переживал, когда сломал один случайно, что сбежал из дома.

— Угу, — сказала Фаун. — Это ведь не просто острие на конце палки. Это чья-то жизнь. Смерть. Надежды. Он должен быть такой формы, потому что его носишь с собой годами, и потому что его придется погрузить в свое сердце, даже если умираешь в одиночестве... Заряженный нож достаточно легко может быть переделан в копье, но я думаю дозорные упадут в обморок, если ты предложишь разделяющую стрелу. Представляешь, а если промахнешься и угодишь в дерево или стену пещеры...

— М-м... — произнес Вит. — Полагаю, привидение твоего дедушки будет охотиться за тобой вечно.

— Сейчас он, — Фаун подняла нож, — будет просто кувыряться и станет бесполезным, если ты попробуешь выстрелить им из арбалета. Но если я сбалансирую его и приделаю к нему оперение, думаю, он сможет лететь прямо. Достаточно прямо. На короткое расстояние. — Она дотронулась до болта Вита, показывая где намеревается расположить перья.

— А как ты его сбалансируешь?

— Нужно будет срезать немного кости.

Вит подавился.

— А он не сломается? — спросила Берри с сомнением.

Фаун уставилась на кусок кости, поворачивая его в пятне лунного света.

— Я смотрела, как Даг привязывал и заряжал этот нож. При работе с Даром он казался сконцентрированным на внутренней поверхности кости. А конец просто вырезан так, чтобы было удобно держать. Если я подрежу... В общем, если он не треснет, то не сломается.

— Хм? — спросила Берри.

— Он сделан так, чтобы сломаться изнутри благодаря работе Даром, когда придет в соприкосновение со Злым. Если он не треснет по моей глупости, это значит что заряд все еще звучит в нем. — Но Фаун разрушила свое так уверенно звучавшее заявление тем, что добавила: — Я так думаю.

— А кто, — спросил с тревогой Вит, — по твоему мнению должен стрелять?

— Это должен быть ты.

Подавленная тишина. С двух сторон.

— Ты практиковался куда больше меня, — изобрела ответ Фаун, — и, кроме того, у меня плечо болит. — Оно было горячим и ныло после когтей глиняной мыши. Она разберется с этим позже. — Лучше всего подобраться как можно ближе, потому что выстрел будет только один. Но все, что нужно будет сделать костяному болту — это пролететь более-менее прямо и ударить куда угодно, и хоть чуть погрузиться в ложную шкуру Злого. Я воткнула острие старого заряженного ножа Дага в Злого из Глассфорджа не более чем на дюйм, — она подавила дрожь от воспоминаний, — и он прекрасно сработал.

— Мы пойдем на огромный риск только с одним заряженным ножом, — сказал Вит.

— Да, но если мы будем сидеть здесь с ним, прячась, то это будет так же бесполезно, как и сломать его. Лучше попробовать что-то быстрое. До того, как Злой улетит куда-нибудь, где мы его не достанем. И до того, как он закусит нашими людьми. Все, что я узнала о Злых, говорило, что лучше прикончить его раньше, а не позже. Так же, как тушить пожар. — В затянувшейся тишине Фаун отчаянно добавила: — А если ничего не получится, ну что ж, это был всего лишь Крейн.

— Это, — сказала Берри после прохладной паузы, — действительно хороший довод.

Вит вздохнул, частично соглашаясь, а частично... ладно, опустим.

Им вскоре предстояло потерять слабый свет, когда луна уйдет за гребень скалы. Фаун держала болт в пятне лунного света и разглядывала направления изгиба лопастей, раскладывала осторожно перья, одно, второе, третье. Затем она извлекла из-за пояса свой стальной нож. Это был один из первых подарков Дага; он настаивал, чтоб она носила его всегда и держал его для нее бритвенно-острым. Она балансировала снова и снова разделяющий нож в руках, поворачивая его разными сторонами. Приложила сталь в узловатому фрагменту на рукояти. Нажала.

Фрагмент с тихим щелчком улетел.

Все задержали дыхание. Но костяное лезвие осталось неповрежденным.

Фаун слотнула, прицелилась ножом снять стружку подлиннее и углубилась в следующий разрез.

Глава 21

Запах костра, плавающий в прохладном влажном воздухе, предупредил Фаун, Вита и Берри о том, что пора сойти с Тракта и еще раз спрятаться в лесу.

Сумах была права о запахе дыма, разносящемся в воздухе, подумала Фаун, а затем стала гадать, жива ли еще племянница Дага. Ранее они обнаружили остальных из отряда, вернувшихся на дорогу и довольно уверенно топающих назад. Их пасли глиняные мыши. Но если дозорные были где-то поблизости, они не оставляли следов. Следуя за легким едким запахом, они пришли к месту, которое явно было постоянной стоянкой у ручья — и нашли свою цель. «Нет, не нашу цель; нашу приманку».

Предыдущие путешественники обобрали в лесу рядом с большой поляной весь хворост, который мог бы гореть, но Берри, пойдя в разведку, нашла кучу старых сгнивших бревен, слишком влажных, гнилых и поросших мохом, чтобы гореть. Они были скрыты огромными старыми кустами горного лавра и раскидистой белой сосной; к тому времени, когда они пробрались к бревнам, чтоб набрать дров, зрение Фаун снова понемногу стало цветным, а последние звезды поглотило наливающееся сталью небо. Когда солнце поднимется над восточным хребтом, день сразу станет жарким и ясным, но сейчас все было влажным и лишенным теней. И зловеще-тихим. Хныканье Плюм, быстро заглушенное ее мамой, легонько коснулось их слуха, и Фаун напомнила себе, что звуки разносятся в обе стороны.

Вокруг огня столпилось больше, чем их захваченный отряд; там же оказалась, может быть, дюжина погонщиков с чайного каравана и несколько других злополучных

путешественников. Они сидели или лежали в сонном изнеможении; некоторые храпели.

На открывшемся лугу чавкали и хрустели мулы, большие серые силуэты двигались по мокрой траве. Они, кажется, были без упряжи; видимо мулетиры были достаточно при памяти, чтоб заботиться о своих животных. Фаун не была уверена, хорошо это или плохо.

— Видишь где-нибудь Злого? — спросил Вит шепотом.

Фаун уставилась поверх мшистого бревна. Там было нечто, балансирующее на ветви сухого дерева на другой стороне поляны, похожее на высокую фигуру, закутанную в плащ. Она задержала дыхание, но затем рассмотрела еще одну, свисающую с нижней ветви как грязное белье, и поняла, что это всего лишь пара глиняных мышей. Верхняя раздраженно пошевелилась, затем повисла головой вниз; нижняя взвыла и зецепилась когтями правее. Ни одной из них не нравилось новое положение.

Пара больших голых фигур сидела, скрестив ноги с дальней стороны круга пленников, и Фаун поняла, что это были обычные глиняные люди — недавно сделанные или подобранные после другого Злого? Их бугорчатые формы заставили ее подумать, что они подпортились в предыдущем столкновении, том, откуда их Злой — ей было трудно не думать о нем как о «нашем» Злом — сбежал.

Берри проследила за ее взглядом и схватила ее за руку.

— Они могут нас почуять? — прошептала она.

— Думаю, нет, — ответила Фаун шепотом, когда никто из дюжины тварей не обеспокоился.

Даг говорил, что их щиты не делают их Дар таким же невидимым, как у полностью закрывшегося дозорного. Были ли эти ранние создания лишены чувства Дара или размытый Дар просто не привлекал их внимания? «Может, мы похожи на камни». Фаун постаралась согнуться и оставаться спокойной как камень, чтоб поддержать иллюзию.

— Как думаешь, когда вернется Злой? — прошептал Вит в ухо Фаун; ей пришлось напрячься, чтобы разобрать слова. По крайней мере, не нужно говорить ему о том, чтобы вести себя тихо. Она также постаралась ответить как можно тише:

— Не уверена. Если он миновал стадию вырывания Дара у всего, что встречает, а, кажется, так оно и есть, то следующее, что делает Злой — это собирает силы для атаки. Только здесь нечего атаковать. Ему придется промаршировать со всеми вместе сорок миль вверх по дороге до следующей деревни. — Она заколебалась. — Злой из Глассфорджа начал копать шахту очень рано, но это могло быть потому, что он съел — вырвал Дар — шахтера. Раз этот ел мулетиры и путешественников, он может захотеть всего лишь тащиться вверх по Тракту.

— Угу, — Вит покрепче прижался к земле.

Возможно, им придется долго сидеть в засаде. Это было плохо.

Фаун чувствовала, как нервная энергия заменяется изнеможением. В этой земле было полно воды, так что ночью их не будет мучить жажда, но никто из них не ел со вчерашнего полудня. И не спал. Волна тошноты захлестнула ее, но еще хуже был холодок внутри от воспоминания о том, чем она рискует. Боги, если ее стошнит из-за ребенка, сможет ли она проделать это беззвучно? «Не думай об этом, будет только хуже». Она сглотнула и стала дышать через рот.

Чтоб отвлечься, она посчитала головы. Весь их отряд был здесь и держался вместе, исключая, что пугало, Келлу и Индиго. Холодный комок возник в груди, когда она поняла, что четыре тела, лежащие кучкой около дороги, не спали. Но они все были чужаками.

Может, это мулетиры подготовили своих товарищей к захоронению? Или глиняные люди держат тела для завтрака? Она снова с трудом сглотнула. Если бы глиняные люди были должным образом бережливы, им нужно было бы сначала съесть самое старое мясо до того, как приняться за более нежную закуску — такую, как, скажем, Плюм. «Только, если бы Злой вырвал Дар хорошей хозяйки, полагаю». Ну, у него все еще есть шанс.

Вит с неудовольствием шевельнулся и поправил арбалет. Дотронулся до шнурка от ножен разделяющего ножа, которые висели теперь на его шее.

— Если он летает вокруг, как мы заманим его достаточно близко для хорошего выстрела?

— Я думаю, наши щиты его удивят, если он нас увидит. И тогда он подлетит поближе посмотреть. И тогда мы его достанем. Ты достанешь, — поправилась Фаун.

— Может, вам двоим стоит отойти назад.

Берри потрясла головой.

— Кому-то может понадобится отгонять атакующих, чтоб ты мог выстрелить. — Ее рука сжалась вокруг длинной крепкой палки, и у Фаун не было сомнений в том, что женщина с реки знает, как ей пользоваться.

Себя Фаун чувствовала менее полезной. Если первый выстрел Вита окажется неудачным, но снаряд не сломается, она могла бы метнуться и достать его. В зависимости от того, поймет ли кто либо — Злой, глиняные люди или околдованные люди — что происходит. Это бы дало Виту не один шанс, но два. Но, вероятно, не три.

Она не упоминала вслух об этом пораженческом плане.

Стало светло; в лесу завел бесконечную трель дрозд, тук-тук-тук, и ему ответил другой. Несколько фигур у чадающего костра зашевелились и легли обратно. Фаун заметила, что некоторые (но не все) сумки и одеяла отряда лежат разбросанные вокруг. Может, погонщики делятся едой? Понимает ли Злой, что его новые войска надо кормить? Если так, принесет ли он людям еды или сумки жуков?.. Фаун быстро заморгала, борясь с мягким соскальзыванием в галлюцинации сна. Было вполне достаточно кошмара, когда глаза были широко открыты. Может, мышь-Злой прилетит только ночью. Им бы уйти и спрятаться до того времени; вряд ли они смогут не заснуть и остаться необнаруженными до ночи в таких...

Вит предупреждающе запыхтел. Фаун стала присматриваться сквозь лавровые листья.

Силуэт летучей мыши кружился и скользил вниз с немышиной грацией. Она не могла предположить его размер в пустом синем небе, но его аура, от которой сводило кости, катилась перед ним, как морские волны. Она хотела бежать сейчас, но, конечно, было уже слишком поздно. Не храбрость и не воображаемая полезность держала ее в прежнем согнувшемся положении.

«Папа всегда говорил маме, что меня надо было назвать Кошкой, потому что мое любопытство однажды меня прикончит». Может, сегодня? Даже под ее страхом любопытство отказалось сдаться. «Сработает ли моя идея дуры-крестьянки?» Она облизала губы и ждала.

— Все хорошо, — пробормотал Вит. Он ошупью извлек модифицированный нож из ножен — Фаун отобрала его у него, чтоб он его не уронил, пока будет взводить арбалет — встал и шагнул вперед. Слишком быстро открылся, может быть, но боги, хорошо, что ему вообще удалось встать... Фаун протаскилась следом и вжала костяной болт в его мокрую от пота ладонь.

Злой выписывал круги наверху, с любопытством смотря вниз. Слишком высоко? Двигается слишком быстро? Он захлопал огромными крыльями и поднялся выше.

— Вит, погоди, — задохнулась Фаун, когда он поднял арбалет, водя его волнами за своей целью.

Вместо снижающегося Злого на ноги поднялся отряд.

Повернувшись лицами в их сторону. Начав двигаться спотыкающимся стадом.

Финч тревожно воззвал:

— Нет, не нужно их убивать! Просто снимите с них ореховые ожерелья, и они будут в порядке!

«О, боги!..»

Берри сжала палку и мрачно шагнула вперед. Фаун отчаянно отпрыгнула и фанатично замахала руками в небо.

— Спускайся вниз, ты, тупая мышетварь, Злая мышь... Тупая тварь! Вот чего ты хочешь! Спустись и поймай меня! — Она танцевала вперед и назад. «О, спустись и поймай меня!» — Тупой Злой!

Вит сглотнул, когда Злой с еще одним ленивым взмахом крыльев внезапно стал ближе, разглядывая их. Он все еще оставался вне досягаемости ножа или копья.

Крылья хлопали, насылая порывы подвальных запахов, развеиваясь перед ними, когда он спускался с поджатыми ногами. Фаун гадала, как долго выдержат их щиты против полной концентрации Злого, а затем поняла, что скоро узнает это, потому что им удалось полностью завладеть его вниманием. Его ноги распрямились — он готовился сесть на землю. Утро померкло, будто облако напоззло на солнце, но небо было безоблачным и солнце еще не приближалось к хребту...

Трясущийся арбалет выровнялся, и Фаун хорошо знала, какой ценой. «Да, Вит!» Щелчок выстрела, глубокий звон тетивы, белая вспышка улетевшего вперед костяного болта. Треск, когда он вошел в брюхо Злого, который был прекрасной целью — он широко раскинул свои крылья, чтоб зачерпнуть воздуха.

Удивленный крик Злого ранил уши Фаун, резко слабей одновременно с темнотой, опустившейся на ее глаза. «Он вырвал у меня Дар? Но Даг говорил, что это должно быть больно...» Сквозь кипящее черное облако Фаун видела, как крылья Злого раскрылись с двух сторон и обрушились на землю, а его тело распалось. Ценный приз за стрельбу обсыпался вниз. Чернота вжала ее внутрь, твердая и тугая. «Это смерть? О, малыш, о, Даг, простите меня...»

* * *

Даг внезапно проснулся, набрал воздуха и огляделся вокруг. Его сердце колотилось без какой-то причины, которую он мог бы понять. Все было тихо, лес затянут туманом, но мир стал светлее с тех пор, как он задремал под этим выступом в темном холоде. Небо слегка окрасилось из серого в бледно-голубое. Час после рассвета, вероятно? Пройдет еще по меньшей мере два часа до того, как солнце осветит гребень и согреет их, но туман уже стал уплывать, так как воздух начал двигаться. Его две обузы спокойно спали; или, по крайней мере, Оулет спал, а Пакко лежал в затуманенном болью забытьи, которое Даг не видел причины прерывать.

Полный страха, Даг ощупал свадебный браслет, обвившийся вокруг его плеча. Она еще жива. Хотя бы это. Крохотное жужжание казалось беспокояще приглушенным, как всегда с тех пор, как Даг вплеп ореховый щит Фаун в ее Дар.

Стал ли он сейчас более приглушенным? Почему? Может, Фаун удалилась от него?

Обычные расстояния раньше никогда не мешали их браслетам. Даг попробовал подбодрить себя: «Сумах знает, что за ней надо присмотреть», но зловещая часть его разума не затыкалась и добавляла «...если Сумах сама еще жива.» Найдет ли вообще их разведчик Тавия выживших в долине, не говоря уж об Аркади?

Он покатал плечами, затекшими от некомфортабельного сидения у скалы, и нахмурился, глядя на правую ногу, вытянутую перед ним. Он в конце концов распустил ботинок из страха, что пережатая циркуляция крови приведет к отрезанию синюшной ноги, и точно, как он ожидал, сейчас лодыжка раздулась слишком сильно, чтоб завязать его снова. Скоро ему понадобится подняться и отправиться за водой.

Он попытался набраться должного участия целителя к своим ранам вместо бесплодной ярости за то, что прикован здесь. Он и Тавия устроили Пакко так чисто и удобно, как это возможно, до того, как она ночью ушла. Последним резервом Дага была одна полоска сушеного кидальника в кармане. Тело Пакко было истощено, но его боль приглушала голод, и удержание Оулета в тишине могло стать более насущной задачей...

Его мысли охотились за своими хвостами как сумасшедшие кошки, и вся надежда задремать вновь угасла. Как можно тише Даг поднялся на ноги с помощью палки, взял флягу и пошел вниз по склону холма. Это должно было занять некоторое время.

Когда Даг, наконец, вернулся, Оулет проснулся и был рассержен и полон страха.

Пакко разглядывал крестьянского ребенка с безжизненной тревогой.

Даже при его ужасной боли дозорный держал свой Дар приемлемо закрытым, что вызывало у Дага одновременно признательность и уважение. Оулет, разумеется, пылал как маяк.

— О, боги, ты вернулся, — сказал Пакко. Напряжение его тона напомнило Дагу о том, как долго Пакко лежал здесь один, потерянный и без надежды.

Он уселся рядом с мужчиной, вытянул ногу.

— Угу. Воды?

— Только обмочусь еще раз, — скорчил гримасу Пакко, глядя в сторону, скрывая беспомощный стыд.

— Я — целитель. Я разберусь с этим, — напомнил Даг тихо. — Держите флягу, а я подержу вашу голову. — Он придержал затылок Пакко; тот поднял руку, хотя это заставило его задохнуться.

Вместе им удалось влить порцию воды в искалеченного человека. «Отсутствующие боги, что за парочка. Из нас не сложить даже одного дозорного.»

Оулет покружил вокруг Пакко и пробрался к Дагу на колени; Даг дал ему напиться тоже, проливая несколько больше, но угроза рыданий миновала всего лишь в несколько чихов.

В свете дня Пакко разглядывал Дага с новым любопытством (Даг надеялся, не слишком подкрашенным неодобрением).

— За исключением руки я бы принял тебя за дозорного.

— Я был им когда-то.

— Ты из-за этого вместо того стал целителем? Как вышло, что ты путешествовал с крестьянами? — Он разглядывал покрытого царапинами и грязью Оулета, как если бы ребенок был самым неприятным из всего, что происходило.

— Это длинная история. Пара длинных историй.

— Я никуда не собираюсь, — равнодушный вид Пакко был самую малость слишком осторожным. Все верно, рассказ удержал бы его спасителя перед его взором. Даг вздохнул.

— Да, я тоже... — Но до того, как он смог выбрать откуда начать, рваное движение в деревьях поймало его взгляд. Он сел, щурясь, затем схватил свою палку и с трудом поднялся на ноги; Оулет свалился, захныкав в знак протеста.

— Извини... — Он вынырнул из-под навеса и посмел приоткрыть на мгновение Дар. Глиняная мышь! Он немедленно закрылся снова. Прохромал несколько дюжин шагов по склону туда, где оползень открыл более широкий обзор на небо и уходящие прочь верхушки деревьев.

В нескольких сотнях шагов внизу глиняная мышь с трудом врезалась в ветви, падая и снова борясь за высоту. Летела она очень плохо. Ранена? Слишком тяжелый груз или пленник? Она слишком далеко, подумал Даг, чтобы он мог проделать вчерашний рискованный трюк с точным выхватывание фрагмента Дара, хотя если его поймают опять и потащат обратно к Злому, он должен будет попробовать. Но когда тварь лихорадочно рванулась ввысь, Даг увидел, что когти ее были пусты. Ее шатнуло ближе. Видела ли она его, будет ли атаковать? Одного погнутого в ботинке ножа и срезанного деревца не будет достаточно, чтоб с ней драться. Даг набрал воздуха, открылся снова, потянулся...

И застыл. В Даре глиняной мыши не было ничего, кроме мыши, самой мыши. Безголосой, бессловесной, лишенной разума. Испуганной и озадаченной оттого, что обнаружила себя в этом полностью неправильном, слишком тяжелом умирающем теле. Отчаянно желавшей добраться до прохладного прибежища своей смутно вспоминаемой пещеры, которая осталась далеко к востоку, подальше от ужасного ранящего света. В жаркой скорости ее полета, без поддержки ее хозяина-Злого распад будет быстрым.

Не было никакой ошибки: перед ним был Дар глиняного человека, утратившего разум; Даг наблюдал эту маленькую трагедию бесчисленное число раз, а последний — не далее как два дня назад.

Кто-то разделался со Злым!

Добрые полтысячи фунтов тревоги свалились у Дага с сердца. Его рот приоткрылся, а губы растянулись в неконтролируемой усмешке.

Глиняная мышь врезалась еще раз, затем поднялась и в конце концов исчезла из виду, скрывшись за хребтом. Даг заковылял обратно в их убежище. Если бы он мог, то протанцевал бы это расстояние.

— Эй, эй, эй, Пакко!

— Что там? — Пакко сжимал флягу, единственное оружие, которое у него было.

— Да нет же, хорошие новости! Должно быть, твой дозор нашел логово Злого! Там его умирающий глиняный человек без мозгов. Нам нужно только продержаться, и помощь придет. Мои люди могут подняться сюда уже в конце дня. Твои может даже уже ищут тебя! Они ведь были, ты говорил, всего лишь в пятнадцати милях к северу отсюда, когда вы разделились?

Пакко издал звук глубокого облегчения. Его голова безвольно упала обратно.

Несмотря ни на что, его губы также растянулись в усмешке.

С чувством радости Даг широко распахнул свой Дар, меняя его состояние со сжатого, глухого и слепого «Здесь никого нет» на приветственный флаг «Мы тут! Заберите нас!». Усмешка Пакко стала шире. Даже Оулет посмотрел вверх и заворковал, обрадованный внезапной радостью этих загадочных пугающих взрослых.

Даг проводил Оулета к ручейку для запоздалого утреннего умывания, затем снова уселся и предложил малышу праздничные полполоски кидальника, которые были с готовностью схвачены. Пакко принял оставшуюся половину. Ребенок вскарабкался обратно в свое прибежище на коленях Дага, чтоб счастливо вертеться и пускать слюни.

— Что ж... — Даг подумал, что мог бы попереливать из пустого в порожнее, но не посмел. Пакко, несомненно, был самой внимательной аудиторией, а Оулет, казалось, находил хриплый голос Дага успокаивающим. — Вы спрашивали меня о моей жизни.

— Мне, конечно же, интересно, как ты повстречался на моем пути, я бы так сказал, — допустил Пакко.

— Ну... Я из Олеаны изначально, но я обошел вокруг озера...

* * *

Позднее Даг потратил некоторое время на то, чтоб превратить нескольких несчастливых белок и печального голубя в готовящийся обед (этот процесс одновременно накормил и очаровал капризного Оулета). Очищенные, выпотрошенные и жарящиеся на палочках кусочки были едва ли на один укус, но укус у Оулета был небольшим.

Дага больше беспокоил Пакко, который едва мог глотать.

После обеда появились Тавия с Аркади, и это было чудесно раньше того, на что рассчитывал Даг. Неожиданно, они также привели Келлу, Индиго и груз припасов. Даг вынырнул из-под навеса, где дремал Оулет, и поймал их раньше, чтоб поприветствовать.

Аркади, все еще запыхавшись после подъема, схватил Дага за плечо так, будто бы не мог решить, обнять его или встряхнуть.

— Не думал, что увижу вас живым вновь! О, боги, что за ужасы вы проделали со своим Даром на этот раз?

— Произвел небольшое хирургическое вырывание Дара у глиняных мышей. Поэтому мы здесь, а не стали едой в логове Злого. Аркади, мы спасены! Кто-то убил Злого!

— Да, мы видели, — Тавия энергично кивнула. — Умирающие глиняные мыши разбросаны по всей долине. Мы встретили двух по пути сюда.

— Где Фаун? И остальные, — добросовестно добавил Даг.

Аркади и Тавия посмотрели друг на друга так, что Дагу это не слишком понравилось. Аркади сказал:

— После того, как вас троих унесли, мы спрятались под деревья, и атака остановилась. Глиняная мышь попыталась унести Барра тоже, но он упал и сломал ногу. Я сложил ее так

хорошо, как мог, но далеко двигать его было нельзя, так что Сумах оставила меня, Барра и Рейза спрятанными в пещере. Вроде того. Сумах решила, что заберет остальных и попытается перейти хребет на западе, чтоб достичь Лаврового Ущелья.

В лучших традициях дозора, убрать женщин и детей из зоны действия Злого. Тревога увеличилась. Или даже сразу две тревоги.

— Хорошо с ее стороны. — Но потом была ли Фаун в безопасности на ее пути в лагерь Стражей Озера?

Видимо, нет, так как Аркади добавил:

— Дальше пусть лучше рассказывает Келла.

Девушка-полукровка набрала побольше воздуха:

— Мы были на полпути наверх прошлой ночью, пытаюсь одолеть седловину, когда вернулись глиняные мыши. С ними был Злой. Он летал.

В желудке Дага похолодело, но он напомнил себе, что какой бы ужасной ни была форма этого Злого, сейчас он был уже мертв.

— Он выглядел как летучая мышь, только больше и, и... более красивый, наверное. Когда его увидишь, то ни с чем не спутаешь ни на секунду.

Даг понимающе кивнул.

— Он похитил наш разум. Это было очень странное ощущение. Будто я внешне спокойна, но внутри кричу. — Ее дрожь давно ушла при ярком свете солнца, но Даг чувствовал глубокое, до костей истощение, оставшееся в ней; знакомое состояние после того, как имеешь дело с ужасом перед Злым.

— Он контролировал ее разум иначе, чем наш, похоже, — сказал Индиго. Он также был бледным больше, чем просто от трудной ночи. Келла нахмурилась от воспоминаний.

— Было похоже на то, что эти дикие идеи ослаблялись и усиливались в моих мыслях. Аркади думает, что я пыталась закрыться.

— Как бы то ни было, — продолжил Индиго, — глиняные мыши прогнали Сумах, Ремо и Ниту. Фаун, Вит и Берри тоже ушли. — Казалось, он хотел сказать больше, но вместо этого сглотнул.

— Вместе? — с надеждой спросил Даг. Может, Фаун в безопасности вместе с Сумах?

Индиго потряс головой.

— Они побежали в разные стороны. Мы решили, что твои ореховые щиты сработали.

— Злой ночью погнался оставшихся на север по Тракту, — продолжила Келла, — но я продолжала падать... Тащилась так медленно, как смела.

— Я пытался помочь ей подняться, — сказал Индиго. — В то время это казалось мне моей мыслью. Это было будто... что-то, что мы должны делать. Но мы уходили дальше и дальше от остальных, и тогда... мой разум будто очистился. Тогда мы повернулись и сбежали.

— Я надеялась, что мы сможем найти Аркади и что Стражи Озера защитят нас, — сказала Келла. — Никогда еще не была так напугана. Мы искали вдоль гребня там, где, я думала, Сумах их спрятали, когда вместо этого нас нашла Нита. Она была совсем одна. Она сказала, что дозорные закрылись, стряхнули глиняных мышей и спрятались в расщелине. Сумах была в ярости, но в конце концов решила, что кто-то все же должен известить лагерь Лавровое Ущелье. Так что она взяла Ремо и поспешила на запад и оставила Ниту искать Фаун и попытаться провести ее к Аркади.

— Но Нита сказала, что не смогла, — сказал Индиго. — Найти Фаун, Вита и Берри не смогла. Она сказала, что это хороший знак, потому что если ее Дар не смог их найти, то и Дар Злого не сможет. Она надеялась, что у них хватит ума спрятаться.

Даг пропустил пятерню сквозь волосы и постарался не закричать.

— И что потом?

— Я вышла из пещеры набрать воды и обнаружила Ниту и этих двоих, шастающих вокруг, — сказала Тавия. — Я нашла Аркади парой часов раньше.

— Тавия была первым добрым словом о вашей судьбе, — сказал Аркади Дагу. — Было

облегчением узнать, что местный дозор на охоте, но отсутствующие боги, что за кутерьма.

Тавия продолжила:

— Мы пытались решить, что лучше сделать для вас, потому что у нас не было достаточно рук, чтоб снести с горы искалеченного человека, или места лучше, чтоб спрятать его, если сможем. И тогда мы увидели первую умирающую глиняную мышь, и тогда, гм, изменилась вся ситуация.

— Стало ясно, что проще доставить целителя к раненому, чем наоборот, — сказал Аркади. — Или так я думал, пока не попытался взобраться на эту невидимую в темноте гору. Я оставил Барра с Рейзом, что мне не нравится, но теперь им не нужно прятаться. С ними должно быть все в порядке.

— Нита поймала свою лошадь, — живо сказала Тавия, — так что она решила поскакать на север и попробовать натйи остальных, где бы они ни были с тех пор, как Келла и Индиго отстали, и может связаться с местными дозорными и добыть нам больше помощи.

Все было хорошо и разумно, как только могло в таких трудных обстоятельствах, но где была Фаун? Явно никто этого не знал.

Даг отвел отряд в их пещерку под навесом. Аркади уселся на колени рядом с Пакко и открыл свой Дар раненому мужчине в своей пугающе-проницательной манере.

— Интересно, — пробормотал он.

Даг, уже знакомый с этим особенным тоном, искренне понадеялся, что его вывихнутая лодыжка будет расценена как скучная. Он познакомил их, надеясь, что Пакко понимает что происходит, несмотря на потускневший взгляд, и продолжил:

— Я не думаю, что для перелома было хорошо оставаться без лечения так долго со всеми мышцами в спазме вокруг него, но в то время когда бы мне надо было заниматься выравниванием костей, я не слишком был уверен в нарушенных нервах.

— Совершенно верно, — сказал Аркади. Он сел на пятки и, нахмурившись, посмотрел на Дага. — Вам бы быть прямо сейчас пациентом, а не ассистентом, но нужда заставляет. Его кожа не повреждена, не считая нескольких царапин, и мне хотелось бы это сохранить. Это означает, что работать будем настройкой Дара. Я хочу, чтоб вы выполнили тяжелую работу, пошли вглубь и осторожно выровняли два позвонка, а затем осуществили подкрепление Даром по линиям трещин. Вы готовы?

Сейчас? Проклятье, Даг только вздохнул с облегчением, и теперь он хотел отправиться искать свою жену! И ребенка. Фаун там не одна, напомнил он себе. С ней ее родственники... в его мысли прокралась змея «когда их видели последний раз». Даг посмотрел на беспомощного, мучающегося Пакко и усмирил свой беспокойное бешенство. Фраза Фаун «Раньше начнешь — раньше кончишь» всплыла в его памяти.

— Минутку. — Он осторожно уселся с другой стороны Пакко, уложил свою больную ногу, снял протез с руки и положил его рядом.

Пока Даг успокаивал тело, разум и Дар, Аркади сказал:

— Тавия, Келла, Индиго, устройте здесь лагерь. Мы сегодня не будем передвигать этого пациента. Для этого понадобится шестеро крепких парней и для начала крепкая доска, к которой его надо будет привязать.

Пакко сглотнул и сказал:

— Если я не буду снова ходить, сэр, — он не сказал этого вслух, но Даг понял его как «если я буду только лежать в постели и мочиться под себя», — я бы предпочел, чтобы вы нашли мой нож.

Аркади загадочно посмотрел на него.

— У вас будет время, чтоб сделать этот выбор позже. Готовы, Даг?

Аркади мог разведать расположение своей вотчины и выбрать стратегию так же быстро, как Даг, и по той же причине: сорок лет опыта. Несмотря на тревогу, Даг обнаружил, что расслабляется под лидерством, которому доверяет.

Он распрямил пальцы, настоящие и призрачные; зрение и звук погасли, когда он погрузился в разделенную страну текущего Дара.

Это было не излечение, а скорее подготовка к нему. Боль уходила с горячей красной жестокостью. Мускулы кричали. Сами вылепленные кости были холодны и тверды, их поддерживали странные узоры, уходящие глубже и глубже, живые от крови, текущей свободно и заблокированно, образующей гематомы и сгустки. Аркади занимался намного более нежными нервами, напоминающими веревки, и кнуты, и нити огня, глубже и глубже, глубже и глубже...

— Осторожнее, — пробормотал Даг, сопровождая слова касанием Дара; Аркади задохнулся и прервал начинающийся захват Дара. Даг сейчас не мог бы попасться в захват, даже если бы их жизни зависели от этого; его сердце было слишком далеко и безумно желало вернуться в мир ко всему, что он содержал. Это дало ему хороший якорь, решил он. То, что делал Аркади, было сложной, чрезвычайно трудной задачей, исполненной грации, будто в некоем танце, и само по себе странным удовольствием было просто наблюдать за ним, забыв о результате.

— Спасибо, — пробормотал Аркади. — Хорошая работа. Теперь вам можно выходить...

Даг вдохнул, заморгал и выпрямился, и к нему рывком вернулись ощущения от их убежища в скале. Как много времени прошло? Солнце, казалось, стало заметно ниже.

— Он потерял сознание какое-то время назад, — доложила Келла, обтирая потное лицо Пакко влажной тканью.

— Я не удивлен, — сказал Даг и откатился назад, бледный и трясущийся.

«Это было здорово!», подумал он с восторгом. Боги, ему нравилась эта работа. Магия во всей ее силе. Разрешенная магия. Он прислонил плечи к прохладной стене навеса и несколько минут позволял другим людям делать все остальное. Тавия принесла ему воды и полоску сушеного красноватого кидальника из Новолуния.

Конечно, это была выплата его последнего долга судьбе; и если он был удачей Пакко, возможно, кто-то еще станет удачей Фаун, передавая долг дальше. Теперь была очередь Дага добиваться собственных целей. И никто лучше него не сможет проделать этот путь.

Сразу, как только ему удастся встать.

— Пакко будет ходить снова? — робко спросила Тавия. Даг потряс головой.

— Слишком рано говорить об этом. Пройдет неделя до того, как отек спадет и останутся постоянные повреждения. Но он будет жить и увидит свою жену вновь.

Когда Аркади, наконец, подался назад и оперся о скалу, весьма напоминая мокрую тряпку, Даг сказал:

— Мне нужно отправляться искать Фаун.

— Завтра, — сказал Аркади. — Обещаю, что мы поможем вам спуститься с горы в первую очередь.

— Я сам смогу спуститься.

Аркади фыркнул.

— Как, упасть с нее? Уверяю, это будет достаточно быстро.

Даг дотронулся до левой руки.

— Что-то не так.

Взгляд Аркади вспыхнул, пронизательный и быстрый; он нахмурился, но не спорил с этим доводом. Это взволновало Дага еще больше.

— Полагаю, я не смогу вас остановить, разве что свяжу.

— Это меня также не остановит.

— Отсутствующие боги, Даг, если бы у вас была хоть половина мозгов кидальника, вы бы дождались помощи.

«Я и есть помощь». Даг нахмурился.

— И свалитесь вы со скалы или нет, к тому времени, как вы доберетесь до фургонов, будет темно, — добавил Аркади. — Полагаю, это единственное всем известное место встречи. В противном случае, вам придется обыскать всю долину.

— М-м, — сказал Даг, пытаясь это продумать. Все здесь были такие же вымотавшиеся

и недосыпающие, как он сам. Келла тоже потеряла мужа. Даг сам бы стер в порошок любого репоголового наполовину калечного дозорного, который предложил бы такую прогулку. Но ведь... он снова дотронулся до свадебного браслета сквозь прорехи в рукаве, но это не принесло ему большего понимания. Изменился, да, но что это значит?

Возможно, вызывающие столько вопросов их с Фаун свадебные браслеты просто истошились?

«Нет. Это ошибка.»

Даг нашел неожиданного союзника в Оулете, который проснулся во время настройки Дара. Обеспокоенный наплывом людей, малыш снова стал плакать и звать маму. Даг безжалостно его отпустил. Тавия быстро передала его Келле, но той повезло его успокоить не больше. Аркади, вернувшийся после умывания в ручейке, сморщился от шума.

— Лучше будет вернуть малыша к семье, — заметил Даг, перекрывая шум. — До того, как он заболит от плача или гора обвалится. Не надо бы ему сидеть здесь еще одну холодную ночь.

— Кто вызовется добровольцем? — спросила Тавия. — Ты не сможешь его нести!

— Я смогу, — неожиданно сказал Индиго. — Отправлюсь с Дагом и помогу разыскать Бассвудов. — И взглядом добавил Келле: «и Сейджа, и Финча с Эшем».

— Хм, — Тавия потерла вспотевший лоб. — Думаю, Келлы и меня будет достаточно сегодня вечером. Чтоб помогать Аркади и все такое прочее.

— Его родители, должно быть, сейчас сходят с ума от тревоги и горя, — добавила Келла, подбрасывая ребенка, но результатом было только то, что плач расходился волнами. — Жестоко заставлять их испытывать это дольше, чем необходимо.

— Где вы собираетесь искать? — спросил Аркади, дрогнув под общим напором.

— Там весь день был столб дыма из лесу около Тракта, примерно в восьми или десяти милях к северу, — сказал Даг. — Я бы его проверил. Похоже на костер, и путь совпадает с тем, о котором говорили Келла и Индиго. Если там не наши, то кто-то другой, кто может помочь найти их.

— И вы планируете пройти две мили вниз, пересечь реку, пройти еще милью до дороги и затем большое расстояние вниз по ней с вывихнутой лодыжкой на ночь глядя? — спросил Аркади. — Волоча этого маленького горлопана? Вы не герой, Даг, вы псих.

Добраться туда... В десятый раз за сегодня Даг дохромал до обрыва и расширил свой Дар в самую дальнюю, тончайшую степень.

И в первый раз за сегодня он получил ответ: далеко внизу долгое жалобное ржание отразилось эхом от склонов ущелья.

Даг ухмыльнулся.

— А кто говорит о «пройти»? Кажется, вернулся мой скакун. Если Индиго сможет спустить меня с горы настолько, чтоб я мог призвать Копперхеда, то я поеду верхом.

* * *

К удивлению Дага его седло было все еще на спине Копперхеда, хотя седельные сумки исчезли, потерявшиеся где-то в лесу. Ему придется потратить день, разыскивая их, не в первый раз за свою карьеру. Не упоминая уже о его боевом ноже, потерянном в схватке. «Позже». Копперхед не смог избавиться от уздечки, и его мундштук был склизким и покрытым травой. В его гриве и хвосте было полно репьев. Но в целом конь был в гораздо лучшем состоянии, чем его хозяин.

Обрадованный, Даг отдал обратно одеяло, которое раньше попросил у Индиго, чтоб подложить на убийственно костлявую спину мерина.

— Ты не расседлывал лошадей перед тем, как отпустить?

— Остальных — конечно! — Возмущенный Индиго предусмотрительно отошел так, чтоб выйти из зоны брыкания, когда Даг повел коня к ближайшему бревну. — А этот ускакал сразу после того, как сбросил тебя в драке. Мы его не поймали.

— Надеюсь, он смущен. Да, старик? — Даг почесал ореховое ухо; Копперхед фыркнул зелеными слюнями и тщетно попытался сдвинуть узду. Он прижал уши в протесте, когда Даг натянул поводья. Но тот дал коню понять, что сейчас нет времени на разные трюки. Было непривычно тяжело сесть в седло, и Даг выдохнул с облегчением, когда вновь взгромоздил зад на привычное место и сумел вдеть пульсирующую правую ногу в стремя. У него все болело, и его зрение, казалось, пульсировало вместе с болью в лодыжке. Аркади, хоть и вымотанный и все еще не одобряющий его план, немного подкрепил его Дар в растянутых связках перед отправлением, бормоча «Полагаю, Сумах сейчас на полпути к Лавровому Ущелью», на что Даг ответил «Я буду ее высматривать».

Даг опустил крюк, к которому Оулет протянул чумазые ладошки; раскачиваться на нем было игрой, которую они изобрели раньше днем. Игре удалось на время превратить рев в хихиканье.

— Поднимашки-обнимашки, братец! — Индиго поднял его, а Даг завернул в одеяло и расположил перед собой в седле так осторожно, как мог, придерживая левой рукой маленькую грудь. Оулет издал звук одновременно неудовольствия и очарования при большем видении мира.

Даг взглянул вперед на речную долину и сказал Индиго:

— Копперхед будет тебя обгонять.

— Не думаю, что ты станешь дожидаться... — Индиго помог Дагу засунуть его посох под крыло седла.

— Ты хочешь пойти следом или отправишься обратно к Аркади с Келлой?

Индиго потряс головой.

— Сначала проверю фургоны. Они действительно самое разумное место встречи. Если там пока никого нет, то пойду следом за тобой вверх по Тракту. Или просто упаду здесь и буду ждать. Но тебе ставить на север будет лучше всего.

Даг кивнул и нажатием коленей направил Копперхеда на запад. Продираться сквозь лес, выплевывая паутину, удавалось медленно, но зато они нашли переправу через реку, где вода поднималась только под брюхо коню еще тогда, когда край солнца дотронулся до западного хребта. Даг решил, что светящиеся горные сумерки будут самым поздним временем, когда он достигнет источника того дыма, поднимающегося над дорогой; а после этого... ну, это будет зависеть от того, что он там найдет. Была немалая возможность того, что он пытается доставить Оулета родителям, которые с вырванным Даром лежат мертвые в канаве.

Он старался быть оптимистичным; с равным успехом могло случиться, что Злой-мышь собирал крестьянские войска для того, чтоб встретить атаку дозорных,двигающихся к северу, и тогда он бы сохранял своих пленников, а не ел их. Его оптимизм заколебался, когда он подумал «Надеюсь, наши не наткнулись на дозорных до того, как Злой пал».

Хотя это зависело от того, как Злой встретил свой конец, потому что явно эта тварь не была привязана к своему начальному логову. Даг пару раз был с другой стороны сценария, сражаясь с поработанными крестьянами. Ему не нужно было представлять ужасы, он мог просто вызвать воспоминания. Он встряхнул свои пришедшие в замешательство мозги, как если бы был непослушной лошастью. «Нет. Здесь у нас этого не было.»

Когда они достигли дороги, Даг повернул Копперхеда к северу и скомандовал идти длинным, размашистым шагом; среди многих дефектов коня эта его походка была не единственной. Оулет запищал от восхищения и радости, когда его кудряшки стал раздувать ветер. «Хоть кто-то из нас троих счастлив». Хотя, Копперхед, кажется, не возражал размять ноги, так что Даг позволил ему размять их посильнее. В результате, Даг почувствовал Даром лагерь у костра, когда небо было еще светлым.

«Да!» подумал он, когда ощутил первый знакомый Дар крестьянина. Оставалась полумиля, и он позволил запыхавшемуся Копперхеду перейти на шаг и торопливо начал считать головы. Бо, Готорн, Хог, хорошо. Сейдж... Келла, у тебя теперь все в порядке. Финч и Эш. Бассвуды, очень расстроенные, но спасибо-отсутствующим-богам Плюм все еще с

ними.

Он особенно беспокоился о Плюм, как о закуске с плотным Даром, которую нельзя было использовать как солдата. Много чужаков или почти чужаков... он был почти уверен, что узнает некоторых из них как мулетилов, с которыми они неделями играли в чехарду. Он снова проверил всех. Были ли те дымные кляксы Витом и Берри, спрятавшимися за их щитами? Значит, там была и третья? Да, еще более размытая.

Когда в серых лесных тенях замелькал оранжевый огонек, Даг пустил Копперхеда неохотной рысью. Он выехал к большой поляне с широким лугом, раскинувшимся у ручья, и нашел там пару дюжин народа в импровизированном лагере — погонщики, да, и большую часть своего собственного отряда. Финч, который тащил охапку хвороста, увидел его первым, уронил ветки на землю и радостно закричал:

— Это Даг! Он жив! И с ним Оулет!

Женский крик «Что?!» прилетел с дальней стороны поляны. Даг успел лишь поделиться сильнейшей мыслью «Стоять, или скорблю волкам!» с Копперхедом, как его облепила дюжина бледных, возбужденных людей.

Копперхед опустил голову и фыркнул, но стоял исполнительно спокойно.

Без вопросов все расступились, чтобы пропустить к седлу Дага Вио; Грасс и Плюм спешили следом за ней. Вздохмаченная женщина застыла с открытым ртом, и ее лицо светилось всей той радостью, которую мог бы пожелать Даг, ее руки тянулись будто бы к звездам. Он уговорил Оулета уцепиться за крюк, поднял его с седла и опустил в объятия его матери.

— Даг, Даг, Даг, — зафыркал Оулет. — Кидальник-ник. Пркляте.

Вио засмеялась, блестящие слезы прочертили ее лицо.

— Право слово, какой же он грязный!

— Не грязнее Дага! — воскликнул Грасс, обнимая жену и обоих детей. Когда он так неожиданно вернул себе сына, которого, конечно, считал уже мертвым, на его лице отразилось явное удивление, столь не похожее на любое выражение, которое Даг встречал там раньше. Даг ухмыльнулся. «А что ты теперь думаешь о Стражах Озера, Грасс?»

Взгляд Дага обежал повернутые кверху лица, но не нашел ни Берри, ни Вита, ни Фаун.

— А где Фаун? — спросил он.

Тишина охватила толпу, собравшуюся у его колена, как если бы его слова были камнем, брошенным в воду.

Вио посмотрела вверх; радость исчезла с ее лица и остались лишь слезы. Она крепче сжала Оулета.

— О, Даг... Мне так жаль...

— О чем?

— Бедная малышка была такой храброй и умной, а потом такой окаменевшей и холодной... Если бы мы знали, что ты выжил, мы бы дождались тебя.

— О чем вы говорите?

Бо, протолкавшись вперед, сглотнул и протянул руку, указывая на другую сторону поляны.

— Этот Злой-мышетварь убил ее, как раз тогда, когда Вит попал в него стрелой. Погонщики закапывали своих мертвых, так что мы похоронили ее рядом. И часа не прошло, наверное.

— Похоронили? — сердце Дага забилося, как молот. Он сжал свой свадебный браслет и уставился в дурацком изумлении на насыпь свежей земли под несколькими стройными ясеневыми деревьями. — Но ведь она не умерла!

Глава 22

Даг обнаружил себя наверху низкого холмика, разрывающего грязь крюком без воспоминаний о том, как он тут оказался. Его посоха при нем не было.

— Мы должны вытащить ее оттуда! Она же не сможет дышать!

— Даг, дружище! — Финч схватил его за плечо. Эш сжал другое своей большой рукой, поднимая его более эффективно; он неохотно стал на колени, все еще царапая крюком землю, а затем его крюк перестал доставать до земли.

— Это нехорошо, Даг! — сказал Сейдж. — Пожалуйста, перестань.

Расстроенный женский голос, голос Вио сзади произнес:

— Помогите! Он повредился в уме от горя!

— Я не для того выжил в драке с глиняными людьми, — зло пропыхтел Даг, сбрасывая руки с плеч, — провел ночь на проклятой горе, две мили спускался с нее и проехал десять миль с поврежденной ногой, все это чтоб найти свою жену, чтоб меня остановили какие-то шесть футов!

— Он, что ли, ее кости хочет? — сказал незнакомый голос... одного из погонщиков?

— Говорят, Стражи Озера едят своих мертвецов... это для них как поминки. Но нам этого здесь не нужно!

— Хотя, она его женой была. Может, стоит позволить ему...

— Ну, моего брата он не съест, и кости его не украдет!

Даг боролся за свободу; все больше рук сдерживало его. Бо выкрикнул:

— Не нужно продолжать этого, Даг! Позволь ей покоиться с миром. Мы оказали ей все почести, уверяю тебя.

— Она не умерла! Я не знаю, что происходит, но она не умерла! Не могла умереть! Не Искорка! — Он вырывался, отбрасывая людей. «Крестьян.»

— Даг, остановись, это сумасшествие!

— Проклятье, да помогите же мне! — закричал он в муке. Копание одной рукой не было его сильной стороной. Но у кого-то, должно быть, были инструменты выкопать могилу, так что она все еще должны были быть поблизости, чтоб раскопать ее вновь. Он не ожидал, что чужаки поймут его, но, может быть, ребята с юга?..

Мулетир протиснулся слишком близко к нему; Даг почти зацепил его своим смертельным крюком, и едва успел вместо этого просто ударить. Еще шестеро погонщиков прыгнули на Дага и повалили его на траву. Боги! Он не может вырывать у них Дар, как у глиняных мышей... «Да, я могу!» Непрошенная мысль немного замедлила его.

Он зарыдал от разочарования, вода размывала его потрясенный вид теней, огня костра, испуганные лица людей.

— Послушайте, найдите другого Стража Озера! Кого угодно с толикой чувства Дара! Они подтвердят, что я прав! — Колено надавило ему на грудь, заставив его подумать о земле, которая, должно быть, давит на грудь Искорки. Что, если они продавят могильный холм? — Отсутствующие боги, вы закрыли ей лицо? В ее рот попадет грязь... в глаза... — Они ведь не зашили ей веки? Он слышал, что у крестьян раньше был такой обычай в некоторых местах...

Голос Бо дрожал, хотя должен был успокаивать:

— Даг, не могло быть ошибки. Она была холодной и окоченевшей. Мы не могли нащупать ее пульс. На лезвии ножа не было дыхания.

— Конечно, в жаркий день не было дыхания на теплом лезвии! Где Вит? Где Берри? Дайте мне Вита, он поймет!

— Он слишком болен, чтоб вставать, Даг, и Берри не лучше, — голос Готорна прозвучал тревожно из-под круга маячащих лиц.

«Не то, не то, что же делать?» Мощным усилием Даг упал наземь, раскидывая погонщиков.

«О, боги, спасибо вам!» Прибежал человек с лопатой. Сердце Дага подпрыгнуло в радостном облегчении.

— Да, да, помоги мне!.. — Он протянул руку к дико болтающемуся инструменту. И увидел, слишком поздно его предназначенную цель, когда широкое лезвие оказалось у его головы и сильно стукнуло его. Лица, огни костра, крутящиеся ветви над ним, все

растворилось в горячих ярких искрах.

* * *

Он пришел в себя, моргая, его тошнило. Боль пульсировала, взрываясь, как молотом по наковальне в его голове и лодыжке. Легкие. Сердце. Он попробовал вдохнуть, затем сделал более глубокий вдох. Хотел дотронуться до головы и обнаружил, что руки его связаны.

Он повертелся — или попробовал сделать это — и понял, что сидит спиной к тонкому дереву, а его руки связаны за ним. Он недолго был без сознания — его слезы еще не высохли. Ощущение было похоже на то, как если бы по его лицу ползали улитки, и он вновь попытался освободить руку, чтоб стереть его с лица.

Ворочая запястьем, Даг ощутил веревку. Он мог бы вырвать ее Дар, если придется... он не умрет, если вырвет Дар чего-то, что он мог бы съесть, Искорка это придумала, Искорка, нет! Для него будет плохо пытаться сожрать полный рот пеньковой веревки. Он тяжело дышал, пытаясь собрать разбегающиеся мысли, потому что, кажется, они были его последним резервом. Пытаясь успокоиться, он расширил свой Дар. Слабое ощущение в его свадебном браслете не изменилось. «Хотя бы это...» Туманное размытое пятно под могильной насыпью на краю луга также не исчезло. Что бы ни происходило, хуже не стало. Пока.

Он посмотрел вверх и увидел Финча, Эша, Сейджа и Бо, стоявших рядом с ним полукругом и нерешительно глядевших на него. Хог прятался за Бо. Он тоже плакал, судя по мокрым следам на его рябом лице.

Даг сглотнул, облизнул сухие губы. Прохрипел:

— Мне уже лучше. Вы можете меня отвязать.

— Я это сам решу, Даг, — сузил глаза Бо.

Уловки. Ему нужно сейчас прибегнуть к уловкам вместо того, чтоб растревоживать весь лагерь видом свихнувшегося Стража Озера.

Орать — еще орать, боги, он уже ободрал всю глотку — не поможет. Прислушайся к разуму, прислушайся к разуму... он подавил хихиканье при этой любимой Искоркой мысли, потому что необъяснимый смех ему не поможет тоже.

Вид напряженного лица Сейджа напомнил ему.

— Сейдж... Я видел Келлу и Индиго. Они сбежали прошлой ночью и вернулись к Аркади. Индиго отправился к фургонам, чтобы встретить тех, кто там окажется, а Келла сейчас наверху на восточном гребне с Аркади и раненым дозорным, которого нашли я с Тавией, она тоже сбежала от своей глиняной мыши. Мы все целые. Ну, меня немного погнуло.

Сейдж едва не растекся прямо на глазах у Дага — как любой человек, который только что узнал, что ему не придется хоронить свою молодую жену. Не говоря о брате по шатру. И всем прочем. «Спасите Искорку.» Но, кажется, этот спокойный рассказ успокоил его слушателей более, чем по лишь одному поводу.

— Пожалуйста... Все, что я хочу... все, что я хочу — это увидеть снова ее лицо. Один последний раз. Разве я много прошу? — Даг бы, не сомневаясь, упал на колени, но пока он не убедил их отвязать его, двигаться он не мог. Но ведь недостаточно просто освободиться и убежать. Сейчас, когда разум вернулся к нему, он может придумать три разных способа побега, по-кошачьи быстрого. Но ему нужна добрая воля и помощь. «Вот сейчас верно.» Он снова сглотнул, пряча свое безумное отчаяние. — Фаун и я, мы ведь много сделали для вас, ребята. Я знаю, что уже поздно, и что вы все устали, но... пожалуйста. Я просто хочу взглянуть на нее. Один последний раз.

И если этот раз действительно будет последним, что ж, у него все еще есть привязанный нож на шее, разве нет? Раньше, когда он попадал в отчаянные обстоятельства, эта мысль успокаивала и грела его некоторым суровым образом. Но не сегодня. «Я хочу Фаун, я хочу нашего ребенка, я хочу, хочу... Я хочу жить. Я ведь немного прошу.»

— Умоляю вас... — прошептал он.

Он попробовал собраться достаточно для того, чтобы сделать уговаривание, или даже не одно, пусть он не был готов к работе с Даром любого вида из-за своего состояния. Но затем он увидел сомнение на лице Сейджа и стал ждать — один удар сердца, два, три...

— Может, это его успокоит, — сказал Сейдж.

Даг подавил радостный вопль «Да, да!» и сказал скромно и мягко:

— Это все, чего я хочу. Пожалуйста.

Брови Бо нахмурились. Рот Финча изогнулся в сомнении.

Эш, чьи размеры сделали его жертвой каждого крика «Помогите это приподнять!» с тех пор, как они покинули Крокодилью Шляпу, вздохнул и грустно сказал:

— Ладно. Я буду копать.

* * *

Здесь была только одна лопата, принадлежащая мулетиру, который оглоушил ею Дага, и который сейчас неохотно ее уступил. Но даже с тремя мальчишками-южанами, сменяющими друг друга, это были бы убивающие минуты до того, как они раскроют надежды, которые столь преждевременно похоронили. Лихорадочное выкрики «Осторожней!» лишь убедили бы их, что Даг сошел с ума. Когда он начал бояться, что они ненадолго останутся, и он не сможет наблюдать за этим без крика, он заставил себя пересечь поляну, чтоб взглянуть на Вита и Берри — хромая так жестоко, что Бо даже вскочил и поддержал его под локоть. Даг не протестовал.

Его родственники по шатру Блуфилд лежали вместе на тонком одеяле у края круга света, отбрасываемого костром. Готорн склонился над своей старшей сестрой и зятем, выглядя несчастным; он отпрянул, когда Даг приблизился.

Берри, слабая и мрачная, приподнялась на локте.

Даг уселся на колени подле нее. На этом расстоянии, теперь, когда он немного успокоился, он смог, наконец, понять, что происходит. Сначала он думал, что Злой частично вырвал их Дар. Но, нет — или не в точности.

Но при столкновении с попыткой Злого вырвать их Дар щиты закрылись так плотно, что сам их Дар оказался частично извлечен из тел и конечностей, образовав дрожащие защитные шары.

Даг выдохнул, очарованный, от изумления и потянулся, чтоб снять ореховый кулон Берри с ее шеи. Она запротестовала шепотом.

— Не надо, все в порядке. Он выполнил свою работу. — Не просто выполнил, но и почти кончился. Тонкая работа Даром была близка к своему завершению. Еще несколько часов, и она бы развалилась на части, освобождая ее Дар из своей скорлупы, оставив ее вымотанной, но живой. Когда он отпутал шнурок от ее волос, глубокая связь неохотно разорвалась на кусочки, как кленовый сироп, который внезапно превращается в сахар; и ее Дар тут же вернулся в свою нормальную форму, совпадающую с ее кожей.

Берри прерывисто вздохнула и сжала голову, подняв руки.

— О, — она, с трудом, села. — Что это было? Ох, Даг, ну и ночка! Вит... — она вдруг повернулась к своему юному мужу, лежащему без сознания.

— Минутку, — Даг наполовину ползком перебрался на другую сторону. Он улучил момент, чтоб изучить эффект второго орехового щита. Он также включился от попытки Злого вырвать Дар, но был сжат еще более крепко. И был очень близок к тому, чтоб распасться. После этого Вит не был бы таким уж шустрым, а его Дар восстанавливался бы несколько дней.

«Верю.» Даг снял плетеный шнурок с шеи Вита и ощутил, как связь прервалась.

Вит застонал и пробормотал:

— Ужасно себя чувствую... Бо, что я пил?

Его склеенные веки открылись, и он непонимающе уставился на Дага. Заморгал. И

внезапно понял:

— Даг! Ты здесь! Злой... Фаун... она подрезала твой нож, укрепила на нем перья...

— Вит, мы победили Злого! — сказала ему Берри.

— Да?... Да, я помню... Его крылья отбросились, с ума сойти... Даг, твои щиты! Они, должно быть, работают! — Вит ощупал свое тело, будто удивлен тем, что оно все еще привязано к его голове.

— Да, хотя, кажется, им все еще нужна некоторая доработка. Отдыхай, дозорный. Ты свою работу выполнил.

Вит радостно свалился обратно.

— Эй, так я и отдыхаю, разве нет? Ух. Погоди, вот услышат это Барр и Ремо!

И многие другие кроме них. Две дюжины людей были свидетелями того, как бывший дозор Фаун застрелил ужасающего Злого. Даг подозревал, что этот рассказ ему не нужно будет трудиться рассказывать людям. Он сам разлетится как на крыльях.

Голоса Вита и Берри перебивали друг друга, рассказывая ему историю прошлой страшной ночи, все то, что они делали с тех пор, как сбежали от порабощенного отряда и до того, как на рассвете застрелили Злого. Даг едва слушал, его чувство Дара напряженно прислушивалось к могиле. Если щит Фаун распадется до того, как она окажется на земле, и вернет ее Дар обратно в тело, похороненное заживо... Это бы точно произошло, подумал Даг, в какой-то момент до завтрашнего утра.

Отсутствующие боги, и он почти позволил Аркади уговорить его провести ночь на горе. «Не кричи, только не кричи.»

На насыпи парни перестали копать лопатой и склонились, протянув руки. Они работали, доставая их земли что-то жесткое и небольшое. Даг нашел посох и рывком снова поднялся на ноги, торопливо избегая настойчивой просьбы Вита пойти посмотреть на упавшие крылья и слабого, запоздалого вопроса Берри «Эй, а где Фаун?»

Даг упал на колени рядом с открытой ямой как раз вовремя, чтоб принять у них свою жену. Лицо Эша с выражением сочувствующей скорби маячило рядом. Она была везде такой же одеревеневшей и холодной, как настоящий труп, и он должен будет сделать крестьянам на это скидку. Ее мощнейший щит выпил весь ее Дар, концентрируясь на голове, позвоночнике, груди и, в особенности, животе. Савана, чтобы завернуть ее, не было... Ее похоронили в ее рубашке, обуви и штанах для верховой езды — но, спасибо отсутствующим богам, кто-то пожертвовал старый платок, что прикрыть ей лицо. Он лежал, мокрый и грязный, прикрывая ее рот и ноздри, и, по крайней мере, они не забились землей. Он убрал ткань прочь. Ее лицо было спокойным, губы слишком бледными, но вовсе не лавандово-желтыми, как у трупа. Ее глаза не были повреждены, веки были прочерчены бледно-фиолетовыми линиями вен под тонкой кожей, а черные ресницы лежали на скулах завивающимся веером.

Его рука тряслась так сильно, что он едва мог держать ее... Даг нашел орех и снял его через ее голову. Шнурок запутался в ее темных вьющихся волосах, слипшихся от комочков грязи, и ему пришлось прерваться на мгновение, чтоб отпутать его. Он в страхе вырвал несколько волосков. Мягче, мягче... связь разорвалась так же, как сделала это у Вита и Берри, и он отбросил орех с такой силой, что тот должен был долететь до середины поляны.

Ее окоченелость изменилась под его рукой, в ней появилась нарастающая дрожь. Он склонил голову и целовал ее лоб, щеки, все лицо, но не губы, потому что она сделала внезапный вдох, затем еще и еще, длинные глотки воздуха. Цвет вернулся на ее лицо и в его мир. Ресницы слабо дрогнули...

* * *

В темноте были голоса — отдаленные, будто слышимые с другой стороны времени.

— Бедная малышка!..

— О, как жаль...

— Это почти милость богов, что он ушел первым.

— Да, он бы не принял этого...

Она задумалась, в смутном негодовании, до того, как голоса утихли, где же ее поздравления?

Затем было давление, не дающее ей дышать, мучившее ее, и страх потери. Воздух, казалось, впитывался сквозь ее кожу, а не через медленно дышащий рот, просачивался в ее легкие и горячий, занятый живот. Куда ушел Даг? Он нужен ей, она была уверена в том. Что-то было ужасно неправильно...

Время утекало в темноту. Часы? Годы?

Наконец, бормочущие звуки вернулись в ее забитый уши, пробиваясь через тревожащую слишком огромную тишину, которая наполняла ее страхом того, что она внезапно оглохла. Она ощутила тяжесть и головокружение, и только тогда поняла, насколько она ничего не чувствовала раньше. Почти, почти... вот оно! Воздух!

Ее веки боролись за самое желаемое видение: Дага. Его глаза в серых тенях и мелькающем свете костра были чайного цвета, но несколько песчинок золота все еще блестели в них. От уголков его глаз пролегли к скулам мерцающие линии, будто нити серебра вбили в медный сосуд. Его щеки были покрыты щетиной, лицо в синяках и измучено, а его грязные черные как металл волосы торчали в разные стороны.

Сейчас он действительно выглядел на свой возраст. «И все еще хорош для меня...»

Ее рука стремилась вверх, чтоб дотронуться до серебряной влаги, когда она, наконец, справилась с дыханием. Улыбка почти расколола его лицо, но глаза все еще были сумасшедшими.

Ее пальцы дотронулись до грубой бороды, до его растянувшихся губ, наткнулись на его слегка кривые зубы с таким знакомым любимым сколом на одном из них спереди. Его поцелуи нашли ее пальцы, оставаясь на каждом по очереди. Ее рука скользнула по его лицу, вокруг шеи, сжала воротник... и о боги, что он сделал со своей хорошей хлопковой рубашкой, которую она для него сделала? Она готова была поклясться, что на ней больше дыр, чем ткани.

Поцелуи возобновились — лоб, щеки, подбородок, губы наконец.

Вот так лучше. Она все еще лежала неподвижно, у нее болело под ключицей и в ранах, оставленных на ее плече когтями глиняной мыши, но под ее рубашкой повязка Келлы, кажется, все еще держалась, натирая ее нежную кожу, когда она двигалась. Она все еще сможет вырезать... им нужно... погодите, что?..

— Даг! Там был огромный Злой-летучая-мышь... он летал... но мы его победили! — Она остановилась, прокашливаясь. — Вит его убил, ты можешь в это поверить? И твои щиты, они, должно быть, работают! Все эти бедные мышки умерли не зря... — Ее свободная рука ощупала горло в поисках орехово-волосяного ожерелья. «Самый лучший подарок на день рождения...»

— Да, да и да, Искорка... — Пылкое объятие при этих словах не обрадовало ее, как обычно, потому что вес его напомнил ей ее удушливый кошмар... значит, она спала? Или была без сознания?..

— Я знала, что ты не можешь умереть... ты выглядел слишком психованным, чтоб умереть, когда те ужасные летучие глиняные мыши утащили тебя... — Она изогнулась, и его хватка, наконец, ослабла достаточно, чтоб она могла сесть. — Эй, уже вечер? Было утро... я проспала весь день? Я не слишком хорошо себя чувствую... Я простыла? Почему я вся в грязи? Мои волосы... — Ее пальцы, ощупывающие грязные комочки, обнаружили длинный, липкий и холодный объект, который она с трудом извлекла из своих кудрявых волос. Это оказался здоровый дождевой червяк. Она отбросила его с прочувствованным «Фу-у-у!» — Это Вит мне насовал червяков в волосы, пока я спала? Я ему задам... — Ее пальцы ощупывали голову с новой тревогой.

Раздался голос Бо, тихий и невнятный, будто он снова напился:

— Простите... Мне так жаль...

Изумленное бормотание присоединилось к лепету Бо, и Фаун выглянула из круга рук Дага и обнаружила, что у их нежного воссоединения была целая аудитория, столпившаяся вокруг них: Бо, Готорн, Хог, Эш и Финч с Сейджем, незнакомые путешественники с Тракта... нет, погодите, она подумала, что узнает кое-кого, как погонщиков из чайного каравана, — милые ребята, хоть и грубоватые снаружи.

Вит протиснулся сквозь толпу, крича:

— Похоронили? Похоронили ее?! Чего ради вы взяли и сделали вдруг такую тупую штуку, как эта?! — Он упал на колени и отобрал ее у Дага, чтоб выдать крепкое и беспрецедентно братское объятие. Даг недолго это терпел со странной, милостивой улыбкой, а затем вернул ее обратно.

— Вит, — сказала Фаун с подозрением, — это ты засунул червяка мне в волосы? Ты соображаешь, что в твоём возрасте пора прекратить эти штучки?!

Один из погонщиков воскликнул с дрожью в голосе:

— Он поднял ее! Этот колдун, Страж Озера, поднял ее из могилы!

— Не думай об этом, — пробормотал Даг в ее уже согретые, лишённые червяков волосы. — Не надо думать об этом. — Как если бы он защищал ее от кошмарных видений — ее или своих?

Еще один погонщик, один из тех, что помоложе... как его звали? Спрус, вот как. Он упал на колено с другой стороны и протянул руки в мольбе:

— Мистер, мистер Страж Озера Блуфилд, сэр... вы не поднимете моего брата тоже? Он моложе меня, это была его первая поездка, и я не знаю как скажу о нём матери... пожалуйста!

Даг уставился на него в изумлении, его лицо было таким озадаченным, будто кто-то ударил его по голове лопатой. Только Фаун ощутила, как он вздрогнул, когда некоторое понимание пришло к нему.

— О. Нет, вы не понимаете. Отсутствующие боги... Нет настолько хороших целителей. Для начала, Фаун не умирала. Вы, тупые идиоты, закопали ее живой. — Его руки задрожали и сжали ее крепче. — Я не могу помочь вашему брату. Извините.

Фаун начала складывать картину случившегося. Она предположила, что должна была испугаться, но на самом деле разъярилась так же, как Вит:

— Вы похоронили меня и даже Дага не дождались?! Бо!

— Мы были уверены, что он тоже умер до того, — сказал Бо в шаткое оправдание.

— Вы могли узнать по моему браслету, что он жив! Мы ведь говорили вам об этом раньше!

— Может, один из других Стражей Озера мог бы, да никого из них тут не было. Никто не подумал спросить ту девушку, что проезжала здесь, Ниту, она очень торопилась, из-за раненого дозорного на горе.

Даг остро взглянул на Бо, но его отвлек погонщик, дергающий остаток его рукава:

— Пожалуйста, сэр, ему ведь и двадцати не было, он умер без единой раны. Совсем как она... — Мулетир живо кивнул на Фаун.

Неодобрение, жалость и ужас сменяли друг друга на лице Дага.

— А моего друга Бутджека?.. — сказал еще один погонщик, падая на колени рядом с первым. Фаун и Даг внезапно оказались окружены толпой умоляющих людей. Один из них попытался дотронуться до нее, но его рука упала, отпугнутая взглядом Дага и тем, что он крепче сжал Фаун.

— Вы не понимаете, — повторил Даг и пробормотал себе под нос: — О боги, придется говорить.

Осажденный, Даг начал, запинаясь, объяснять, что такое Дар, Злые, ореховые щиты. Он говорил о своих надеждах изготовить защиту для других крестьян, не только для своих родственников по шатру Блуфилд. Кто-то принес снятые ожерелья и сложил их кучкой у его колена; по настоянию Фаун их передали по толпе, чтобы люди могли подержать руками то, что не могли полностью постигнуть ушами. Кто-то выглядел очень заинтересованным, хотя

близкие друзья и родственники убитых погонщиков явно желали другого ответа и продолжали пытаться получить его, изменяя свои вопросы. Бо, Вит и ребята из Крокодильской Шляпы — все свидетельствовали о том, что видели сами, и это должно было помочь; эти объяснения и явная изможденность Дага привели к тому, что настроение толпы вокруг них сменилось понемногу от опасного отчаяния к обычному разочарованию. Один или двое бросали на Фаун долгие тревожные взгляды, что казалось непропорциональным с ней самой — маленькой и взъерошенной.

С ней самой — маленькой, взъерошенной, грязной и ликующей. Она, Вит и Берри заслужили самые веселые веселушки, думала Фаун. Так что когда спор об ореховых щитах и оживших мертвецах, наконец, угас, она вскарабкалась на ноги и пожелала показать Дагу останки их Злого.

Прохладная весенняя ночь криво завертелась вокруг ее головы, когда она выпрямилась; она ухватила за руку Дага, и он вновь обернул руку вокруг нее, выронив из-за этого свой посох. Только тогда она поняла, что Даг натворил со своей лодыжкой. Без ботинка его правая нога раздулась вдвое, а цветом была в фиолетовых прожилках, что прекрасно смотрелось бы на петунии, но для человеческой кожи было очень плохо.

Она повела его, пошатываясь вместе с ним, показать гниющие следы крыльев — Даг постарался предупредить всех не касаться ядовитой скверны останков Злого и не прихватывать сувениров. Он явно не хотел даже становиться лагерем так близко к ним, но сгущающаяся темнота и всеобщая усталость явно удерживала их всех на этой поляне до утра.

Все в отряде Сумах несли с собой легкие одеяла и еду для неудавшегося похода в Лавровое Ущелье, и большинство сохранили их, несмотря на форсированный марш Злого. Пока Даг искал с помощью Сейджа свою лошадь, стараясь не терять из вида Фаун, она грызла кусочек галеты до тех пор, пока ее желудок не успокоился и не смог принять пару полосок сушеного кидальника. Еда прогнала холодную дрожь. Это напомнило ей самый первый раз, когда она встретила Дага с его твердой верой в то, что еда — хорошее средство от шока, и она чуть улыбнулась.

В ее скатке был кусок мыла, и, несмотря на поздний час, ей больше всего хотелось вымыться. Они заняли у одного из погонщиков фонарь и прошли через дорогу и крюком вокруг ручья к чему-то вроде озера. Было слишком прохладно, чтоб задерживаться; они разделись и быстро ополоснулись, разве что Фаун намылила и прополоскала волосы дважды, задержав дыхание и встряхивая головой под водой для верности.

Она подняла суету вокруг лодыжки Дага, не говоря уж о его новой впечатляющей коллекции царапин и ушибов, а он беспокоился из-за ее плеча. Они не могли ничего сделать со своей грязной одеждой, поэтому всего лишь выколотили ее о древесный ствол и вытрясли перед тем, как натянуть обратно на влажную кожу.

Когда они вернутся к фургонам и своим припасам, будет лучше.

Пока же это... немного помогло.

Когда же они улеглись вместе между двумя тонкими одеялами на траве, ее разум начал вертеть события прошедшего дня, представляя другие, более мрачные исходы. Тогда она заплакала, уткнувшись в плечо Дага. В основном, он просто держал ее, но он едва ли мог выпустить ее из своих рук после того... после того, как ее... откопали из ее могилы.

Которая казалась достаточно ужасной до того, как ее не раскопали. Пройти весь путь, выжить столько раз только затем, чтоб оказаться убитыми на последнем шаге — и не бандитами, глиняными людьми или Злыми, но всего лишь невежеством и недопониманием.

— Ш-ш-ш, — пробормотал он ей в волосы, когда ее рыдания возобновились.

Она сглотнула, пытаясь успокоить всхлипы — не плачет ли она слишком много? — и спросила:

— А ты можешь сказать, с ребенком все в порядке после всего этого?

Она могла почувствовать знакомое спокойствие его концентрации под ее руками, когда он погрузился в ее Дар.

— Да, кажется так, — сказал он, возвращаясь и моргая, его глаза слегка блестели в тених и свете костра. — Насколько я могу сказать, по меньшей мере. Знаешь, она не больше твоего мизинчика. Но я попрошу Аркади проверить, когда мы встретимся снова, на всякий случай.

Фаун растаяла от облегчения. Но...

— Она? Теперь ты уверен?

— Ага, — сказал он, и его голос звенел от легкой тайной радости оттого, что с ней было все в порядке. Когда она снова вздрогнула, он сказал ласково: — Мы назовем ее Мари.

Его мягкое поддразнивание было спланированным отвлечением ее от замогильных мыслей, и она была благодарна ему за это.

— Эй, а меня спросить не нужно? — Она подумала. — А как насчет Нетти?

— Дирла — прекрасное имя для умной сильной девочки. Или Сумах.

— Будет сбивать с толку, если Сумах будет поблизости вместе с Аркади. Может, позже.

— Позже, — пробормотал он. — О! Мне нравится это «позже».

— Только никаких зверят. Я иногда гадаю, чем думали мои родители. — Они явно не представляли себе взрослую женщину, тогда или позже. — Представляешь себе бабушку, которую все еще зовут Фаун-Олененок?

— И с огромным удовольствием.

Она захихикала и добродушно пихнула его:

— Лишь бы ты не начал мне говорить однажды: «Да, мой Олень⁹».

Она чувствовала его улыбку в своих кудряшках и в конце концов достаточно согрелась, чтоб ее дрожь унялась. Она задумалась, с каких пор тонкое одеяло на обычной траве начало казаться ей такой неопикуемой роскошью. «С тех пор, как Даг в нем со мной, и мы в безопасности.» Безопасность, а не покрывало было настоящим источником ее комфорта, поняла она. И комфорт людей рядом с ними тоже, — едва не потерявших друг друга, спящих рядом на комковатых одеялах вокруг костра этой ночью не только затем, чтоб было теплей. Она обняла его крепче и, несмотря на все свои раны и разбегающиеся мысли, заснула.

Глава 23

Даг проснулся в сером свете в эдакой затопившей все летаргии, которая обычно следовала за огромным усилием. «Да, я уже бывал здесь раньше...» Он не настолько устал, чтобы не убедиться наощупь, что Фаун все еще здесь, в их одеяле, теплая и мирно спящая под его рукой, как она и должна была. Его затуманенный разум содрогнулся от всего-что-могло-случиться и на чем он вчера запретил ей останавливаться; и с новой силой его ударило осознание того, как мало значимости имело для него спасение мира, в котором ее бы не было.

Ну, и Берри с Витом, и остальных из шатра Блуфилд. И их друзей, а тем понадобятся их соседи, предположил он; эта спутанность расширялась, и он вернулся к началу.

Может, человек не должен любить весь мир — голос Грусса, громко жалующийся на что-то с другой стороны поляны, достиг его слуха — может, ему нужно впустить в сердце только кого-то одного. Дуг взгляделся в нежное голубое небо сквозь свежие буковые листочки. Должно быть, после того, как осядет туман в долине, будет ясный, теплый день.

Фаун пошевелилась и села, выглядя пугающе веселой, если все взвесить.

После того, как она помогла ему дохромать до леса, чтоб исполнить утренние нужды, она вновь устроила его в одеяле, выставив напоказ его пурпурную ногу, что прекрасно помогало отгонять от него все прочие запросы. Разве это симуляция, если ты и в самом деле едва можешь стоять? В любом случае, он был рад благодаря этому поводу лежать и

⁹ Игра слов: Deer — олень, Dear — дорогая.

наблюдать, как остальные разбираются с дневными заботами.

Ночью пришло двое заблудившихся погонщиков, а еще несколько появилось на рассвете с пойманными мулами на веревке. На одном животном, к несчастью, лежало еще одно завернутое тело. Кроме погонщиков в лагере было трое трапперов, которых поймал Злой, когда она везли свои меха на продажу в Рубленую Баранину, и еще одна семья, состоящая из пяти взрослых братьев и сестер и их мамы, которые отправились на север обзаводиться хозяйством. Они все собрались ненадолго вознести краткие почести. Зияющая утроба земли, откуда сбежала Фаун, наполнилась, наконец, и это заставляло ее плакать снова и снова.

Даг обрадовался задержке, когда на поляну прискакала Нита, ведя за собой половину дозора из Лаврового Ущелья для того, чтоб спустить Пакко с горного склона. Ее шок, когда она нашла Фаун стоящей на ногах, был быстро скрыт ее закрывшимся Даром. И почти так же она удивилась, найдя Дага.

— Я думала, ты все еще наверху с Аркади! Я привела нескольких дополнительных ребят, чтоб тебя нести.

— Я спустился сам. Копперхед проделал остальное. — «Я разберусь с тобой позже». Он не мог делать это сейчас, так скоро после вчерашнего дня; он был слишком вымотанным и не доверял себе. И, самое малое, он желал, чтоб Сумах была рядом с ним по множеству достойных причин, включающих проверку его разума.

Но шум, который начался, когда дюжина Стражей Озера обнаружила, кто победил страшного летающего Злого, который до того разбил три их отряда, разбросав их по верхней долине, порядком отвлек всех.

Даг едва успевал открывать рот. Двадцати пяти свидетелей-крестьян и Фаун и Берри с Витом в придачу хватало, чтобы рассказывать эту историю.

Каждого отвели подивиться на оторванные крылья, подержать в руках ореховые ожерелья, увидеть и дотронуться до кусочков использованного костяного болта — Берри собрала их и завернула в ткань — и рассказали все подробности засады на рассвете. Вит при этом размахивал во все стороны своим арбалетом. Даг, хромая и цепляясь за посох, должен был признать, что сейчас крестьяне и Стражи Озера на самом деле говорили друг с другом. И, что еще лучше, слышали друг друга.

Полевая целительница, путешествующая с отрядом, расспросила Дага об ореховых кулонах, когда он вернулся к одеялу. Пока Даг не был готов к живой демонстрации, целительница собиралась последовать его инструкциям и обещала передать их целителям и мастерам по ножам в своем лагере. Еще ее восхитило расколдовывание. Даг попробовал показать ей его (и в то же время решил одну из своих тревог), попросив ее осуществить общую поддержку Даром против инфекции в плече Фаун, но целительница была настолько открыта по отношению к крестьянской героине этого дня, что после нее не осталось заколдовывания, которое Даг мог бы снять. Он мрачно обдумал возможность привлечь для примера Ниту, но... не стал.

— Ты можешь рассказать об этом своим знакомым мастерам, — сказал он молодой женщине. — Любой, кто захочет научиться расколдовывать или делать такие щиты, сможет найти меня и целителя Уотербёрча в доме Берри Блуфилд рядом с Клиркриком, наверх по реке Грейс. Мы примем всех. Мы еще не до конца разрешили все особенности работы Даром, так что... может, другие люди, которые тоже будут заниматься проблемой — то, что нужно.

В целом, только к полудню дозорные Лаврового Ущелья вновь ускакали рысью, многократно оглядываясь назад, и еще часом позже собственный отряд Дага собрался для долгой дороги обратно к своим фургонам. Даг ехал верхом на Копперхеде с чирикающим Оулетом на коленях, Фаун взобралась назад, хотя какое-то время спустя она спешила и посадила вместо себя Плюм, освободив Эша от роли вьючного пони. Было еще светло, когда их блуждающий отряд прибыл на место и нашел Индиго, спокойно сидящего рядом с брошенными вещами, собранным хвостом и вскипевшим чайником, а также уже

нашедшимися парой мулов и его скаковой лошастью.

Вит увел двух парней и одного мула, чтоб вывести Рейза и Барра из их укрытия. Вернувшись, они уложили Барра на одеяла рядом с Дагом, где, должен был признать Даг, сломанная нога Барра совершенно затмила его вывихнутую лодыжку. Работа Даром, проделанная Аркади над переломом, заставила Дага присвистнуть.

Они еще не закончили ужин, когда появился дозор Лаврового Ущелья, ведущий своих скакунов в поводу. Шестеро мужчин несли Пакко на жестких носилках под руководством Аркади. Келла, рыдая и смеясь, подбежала к Сейджу и брату, и они обнялись от всего сердца. Тавия шла следом, выглядя уставшей. Из-за спустившейся темноты дозорные устроились лагерем рядом с крестьянами, и за этим последовал обмен разными байками. Аркади оказался весьма авторитетным рассказчиком. У Дага, размышляющего о сковородочных шляпах и горшочных шлемах в верхнем течении Грейс, не говоря уж о его новой нежелательной репутации по подниманию мертвецов, не было иллюзий о том, как их история будет перевернута, расходясь, но, по крайней мере, началась она ровно.

* * *

Аркади хотел понаблюдать за Пакко несколько дольше, так что следующий день дозорными Лаврового Ущелья, измученными собственными трудностями, было решено отдыхать. Их задыхающийся рассказ о битве в северном конце долины, с растущим осознанием того, что рутинный дозор превратился в чрезвычайный, а затем в надвигающееся бедствие, был слишком знаком Дагу. Келла и Фаун помогали Аркади ухаживать за Пакко, а его собратья-дозорные, в свою очередь, помогали крестьянам найти разбежавшихся животных, так что до ночи все выжившие звери были возвращены в прекрасном настроении от глотка свободы.

Ожидание принесло плоды наутро. Когда Аркади, командир дозора и дозорная целительница все еще обсуждали соперничающие качества рук против конных носилок для транспортировки перелома позвоночника, появились Сумах и Ремо. Они ехали верхом на чужих лошадях, и с ними было двое новых дозорных.

Сумах и Аркади бросились друг к другу — более или менее, и это заставило приподняться брови тех, кто видел Аркади только в его суровом настроении. Даг ухмылялся. Один из молодых дозорных оказался сыном Пакко.

— В тот день, когда Злой разделил нас, мы с Ремо прошли пятнадцать миль по скалам, — объясняла Сумах, — были вне себя и стерли все ноги. Мы нашли след дозора на следующем гребне к западу, и сразу же наткнулись на подкрепление из Лаврового Ущелья, идущее следом. Так что донесение было уже выполненным делом, если бы я знала об этом... что ж. Как бы то ни было, мы присоединились к ним и вернулись в долину. Когда мы нашли дозор к северу отсюда, распространилась весть, что Злой был убит, мы могли это понять по умирающим глиняным мышам, которых находили. Сын Пакко был в первом отряде, и обезумел от того, что его отца унесли так же, как тебя, Даг. Затем пришло известие, которое, полагаю, принесла Нита, что его отца нашли раненым. Так что мы вызвались проводить его сюда в обмен на лошадей, которые значительно все ускорили. — Она и Аркади обменялись довольно странными усмешками. Честно заработанными, по мнению Дага.

Ремо приехал на лошади Пакко, пойманной со всеми его вещами. Его привязанный разделяющий нож бы, конечно, все еще в его седельных сумках, но, как его сын признался позже Дагу, он не собирался отдавать его отцу до тех пор, пока его мама не позволила бы. Даг и целительница — и Пакко — насладились (или вытерпели) вчера огромное количество практических лекций Аркади на тему повреждений нервов, из которых даже Даг уяснил надежду на то, что тот будет ходить снова; он предпочитал думать, что из Пакко получится прекрасный дедушка до того, как встреча с его костяным ножом состоится.

Все рассказы были рассказаны вновь новоприбывшим, так что дозор Лаврового Ущелья вновь отправился к Тракту только после обеда — со скоростью шага людей, которые,

сменяясь, осторожно несли носилки Пакко. В лагере у фургонов стало гораздо тише, и люди стали подумывать о своей собственной дороге. Даг подсчитал дни задержки и был удивлен тем, как мало их было — по его ощущениям они оказались заперты в этой выгоревшей долине на месяцы.

Тавия осталась без лошади. Так как Барру нужно было пропутешествовать следующую часть дороги в задней части фургона, он предложил ей своего коня (который на самом деле принадлежал Аркади), если она отправится на север вместе с ним.

Взглянув искоса на Дага, Нита вновь попросила Ремо уехать с ней на юг; юноша казался смущенным ее внезапной теплотой.

И все это привело Дага к задаче, которой он страшился. Дрожь его ярости все еще держалась за сомнения, как за якорь. Что ж, пусть правда выйдет наружу. И если она была такой же уродливой, как зачистка глиняных людей, возможно, она также окажется такой же необходимой.

* * *

Даг выбрал место вне слуха и зрения лагеря, рядом с шепчущим потоком. Он уселся на камень и ковырял землю своим посохом, пока Сумах усаживалась на серый ствол бука со скрещенными руками. Он верил, что одного ее присутствия будет достаточно, чтобы заблокировать любое смущение вроде того, которое случилось при его последнем личном разговоре с Нитой. Вокруг него, скрестив ноги, расселись его другие приглашенные: Ремо, Тавия, Нита. Финч и Эш, которых он также позвал, переминались и смотрели неуверенно.

— К чему все это, Даг? — спросил Ремо. — Дело дозора, ты сказал.

Даг поднял руку, чтоб избавить последнюю пару от усаживания. Ему следовало выбрать Сейджа для дачи этих показаний как самого рассудительного из парней из Крокодилей Шляпы, но события, последовавшие за убийством Злого, отвлекли юного кузнеца беспокойством за жену и брата по шатру.

— Я не задержу вас надолго. В тот день, когда Вит застрелил Злого, после полудня, что происходило в лагере, когда приехала Нита? В точности, как вы помните.

— О... — Финч пропустил руку сквозь волосы. — Сначала было много крика. Берри смогла рассказать нам, что произошло, или, по крайней мере, достаточно, чтобы мы поняли и объяснили остальным. Мы все беспокоились о ней и о Вите. Бо осмотрел бедняжку Фаун и сказал, что она умерла. Хог и Готорн начали плакать. Было ясно, что мы не сможем оставаться там надолго, и большинство из нас думало, что ты тоже умер. Так что, когда мы рассказали погонщикам о вас, они выкопали место и для нее.

— Как бы в подарок, — подтвердил Эш.

— Нита ехала рысью вверх по дороге, она торопилась, но увидела нас и остановилась.

— До или после похорон?

— До. У нас на одеяле лежали четверо тех бедняг-погонщиков и Фаун, и мы смотрели друг на друга, не зная, что говорить. Нита сказала, что ее отправили к местным Стражам Озера за помощью для какого-то раненого дозорного. И что она виделась с Тавией, которая потащила Аркади вверх на хребет, чтоб спасти вас обоих — ты тоже был ранен, но она не знала, насколько сильно.

— По-настоящему хорошо это не звучало, — сказал Эш. — Мы поняли, что у кого-то спина сломана, но не были уверены чья.

— Мы сказали ей, что Вит застрелил Злого, но я не уверен, что она нам поверила. Тогда она поскакала вокруг и взглянула на крылья. Не спешиваясь со своей лошади. А затем она ускasila галопом до того, как Вио смогла спросить ее об Оулете.

Нита начала говорить, но, подчиняясь поднятой руке Дага, затихла. Ее глаза сузились. Видела ли она, что происходило? Даг боялся, что так.

Он сказал:

— Она знала, что вы собирались похоронить Фаун?

— О, конечно, — сказал Финч. — Ну... мы не говорили об этом, но они все лежали там, тела, и наполовину разрытая могила рядом. Не думаю, что ты бы это проморгал.

Эш медленно кивнул и начал открывать рот. Даг перебил его:

— Спасибо, ребята. Это все.

Двое побрели наверх по течению к фургонам, и даже их спины излучали любопытство.

Даг посмотрел на Ниту, нахмурившись. Она подняла подбородок.

— Она выглядела мертвой! Я решила, что у нее вырван Дар. Откуда я знала, что твои щиты делают такие странные вещи? Как бы то ни было, мой Дар был закрыт из-за скверны Злого.

Даг сказал медленно:

— Это лишь твои слова о том, был ли закрыт или открыт твой Дар. Я не могу доказать, что ты лжешь. Ты не можешь доказать, что говоришь правду. — «Можешь, Нита?»

— Что ж, мне это нравится! — На прекрасных скулах Ниты запылали красные пятна: негодование или страх?

— Она может открыться сейчас, — сказал Ремо с сомнением.

Даг и Нита обменялись длинным-длинным взглядом. Он ощущал удары сердца как горячие и слишком далекие. «Странно.» Он думал, что его мир окрасится красным, но он был голубым и отдаленным.

— Нет, — сказал Даг, наконец. — Думаю, нет. Если она откроется, я могу убить ее мыслью, знаешь ли. Точно так, как Крейна. Это должно быть почти так же легко, как убивать молчанием.

Волна неодобрения прошла сквозь Ремо и Тавию и мелькнула от Сумах, но никто не заговорил. Или не смел заговорить?

Взгляд Ниты упал и уполз прочь. Это был ответ, нужный Дагу. Или тот, которого он желал на деле. «А ты думал, почему это было твоим долгом, старый дозорный?»

Он устало провел рукой по лицу, стирая оцепенение.

— Отправляйся домой, Нита. Там дозор. Ты задолжала Новолунию за твое повышение и Лутлии за твое обучение. Ты будешь долго выплачивать этот долг. В конце твоей жизни пройди разделение, если будет твоя воля. Только не приезжай на север. Северу ты не нужна.

Ремо уставился на нее с холодным сомнением.

— Это нечестно! — начала она, а затем крепко сжала челюсти. «Правильно.» Лучший совет для того, кто находится на дне глубокой-глубокой ямы — «перестань копать». Удачный поворот фразы. Что ж, он никогда не считал эту девушку дурой.

— А как же я? — спросила Тавия. Она сильно побледнела, глядя на напарницу.

Сумах пошевелинулась, сидя на своем бревне:

— Я рекомендую тебя Ворону Громовержцу на Озере Хикори, если ты захочешь поехать на север по обмену. Мое слово Громовержцу дорого стоит. Можешь поспорить, я также замолвлю словцо за Рейза — думаю, он восстановится к тому времени, когда я его туда притащу. Его прошлый опыт со Злыми повышает на него спрос. И твой тоже.

Тавия опустила глаза, затем посмотрела искоса на Ниту, которая переминалась с неудобством, но ничего не говорила. В конце концов, Тавия ответила:

— Думаю, сначала мне нужно отвезти домой отчет. Быть уверенной в том, что эта история дойдет верно. Должным образом попрощаться. Но затем я буду рассчитывать на твое доброе слово, если предложение останется в силе.

— Останется.

— Тогда скажите Рейзу, что я вернусь до осени.

Сумах кивнула.

«Рейз?» подумал Даг. Многовато для надежд бедолаги Барра. Что ж, Барр жизнерадостен. А Ремо вновь выглядел подавленным. Проклятье, этот парень не может победить, проигрывая.

Они оба были так молоды...

— А ты, Ремо? Куда ты отправишься завтра? — спросила Сумах.

Ремо вдохнул воздуха. Он больше не смотрел на Ниту.

— На север, — сказал он.

Все молчали во время короткой прогулки обратно в лагерь.

* * *

Утром, когда они, наконец, вытолкали фургоны обратно к ручью и на Тракт, два тихих всадника отправились на юг. Аркади одолжил Тавии лошадь, а также нагрузил ее длинным списком своего имущества, чтоб оно приехало вместе с ней, когда она будет возвращаться. Даг не знал, что Сумах доверила Аркади ночью, но он был внушительно холоден с Нитой при расставании. Тавия обернулась в седле единожды, чтоб помахать на прощанье, и жест ее был живо подхвачен Рейзом. Нита с прямой спиной не смотрела по сторонам.

* * *

К радости Фаун, в Черноводных Мельницах приютилась почти такая же хорошая гостиница, как в Глассфордже, разве что поменьше. Что еще лучше, в ней была прекрасная новая купальня.

Она с радостью убедила раскошелиться на комнату — и, после единственного взгляда на купальню, так же сделал Аркади. Пополам с Сумах из экономии, без сомнений.

Фаун предчувствовала впереди несколько дней питания едой, которую готовил кто-то еще, и не надо было при этом щуриться от дыма костров. Опухоль на ноге Дага прошла за четыре дня путешествия после того, как они покинули выгоревшую долину, но ее цвет — цвета — стали еще страшнее. Они оба могли какое-то время провалиться в настоящей постели, решила она. Посвящая все самим себе.

В городе также была грусть, так как этот город был местом прощания. Он находился на слабо судоходном притоке Грейс, но, что более важно, здесь старую прямую дорогу, уходящую на Жемчужные Перекаты, лагерь Стражей Озера и паром, пересекал Трипойнтский Тракт. Сейдж, Келла и Индиго здесь поворачивали свой фургон на западный Тракт; остальные уйдут на север, откуда в свою очередь свернут на дорогу, ведущую в Клиркрик.

Бассвуды остановились внезапно, когда Вио встала на одном месте и объявила, что с нее хватит, и она не сделает больше ни шага. Что ж, в таком занятом месте Груссу не составит труда найти поденную работу. Для него было очень удачно излечить свою возвращающуюся болотную лихорадку и, в самом деле, Фаун полагала, этой паре будет лучше жить в городе, чем своим хозяйством. Продажа их шаткого фургона и пары мулов даст им достаточно денег для начала. Она улыбнулась, подслушав слова «Наши Стражи Озера», слетевшие с уст Груссы, когда он рассказывал о своих приключениях конюху гостиницы.

Она будет скучать по Плюм, которая, в конце концов, оказалась у нее под крылышком, а Дагу, вероятно, будет не хватать Оулета. Даг после приключения с глиняными мышами казался полностью очарованным своим грязным Маленьким Братом, и Оулет вроде бы платил ему взаимностью. Хоть она и подозревала, что Даг смухлевал с чувством Дара — кроме, разве что, его протеза, который малыш со своей страстью к застежкам, обожал. «Что ж, я просто подарю Дату собственного одного или двух малышей, и все будет отлично.» Разве она станет на самом деле возражать, когда мошенничество будет на ее стороне?

Но еще более важным событием, произошедшим во время их остановки в Черноводных Мельницах (почти таким же хорошим, как веселушки, по мнению Фаун), был дозор, пришедший из соседнего лагеря для поддержки людей Лаврового Ущелья. Они появились после того как битва была закончена и проехали мили в сторону от своего пути специально для того, чтоб увидеть Дага и Аркади и услышать все из первых рук. Их, казалось, ошеломило то, что они узнали обо всем в основном от Фаун, Вита и Берри, и рассказ их был

довершен арбалетом и обломками разделяющего ножа-болта. Но их командир, испытывающий недостаток в людях, как и прочие лидеры дозора, был весьма заинтересован в идее помощи крестьян, которые не будут поработаны Злым, даже если крестьяне будут всего лишь держать лошадей. Даг постарался как можно понятнее объяснить, что его ореховые щиты еще несовершенны, но командир все равно уехал с блеском в глазах после того, как уяснил положение места, где Даг и Аркади собирались осесть.

* * *

Позднее этой ночью Фаун перевернулась на чистой простыне, натянутой на мягкий пуховый матрас, и прижалась к Дагу. Ночник отбрасывал в их тихой комнате мягкий свет. Неспешный весенний дождь звучал сквозь окно из настоящего стекла, приоткрытого достаточно, чтоб прохладный ветерок колебал занавеси.

Просто быть внутри, когда дождь идет снаружи, казалось достаточным удовольствием для любой разумной женщины, но у нее было куда больше блаженства, если посчитать. Ее пальцы потянулись погладить его изогнутые брови, раз и два, и три — прошлись по непослушным волосам. Подсчет мог затянуться...

— Хватит ли этого? — пробормотала она. — Дозорных сгодня вечером? Мне кажется, они слушали нас внимательнее, чем любые Стражи Озера до сих пор. Или это всего лишь еще один камень, брошенный в море?

Губы Дага смягчились улыбкой:

— Этот мир — очень большое море. За все наше путешествие мы видели лишь его кусочек. Достаточно ли... нет, пока нет. Но это начало. И на этот раз от наших камней разойдутся круги. — Он потянулся к ее рукам, чтобы целовать их мимоходом. — Лучше всего то, что мне не придется ходить вокруг как бродячему оратору, пытаюсь уговорить каждого по очереди относиться лучше друг к другу. Это было бы больше похоже на блинчики по воде. — Он потянулся и подобрал ее использованный ореховый кулон, который лежал у ночника, и стал задумчиво вертеть его в пальцах. — У них найдутся свои собственные причины приводить к нам людей, и сейчас я даже не знаю, каковы будут эти причины. Стоит отправить достаточно крестьян в достаточное количество дозоров Стражей Озера, и они узнают все о Стражах Озера и принесут свои честные рассказы домой.

— Ну, — сказала Фаун, — только если Стражи Озера смогут удержаться от того, чтобы практиковаться на них в своем дозорном юморе.

Его губы изогнулись:

— Я думаю, любой человек, выросший на диете из сказок Бо, будет способен разобраться... Ну, может, не сразу.

— Тогда тем речным парням будет в дозоре самое место, — захихикала Фаун. — Обучение, полагаю, будет двусторонним.

— Конечно, я рассчитываю на это. — Он поднял кулон и покосился на него. — Я все думал о том, что сказали Вит и Бо тогда у тебя на дне рождения, когда я впервые его показал... что в тот день не стоило показывать что-то такое непонятное, что никто не знает как использовать.

— Боюсь, так оно и есть, — вздохнула Фаун. — Но если там достаточно людей... Речные бандиты, на которых мы наткнулись, были ужасными, конечно, но большинство речников достаточно хорошие парни. У реки есть определенная репутация, но это не останавливает людей, они все равно отправляются туда и делают много полезного. Если смазки хватает, то немного песка не застопорит колесо.

— Надеюсь, что так, Искорка. — Он положил кулон обратно и нашел своей руке лучшее применение, поглаживая ее по плечу, что заставило ее кожу покрыться гусиными пупырышками. — Думаю, мы это узнаем.

Она улеглась обратно на свою подушку, и его теплая ладонь погладила ее по животу интересным дрожащим образом. Она подняла голову и скосилась поверх туловища,

неспокойно нахмурясь. Ее талия там внизу все еще была разочаровывающе тонкой. Шестью месяцами позже она, вероятно, станет гадать, зачем она так торопилась раздаться, но сейчас...

— С Нетти-Мари там все в порядке?

— Сейчас она кажется счастливой. Несмотря на все приключения ее мамы. — Он постарался сделать свой тон легким, но все же в нем ощущался след запомнившегося отчаяния.

Она вдохнула воздуха, а затем перестала размышлять о том, как сказать так, чтобы он не мог понять ее неверно.

— Это было превосходное свадебное петешествие. Большинство мужчин только обещают подарить своей любимой весь мир. А ты в самом деле это сделал.

Это признание заработало цепочку легких поцелуев от ее лба до подбородка, которые были знаком согласия, но она не могла позволить себе отвлечься. Она поймала его голову руками до того, как он мог бы спуститься ниже и лишиться ее дара речи:

— Так что, ты только не подумай, что я жалею, но не могли бы мы немного пожить в доме?..

Он засмеялся:

— Я бы сказал, что все это время ты путешествовала как дозорный. Теперь моя очередь побыть крестьянином. — Он немного успокоился, но не слишком, и это было хорошо. — Это будет здорово, так ново для меня — побыть дома. Я никогда не пробовал этого раньше.

— Я буду следить, чтобы ты не падал в обморок от восхищения.

Целоваться сквозь усмешку тоже было хорошо. Его губы прошлись по ее шее и спустились ниже, и они умолкли, отдавшись более нежному общению.

* * *

После еще нескольких дней отдыха в Черноводных Мельницах Аркади объявил, что Барр способен ехать верхом осторожным шагом, если на нем будут шины. На спокойной кобыле, одолженной у Вита. Даг, вспомнив свой собственный гораздо менее суровый перелом руки в прошлом году, понял, что Барр все еще достаточно страдает и принимает лекарства — это подтверждала слабая улыбка парня и отсутствие жалоб на ограничения. Что ж, в успокоенном состоянии Барр был не так уж плох.

Даже при их неспешной скорости прямая дорога на север слишком быстро приведет их к месту следующего прощания. Барр, Ремо и Рейз собирались ехать в Жемчужные Перекаты. Там Рейз собирался гостить, изучая северный лагерь на переправе в действии и внося свои показания в рассказ об убийстве Злого на Тракте, пока Сумах не догонит его вновь.

Финч и Эш также планировали пересечь реку Грейс на пароме в Жемчужных Перекатах; они уносили с собой пачку пухлых писем в Вест-Блу, которые гарантировали им приют и стол на некоторое время, а еще кучу устных советов, касающихся, в основном, устройства хозяйства.

Собственные планы Сумах были отправиться верхом с Аркади в Клиркрик якобы затем, чтобы убедиться, что тот благополучно устроился — но, судя по блеску в ее Даре, Даг мог бы спорить на деньги, что у пары были более личные причины для того, чтобы следующие несколько дней липнуть друг к другу как репы. Сама Сумах была не до конца уверена, что она собирается сделать — оставить Аркади в доме у Берри и вернуться к нему через несколько недель после того, как представит Рейза и возьмет отставку, или забрать его с собой, чтобы познакомить с родителями (совсем как охотник, возвращающийся домой с впечатляющей сумкой добычи — Даг старался не ухмыляться), или наложить узы на месте с тем, чтобы ее дядя Даг произнес благословения и клятвы, просто для уверенности, до того, как предъявлять мужа родственникам по шатру. Даг был счастлив оставаться полностью отстраненным от ее решения.

Ремо повернулся в седле и уставился на испятнанную тенями дорогу к своему дому, его

брови омрачились сомнениями.

— Твои родственники и лагерь будут рады тебя увидеть, — сказал ему Даг не слишком неосторожно. — История о том, как вы двое помогали победить бандитов на Кривом Локте, добралась до Жемчужных Перекатов месяцы назад, и если циркуляр дозора о Злых на Тракте не опередит вас, значит это случится вскоре. Хватай свое прощение, пока все будут восхищаться, и все будет хорошо.

— Говоришь из личного опыта, Даг? — Фаун, верхом на Мэгпи, приподняла бровь. Тот дотронулся до лба, подтверждая и кривовато ухмыляясь.

— Только не используй трюк блудного сына слишком часто. Это изнашивает репутацию.

Барр осторожно пустил свою лошадь вперед и заметил:

— С моей ногой, каждый из нас может приписать себе заслугу возвращения второго домой. Гарантирую хромоту и много воплей. Ты будешь выглядеть молодцом.

— Родной лагерь не готов выглядеть так же, уверяю тебя, — сказал Даг.

«В отношении вас обоих.»

— И отражение в моем зеркале для бритья тоже не готово, — пробормотал Барр, и, может быть, не только лишь сломанная нога придала ему рассудительности. Он повернул голову и серьезно сказал Дагу: — Я много узнал с той ночи, когда впервые увидел тебя на «Надежде», такой дождливой, холодной и сумасшедшей до заикания. Спасибо тебе.

Даг поднял голову в удивлении. И, он должен был признать, тайном удовольствием.

— Да, у Дага есть свой подход, — сказал Вит. — Смею сказать, он многому научил меня с того вечера, когда моя сестра притащила его на кухню в Вест-Блу. Кстати, я уже говорил тебе «Клево сработано, сестренка!»?

— Это было, в основном, везение, — сказала Фаун. — Везение и то, что я схватила свою удачу обеими руками и никуда не отпустила.

«Или даже одной рукой.» Даг скомандовал Копперхеду пойти рядом с Мэгпи.

Сумах, уже хорошо знакомая с печальным настроением Ремо и слушавшая с некоторым удовольствием, добавила:

— Все будет хорошо, Ремо. А если нет — Громовержец всегда ищет здоровых молодых дозорных. Ему понадобятся минимум двое, чтоб заменить меня, полагаю. Я замолвлю за тебя слово, если захочешь.

Ремо слегка просветлел при этом великодушном предложении-лазейке, если его возвращение пройдет наперекосяк, что Даг полагал очень маловероятным. Как бы то ни было, когда Рейз тряхнул поводьями и ускакал, Ремо сделал так же. Финч и Эш попрощались и отправились следом за ними, ведя за собой цепочку вьючных животных.

Даг убедился, что они его не услышат, и спросил у Сумах:

— Ты в самом деле намереваешься причинить такой ущерб Громовержцу, притащив эту парочку?

— Громовержец тут не при чем. Я обещала девочкам Воронам, когда уезжала осенью, что приведу им несколько симпатичных мужчин. А тут, похоже, Рейз уже сговорен, а мне надо как-то выполнять свое слово.

Даг припомнил скопление черноволосых внучек Массап и Громовержца, прекрасных по отдельности и пугающих скопом.

— Там их достаточно, чтоб понравиться и мрачному мальчику и легкомысленному, — радостно продолжила Сумах. — Скормить их Воронам, я б сказала.

— Что за судьба... — пробормотал Даг, и его брови приподнялись при этом захватывающем видении.

— Так что девушки не дадут им пойти по ложному пути, — сказала Фаун. — Снова.

— Я доверяю Массап, — сказала Сумах.

* * *

Берри к тому времени очень тревожилась за Клиркрик, так что они ускорили шаг.

— Надеюсь, дом еще стоит, — сказала она, пуская лошадь между Копперхедом и Мэгпи. — Папа оставляет — оставлял — двух своих кузин присматривать за ним; я их называю тетями, потому что они старше меня, одна из них вдова, а другая — старая дева. Сын вдовы приходит туда пару раз в неделю помочь с тяжелой работой.

Фаун представила кликриковую версию Эша Тэннера и кивнула приободренно.

— Я написала два письма — Вит мне помогал — одно после Кривого Локтя и еще одно после того, как мы поженились в Греймауте, и отослала их вверх по реке с друзьями-лодочниками. Плохая новость и хорошая. Надеюсь, что они добрались туда, — добавила она после мгновения задумчивости, — в верном порядке.

— Если Клиркрик настолько речной город, как ты описывала, то новость о Кривом Локте добралась туда тем или иным способом века назад, — сказала Фаун. — У них были месяцы на то, чтоб воспринять плохие новости. А если хорошая новость приедет вместе с тобой, ну, тогда все будет хорошо.

Берри кивнула и добродушно замедлила ход, когда Фаун пожаловалась, что если они и дальше будут ехать рысью, то или она, или Нетти-Мари начнут икать.

Тем не менее, на следующий день, за пару часов до заката над кромкой крутого лесистого подъема показался Клиркрик.

Долина раскинулась под жадным взглядом Фаун в зелено-золотом великолепии с длинными голубыми тенями, падающими от западных холмов. Слева блестела широкая река Грейс за устьем ручья-притока. Аккуратная деревня... дома, разбросанные по долине, с горящими для приготовления ужина очагами, испускающими золотящиеся нити дыма... и поток, Фаун представила, как они спускаются по длинному склону и, цокая копытами, пересекают его по деревянному мосту, заслужившему свое имя. Фаун привстала в стременах и вглядывалась, приложив ко лбу руку, а Берри живо показывала земли своего детства.

Даже Сумах и Аркади, ехавшие позади них и всецело поглощенные друг другом, приблизились послушать.

Они ехали вдоль двойной изгороди, огораживающей узкое пастбище, а скалистый, одетый деревьями холм возвышался сзади.

— Смотрите, там пруд, — сказала Фаун радостно. «И безмятежная корова, несколько коз и цыплят».

Они обошли каштановую рощу по короткой тропинке, также огороженной изгородью, и увидели дом.

Это был некрашенный большой дом, выглядящий так, как если бы над ним годами работал рой корабельных плотников. Вместо того, чтобы аккуратно расположить его этажи, как в доме в Вест-Блу, его будто бы сделали из кучи ящиков, сброшенных вниз с холма, и те прицепились друг к другу как получилось. Полдюжины дымовых труб торчали там и здесь. В нем несколько поколений назад должна была жить гораздо большая семья, и, казалось, он еще надеется на это. «Какое превосходное место чтобы расти в нем.» При всей его хаотичной странности там было спереди устроено надлежащее крыльцо, длинное, с крышей и перилами, и если оно было немного похоже на палубу, что ж, это к лучшему.

Готорн гикнул и галопом поскакал вперед. Хог прижался поближе к Бо, выглядя надеющимся и смущенным. Фаун подумала, что письма Берри, должно быть, дошли сюда в верном порядке, потому что две дородные женщины выбежали на крыльцо; обе выглядели взволнованными, но не удивленными, и отчаянно им махали. Готорн спрыгнул с лошади и запрыгал вверх по ступенькам, и одна из женщин вытерла руки о передник, обняла его и проделала всеобщий жест «Право слово, как ты вырос!»

Остальные потупили глаза; Берри улыбнулась во весь рот и выразительно указала на Вита, давая понять «Муж — вот этот!»

Тетя в фартуке подняла руки над головой и потрясла их в жесте разделенного, если не полностью неприличного женского триумфа, отчего Вит покраснел. Когда они подъехали достаточно близко, чтоб донести голоса, она приложила руки ко рту и крикнула

— Добро пожаловать домой!

Фаун взглянула на Дага. Тот выглядел радостным и самую малость настороженным — совсем как Страж Озера, попавший к незнакомым крестьянам.

«Добро пожаловать домой в дом, который вы никогда не выдвали прежде.» Но если какое-то место было домом, потому что содержало в себе ваше прошлое, разве не точно то же будет, если оно содержит ваше будущее?

Она протянула ему руку; он набросил поводья на крюк и, быстро пожав, взял ее.

В свете заката его золотые глаза блестели огнем.

Эпилог

По крыльцу протопали шаги; когда раздался стук в дверь кухни, Фаун схватила тряпку, сняла котелок с крюка над очагом и заторопилась открывать. Она надеялась, что это не еще один срочный вызов. Но дверь распахнулась, и за ней оказался мокрый и прохладный день и Барр. На нем была одежда дозорного, пропахшая лошадьё и дождем. Он был без трости. Туман нанизался на его тусклые светлые волосы, поблескивая капельками влаги.

— Привет, Фаун!

— Однако! Какое зрелище для усталых глаз! Входи, входи.

Он протиснулся в жаркое тепло и огляделся.

Фаун на мгновение взглянула в дверь, чтоб взглянуть на промокший коричневый пейзаж. Теплый воздух пришел в долину Грейс вчера вечером, выдыхая струйки низкого тумана над печальными полосами грязного снега. Серым хвостам не продержаться долго. Это была если и не весна, то явно конец зимы. Других всадников во дворе не было и не приближалось со стороны дороги, насколько она могла отсюда увидеть. Она заперла дверь и повернулась к своему неожиданному гостю.

Барр благодарно придвинулся ближе к огню и потирал красные обветренные руки, напомнив ей самый первый раз, когда они встретились. К счастью, в этот раз он был намного менее мокрый, замерзший и отчаянный. Он принялся:

— Что ты готовишь?

— Лекарство.

— О, вот как! Я подумал было, что ужин, и обеспокоился.

Фаун засмеялась и показала на открытую книгу, лежащую на кухонном столе:

— Помнишь пустую книгу, которую мне подарили Готорн и Хог на девятнадцатый день рождения в Греймауте? Я записывала в нее все рецепты лекарств, которые делали в шатре целителей в Русле Новолуния, зарисовывала растения и писала о работе Даром травника тоже. Ты мог бы поспорить, что она уехала в моих седельных сумках, когда мы отправились на север. Аркади жутко удивился, когда я ее достала. Он не понимал, как многому я набралась там.

Барр расстегнул свою куртку оленьей кожи и повесил ее на спинку стула сохнуть.

— Да, я встретил Сумах, когда оставлял лошадь в вашей конюшне. Она явно выглядит радостной. И, хм, тучной. Плавала вокруг, как те корабли, которые мы видели у моря. — Он обрисовал руками пузатый парусник.

— Это все пуховое одеяло, которое я подбила ее плащ, когда Аркади забеспокоился о том, сколько времени она проводит верхом в холод. Теперь она тревожится об этом меньше. Хотя, скоро ее малыш появится на свет. — Она улыбнулась. — Ты бы посмеялся о том, как Аркади хлопочет вокруг нее, если б не знал его истории. Такая смесь грусти и надежды одновременно... Должна сказать, я подозреваю, что не так плохо для мужчины подождать, пока не станешь старше, и тогда заводить детей. Он кажется более понимающим.

Барр кратко улыбнулся. «Уныло?..» Фаун стряхнула слабую фантазию и продолжила:

— К счастью, Сумах не слишком обращает внимание на то, что он ее балует. Совсем как ее мама Омба, я бы сказала. Она в основном занимается нашими лошадьми и управляет конюшней так, как Омба делала на острове Кобылы. Все еще делает, полагаю. Ты видел там

дочку моей Грейс, Танцовщицу? Разве она не красавица?

— Ага, Сумах показала ее первым делом.

Фаун подвесила котелок обратно над углями.

— Ты из дозора? — Долина Клиркрик была самой восточной из всей территории дозора Жемчужных Перекатов. Она задумалась, стоит ли предлагать сарай на конюшне для ночлега, не считая только того, что Сумах побьет ее за это. — Или ты сейчас курьер?

— Нет, я приехал сам. Частный визит. Приехал повидать Дага. И тебя.

— Нога тебя не беспокоит?

— Нет, это... о! — Он начал шумно двигать стул к очагу, заметил большую корзину, стоящую в углу комнаты, и вместо этого поднял стул и переставил его с преувеличенной осторожностью, опустив сперва две ножки. Он спросил шепотом: — Это Нетти-Мари? Уснула, мы ее не разбудим?

— Скорее всего, нет, если ты не будешь кричать или ронять мебель. Она только что поела, так что какое-то время будет сладко спать. Не важно, если проснется — она спит ночью лучше, если я не позволяю ей дремать весь день... — Фаун зевнула. — И я тоже. Хотя, так много нужно делать, что огромное искушение позволить ей спать побольше.

Она подошла ближе, а Барр вглядывался внутрь корзины с неясной мужской тревогой. Фаун сказала тише:

— Она все еще круглолицая как Блуфилды, но я надеюсь, что у нее будут скулы Дага. Ее головка сильно выросла за последний месяц. И волосы, к счастью. — Она нагнулась и дотронулась кончиком пальца до черного пуха. — Ты сможешь взять ее на руки попозже.

— Хм... спасибо, — Барр осторожно отошел от корзины и уселся в кресло. Фаун взяла деревянную ложку и помешала свое серо-зеленое варево, которое стало замечательно густым.

— Папа проделал с мамой весь путь из Вест-Блу, шлепая по грязи — они успели всего лишь за пару дней до того, как Нетти-Мари родилась. Оставались здесь три недели, а затем мама уехала обратно к первенцу Кlover. Мама говорит, что не одобряет мужчин при рождении, но Аркади отстаивал свое право. Я думаю, на самом деле она чувствовала облегчение — несмотря на всех своих детей, акушерство — это не совсем ее занятие. Даг очень нервничал, но хорошо сохранял хладнокровие, я думаю. Лучше чем я иногда. Это была самая сильная боль в мое жизни, но в итоге сделки у меня есть настоящий прекрасный ребенок, так что, думаю, это честно.

Барр стесненно пошевелился, и Фаун милостиво решила уберечь его от всех ужасных и прекрасных подробностей. Дети других людей, по ее воспоминаниям, гораздо менее интересны, что свои собственные. Возникла небольшая пауза.

— Даг и Аркади должны скоро вернуться, — преположила она. — Их вызвали к какому-то парню, который поранился при разгрузке, и они собирались остановиться на обратном пути, чтоб осмотреть одну женщину неподалеку с легочной лихорадкой. Я сейчас не уезжаю надолго из-за Нетти-Мари, но я — левая рука Дага, когда люди приезжают сюда. Я стараюсь помогать ему, когда могу, а то Даг увлекается интересной частью и забывает взять деньги. Готова поклясться, это от Аркади. И наоборот — Аркади уже совсем привык к загрязненному Дару за эти дни. — На самом деле Аркади не говорил «думая, это здорово», но Фаун считала, это подразумевается.

— Значит... твой план шатра целителей для крестьян сработал?

Фаун не была уверена, пытается ли Барр ее разговорить или избежать разговора самому; в любом случае, она продолжила рассказывать без умолку:

— Начало было медленным. Берри была клином, которым провернули этот фокус. Не могу представить, как бы это было, если бы мы просто приехали как чужаки и обосновались здесь. Но Даг и Аркади вылечили несколько ее родственников и друзей, а Бо и Готорн и даже Хог говорили о нас по всему городу. Можешь быть уверен, первый вечер, когда к нам за помощью постучался кто-то, кого мы едва знали, был большим шагом. — Она задумалась, нахмутив брови. — Но, я думаю, самым важным было... я знаю, это прозвучит странно для

тебя... самым важным, что случилось этой зимой, было потерять нескольких пациентов. Потому что целители должны, знаешь ли... спустя достаточное время это должно было случиться. Не тот парень, который умер за два дня до того, как его принесли к двери привязанным к доске, за этого Дага никто не винил, хоть ему и было что сказать. Никогда не видела его таким раздраженным. — Она поджала губы, вспомнив то, что должно было быть забавным с точки зрения черного юмора, если не считать горя друзей умершего. — Но люди, которых мы немного узнали... — Старик со сломанным бедром, ребенок со странно сильной лихорадкой, женщина с выкидышем, которая почти истекла кровью до того, как Даг прибыл, хотя он гнал Копперхеда так, что пена летела. — Даг старался изо всех сил, честное слово, он просто выворачивался наизнанку... но иногда этого просто недостаточно. Хотя, разумные люди это видели и поправили пару менее разумных. Это мудреный танец, но мы все, кажется, разучиваем па, и мы, и люди вокруг нас.

— Хм, — Барр наклонил голову. — Я всегда знал, что нужно учиться на целителя, но никогда не думал, что на пациента тоже нужно учиться.

— Стражи Озера в лагерях учатся этой мудрости и доверию друг другу так же легко, как плавать, и будучи такими же юными. У нас есть способы крестьянских акушеров и костоправов, но никто точно не знает, что в первую очередь ждать от нас. И даже мы сами, так что мы все учимся вместе.

Барр потянулся, почесал подбородок, огляделся.

— А Берри и Вит построили свою осеннюю баржу и уплыли? Я нигде не видел их, когда приехал.

— О, они уплыли несколько месяцев назад, и взяли Бо, Хога и Готорна в команду, правда Бо клялся, что это его последнее плаванье. Сейчас еще не время ждать их, но осталось недолго. Они не были уверены, вернутся ли обратно по реке или по Тракту. Надеюсь, что по реке, и надеюсь, Вит привезет мне железную кухонную плиту. Не притащит же он ее в седельной сумке... хотя от Вита никогда не знаешь чего ждать.

— Что бы он не привез, думаю, это будет выгодно. Не знаю, как он это делает.

— У нас дома никто не предполагал за ним этого таланта. Хотя там у нас, думаю, никто не блистал. — Поселение Клиркрик было всего лишь вдвое больше деревни Вест-Блу; Фаун не была уверена в том, как так получилось, что мир стал казаться больше.

Барр прочистил горло:

— А ты... э-э... ничего не слышала о Келле и Индиго? И о Сейдже, — добавил он, подумав.

— О, да! Келла прислала два письма. Я попозже дам их тебе прочитать. К нам достаточно регулярно приходит почта сверху и снизу по реке.

— Как они поживают?

— Ну, Сейдж получил работу в литейной и выучил много нового, совсем как он надеялся. Келла говорит, он все еще хочет устроить свой дом через должное время. Индиго нашел работу, он правит товарным фургоном, и его босс высоко ценит его умение обходиться с лошадьми, хотя самому Индиго не слишком нравится городская жизнь — слишкомлюдно. Он говорит, что от этого ему неловко, и он чувствует себя смешным. Мы написали в своем письме, что он может приехать в Клиркрик, но он пока не принял наше предложение. Но самое лучшее — Келла так заинтересовалась целительством, когда помогала Аркади, что пошла в подмастерья к повитухе в Трипойнте. Ее чувство Дара обострилось, и она в конце концов призналась в том, что она полукровка. И вместо того, чтоб взять ее за ухо и выкинуть на улицу, эта женщина отвела ее к кому-то, кто знал одного из местных Стражей Озера, и теперь Келла ездит и обучается одну неделю в месяц у целителей в лагере Трипойнта — в том самом месте, где родился Громовержец, представляешь?!

— О! — сказал Барр, светлея. — Это... хорошо. — Он нахмурился. — Даже неожиданно.

— Для меня тоже было, пока я не задумалась об этом. Келлу ведь проверяли в лагере ее

отца на юге, но она не осталась у них потому, что они не взяли Индиго.

— Хм. Я этого не знал... — Барр выглядел очень задумчивым, и это было не то выражение, которое Фаун привыкла видеть на его лице. Прежде чем она успела спросить, что его беспокоит, с крыльца донесся звук шагов.

— О, это Даг! — воскликнула Фаун живо. Когда дверь распахнулась, Барр криво ей улыбнулся:

— Неужели ты натренировала чувство Дара за это время?

— Нет, но эти шаги я везде узнаю. — «Так же, как плач моего ребенка или собственную руку в темноте».

Даг, пригибаясь, вошел внутрь, выпрямился и широко улыбнулся:

— Привет, Барр! Что привело тебя сюда? — Должно быть, дела у его пациентов шли неплохо; он не падал от усталости, не был мрачен или заляпан кровью.

До того, как Барр успел ответить, Нетти-Мари в корзине завозилась и запищала.

— Сейчас приду, Искрочка, — сказал ей Даг, торопливо сбрасывая куртку и направляясь к раковине, чтоб вымыть руку.

Писк стал более требовательным, если и не полновесным плачем. Даг бросил полотенце на край раковины и заглянул в корзину с нежным и любопытным выражением на лице. Барр, нахмурившись, наблюдал, как он взял малышку и разместил ее на левом плече, осторожно поддерживая ее головку рукой. Даг уселся в удобное кресло-качалку с другой стороны от огня.

— Она не описалась? — спросила Фаун. — Проголодалась?

— Нет, она просто хочет присоединиться к компании.

— Ей нравится голос Дага, — проинформировала Фаун Барра и, успокоенная, стала вновь помешивать варево. — Я вообще удивляюсь, что дети Стражей Озера выучиваются говорить с этими взрослыми, которые все, что хотят, понимают Даром.

Даг помотал головой:

— Уверяю тебя, не все. Наши малыши должны нас учить так же, как крестьянские — своих родителей. Вот ты разве нет, Искорка? Ты ведь научила своего папашу всем видам фокусов, нет?

Нетти-Мари уселась в своем новом креслице с видом обладателя, ее маленькие пальчики согнулись, а глазки наполовину закрылись. Ее глаза при рождении были довольно мутными, но позднее стали глубокого карего цвета с прекраснейшими красно-золотыми искорками. Даг добавил, обращаясь к Барру:

— Как дела в Жемчужных Перекатах? Как у целителя Верела продвигаются щиты Дара?

— Лучше, с тех пор как Вит приезжал осенью и расхвастался о своем ореховом кулоне и убийстве Злого в каждой таверне на Пристани и в Излучине, и у Верела цена выросла вчетверо. Это успокоило совет лагеря — и увеличило число крестьян, которые хотели бы его попробовать, я этого не понимаю, но Вит сказал, что работает.

— Вит знает что говорит, — сказала Фаун довольно. Она постучала деревянной ложкой по краю котелка, выровняла расстояние до углей, уселась у огня к Дагу на колени и стала слушать.

— Верел взял двух новых подмастерьев в подмогу, — продолжил Барр. — Так что работа над щитами не выбьет его из колеи.

— Отлично, — сказал Даг. — А командир Амма? Она уже решилась поэкспериментировать?

— Да, в конце концов. Она отправила четверых крестьянских парней с моим дозором с наказом мне пасти их — потому что считает, что я знаю крестьян лучше, чем любой другой дозорный у нее. Двое из них ушли после первого похода, когда узнали, как это скучно и неприятно, особенно зимой, и, конечно, вокруг не было никаких признаков Злых. И на них свалилась вся грязная работа, хотя я все время объяснял, что все новые дозорные делают грязную работу. Но другие остались, и пришло еще двое. На следующей неделе мы

отправляемся вновь.

— Знаешь, — сказал Даг, — Аркади научил Хохарию делать щиты, когда был на озере Хикори с Сумах, так же как я научил Верела.

Барр кивнул.

— Да, полдюжины выживших после Злого ребят из Рейнтри... До них дошли слухи, и они пришли добровольцами. Громовержец заявил, что это дело дозора, и постарался, чтоб совет лагеря разделился во мнениях и не смог его переспорить. Он поставил к ним в напарники Рейза и Ремо, чтоб те научили их всему, и это сработало довольно хорошо. Скука и работа их не отпугнули, с мезью за родню-то. Я всего лишь на прошлой неделе получил от Ремо письмо — они пережили свою первую проверку с настоящим Злым. Это был всего лишь маленький сидячий Злой, но щиты Хохарии выдержали, и ни одно из мрачных пророчеств скептиков не оправдалось. Так что, сейчас все хорошо. Ты вернешься туда? На озеро Хикори?

Даг покачал головой:

— Не сейчас. У меня нет времени. Пока что ко мне и Аркади пришло одиннадцать разных целителей из девяти лагерей, чтоб научиться нашим фокусам, щитам и расколдовыванию и прочему такому. Новые люди, кажется, приходят каждую неделю.

— У нас всегда наготове спальня для посетителей, — добавила Фаун. — Мы тебя туда положим на ночь.

Барр кивнул с благодарностью.

— Это в дополнение ко всем тем длинным описаниям, которые Аркади отправил Хохарии и Верелу, чтоб те разослали их по стране вместе со своими целительскими отчетами, и Громовержцу и Амме в их дозорные инструкции. Даже если у Копперхеда завтра получится исполнить свою мечту и размазать меня об дерево, идея будет расходиться дальше.

— Счастлив ли Ремо там, в Хикори? Настолько, насколько Ремо всегда мог быть счастлив, конечно, — добавил Барр.

— Сдается, что так, — Даг медленно улыбнулся. — Тиока Ворон была упомянута в письме трижды. Она хорошенькая, насколько я помню — в некоем суровом смысле.

— Надеюсь, в этот раз ему повезет в любви больше, — Барр потряс головой.

— Если это в самом деле Тиока, полагаю, она об этом позаботится.

— Знаешь, он не должен был уходить. Амма была готова засунуть его обратно в дозор Жемчужных Перекатов. Мне кажется, было бы лучше, если бы он, как положено, выполнял приказы. Он всегда счастливее, когда думает, что следует правилам.

Даг выразил должное согласие изгибом брови.

— Правила на самом деле создаются не для того, чтобы их нарушать. Они, в основном, изобретаются, потому что кто-то допустил ошибку или неразбериху, и людям неохота вечно прибираться за всеми такими же случаями.

Барр прочистил горло:

— Да. Если говорить об этом...

Сейчас приступит, подумала Фаун. Она не думала, что Барр проскакал бы полтора дня по плохой погоде просто, чтобы повидать Нетти-Мари. Что-то, конечно, засело у него в голове.

— Знаешь, когда я был молодым дозорным, я мог быть куском идиота.

Фаун решила, что будет невежливо слишком уж чистосердечно соглашаться. Она уселась у очага с видом «не позволяйте мне мешать вам». Даг ограничился ободряющим «Хм?»

— Я думал, большинство правил — тупые. И, наверное, я был еще новичок в том, что касалось своих сил, и мне хотелось проверить их. Так же, как мальчишки бегают кругами или поднимают бревна и прочее такое. Как бы то ни было, я кое-что натворил... — Его взгляд переместился к Фаун. — Фаун это не понравится.

Фаун потерла губы. Не то чтоб она желала упростить для него рассказ, но...

— Если ты говоришь о том случае, когда ты заколдовал крестьянскую девушку, чтоб отправиться с ней на сеновал, а затем уговаривал Ремо соблазнить ее сестру, то я об этом уже слышала.

Губы Барра сложились в тихое «О».

— Хм... когда?

— Ремо рассказал нам перед тем, как ты впервые появился на «Надежде». Когда мы все пытались разработать расколдовывание.

— Ремо рассказал! — Барр выпрямился, выглядя так, будто его предали.

— Вспомни, он все еще злился на тебя из-за несчастного случая с разделяющим ножом. Вы двое угодили в засаду в первую очередь потому, что девчонка с баржи затащила тебя туда за нос — или за что бы она тебя там ни тащила, а он полез следом за тобой.

— О. Хм. Да. — Барр снова взглянул на Фаун. — Это поэтому ты едва уделяла мне время, когда я объявился впервые.

— Ну, давай просто скажем, твоему делу это не способствовало.

Барр предпочел сменить вид преданного товарища на печальный.

— Что ж, это правда. Не то чтобы та крестьянская девчонка этого не хотела даже до того, как... хм. А потом Ремо закатил истерику, и я больше этого никогда не смел делать. И со всем, что произошло потом, я почти забыл об этом вплоть до последнего дозора. Нас занесло именно в ту маленькую деревню. Примерно в тридцати милях к северу от Перекатов.

Даг с отрешенным видом подался вперед. Фаун похолодела, но помалкивала; если она поспешит судить, то не получит всей истории.

— Это ведь была почти шутка. В то время. Я так думаю.

— Вряд ли для нее она была такой уж смешной, — сказала Фаун.

— Да. Я об этом и узнал.

Фаун выпрямилась:

— Она пошла и повесилась, так?

— Повесилась? — Барр широко открыл глаза. — Неужели крестьянки действительно так поступают?

— Иногда. Или топятся.

— Нет, все не настолько, хм... плохо. Другой случай. Я пошел к кузнецу, и увидел ее... она вышла замуж. И у нее ребенок.

— Один из тех семимесячных детей с волосами как на девятом месяце? — спросил Даг. — Они у нас иной раз получаются.

— Я думаю, они у всех иной раз получаются, — признала Фаун. «У меня у самой мог бы быть такой когда-то, если б не некая странная несчастливая случайность.»

— Мы наткнулись друг на друга около деревенской кузницы. Был холодный, но солнечный день, такие бывают перед первыми оттепелями. Мой дозор сделал остановку, чтоб поправить пару подков. Она вывозила тележку починенных инструментов. И узнала меня сразу, но притворилась, что не знает. Как будто я невидим или она бы хотела этого. За ней плелась маленькая девочка, размером с Оулета, блондиночка, кудряшки везде, в такой вязаной шапочке с длинными розовыми кисточками. Она все время головой вертела, и они летали вокруг, а она хихикала. Даг, она моя.

Фаун нахмурилась.

— Откуда ты знаешь? Просто по ее возрасту и цвету волос?

— Нет, по ее Дару!

Фаун задумчиво посмотрела на Дага; тот кивнул.

— Барр бы узнал, верно.

— И что ты потом сделал? — спросила Фаун в тревоге.

— Поехал за ней, конечно. Нагнал ее тележку за первым поворотом, чтоб в деревне не было видно. Сначала она сказала, что не знает меня, потом сказала мне уходить, потому что она меня ненавидит, и чтоб я уходил или она будет кричать, и тогда я сказал, что эта маленькая девочка — моя, а она сказала, нет, не твоя, а я сказал — моя, и тогда девочка

начала плакать и кричать, и ее мама в конце концов остановила тележку, чтоб поговорить. — Он добавил спустя мгновение: — Она назвала ее Лили.

Барр набрал воздуха и продолжил, как если бы боялся, что если он остановится, то не сможет начать заново:

— Она сказала, что у нее хорошая жизнь сейчас и хороший муж, и я не должен вертеться около нее и ломать ее мир.

— Снова, — пробормотала Фаун.

— И я сказал, что, этот парень думает, что моя дочь — его? Она сказала — да. И предложила мне все деньги в своем кошельке, если я уйду тихо.

— Взят? — спросила Фаун ласково.

Барр смотрел на нее, вне себя от ярости.

— Прекрати сейчас же, Фаун, — отругал ее Даг.

Фаун вздохнула. По крайней мере, добром было хотя бы то, что применять к Барру традиционное крестьянское средство — высечь плетью — было уже поздно. Или кого-либо еще, как она поняла.

Он уяснил свои уроки другим способом, возможно, не менее мучительным.

— Тогда она сказала, что если я хочу от нее другой услуги, то я ее не получу, потому что она сейчас беременна, и этот ребенок от ее мужа, и я сказал, нет, я не хочу, и да, я вижу, это крестьянский мальчик, здоровый. Она обрадовалась, когда это узнала, и немного успокоилась. Но затем она сказала, что я должен уехать прочь и оставить ее в покое, потому что я уже нанес ей достаточно вреда, которого хватит на одну человеческую жизнь. — Барр заморгал. — На самом деле, она не выглядела так, будто ей пришлось сильно мучиться.

— Откуда ты знаешь? — сказала Фаун колко. — Тебя там не было, чтоб наблюдать за худшей частью. Лишь одно то, что ты выжил, не означает, что ты не истекал кровью раньше.

— Так что ты сделал? — Глубокий голос Дага перебил Фаун прежде, чем она смогла углубиться в мысль. Лицо Барра сморщилось.

— Я не знал что делать. Так что повернулся и ушел, как она хотела. Но Даг... эта девочка... она могла бы, должна бы, должна была бы быть моей, наследницей моего шатра. В каком-то другом мире.

— Я думаю, для этого слишком поздно, — сказал Даг.

— Я знаю. Но всю дорогу домой я думал о ней. И о Келле и Индиго. Не знаю, понял бы я проблему до того, как встретил Келлу и ее брата. Что, если Лили вырастет с чувством Дара? Что она будет делать, когда ей будет одиннадцать-двенадцать лет и в ее голове начнут твориться все эти странные штуки — ты знаешь, как это ощущается, когда твое чувство Дара впервые просыпается, все разом — и никого вокруг, чтоб подсказать ей, как быть? Что, если муж ее матери начнет подозревать и, и... не позаботится о ее правах? — Он заколебался. — Что, если я внезапно встречу конец свой жизни в дозоре, и никто не будет знать, что она существует?

Даг сказал:

— Ты не проинформировал, как я понял, своих родителей, что у них есть наполовину крестьянская внучка? Их интерес — следующий ближайший по праву.

Барр содрогнулся.

— Отсутствующие боги, нет!

Фаун вспомнила, что по стандартам Стражей Озера Барр был все еще очень молод.

«Позднее он может изменить свои взгляды».

— Ну. Мы их не знаем, их знаешь ты; не стану спорить с твоим суждением, — Даг скорчил гримасу.

Барр благодарно наклонил голову.

— Но я подумал... Лучше, если кто-то будет знать о Лили. На всякий случай. И если и есть кто-то, кто может сказать мне что делать, то это вы двое. Так что... я приехал сюда.

Даг пошевелился в кресле, и Нетти-Мари на его плече — тоже; она тихонько фыркнула, почмокала и снова задремала.

— А что ты хочешь сделать?

— Ну, для начала... не навредить.

— Тогда тебе лучше оставить бедную женщину в покое жить своей жизнью, — сказала Фаун. — Похоже, она нашла способ выжить... — Она не была уверена, стоит ей сказать «выжить без тебя» или «пережить тебя», так что решила не говорить этого вовсе. — Ты не посмеешь отобрать у нее что-то до тех пор, пока не будешь готов заменить его, а я не думаю, что ты сможешь. И тут не прозвучало, что она бы сильно этого хотела.

— Нет, наверное... нет.

Даг пососал губу, постучал своим крюком мягко по ручке качающегося кресла:

— Но ты не должен, я думаю, оставлять маленькую Лили одной без какого бы то ни было присмотра. Все меняется. Родители могут умереть — ее или твои, если подумать, и судьба может повернуться другой стороной. Семьи снимаются с места и уезжают. Самое малое, что ты задолжал ребенку — это осмотрительность. И если ты не знаешь, как быть осмотрительным, то пора научиться — проверяй постоянно, сейчас и потом. Так ты сможешь узнать, если ей понадобится какая-либо помощь.

— Я могу это сделать, наверное, — сказал Барр медленно. Его напряжение ослабло, теперь, когда его признание вышло наружу. И если оно заменилось на почти такую же печаль, как у Ремо, что ж, это не нанесет ему постоянного вреда. Взгляд Барра сместился к Нетти-Мари, счастливо спящей на плече своего папы, и Фаун наконец распознала его странный взгляд, как некую зависть. Он добавил, извиняясь:

— Мой отец — отличный, в основном, правда мы обычно бодаемся до тех пор, пока мама не пригрозит утопить нас обоих в Перекатах. Он провел кучу времени со мной и моей сестрой, всему нас учил... Странно думать, что я никогда... не важно.

Установившаяся после этого тишина закончилась, только когда Нетти-Мари завозилась и запищала. Даг взглянул на Фаун и улыбнулся:

— Иди сюда, тут работа для двух рук.

— Хм. Забавно, как твоя ловкость появляется и исчезает, целитель.

Она поднялась, помешала еще раз содержимое котелка, подвесила его безопасно, а затем нагнулась и взяла свою дочь. Ой, мокро. У Дага совершенно не осталось влажных пятен на рубашке, хотя он вытянул руки и повращал плечами. Она могла бы предложить научить Барра как делать иной раз эту работу для двух рук, если, конечно, он еще не научился этому с младшей сестренкой. Хотя, не сейчас — позже, когда его страдание несколько ослабнет. Раньше в их знакомстве она часто желала, чтоб кто-нибудь съездил Барра доской по голове и поправил его зацикленный на самом себе взгляд на мир. Кажется, маленькой Лили, наконец, это удалось, но за результатом оказалось вовсе не так здорово наблюдать, как ей представлялось.

Когда Фаун вернулась, Даг освободил для нее и Нетти-Мари старое кресло-качалку у огня, занял ее место у очага и продолжил живую беседу с Барром. Новый дизайн щитов Дара, обучение расколдовыванию, и то, как много лагерей прислали запросы, и сколько целителей обещали распространять данные. Аркади ворвался внутрь вместе с Сумах, топая ногами и жалуясь, как обычно, на смертельный северный холод (который, на самом деле, был сегодня очень мягким), и разговор повернулся на целительстве в Клиркрике, новых подмастерьев, просящихся к ним, жеребящихся лошадей и планы на весну.

И если надежды на их огромный зеленый мир росли так же медленно, как ребенок растет в матери, что ж, никто никогда не говорил, что воспитание — это задача для слабых сердцем или нетерпеливых.

Фаун покачивалась в кресле и кормила будущее.

© *Copyright: Бужолд Лоус Макмастер*

© *Перевод: Рагулина Елена, 2011-2012*

